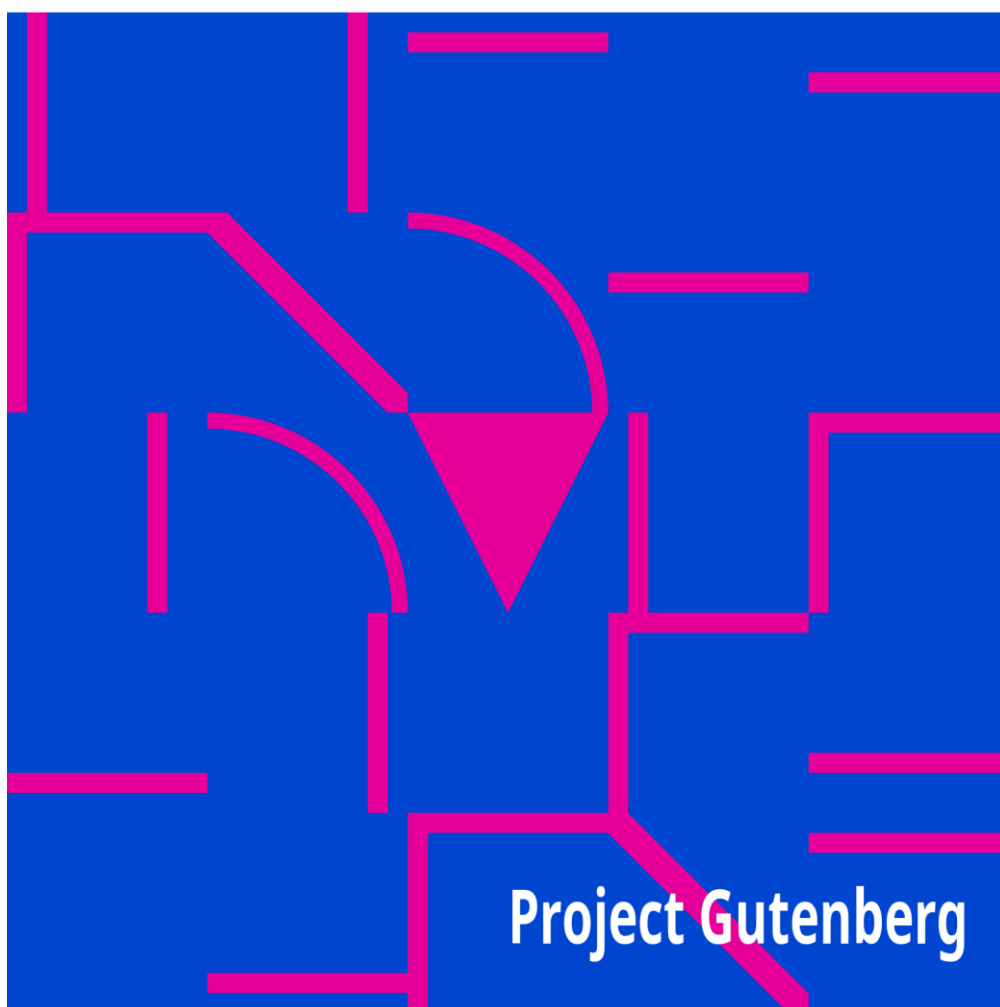

Комическая история Рима

Гилберт Эббот À Беккет

The Comic History of Rome

Gilbert Abbott À Beckett

Project Gutenberg

The Project Gutenberg eBook of The Comic History of Rome.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Комическая история Рима

Автор: Гилберт Эббот À Бекетт

Иллюстратор: Джон Лич

Дата выхода: 7 октября 2011 [eBook #37657]

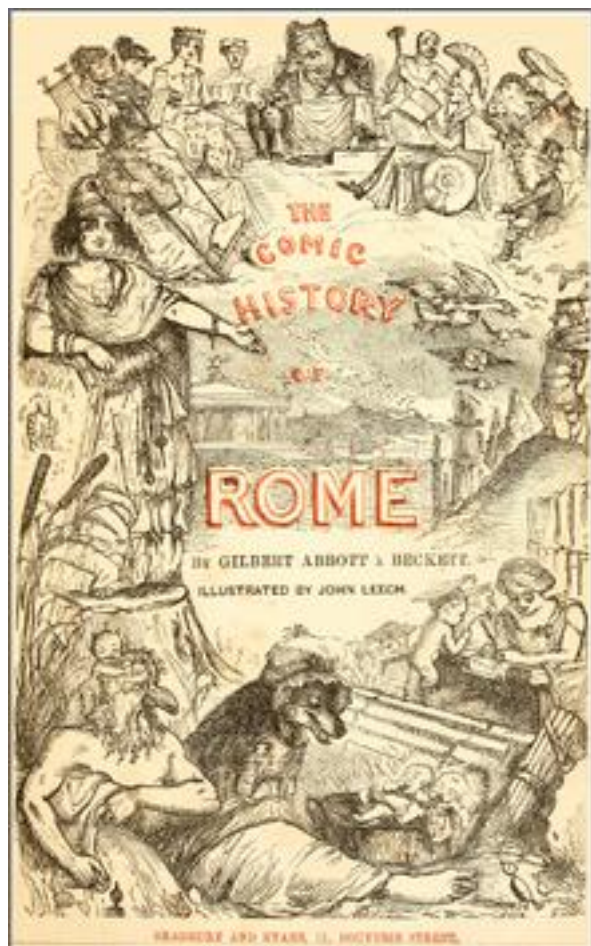
Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Mapro Ромберг, Краной и Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE COMIC HISTORY OF ROME ***

Ромул и Рем, обнаруженные нежным пастухом.

ЛОНДОН:
БРЭДБЕРИ И ЭВАНС, ПЕЧАТНИКИ, УАЙТФРАЙЕРС.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писатель, принявший титул "комический" по отношению к предмету, который обычно считается таким серьезным, как история, должен, вероятно, дать некоторые пояснения. Хотя многие могут счесть этот эпитет неподходящим для данной темы, эта работа была продиктована очень серьезным желанием проинструктировать тех, кто, желая получить информацию, стремится при этом как можно больше развлечься.

Правда, исповедуемая комическая литература стала предметом фамильярности, не смешанной с презрением со стороны части публики, с тех пор как этот класс произведений приобрел ту популярность, которая особенно сопутствовала ему в течение последних нескольких лет; но поскольку вся та дурная слава, в которую она попала, вызвана исключительно злоупотреблением ею, нет причин отказываться от попытки правильно использовать ее. Поэтому название "Комическая" было сохранено применительно к этой работе, хотя автор чувствовал, что его смысл может быть неправильно понят многими, и среди них не мало тех, чье мнение он высоко ценит, кто отвернется от "Комической истории" только из-за ее названия, не дав себе труда в нее заглянуть. Однако сильно ошибаются те, кто воображает, что в этой и других подобных книгах того же автора цель состоит в том, чтобы рассматривать историю как простой фарс или смеяться над истиной - целью писателя неизменно было разоблачение фальши и заслуженное презрение ко всему, что было

неосмотрительно, невежественно или нечестно выставлено на всеобщее восхищение. Его метод изложения истории может вызывать возражения; тем не менее, если он делает все возможное, чтобы рассказать ее правдиво, его, возможно, не следует очень строго критиковать за то, что он выбрал стиль, в котором чувствует себя как дома; и если его мнения, как выясняется, в основном такие, с которыми могут согласиться справедливые и разумные люди, он только просит, чтобы его взгляды и чувства оценивались по тому, что они содержат, а не по каким-либо особенностям в его способе их выражения.

Автор этой книги руководствуется искренним желанием помочь, насколько это в его силах, в проекте сочетания обучения с развлечением; и он верит, что его не будут винить за стремление использовать способности, которыми он обладает, в той мере, в какой они того стоят, применяя их к предметам, представляющим полезную информацию.

Те, кто не склонен одобрять его замысел, возможно, отдадут ему должное за его мотивы; и он может с уверенностью утверждать, что, благодаря заботе и вниманию, которые он уделил этой работе, она будет признана (независимо от ее претензий на развлечение) отнюдь не наименее полной и правильной из всех уже существующих историй Рима до конца Содружества. Если ему и не удалось оправдать применение к своей работе названия "Комическая", у него есть основания полагать, что она будет признана точной. Хотя стиль исповедует легкость, он считает, что истина не обязательно производит большее впечатление, будучи переданной через тяжелую среду; и хотя факты могут быть изложены в игровой форме, есть надежда, что спортивное повествование может быть признано серьезной историей.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА.		СТРАНИЦА
I.-	ОТ ОСНОВАНИЯ РИМА ДО СМЕРТИ РОМУЛА	1
II.-	ОТ ВОЦАРЕНИЯ НУМЫ ПОМПИЛИУСА ДО СМЕРТИ АНКА МАРТИЙ	14
III.-	ОТ ВОЦАРЕНИЯ ТАРКВИНИЯ ПРИСКА ДО СМЕРТИ СЕРВИЙ ТУЛЛИЙ	23
IV.-	ОТ ВОЦАРЕНИЯ ТАРКВИНИЯ СУПЕРБУСА ДО ИЗГНАНИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И УПРАЗДНЕНИЯ ЦАРСКОГО ДОСТОИНСТВА	33
V.-	ОТ ИЗГНАНИЯ ТАРКИНИЯ СУПЕРБА ДО БИТВЫ ПРИ НА ОЗЕРЕ РЕГИЛЛУС	43
VI.-	ОТ БИТВЫ ПРИ ОЗЕРЕ РЕГИЛЛ ДО ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ С ВОЛЬСКАМИ	56

VII.-	ОТ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ С ВОЛЬСКАМИ ДО ПРИНЯТИЯ БИЛЛЯ ТЕРЕНТИЛЛА	65
VIII.-	ОТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЦЕМВИРАТА ДО ВЗЯТИЯ ВЕИИ	73
IX.-	ОТ ВЗЯТИЯ РИМА ГАЛЛАМИ ДО ЕГО ПОСЛЕДУЮЩЕГО СОХРАНЕНИЯ МАНЛИЕМ	89
X.-	ОТ ТРИБУНСТВА К. ЛИЦИНИЯ ДО ПОРАЖЕНИЯ ГАЛЛОВ ВАЛЕРИЕМ	97
XI.-	ОТ ПЕРВОЙ ВОЙНЫ С САМНИТАМИ ДО ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОВ ПУБЛИЛИЯ	107
XII.-	ОТ НАЧАЛА ВТОРОЙ ДО КОНЦА ТРЕТЬЕЙ САМНИТСКОЙ ВОЙНЫ	116
XIII.-	О МИРНЫХ ЗАНЯТИЯХ РИМЛЯН. ИЗ СКУДОСТИ ТЕМЫ, ОБЯЗАТЕЛЬНО ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ ГЛАВА	129
XIV.-	ОТ ОКОНЧАНИЯ ТРЕТЬЕЙ САМНИТСКОЙ ВОЙНЫ ДО ПОКОРЕНИЯ ВСЕЙ ИТАЛИИ РИМЛЯНАМИ	135
XV.-	ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА	150
XVI.	НЕКОТОРЫЕ РАЗНООБРАЗНЫЕ ВОЙНЫ РИМА	161
XVII.-	ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА	171
XVIII.-	ЗАВЕРШЕНИЕ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ	183
XIX.-	ВОЙНА С МАКЕДОНЯНАМИ. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СВОБОДЫ ГРЕЦИИ ФЛАМИНИЕМ. ВОЙНА С АНТИОХОМ. СМЕРТЬ ГАННИБАЛА И СЦИПИОНА АФРИКАНСКОГО	193
XX.-	ОБЩЕСТВЕННЫЕ	204

	РАЗВЛЕЧЕНИЯ. НРАВЫ, МАНЕРЫ, ОБЫЧАИ И СОСТОЯНИЕ ДРАМАТУРГИЯ И ЛИТЕРАТУРА У РИМЛЯН	
XXI.-	ВОЙНЫ С ПЕРСЕЕМ. ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА. ОСАДА И РАЗРУШЕНИЕ КАРФАГЕНА И КОРИНФА	215
XXII.	ВОЙНЫ В ИСПАНИИ. ВИРИАТУС. РАЗРУШЕНИЕ НУМАНТИИ. THE ПОДНЕВОЛЬНАЯ ВОЙНА В СИЦИЛИИ. ЗАХВАТ ПЕРГАМА	225
XXIII.	ГРАККИ И ИХ МАТЬ. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ТИБЕРИЯ И КАЯ ГРАКХА	234
XXIV.-	ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА. ВОЙНА С КИМВРАМИ И ТЕВТОНАМИ	247
XXV.-	МИТРИДАТ, СУЛЛА, МАРИЙ, ЦИННА И ЧЕТРА	257
XXVI.-	СМЕРТЬ ЦИННЫ. ВОЗВРАЩЕНИЕ СУЛЛЫ В РИМ. К. ПАПИРИЙ КАРБО. ДИКТАТУРА СУЛЛЫ	267
XXVII.-	РЕАКЦИЯ ПРОТИВ ПОЛИТИКИ СУЛЛЫ. СЛУГИ Q. СЕРТОРИУСА. МЕТЕЛЛУС. СН. ПОМПЕЙ. ВЕРТКИЕ ШАГИ СПАРТАКУС. РАЗГНЕВАННЫЙ ПИРАТ	275
XXVIII.-	ТРЕТЬЯ МИТРИДАТСКАЯ ВОЙНА. НИЗЛОЖЕНИЕ И СМЕРТЬ МИТРИДАТЫ	284
XXIX.-	ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ. ВСТУПЛЕНИЕ ЦИЦЕРОНА. ЦИЗАР, ПОМПЕЙ, КРАСС И ДР.	289
XXX.-	СВЕРЖЕНИЕ КРАССА. ПОРАЖЕНИЕ ПОМПЕЯ. ДИКТАТОРСТВО И СМЕРТЬ ЦЕЗАРЯ. КОНЕЦ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	299

ГРАВЮРЫ НА СТАЛИ.

		СТРАНИЦА
1.	Ромул и Рем, обнаруженные нежным пастухом	i
2.	Тарквиний Супербус делает себя королем	32
3.	Аппий Клавдий наказан народом	80
4.	Галантный Курций прыгает в залив	104
5.	Пирр прибывает в Италию со своей трупой	138
6.	Ганнибал, еще будучи ребенком, клянется в вечной ненависти к римлянам	168
7.	Фламиний восстанавливает свободу Греции на Истмийских играх	195
8.	Мать Гракхов	234
9.	Марий, обнаруженный на болотах в Минтурне	261
10.	Цицерон обличает Катилина	292

ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВЕ.

Рея Сильвия	4
Ромул, консультирующий авгура	6
Ремус перепрыгивает через стены	7
Ужасное появление тени Ремуса перед Ромулом	8
Римляне уходят с сабинянками	10
Первоначальный Р	14
Нума Помпилий вспоминает о Грофе	15
Смерть Клулиуса	17
Бой между Горацием и Куриацием	19
Начало	23
Целерос	24
Должник и кредитор. Арест товаров за долги	28
Первоначальный Т	33
Тарквиний Супербус оценивает Сивиллины книги	35
Злая совесть Тарквина	37
Госпожа Секст утешает себя маленькой вечеринкой	39
Хвостовая часть	42
Начальная В	43
Аруны и Бруты	45
Гораций Кокл защищает мост	49
Муций Сцевола перед Порсенной	51
Клелия и ее спутники бегут из этрусского лагеря	52
Начало Т	56
Кориолан расстается с женой и семьей	63
Начало А	65
Ликтор послан арестовать Публилия Волеро	68
Цинциннат избран диктатором	70
Римская булла и жрец того периода	73
Вирджиния, унесенная миньоном, находящимся на службе у Аппия	78
На переднем плане картины можно заметить патриция, который смотрит очень черным на триумф генерала	83
По всей вероятности, что-то в этом роде	84
Школьники пороли директора школы	88
Инициалы А.-А. Галла	89
Цитадель, спасенная гогом гусей	93

Инициалы Р.-Римский солдат	97
Госпожа Фабия, младшая, удивленная двойным стуком патриция	98
Тит угрожает Помпонию	103
Страшная схватка между Титом Манлием и галлом гигантского роста	105
Начало Т	107
Пугающий ворон	109
Метий, усугубляющий положение Тита Манлия	111
Римляне, одетые жителями Капуи	119
Самнитский солдат	126
Начало I. - Эскулапий	129
Послы, покупающие Эскулапия	133
Хвостовая часть	134
Инициалы R	135
Появление в сенате молодого дворянина по имени Мето	139
Самообладание Фабриция, посла, в довольно сложных обстоятельствах	142
Находка головы Суммануса	145
Курий Дентат отказывается от великолепного подарка, предложенного самнитскими послами	146
Инициалы A	150
Римский военный человек, с редкой медали	153
Инициалы P	161
Ханно сообщает наемникам о пустоте государственной казны	162
Раннеримский гладиатор и его покровитель	165
Его превосходительство К. Фабий предлагает карфагенскому сенату мир или войну	169
Ганнибал переходит через Альпы	173
Ганнибал маскируется	176
"Медленная карета"	179
Молодой Варро	180
Архимед принимает теплую ванну	186
Разумное поведение Сципиона Африканского	188
Первоначальная W	193
Ганнибал ведет послов на утомительную прогулку вокруг Карфагена	197

Ганнибал просит критских жрецов стать его банкирами	200
Ганнибал произносит обычную аккуратную и уместную речь перед тем, как покончить с собой	201
Начало I	204
Римская дама "делает покупки"	205
Теренций читает свою пьесу Цецилию	210
Человек эпохи легкой комедии	212
Группа вакханалий, с очень старой вазы	223
Убийство Вириатуса	226
Арест Эвна	231
Тиб. Гракх проводит агитацию	238
Меланхоличный конец Тиба Гракха	239
Сципион Эмилиан готовится к выступлению после сытного ужина	240
Необдуманный поступок Кая Гракха	244
Хвостовик	246
Друзус заколот и изящно умирает	254
Начальный F	257
"Кто осмелится убить Мария?"	261
Мариус в руинах Карфагена	263
Марий в старости	266
Похоронная груда Суллы	274
Инициалы Т-Цезаря и Помпея очень похожи, особенно Помпея	275
Серторий и его молодые друзья	278
Вооруженный раб	280
Спартак	281
Митридат, его необдуманный поступок	286
Митридат	287
Инициалы А - Либертас, Эквалитас, Фратернитас	289
Фульвия	291
Цицерон, как джентльмен, вскидывает вверх свое резюме	296
Начало С	299
"Quid times? Cæsarem vehis".	301
Конец Юлия Цезаря	308

THE КОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РИМА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ОТ ОСНОВАНИЯ РИМА ДО СМЕРТИ РОМУЛА.

Эней и Анхиз

Происхождение римлян давно затерялось в непроницаемом тумане, тумане веков, который, надо опасаться, никогда не рассеется, ибо он, к сожалению, становится тем гуще, чем смелее мы пытаемся в нем рыться. Среди этого тумана время от времени появляется какой-нибудь энергичный человек с довольно мощным звеном, но таких звеньев недостаточно, чтобы образовать связную цепь происшествий.

Одна из самых древних и популярных традиций, касающихся происхождения римлян, основана на замечательном подвиге сыновней подковырки, якобы совершенном Энеем, которого часто тащат за плечи и голову вместе с его почтенным родителем, чтобы возглавить ход событий и, как бы, открыть шар истории.

Говорят, что после[1] осады Трои Эней схватил в одну руку своих Лареса и Пенатов, а в другую - своего отца Анхиза; когда, перекинув первого через правое плечо, а второго - через левое, он побежал к морскому берегу, воскликнул "A boat a-hoy" и вырвался из пасти разрушения в устье Тибра. Есть много причин не верить этой истории, и для того, чтобы лишить ее веса, достаточно подумать о том, каков был вес самого Анхиза и большой связки домашних вещей, которые, как утверждается, были нагружены Энеем. Если положить на одну чашу весов вероятность, а на другую - пожилого джентльмена с кучей ларов и посылкой пенатов, то можно не сомневаться, что перевесит. Случается также, что обычно говорят, что Троя была разрушена за 430 лет до основания Рима,[2] так, что это было бы и по сей день так же необоснованно, как и сама сказка, если бы у города не было другого основания, кроме того, которое, как предполагается, дал ему Эней.

Латинские барды украсили эту историю по-своему, добавив, что Эней по прибытии в Тибр решил принести в жертву молочную белую свиноматку в благодарность за свою безопасность. Свиноматка, которая, должно быть, была предком свиньи, учуяла свою судьбу и, пробежав две или три мили по деревне, произвела на свет печальный приплод из

тридцати малышей; тогда Эней, вообразив, что слышит голос, велящий ему построить на этом месте город, решил, "угождая свиньям", основать его там. Далее классический рассказчик сообщает, что Латин, царь латинян, воевал с Турном, или, как мы могли бы назвать его, Тернером, царем рутулов, когда прибыли троянцы, и первый, решив, что лучше подружиться с переселенцами, чем враждовать с ними, подарил им участок земли, который сделал их чрезвычайно послушными. Исходя из принципа, что одна удача заслуживает другой, они повернулись лицом к Турну и полностью разгромили рутульцев. В знак благодарности Латин отдал Лавинию - не "прекрасную юную", которая, по словам Томсона, "когда-то имела друзей", а свою собственную дочь с таким именем - в жены Энею, который после смерти своего тестя стал править городом и назвал свою колонию Лавиниумом. Традиция гласит, что у Энея был сын Асканий, которого иногда называли Парвус Иулус или маленький Юлий, который впоследствии покинул Лавиниум и построил Альба Лонга - своего рода классический длинный акр - в том районе, который известен как Альбанская гора и который, став впоследствии самой модной частью города, возможно, заслужил название римской Альбании.

Потомки Аскания, как говорят, царствовали 300 лет, и попытка заполнить промежуток между этими тремя столетиями была предпринята с помощью большого количества сухого мусора антикварного вида, который занимает место, не давая ничего похожего на прочный фундамент для сооружения, которое будет на нем построено. Такого рода каталог вопросов, которые якобы связывают Энея с реальными основателями Рима; но хотя имена и даты приводятся, мало кто сомневается, что ценность имен не является даже номинальной, и что если мы доверяем датам, то опираемся на самые ложные данные.

Дух антиквариата так же древен, как и предметы, на которых он применяет свою изобретательность, и римляне очень рано начали ломать голову над собственным происхождением. В результате долгих измышлений была создана легенда, которую признали все римские барды; и как бы они ни сомневались в правдивости этой истории, они заслуживают некоторой похвалы за последовательность, с которой они придерживались ее.

Легенда гласит, что у некоего Прокаса, принадлежавшего к роду Сильвиев, или Сильверов, было два сына: старший, которому было оставлено царство, звался Нумитором, а младший - Амулием. Хотя Нумитор был старшим братом, он, похоже, не был, с точки зрения драматургии, лучшим человеком, так как царства его лишил Амулий, который, чтобы предотвратить возможность того, что закон первородства снова вступит в силу, посадив на трон кого-либо из потомков Нумитора, заставил Рею Сильвию, единственную дочь этого человека, стать девственницей в храме Весты. Весталки были, по сути, старыми первозданными монахинями, удалившимися от мира и давшими торжественный обет не вступать в брак в течение тридцати лет; после этого срока они могли свободно выходить замуж, хотя их почти никогда не приглашали воспользоваться своей довольно запоздалой привилегией. Старшая сестра носила весьма респектабельное имя Девы Максимы, или старой девы, и, несомненно, была чем-то более обычным как по внешности, так и по своему положению. От весталок требовалось быть простыми в одежде, а чтобы распространить эту простоту, насколько это возможно, на их внешность, их волосы стригли очень коротко, как бы сильно их ни огорчало расставание с локонами. Их главная обязанность состояла в поддержании огня на алтаре Весты, и им было запрещено под страхом смерти давать любому другому огню хоть малейшее поощрение. В случае совершения такого проступка несчастной весталкой, которая находила свое положение не лучше, чем быть похороненной заживо, ее заставляли подвергнуться буквально этому ужасному наказанию.

Хотя обязанности весталок строго соблюдались, а разжигание священного огня в некоторых случаях каралось угасанием жизненной искры провинившейся, они пользовались некоторыми особыми преимуществами. Хотя их действия находились под строгим контролем, в каком-то смысле они имели право на собственную волю, поскольку им разрешалось, даже когда они еще не достигли совершеннолетия, составлять собственные завещания. Они занимали специально отведенные места на публичных развлечениях; а если им случалось встретить преступника, находящегося под стражей, они имели право освободить его из рук полиции того времени. Несмотря на все эти побуждения, должность весталки была не слишком востребована, и в случае появления вакансии она доставалась по жребию какой-нибудь молодой даме, чье недовольство своей участью обычно было очень заметно. Таков краткий обзор обязанностей и обязательств ордена, в который Амулий насильно ввел свою племянницу, и в более поздние времена это стало предметом жалоб на то, что Рим все еще иногда поступает так, как поступал раньше. Теперь вернемся к Рее Сильвии, которая, судя по всему, поступила на службу к богине в качестве служанки; она имела привычку ходить за водой из колодца; и именно во время одной из таких водных экскурсий она встретила военного, выдававшего себя за Марса, который обратился к ней и оказался неотразимым.

Рее Сильвия.

Рее Сильвия родила близнецов, после чего ее жестокий дядя приказал предать ее смерти и пожелал, чтобы с ее отпрысками обращались как с парой непрошенных щенков и избавились от них, утопив обычным способом.

Детей положили в колыбель, или, как говорят некоторые, в чашу, и пустили по течению реки; так что Амулий, если у него возникали сомнения в сохранности своей короны, предпочитал утопить ее в чаше вместе со своими несчастными родственниками.

Случилось так, что на берегах Тибра произошел такой наплыв, что его сундуки или коффердамы высыпали свое содержимое на прилегающие равнины, что привело к очень широкому распространению валюты. Среди прочих ценных вкладов, в отделение, связанное с банком, случайно заложили детей Реи Сильвии, которой, кстати, в сложившихся обстоятельствах, должно быть, очень повезло, что она смогла сохранить баланс. Состояние младенцев было незавидным: их некому было приютить и разместить, хотя Тибр был под рукой, чтобы помыть и постирать их. Прилив оказался удачей для детей, которых отнесло так далеко вглубь острова, что, когда река отступила, они остались лежать сухими у подножия фигового[3] дерева, и никому, видимо, не было дела до того, что с ними станет. В этих обстоятельствах волчица, спустившаяся к Тибру, чтобы напиться, услышала хныканье младенцев среди деревьев, и, отвлекшись от воды в реке на вой в лесу, она вышла вперед в самом красивом виде в качестве кормилицы, чтобы дать им сосание и помощь. Как этот волк стал обладателем такого количества молока человеческой доброты, неизвестно, да и не стоит, наверное, спрашивать.

Говорят, что дети пробуждались, когда их нежно облизывал язык животного, стоявшего над ними *в родительском кресле*. Найдя обстановку сырой, волчица унесла младенцев в свое логово, где их стал навещать филантропический дятел, который, когда они были голодны, приносил им соблазнительную пищу или червячка, с помощью которого дятел вскоре втерся в доверие к детям. Другие представители пернатого племени тоже были полезны в этом новом питомнике, отгоняя насекомых; и многие мошки неожиданно оказывались - или, скорее, терялись - в глотке какой-нибудь безжалостной ласточки. Каким бы благонамеренным ни было животное, дети не смогли бы извлечь из этого большой пользы, если бы не нашлось никого, готового забрать их из месяца; к счастью, Фаустикус, королевский пастух, наблюдавший за тем, как их несли к волчьей пещере или лупу, предоставил им еще одну лазейку, чтобы выбраться из нее. Воспользовавшись временным отсутствием волка дома, "нежный пастух", решив во что бы то ни стало спасти детей, унес их в свою хижину и передал своей жене Лаврентии, как некое дополнение к их уже довольно обширной семье.

Некоторые историки, отказываясь верить в историю о волчице и дятле, пытаются примирить вероятность с традицией, предполагая, что жена Фаустула получила имя Волчица из-за контраста, который она представляла своему ягненокподобному мужу, а предполагаемый дятел был просто курицей в лице Лаврентия.

Ромул

советуется с авгурами.

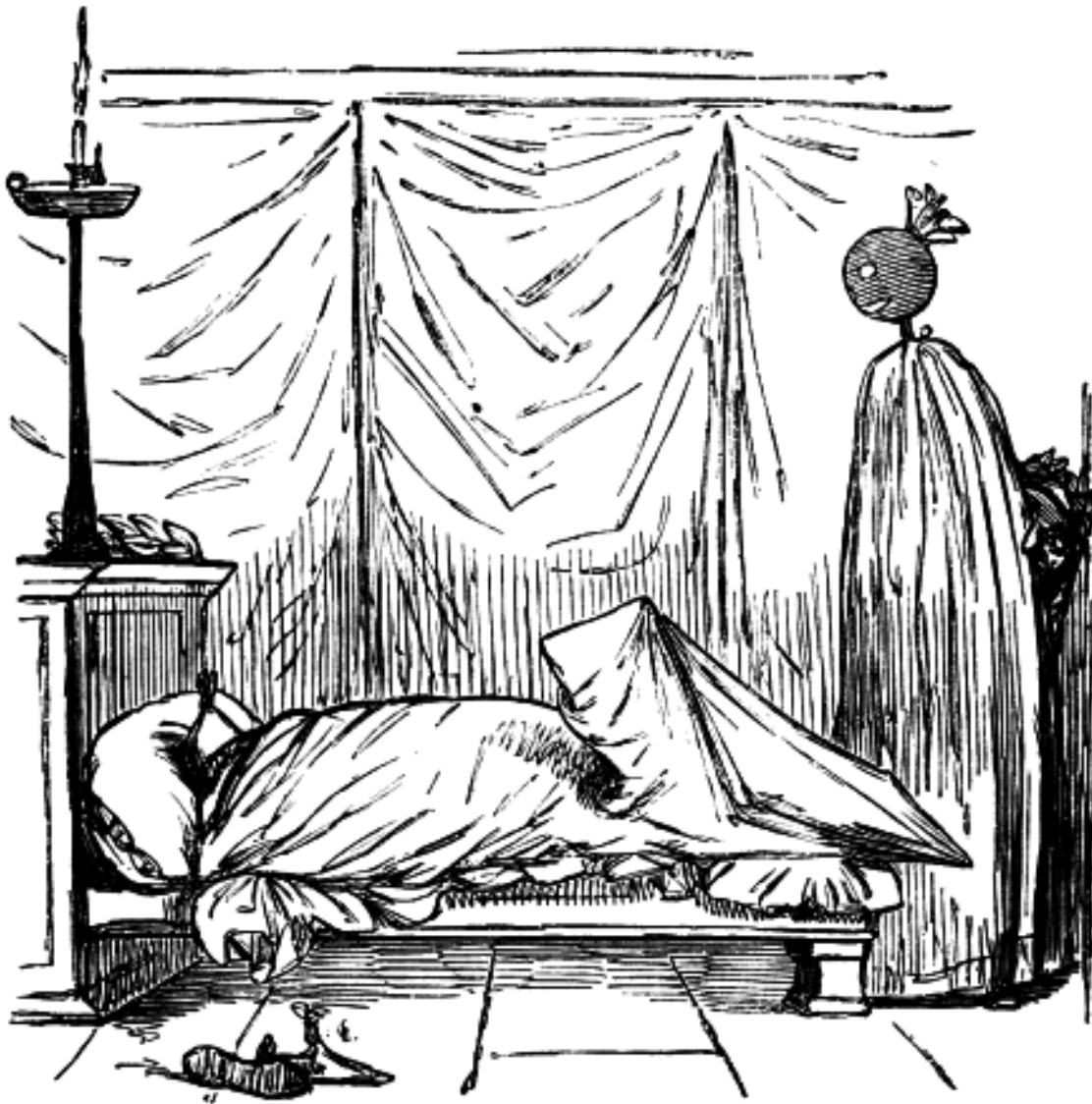
Ромул и Рем - так звали двух младенцев, которые, повзрослев, стали подражать своей приемной матери-волчице, превратившись в чрезвычайно диких парней, склонных тревожить стада и вообще вести себя очень жестоко. Ремус был обвинен в краже овец или в чем-то очень похожем на это, и предстал перед Нумитором, своим родным дедом, когда состоялось признание, не слишком соответствующее обычным правилам доказывания. Ромул также был поставлен в известность о своем родстве Фаустулом, который, должно быть, сделал довольно смелое предположение о факте, которого он не мог знать; и оба мальчика, усыновленные Нумитором, были отправлены на воспитание в Габии, где преподавалось все, чему должны были учиться люди высокого ранга в те дни, и откуда, очевидно, происходит слово "Габии". Стремясь сделать что-нибудь для старого господина, своего деда, Ромул и Рем устроили демонстрацию в его пользу, и им удалось восстановить его на троне Альба-Лонги, длинного ряда белых домов, который был не столько территорией, сколько террасой, и по странному совпадению, Террацина, или маленькая терраса, составляла один из ее концов. Амулий был убит, и, оставив Нумитора единоличным хозяином Белого ряда, Ромул и Рем решили построить здание гораздо выше, то есть на том месте, где прошли дни их младенчества. Перед началом строительства нового города разгорелся спор, во-первых, о том, как он должен называться, а во-вторых, о том, кто должен им управлять. Ромул и Рем, будучи близнецами, не могли применить закон первородства к своим маленьким

разногласиям, поэтому было решено передать этот вопрос авгуру, который должен был решить, кто должен стать правителем новой колонии. Ромул взошел на Палатинскую гору, а Рем занял свой пост на Авентине, когда оба стали очень внимательно следить за чем-то зловещим. Рем первым заметил нечто странное в виде шести стервятников, летящих с севера на юг, но Ромул не успел услышать эту новость, как заявил, что видел двенадцать, и возник вопрос, должна ли, образно говоря, одна птица в руках, которую видел Рем, перевесить двух в кустах, которые впоследствии явились Ромулу. Обратившись к авгуру, он, как обычно, дал весьма двусмысленный ответ. По сути, он сводился к тому, что одних было шесть, а других - дюжина; так что прорицатель, вместо того чтобы успокоить, скорее раздражал. Обе стороны претендовали на победу: Рем отстаивал первенство, которое обычно отдается ранней птице, а Ромул утверждал, что ему оказана особая благосклонность, поскольку ему было позволено увидеть, как столько птиц слетаются вместе.

Remus jumping over the Walls

Ромул начал чертить свои планы по этрусскому образцу, проводя пограничную линию плугом, к которому были привязаны телка и бык - церемония, от которой, возможно, произошли английский термин *bulwarks* и французское слово *boulevards* или *bulvards*, а может быть, и нет. Прочерченная таким образом линия называлась Померий, и там, где нужно было сделать вход, было принято переносить плуг через это пространство - небольшая инженерная трудность, из-за которой ворота стали называться Порты, от глагола *portare* - переносить. Ремус наблюдал за происходящим в полувопросительном, полусмешливом духе, пока стена не поднялась немного над землей, и тогда он развеселился, насмешливо перепрыгнув через нее. "Так, - сказал он, - враг будет перепрыгивать через эти барьеры". "И таким образом, - отвечал начальник работ - один Селер, действовавший в данном случае с бездумной быстротой, - таким образом погибнет тот, кто перепрыгнет через мои барьеры".^[4] С этими словами он нанес Рему смертельный удар, и, как гласит легенда, Ромул был немедленно охвачен угрызениями совести, а последующие визиты призрака брата сделали самого Ромула не более чем призраком того, кем он был раньше. После смерти Ремус проявил столько же духа, сколько и при жизни, и принял облик смертоносного паслена, взошедшего у кровати, чтобы отравить существование своего брата.

Ужасное

появление тени Рема перед Ромулом.

Предание рассказывает, что Ромул в конце концов договорился с призраком, который согласился прекратить свои визиты в обмен на учреждение праздника Лемурии, называвшегося первоначально Ремурией, в честь его памяти. Обряды совершались босиком - соответствующее наказание для того, кто наступил на обувь брата; руки трижды омывались - процесс, столь необходимый в качестве искупления за грязную работу; а черные бобы четыре раза бросали за спину, с суеверной верой, что рост бобов предотвратит преследование злых духов. Несчастливого близнеца похоронили на горе Авентин, а Ромул заказал двойной набор скипетров, корон и королевских значков, чтобы установить один из них рядом со своим собственным в честь покойного родственника. Эти дубликаты бессмысленных символов служили лишь напоминанием о двойной роли, которую сыграл Ромул; ведь пустующий трон и корона без головы были лишь пустой данью памяти убитого брата.

Город был построен, но оказался слишком велик для людей, которые должны были в нем жить; а так как место, подобно одежде, нельзя подогнать по размеру, убирая его внутрь, то не оставалось ничего другого, как наполнить город всякой всячиной, которая могла бы

послужить для набивки. Поэтому Ромул, , распахнул свои ворота для любого, кто пожелает войти, что вызвало приток тех, кто, не обладая никаким характером, обычно ходит под именем всевозможных персонажей. Общество стало ужасно смешанным, и, по сути, это место стало своего рода Страной Ван Демона, кишасей преступниками, изобилующей беглыми рабами и, одним словом, представляющей собой обычное убежище для морально опустошенных людей. Это говорит о том, что женщин в Риме было очень мало, и удивительно, что какой-нибудь ученый филолог до сих пор не сделал замечание, что тот факт, что слово Ro-man знакомо всем нам, в то время как такого термина, как Ro-woman, не существует, может быть воспринят как сопутствующее доказательство нехватки представительниц прекрасного пола в городе, основанном Ромулом.

Окрестные дамы не желали слушать обращения мужского населения Рима, что было достаточно плохо, чтобы предположить возможность того, что латинское слово *male-factor* дало отличительный эпитет "мужской" грубому полу в целом. Напрасны были предложения о браке девицам из соседних государств, которые все как одна заявляли, что не изменят своего состояния, став женами римлян. Раздраженный этими отказами, Ромул решил показать себя более чем подходящей парой для этих женщин, каждая из которых считала себя слишком хорошей парой для любого из его людей. Он объявил о своем намерении устроить вечеринку или пикник для празднования Консуалии - игр в честь Консуса, бога совета, - своего рода адвокатских забав, в которых в жертву приносился крот, вероятно, потому, что работа в темноте всегда была характерна для юридической братии. Приглашения на эти игры в надлежащей форме рассылались латинянам и сабинянам с их женами и дочерьми, многие из которых стекались на место под влиянием женского любопытства.

с сабинскими женщинами.

Римляне уходят

Погода благоприятствовала, все сабинские красавицы и модницы были привлечены сюда, а игры, состоящие из скачек, придали сцене все оживление кубкового дня в Аскоте. Внезапно, по заранее условленному сигналу, произошло всеобщее бегство римской молодежи с сабинскими дамами, которые были самым бесславным образом брошены на произвол судьбы сабинскими кавалерами. Правда, последние были застигнуты врасплох, но они, конечно, сделали все возможное, чтобы добраться до дома, прежде чем решили отомстить за нанесенное оскорбление. Если бы все они были замужними дамами, которых увезли, циник мог бы предположить, что сабинские мужья не стали бы возражать против дешевого способа развода, но, выражаясь ирландским языком, во всей этой "хорошей компании" была только одна-единственная женщина, которая оказалась женой. Небольшие латинские государства, Антенна, Крустумерия и Кенина, были очень рассержены самоуправством сабинян, король которых, один Татий, казалось, был настроен на молчаливое согласие. Три вышеупомянутых государства начали войну по собственному почину, и Акрона, царя Кенины, пал в бою от руки Ромула, который, сорвав с врага одежду, отнес ее в Рим и повесил на дуб, где оружие и доспехи Акрона, сверкающие среди желудей, были посвящены Юпитеру Феретрию как *Spolia opima*. [5]

Хотя Татий был последним, ему не суждено было стать самым незначительным из тех, кто участвовал в сабинской войне; он решил полагаться не столько на стратегию, сколько на стратагему. В те времена вода была проведена не так хорошо, как в более поздние времена, когда возвышенные акведуки, до сих пор лежащие в руинах в окрестностях Рима, были подняты на высоту, пригодную для самой высокой службы, которую только можно было пожелать. Рим, вместо того чтобы быть хорошо снабженным, снабжался колодцами, и знатные дамы имели обыкновение черпать воду, необходимую для домашних нужд. Случилось так, что однажды днем Тарпея, дочь Тарпея, полководца римского города, на Капитолийском холме выполняла какое-то поручение, когда ей повстречался Татий, который, обращаясь к ней на языке друга, попросил "попить" из ее кувшина. Тарпея, ослепленная блеском его золотых браслетов и сверкающих доспехов, не смогла устоять перед просьбой столь изысканного джентльмена. Татий специально наэлектризовал себя для беседы и, видя произведенный им эффект, заявил, что у него есть несколько друзей, покрытых металлом, столь же привлекательным, как и тот, что он носит, и что, если Тарпея откроет ворота цитадели только для себя и своей партии, у нее будет больше золота, чем она сможет унести. Сделка была соблюдена обеими сторонами; Тарпея открыла ворота Татию и сабинянам, которые, со своей стороны, выполнили свой договор в точности, ибо, войдя, они набросили на нее не только браслеты, но и нагрудные пластины, полностью раздавив ее весом вождя золотом и заставив, без сомнения, думать, что "никогда еще бедная женщина не была так жестоко обложена". Нечасто можно встретить в истории столь подробную иллюстрацию *проблемы богатства*.

Овладев Капитолиной, сабиняне оказались в более выгодном положении, и римляне, тщетно пытаясь вернуть цитадель, поняли, что должны либо сдаться, либо дать сражение. Решив выбрать последнее, Ромул выбрал долину между Палатином и Капитолиной, где и началось общее сражение; но у римлян, похоже, были особые дела в другом месте, так как все они бежали, когда их предводитель с большим тактом поклялся в храме Юпитеру Статору - повелителю полетов. Это придало действию решительное оживление; римляне, окрыленные своей трусостью, своим вождем, начали, в свою очередь, сплачиваться. Поединок становился все более ожесточенным с обеих сторон, как вдруг сабинянки, которые были главной причиной ссоры, бросились в бой; и хотя вмешательство женщин редко приводит к заключению мира, в данном случае именно женщины стали причиной прекращения вражды. Было решено, что отныне оба народа должны быть объединены под названием

римлян и квиритов, каждый из которых будет иметь своего царя - различие, которое, если бы оно сохранялось, со временем привело бы к разногласиям. Однако через несколько лет Татий был убит во время жертвоприношения, на котором он присутствовал без малейшей мысли о том, чтобы самому стать жертвой; и Ромул, ничего не сказав о преемнике, счел за благо замять дело, даже не отомстив за своего покойного коллегу. Считается, что Ромул царствовал семь и тридцать лет, но когда мы выясняем точное время и способ его смерти, то ничего не узнаем, кроме того, что никто не знает, что с ним стало. По утверждению одного из авторитетов, он присутствовал на смотре в Палус Капре - болоте у Тибра, - когда произошло полное затмение солнца, а когда свет вернулся, Ромула нигде не было видно. Если это действительно было так, то, вероятно, он попал в опасное болото, где почувствовал быстрое погружение; и все его сопровождающие, находясь в неведении относительно его положения, не смогли извлечь его из болота, в котором, по мнению некоторых авторитетов, он дошел до потомков. Следует, однако, признать, что, когда мы ищем причину гибели Ромула в этом роковом болоте, у нас есть лишь очень скудные основания для этого. Тем не менее, некоторым утешением для нас в связи с тайной, нависшей над местом и способом его смерти, является то, что его существование, в конце концов, совершенно апокрифично; и мы не должны вдаваться в тщательное расследование, когда, где и как он умер, пока не будет удовлетворительно решен вопрос о том, что он вообще когда-либо жил. Прежде чем мы закончим с Ромулом, будет уместно рассказать о том, как он, по слухам, разделил народ, находившийся под его властью. Он якобы разделил их на три племени - латинское слово *tribus* подскажет острому студенту, - а именно: рамнов, названных так по имени римлян; титов, по имени Тита Татия; и лукеров, получивших свое название либо от Лукумо, этрусского союзника Ромула, либо от Лукера, царя Ардеи; либо от *lucus a grove*, потому что рощи не было, и отсюда получается *lucerus a non luso*, по тому же принципу, что и *lucus a non lucendo*: или, наконец, по мнению Нибура, от места под названием Лукер или Лукерум, которое могли населять луцеры. Каждое племя делилось на десять *курий*,^[6] каждая из которых имела часовню для совершения священных обрядов и возглавлялась *курионом*; и у читателя не должно быть большого любопытства, если он не задастся вопросом, не может ли наше современное слово "курат" быть отнесено к этому отдаленному происхождению. *Курии* подразделялись на генты, или кланы, и каждый ген состоял из нескольких семей, называемых гентиями, так что человек из семьи и член гента стали в некотором роде синонимами. Со временем, однако, род сильно смешался из-за неподходящих браков, и поэтому среди тех, кто мог претендовать на принадлежность к роду, возникло различие, подобное тому, что существует между *джентльменами*, или *господами*, в наше время, и *джентльменами*, или *джентльменами*. Говорят, что Ромул выбрал себе телохранителей из трех племен, взяв от каждого по сотне человек, а поскольку их капитаном был этруск Целер, то гвардейцы получили имя Целерос - быстрые люди того времени.

Помимо племен, в те ранние времена существовала отдельная группа, состоявшая из рабов, и несколько более высокий класс, называвшийся клиентами.^[7] Последние принадлежали к простому народу, каждому из которых разрешалось выбирать из числа патрициев *патрона*, или покровителя, который мог претендовать на жизнь и состояние своего клиента в обмен на более дешевые товары - защиту и покровительство. Патрон давал свое лицо и совет, когда его просили, а клиент - свой труд и деньги, когда ему это было нужно - соглашение, которое доказывает, что клиенты, с самых отдаленных времен и до настоящего времени, были обязаны выплачивать денежные мุลки, вплоть до того, что жертвовали всем своим пропитанием в пользу тех, кто имел привилегию консультировать их.

Сенат - термин, происходящий от латинского слова *Senes*, "старика", - был главным советом государства, и его первое учреждение обычно относят к правлению Ромула. По три члена

выдвигались от каждого племени и по три от каждой из тридцати *курий*, всего девяносто девять, к которым, как говорят, сам Ромул добавил одного, чтобы увеличить круглую цифру и в то же время назначить своего рода президента над собранием, который также должен был заботиться о городе в отсутствие государя. Существует расхождение во мнениях относительно того, были ли сто новых членов добавлены в сенат во время союза с сабинянами, так как Дионисий говорит, что были, а Ливий говорит, что не были; и мы склонны доверять первому, так как он был чрезвычайно конкретным человеком, в то время как Ливий часто забывал об осторожности, придавая достоверность и важность простому преданию.

Прежде чем завершить эту часть изложения "Истории Рима", необходимо предостеречь читателя от излишнего доверия к ней. Существующие легенды - это, конечно, *Legenda*, или то, что нужно читать, потому что каждый имеет привычку повторять их; но студент должен остерегаться доверия к старому замечанию, что "то, что все говорят, должно быть правдой", потому что здесь есть прямой пример того, что все говорят совершенно иначе. Жизнь и правление Ромула следует воспринимать не просто *cum grano salis* - с крупинкой соли, а с целым погребом этой приправы, которая так полезна для исправления дурных последствий проглатывания слишком большого количества чего-либо.

ССЫЛКИ:

[1] Предполагается, что лары римлян были манами или тенями их предков и представляли собой маленькие восковые фигурки - такие, как мы помещаем под стеклянные абажуры, - которыми украшали залы домов. Ларесы были сшиты из крепкой собачьей шкуры, и долговечность была для них важнее элегантности. Пенаты - высший орден божеств, которых держали во внутренних помещениях, и получили свое название от *penitus* - внутри, из-за чего часть дома, которую они занимали, впоследствии стала называться *penetralia*.

[2] Троя разрушена, 1184 г. до н.э. Рим основан, 753 г. до н.э.

[3] В связи с этим обстоятельством фи́га стала олицетворять основание города, и на протяжении многих веков она считалась священной в Риме.

[4] Померий был не настоящей стеной, а пограничной линией, которую римляне очень свято соблюдали. Он состоял не из чего иного, как из комьев, вывернутых бороздой внутрь, и, вероятно, оскорбительным поступком Рема был не прыжок через стену, а перепрыгивание через комья, что, естественно, вызвало бы негодование против него как невоспитанного скачущего по комьям.

[5] Слово "Феретрий" покажется самым скромным новичкам производным *om fero* - бить, и означает Юпитера в его образе Ударника или Поразителя.

[6] Лучшим производным слова *curia* является *quiris*, которое, как выяснилось, соответствует *curis*.

[7] Слово "клиент", вероятно, происходит от *cluere*, слышать или слушаться - в любом случае *cluere* - это лучшая подсказка, которую мы можем дать для происхождения данного слова.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ОТ ВОЦАРЕНИЯ НУМЫ ПОМПИЛИЯ ДО СМЕРТИ АНКУСА МАРЦИЯ.

Ромул был утоплен в болоте Капра или исчез в одном из тех водостоков, которые унесли в великое море догадок столько фактов прежних веков, сенат откладывал с недели на неделю и с сегодняшнего дня до сегодняшней ночи выбор преемника. Почтенные члены согласились попробовать свои силы в управлении государством по очереди, и они брали скипетр по пять дней каждый, постоянно вращаясь, от чего любое колесо, а тем более общее, непременно страдало. Народ, уставший от этой невыгодной игры в пятерки, которая приводила все в состояние шестерок и семерок, так громко требовал, чтобы его свели к одному главе, что было дано разрешение избрать государя. Их выбор пал на Нуму Помпилия, потому что он родился в день основания города; так что можно сказать, что он по праву рождения занял место главного магистрата. Нума Помпилий был сабинянином, которого, как нам говорят, наставлял Пифагор, и мы с радостью поверили бы в то, что нам говорят, если бы не знали, что мудрец принадлежал совсем к другому времени, живя на двести лет позже предполагаемого существования ученика.

Прежде чем приступить к своим обязанностям, новоизбранный царь посоветовался с авгурами, с одним из которых он подошел к храму на Сатурнианском холме, где Нума, сидя на камне, посмотрел на юг, насколько мог видеть, чтобы убедиться, нет ли там препятствий для его взглядов и перспектив. В самые ранние периоды истории Рима ни один пост не занимался без консультации с авгурами, или эгидой; постоянное использование этих слов служит доказательством древнего обычая, к которому они относятся; хотя инаугурация теперь происходит под эгидой совсем другого характера. Признанных знаков в те времена было всего два: молния, с помощью которой истина должна была вспыхнуть в голове авгура; и, во-вторых, птицы, с которыми советовались по поводу чего-то необычного в их пении или эксцентричного в их полете, и они могли бы, если бы знали это, справедливо возвеличить себя за оказанные им почести. Ворон слева предвещал, что все вокруг черно, а та же птица справа придавала всему более яркий цвет; а поскольку эти птицы имеют привычку перемещаться то вправо, то влево, предсказатели всегда могли заявить, что им есть что сказать с обеих сторон.

Нума Помпилий был, по общему мнению, справедливым правителем, и он начал свою карьеру в стиле правителя, проведя несколько прямых линий вокруг Рима, чтобы обозначить его границы. Он подчинил их божеству, названному Терминус, и установил двенадцать камней в двух шагах друг от друга, через равные промежутки времени вдоль границы. Раз в год их посещали двенадцать офицеров, называемых *Fratres Arvales*, назначенных для этой цели, и этот обычай, несомненно, берет начало в приходской практике обхода приходов с жезлами и шестами, вложенными в руки бисеров, которые нередко добавляют роскошь избиения мальчиков к церемонии избиения границ.

Нума Помпилий вспоминает о Гроته.

Нума, хотя и взошел на трон, любил уединенные прогулки и часто уединялся в пригороде. Во время одной из таких прогулок случай привел его к гроту, запомнить который его побудила непревзойденная красота его прекрасной обительницы. Ее звали Эгерия, ее профессия - гадалка, что дало ей такое влияние на суеверный ум Нумы, что она управляла им с помощью своего жезла, как если бы это был железный жезл. Он исповедовал, что действует по совету этой нимфы, с которой традиция - заядлая сваха - обвенчала его, и учредил Фламинов, орден жрецов, чтобы придать вес ложным изречениям или "пламенам", которые он считал нужным обнародовать. Привилегии фламенов были не самыми удобными и заключались главным образом в праве носить апекс - шапочку из оливкового дерева - и лаену, нечто вроде римской набедренной повязки, мохнатой с обеих сторон и надеваемой поверх тоги, как плащ. Фламену запрещалось появляться на публике без апекса, который не мог держаться на голове без веревок; но правила были настолько строгими, что некий Сульпиций^[8] был лишен жреческого сана из-за того, что его официальную шапку, легкую, как современный зефир, сдуло с головы во время жертвоприношения.

Нума также добавил к мифологическим представлениям своего времени своего рода *балетную* труппу, учредив двенадцать *салиев*, или танцующих жрецов, в чьи обязанности входило исполнять по определенным случаям грандиозные *па-де-дузе* на главных общественных дорогах. Салии, хотя и были весьма уважаемым, но не очень почтенным орденом, поскольку в нем не мог состоять никто, чьи отец и мать не были живы; наличие родителей у жрецов-танцоров, несомненно, требовалось как гарантия того, что их танцевальные дни еще не закончились.

К этому времени относится несколько храмов, в том числе храм Януса, двуликого божества, вершившего мир и войну, - наиболее подходящая должность для того, кто способен смотреть в две стороны одновременно, ведь в каждой ссоре всегда есть две стороны. Этот храм, должно быть, был совершенно бесполезен при жизни его основателя, так как его никогда не открывали в мирное время, и Нума сохранил для Рима сорок три года спокойствия. Он был убежденным сторонником порядка и его обычных последствий, процветания торговли и

надежности кредита, и он поощрял торговлю, давая каждому промышленному занятию покровителя-святого или Лара. Он также отметил ценность доброй веры, построив храм *Vona Fides*, и можно предположить, что кредитор, который, смирившись с потерей своего небольшого векселя, приносил в жертву этому храму плохой долг, все еще надеялся, что в конце концов он найдет в нем свой счет.

Если нельзя сказать, что Нума никогда не терял ни дня, то следует признать, что он максимально использовал свое время; ведь он добавил целых два месяца к году Ромула. Январь и февраль - так называлось выигранное время; но поскольку год тогда не соответствовал ходу солнца, было принято вводить каждый второй год дополнительный месяц, так что если один год был слишком коротким, то следующий, будучи слишком длинным, делал его таким же широким, как и длинным в совокупности.

Нума Помпилий дожил до восьмидесяти двух лет, когда ему выпало счастье умереть так же спокойно, как он жил; и так мягко обошлась с ним природа, что позволила ему набрать более четырех десятков, прежде чем его долг был погашен. О похоронных церемониях, последовавших за смертью Нумы, рассказывают несколько историй; говорят, что сенаторы выступали в роли носильщиков на его теле в знак признательности за императорские меры, которые Нума проводил сам. Также было сказано, что он приказал положить в свою гробницу копию на папирусе или пальмовых листьях [9] своих собственных работ в двадцати четырех книгах; и это, конечно, счастливая идея - похоронить автора вместе с его работами, когда, если они провоцировали сон у других, он может в конечном итоге извлечь пользу из их снотворных свойств.

После смерти Нумы страна, наученная прошлым опытом об опасности перехода короны от одной головы к другой без малейшего внимания, решила, что междуцарствие должно быть коротким, и сразу же приступила к выборам нового царя. Выбор пал на Туллу Хостилия, который был настроен решительно воинственно и постоянно искал предлога для начала военных действий. Альбанцы, наши старые друзья из Альба-Лонга, или Уайтс-Роу, были ближайшими, а значит, и наиболее удобными для потакания его драчливым наклонностям; традиция гласит, что однажды альбанские крестьяне, подвергшиеся нападению римлян и ограбленные ими, потеряв даже одежду, обратились за помощью к своим правителям. Пытаясь уладить спор между Альбой и Римом, каждое из этих мест отправило послов, которые пересеклись на дороге, как будто два государства были намерены всячески враждовать. Приглашениями на банкеты и пиры альбанских посланников отвлекали от всякой деловой мысли, так что всякий раз, когда они пытались обратиться за разъяснениями, их рот затыкали обедом или ужином, устроенным в честь их визита. Римским посланникам, напротив, было запрещено принимать приглашения и отдавать в руки гостей то, что предназначалось для римлян; они получили настоятельные инструкции требовать от альбанцев немедленного погашения давнего счета. Стороны не могли понять друг друга, вернее, они понимали друг друга слишком хорошо; ведь война была целью обоих, хотя ни одному из них не нравилась ответственность за ее начало. Альбанцы, однако, подготовились к походу на Рим и расположились лагерем в пределах рва, в который однажды ночью очень загадочно упал их король Клулий и умер, отчего ров получил название *fossa Cluilia*.

Смерть Клуилия.

Вместо покойного короля альбанцы назначили диктатором некоего Меттия Фуффетия, человека суетливого и нервного; Фуффетий попросил о беседе с Туллом, который согласился на это предложение, решив перед встречей с диктатором не диктовать ему. Меттий объяснил, что неудобно тратить целые реки крови, в то время как несколько пинт могли бы решить все проблемы; в итоге было решено решить вопрос грандиозным боем шести бойцов, за которых с каждой стороны выступали по три чемпиона, выбранные от каждой армии. Альбанские и римские войска были одарены, соответственно, трио братьев, чья сила и активность сделали их достойными быть причисленными к небольшим семейным партиям, которые прикрепляют эпитет "геркулесовские", "акробатические", "индийские резиновые" или "невероятные" к братскому характеру, в котором они выступают, чтобы удивить и позабавить просвещенный век, в котором мы живем.

Эти шесть юношей были известны как Гораций и Куриаций, первый - на стороне римлян, второй - на стороне альбанцев; по взаимному согласию им было решено доверить судьбу битвы. Рассказчики сделали все возможное, чтобы придать всему римскому как можно больше романтики; а легенда о Горациях и Куриациях была усилена тем, что один из братьев последнего стал возлюбленным сестры Горациев.

Все приготовления к кровавому *сэстетто* были завершены, и шесть чемпионов вышли вперед, выглядя свежими и уверенными в себе, ни один из них не проявил нервозности пожатием руки, хотя они очень сердечно пожимали друг другу руки. Заняв свои позиции, мужчины представили картину, которую, к сожалению, не сохранил для нас какой-нибудь спортивный летописец того времени. Воображение, которое в этом случае является "нашим собственным репортером" и, возможно, таким же точным репортером, как и многие другие, исповедующие летопись проходящих событий, должно заполнить контуры переданной нам зарисовки.

Поединок начался с безобидных, но жестоких упражнений, которые происходят между знаменитой шекспировской парой Макгов - хорошо известными Бет и Даффом, когда первый просит второго "прижаться" к нему, и происходит столкновение их мечей, столь же

энергичное, как и столкновение их претензий на корону Шотландии. В конце концов один из Куриациев, почувствовав, что все они собрались для решения дела, отправил одного из Горациев, по которому сражающиеся, отправившись в путь, продолжали идти один за другим с большой скоростью. Не прошло и нескольких секунд, как второй из горациев упал, и оставшийся в живых из этой троицы, решив, что если он не позаботится о первом, то в конце концов станет третьим, решил прервать это невезение против своей расы, попытавшись попытать удачи ради своей жизни, или, другими словами, устроить гонку за ней. Превосходство ветра спасло его от последнего вздоха, потому что Куриации, пустившись в погоню, вскоре оказались неравны в скорости, и один из них выстрелил намного раньше двух других, которые, хотя и были крепки сердцем, были слишком крепки телом, чтобы так же быстро, как их более проворный брат, преследовать своего антагониста. Оставшийся в живых Гораций, заметив это, внезапно развернулся к ближайшему из своих врагов и, расправившись с ним, терпеливо дождался двух других, которые с неравной скоростью, пытая и отдуваясь, неслись за ним. Со вторым из Куриациев, и без того запыхавшимся от бега, справился один удар, а с третьим, совсем запыхавшимся, и вовсе не нужно было ничего делать, кроме как лишить его возможности пополнить запасы жизненно важного вещества. Последний из Горациев, таким образом, стал победителем, и хотя, когда он начал бежать, его жизнь, казалось, висела на волоске, и неудачный стежок в бок мог бы ее оборвать, его бег стал причиной того, что в конце концов он вышел на финишную прямую. После того как пал первый из Куриациев, толстокожесть оказалась роковой для двух других, так как Гораций, расправившись с ними *как в деталях*, так и в целом, свел все счета с обоими .

Бой между Горацием и

Куриацием.

Увидев результат поединка, Фуфаций со стороны альбанцев дал понять, что они сдались, и римляне вернулись домой с Горацием во главе, неся в огромном тюке трофеи Куриация. У входа в город он встретил свою сестру, которая, увидев среди трофеев одежду своего покойного возлюбленного, вышитую по ее собственному эскизу, начала другую работу самого неистового и отчаянного характера. Обезумев при виде пряжи, которую она пряла для потерянного объекта своих привязанностей, она начала пряхть другую пряжу, которая грозила стать бесконечной, если бы ее брат вскоре не оборвал ее нить. Она называла его всеми именами, кроме его собственного, и была, в сущности, такой же шумной и оскорбительной, как обычная "женщина в беде" или, как эта тревожная и опасная помеха, "обиженная женщина". Гораций, которому клинки трех нападавших показались менее режущими, чем язык сестры, прервал ее, когда она рассказывала о своих обидах, и проткнул ее своим мечом, сопроводив это действие восклицанием: "Так погибнут все враги Рима". Несмотря на волнение и шум, сопровождавшие триумфальный въезд Горациев в Рим, соответствующий офицер, кем бы он ни был, очевидно, был не только на службе, но и готов к ее исполнению, так как победившего братоубийцу или сороубийцу сразу же поспешили доставить на ближайшую римскую станцию. Оказавшись перед королем, его величество увидел в деле большие трудности и был озадачен, как его разрешить. Взяв весы правосудия, он бросил на одни тяжелое преступление Горация, но заслуги перед отечеством, брошенные на другую чашу, уравнили дело. Поэтому Тулл передал дело в другой трибунал, который приговорил преступника к повешению, но ему было разрешено так капитально оправдать себя в поединке, что он был освобожден от высшей меры наказания. Это наказание было заменено на наказание в виде прохождения под ярмом, которое заключалось в прохождении под пикой, поднятой вертикально на двух других, и на этих трех пиках взималась единственная пошлина за его преступление.

Павших воинов чествовали гробницами в виде сахарниц, символизирующих неудовлетворительную сладость посмертной славы. Фуфаций, который хотя и не пострадал лично, но был страшно уязвлен в своей гордости результатом конфликта, так ревновал к Туллусу, что тот, хотя и боялся вспыхнуть открытым бунтом, решился на действительно более отвратительный план предательства. Теперь соперничающие солдаты должны были объединить свои силы против венетов и фиденатов, и, отправившись вместе, они вскоре обнаружили, что противник выстроился в боевой порядок, когда Тулл со своими римлянами столкнулся с венетами, а Меттий со своими альбанцами расположился *vis à vis* против фиденатов. Когда начался конфликт, альбанское крыло показало белое перо, и Фуфаций постепенно отвел свои силы на соседний холм, с которого спустился, поднявшись на него, чтобы понаблюдать за развитием событий и объявить себя на стороне победителя. Тулл, видя этот неумный маневр, подмигнул ему и бросился на фиденатов, которые бежали так быстро, что благоразумие полностью превзошло их доблесть. Затем римский вождь обратил свои глаза, руки и ноги на венетов, которые бежали к Тибру, в который они отчаянно ныряли, но многие из них по разным причинам так и не смогли выбраться. Вероломные альбанцы во главе с Меттием Фуфетием спустились на равнину и, одевшись в простую, прямолинейную манеру, поздравили Тулла с победой. Сделав вид, что не заметил их вероломства, он пригласил их всех на жертвоприношение на следующий день, и, особо попросив прийти пораньше, они были на месте уже к восходу солнца, но оставались в полном неведении относительно намерений Т. Гостилия. По сигналу римляне настигли альбанцев, которым сообщили, что их город должен быть разрушен, вернее, снесен с лица земли, а их вождь, который пошел другим путем, нежели его новый союзник, должен быть привязан к лошадям,

которых повезут в разные стороны. Этот жестокий приговор, на который у нас не хватило терпения, чтобы вынести свой собственный, был варварски приведен в исполнение. Альба пал на землю; это все, что нам удалось собрать по теме этой части нашей истории.

Остаток правления Хостилия был занят военными успехами; но он пренебрегал поклонением богам, которые, как говорят, выказали свой гнев огромным дождем камней на Альбанской горе, чтобы смягчить его ожесточенное сердце, заставив его почувствовать тяжесть их неудовольствия. От крайности безразличия он перешел к противоположной крайности суеверия и призвал Юпитера послать ему знак, который на самом деле был знаком того, что голова короля находится в плачевном состоянии. Несчастный государь, подражая своему предшественнику Нуме, попытался провести несколько экспериментов в надежде вызвать молнию, но вряд ли тот, кто так плохо себя вел, мог стать лучшим проводником электрического флюида, и в результате, хотя он научился искусству притягивать искру, она вспыхнула на нем с такой силой, что он мгновенно умер.

Таково предание о смерти Туллуса; но трудно сказать, были ли переданные нам сведения преувеличены, или же облака были в таком состоянии. Некоторые спекулянты предполагают, что королевский экспериментатор был обязан своей печальной судьбой неправильному обращению с электрической банкой при попытке произвести неестественное дрожание стихий. Добрых дел Туллуса было так мало, что его слава не позволит упустить ни одного, и, желая придать его работам максимально возможный вид, мы ставим ему в заслугу строительство Курии Хостилии, место которой до сих пор бросается в глаза у северного угла Палатина. О послых говорят как о существовавших в правление Тулла Гостилия, но обязаны ли они своим происхождением Нуме, который был до него, или Анку Марцию, который пришел после него, - это настолько сомнительный вопрос, что некоторые историки, пытаясь удовлетворить претензии обоих на полпути, останавливаются, чтобы не отдать должное ни одному из них. Тулл, во всяком случае, может похвастаться тем, что если не ввел, то использовал в Риме искусство дипломатии; как мы уже видели, он назначил послов для переговоров с альбанами. Этих посланников называли *Feciales*, главный из которых носил на голове филе из белой шерсти с множеством зеленых трав, сформированное в тюрбан, который, должно быть, имел вид филе телятины с ингредиентами для начинки. В его обязанности входило отправиться в страну-нарушительницу и заявить о своих обидах на границе, хотя там, возможно, и не было никого, кто мог бы его выслушать, а пересекши границу - если его негодование не знало границ - он должен был поразить первого встречного туземца каталогом жалоб. Достигнув города, посол рассказывал солдату у ворот старую историю, как если бы у ворот Стори раздраженный иностранец излагал часовому реальные или мнимые обиды своей страны. Солдат, разумеется, будет глух к этим словам, как и его пост, и тогда Фециалис отправится с жалобой в магистрат. Не получив никакого возмещения, он возвращался домой за копьем и, убив свинью одним концом, тыкал в огонь другим. Обугленный в рукоятке и окровавленный на острие инструмент стал подходящей эмблемой враждебности, и Фециалис объявлял войну, разжигая его длинным шестом, который он перебрасывал через границу противника.

После смерти Тулла Гостилия народ не замедлил избрать своим правителем Анкуса Марция, внука Нумы. Новый царь копировал своего деда, на что имел полное право, но возложил на понтифика Максима очень тяжелую задачу - переписывать на белые столы несколько громоздкие труды Помпилия, которые были вывешены для ознакомления населения.

Хотя в целом Анкус был равнодушен к миру, он не боялся войны и, когда его царству угрожала опасность, был готов сражаться за него. Он покорил латинян и, поселив их сначала в поле, позволил им поселиться в городе. Он расширил Рим, сократил расстояние между его

частями, перебросив первый мост через Тибр, а его имя дошло до потомков благодаря рву Квиритов, который он приказал вырыть для защиты города от тех, кто вряд ли прошел бы сквозь толщу и грязь с целью захвата. Он также построил тюрьму в самом центре города, которую можно назвать каменным сердцем, ведь тюрьма была построена в каменоломне и до сих пор существует как памятник тяжелой судьбы ее узников. Анкус Марций еще больше прославил свое правление, основав город Остию в устье Тибра, и таким образом дал его водам преимущество порта, который так сильно увеличил их ценность. На этом месте до сих пор можно увидеть некоторые руины, предположительно принадлежащие храму, посвященному ветрам, большая часть которых уже давно была беспорядочно разбросана. В окрестностях города также были основаны солеварни, но *соль* была настолько летучей, что сейчас не осталось ни одной, которой покупатели могли бы заполнить свои погреба. Анкус Марций царствовал двадцать четыре года, и то ли в спокойствии, то ли в войне, то ли занимаясь мирными делами, то ли ввязываясь в какую-то работу, он показал себя вполне достойным своих предшественников и, по сути, оставил далеко позади себя многих, кто шел до него в деле правления.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ:

[8] Вал. Maximùs, i. 1. § 4.

[9] В Британском музее хранятся книги, написанные египтянами на этих пальмовых листьях, более древние, чем время Нумы, что свидетельствует, в некотором смысле, о благодатном состоянии литературы в тот ранний период.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ОТ ВОЦАРЕНИЯ ТАРКВИНИЯ ПРИСКА ДО СМЕРТИ СЕРВИЯ ТУЛЛИЯ.

По мнению лучших авторитетов, муза истории использовала свой скакательный канат, проходя, или, скорее, проскакивая, от могилы Анка Марция до трона Тарквиния Приска; между ними зияет весьма заметный промежуток; и поскольку мы не хотим, чтобы читатель зевал, сочувствуя этому промежутку, мы сразу же уводим его от него.

Погружаясь во времена Тарквиния Приска, мы описываем его как сына коринфского купца, который, будучи вынужден покинуть свою страну по политическим причинам, вывез весь свой коринфский капитал и поселился в этрусском городе Тарквинии. Влюбившись в одну из местных жительниц, или, говоря поэтичнее, вложив свои чувства в этрусскую вазу, он стал ее мужем и отцом двоих детей, названных соответственно Лукумо и Арунс. Бедный Арунс прожил очень недолго и вскоре встретил свою смерть, но мы не можем сказать, как и где, поскольку у нас нет никаких сведений об этой встрече. Лукумо женился на Танакиль,

этрусской женщине, очень красивой и честолюбивой, которая исповедовала погружение в будущее; под руководством этой красавицы-ныряльщицы он бросился в поток событий, надеясь, что его понесет вперед прилив фортуны. Она убеждала его, что Тарквинии - бедное место, где ничего нельзя сделать; что его иностранное происхождение мешает ему как следует раскрыться; и что только Рим может предоставить ему достаточно широкое поле для его огромных способностей. Подгоняемый женой, он вскочил в свою колесницу, которая была открытой, и уже въезжал в Рим, как вдруг шапку с его головы сняла странная птица, которая, как утверждают некоторые, была орлом; хотя, если бы они сказали, что это был жаворонок, мы бы поверили им гораздо охотнее. Лукумо как мог следил за шляпой глазами, но его жена была настолько увлечена этим, что заявила, что это обстоятельство говорит ей том, что он получит корону, хотя на самом деле оно доказывает, что он едва ее не потерял; ведь пока птица не заменила шляпу на его голове, существовала лишь малая вероятность того, что он получит ее обратно.

Богатство жены позволило Лукумо жить по первой моде, и, получив права гражданства, он сменил имя на Луций Тарквиний: возможно, ради благозвучия, при отсутствии какой-либо более веской причины. Его представили ко двору, где он завоевал расположение Анкуса, которому так понравилась его щегольская внешность, что он дал ему поручение в армии, как *Tribunus Celerum*, своего рода капитану гвардейцев, которые, судя по титулу Целереса, были, как мы уже заметили, быстрыми людьми, в отличие от "медленных карет" того времени.

Селерес.

Капитан оказался настолько полезен Анку, что после смерти последнего два его сына были оставлены на попечение первого, который в день выборов нового короля отправил своих подопечных в погоню, чтобы они занимались другой дичью, вместо того чтобы следить за короной, на которую положил глаз Тарквиний. В отсутствие молодых людей Тарквиний, получивший прозвище Приск, или Старая рука, которое он, похоже, вполне заслужил, предложил себя в качестве кандидата; и, произнеся речь в ходе выборов, он с таким успехом продемонстрировал свои достоинства, что его проголосовали за трон без сопротивления.

Начало его правления было не очень спокойным, так как на него напали латиняне; но он дал им очень суровый урок латыни и, раздавив их под ногами, отправил обратно в ту часть Италии, которая составляет нижнюю часть сапога, потеряв при этом значительную добычу. Тем не менее, он находил время для всевозможных игр; он учредил *Ludi Magni*, которые были большим спортом, в месте, которое он выделил как *Circus Maximus*.

Цирк располагался между холмами Палатин и Авентин, с обеих сторон был склон, так что при выборе места для зрелищ люди руководствовались как природными, так и своими собственными склонностями. В самые ранние времена цирк формировался из материалов,

приносимых самими зрителями, которые возводили временные подмости, с которых часто случалось злополучное падение, вызывавшее страшные казни среди толпы. Тарквиний Приск, желая предоставить римским зрителям более постоянное место, построил Цирк, способный вместить 150 000 человек, и, благодаря своему огромному превосходству в размерах над другими подобными зданиями, он получил название *Maximus*. Спортивные состязания в цирке были чрезвычайно привлекательны для римлян, которые обращались к *либелли*, содержащим списки лошадей, имена и цвета погонщиков, со всем рвением "джентльмена-спортсмена", ищущего информацию в правильной карте Дорлинга в Эпсоме. В первые дни существования Рима развлечения в цирке ограничивались сравнительно безобидными состязаниями в конной скорости; и только когда город достиг высокого уровня утонченности - жестокость стала утонченной, как и все остальное, - животных стали убивать тысячами, а людей - сотнями за раз, чтобы удовлетворить кровожадные аппетиты принца и народа. Древний цирк был круглым только с одного конца, а линия сидений нарушалась некой пристройкой, в которой, как предполагается, находились ложа и отхожее место государя; в то время как на противоположной стороне было еще одно отклонение от линии сидений, чтобы образовать место для *editor spectaculorum* - ложи управляющего. Хотя Тарквиний, как говорят, основал *Circus Maximus* в честь своей победы над латинянами, они были не единственными врагами, победой над которыми он мог похвастаться.

Сразившись с сабинянами и победив их, он взял у них Коллатр в качестве залога за их хорошее поведение, а вернувшись домой с большой суммой денег, построил храм Юпитера на Капитолии.

Против Тарквиния, желавшего увеличить армию, выступил знаменитый авгур того времени, некто Аттус Навий, чья репутация, похоже, была вполне заслуженной, если верить прилагаемому анекдоту; ведь в нем говорится, что он мог видеть дальше, чем любой из тех, кто был до него или следовал за ним. Навий заявил, что авгуры должны определить, удастся ли осуществить план Тарквиния, на что тот с усмешкой спросил, знает ли он, о чем думает. Вопрос был двусмысленным, но Навий смело ответил, что знает, и добавил, что то, что предлагает сделать Тарквиний, вполне возможно. "Так и есть, - сказал король, - я думал прорезать этот камень бритвой". "Бритье будет нелегким", - ответил авгур, - "но это можно сделать, так что режь"; и прямота этого замечания была сравнима только с остротой лезвия, которое разрезало изделие на две части так же легко, как если бы это был фунт масла, а не гранитный камень. Этот упрек был в буквальном смысле слова более режущим, чем любой другой, который можно было бы донести до короля, который впоследствии с большим уважением относился к авгурам, о которых впредь имел обыкновение говорить, что случай с точильным камнем доказал, что они гораздо более острые клинки, чем он был готов принять за них.

После войны с тосканцами, которых он победил, он был принят в ряды царей Этрурии; это положение побудило его предаваться самым экстравагантным желаниям. Он должен был иметь золотую корону, которая часто разрывает или обременяет украшенное ею чело; трон из слоновой кости, на слишком полированной поверхности которого нога может поскользнуться; скипетр, на вершине которого изображен орел, часто дающий крылья той силе, которую он призван олицетворять. Его одеяние было пурпурным, с таким дорогим кантом, что кайма превышала все разумные пределы и представляла собой пример расточительности, доведенной до крайности, а о скорости его передвижения можно судить по тому, что он всегда ехал в колеснице с четырьмя лошадьми в руках. Однако он не полностью пренебрегал полезным в своем пристрастии к декоративному; и хотя его экстравагантность, должно быть, истощала общественный карман, он посвятил себя более

достойному осушению нижних районов города. Он подал пример всем будущим комиссарам по канализации своей великой работой по строительству *Клоаки Максима*, часть которой все еще существует, и которая содержит в своем просторном своде гораздо более почетный памятник, чем самая великолепная гробница, которую можно было бы воздвигнуть в его память.

Тарквиний царствовал около тридцати восьми лет, когда сыновья Анкуса Марция, с самого начала задумывавшиеся о своем изгнании с трона, довели свои размышления до того, что организовали заговор, который, хотя и рассматривается лучшими авторитетами как кобылье гнездо, является одной из тех "историй" Древнего Рима, которые традиция передает как часть ее истории. Молодые люди, рассчитывая, что Тарквиний обеспечит престолонаследие фавориту по имени Сервий Туллий, договорились с парой пастухов, которые, притворившись, что поссорились, отправились с топорами в руках к царю и попросили его уладить их небольшую размолвку. Тарквиний, похоже, был в самом любезном расположении духа, так как, как говорят, подошел к дверям дворца, чтобы выступить арбитром между этими самыми неженственными пастухами, которые, притворившись, что пришли с топорами только для того, чтобы зарубить его совет, начали бить его топорами по голове; и пока он пытался выступить в роли арбитра, они, действуя как еще большие предатели, жестоко разделались с ним. У стоявших рядом ликторов, должно быть, лица и фасции были повернуты не в ту сторону, потому что они нанесли пастухам побои слишком поздно, после того как царская корона уже треснула, не поддаваясь восстановлению, а царь был почти разбит на куски, прежде чем успел собраться с силами.

Тарквиний был практичным реформатором, и его слава покоилась на самых прочных основаниях, среди которых уже были замечены до сих пор сохранившиеся остатки *Клоаки Максима*, или самой большой общей канализации. Тем, кто чересчур любезен, возможно, было бы неприятно дойти до потомков по такому каналу; но той стране действительно повезло, в которой гений ищет "пузырьковую репутацию" в устье канализации, а не в пасти пушки.

К чести Тарквиния следует отметить, что он организовал плебеев и возвел некоторых из них в ранг патрициев, придав тем самым бодрость аристократическому телу, которое рискует развратиться и потерять свою жизненную силу, если в него время от времени не будет вливаться плебейская кровь.

За этой мерой последовали бы и другие полезные реформы, если бы не недальновидная и эгоистичная политика самих патрициев, которые не могли понять тот факт, полный очевидных парадоксов, что если что-то должно оставаться, то оно не должно стоять на месте; что ни одна должность не может быть неподвижной с безопасностью для себя; и что ничто, обладающее жизненной силой, не может стареть без постоянного добавления чего-то нового.

Шестым царем Рима был Сервий Туллий, который, как говорят, был сыном женщины из рода Танакил. Его мать звали Окрисия, но в вопросе об отцовстве мальчика есть что-то неясное: то его приписывали Лару, то домашнему богу заведения, то Вулкану. Кто бы ни был его отцом, вскоре стало ясно, что ребенок займет высокое положение; однажды, когда он спал в колыбели, его голову увидели горящей; но никому не было позволено вышибить мозги бедняге или как-то иначе погасить пламя, которое быстро уничтожало волосы на голове будущего наследника монархии. Сиделкам и прислуге было приказано сидеть и смотреть, как огонь сам собой разгорается, что, по преданию, и произошло, хотя здравый смысл говорит, что этого не могло произойти; ведь несчастный младенец должен был умереть от

чахотки, если бы ему дали угаснуть таким холодным способом, о котором говорится. Хотя юный Сервий Туллий был обычного происхождения, по крайней мере, со стороны матери, предполагалось, что огонь полностью очистил его, согрел сердца всех, кто к нему приближался; и царица не только приняла его как собственного сына, но и частичное обжигание произвело такой эффект на его самую обычную глину, что его стали рассматривать как кирпич, необходимый для фундамента царского дома, в который Тарквиний его и вписал, отдав в жены одну из дочерей царской семьи.

Танакил сохранил в тайне смерть мужа, и Сервий Туллий некоторое время продолжал заниматься государственными делами, как ни в чем не бывало. Когда же стало казаться, что молодой любимец судьбы по праву взял бразды правления в свои руки, убийство выплыло наружу, и о варварском убийстве Тарквиния было объявлено во всеуслышание. Сервий стал первым примером короля, который взошел на трон без помощи обычной пары ступеней, состоящей из избрания сенатом и утверждения куриями.

Можно было ожидать, что Сервий, возвысившись над своим скромным родом, будет держать голову так высоко и станет таким жесткошеим, что не сможет заметить, из какого звания он вышел; но, напротив, он возвысился сам, стараясь возвысить других. Его правление не было непрерывным кругом битв, поскольку он предпочитал совок мечу, и, вместо того чтобы прославить свое имя последним оружием, он мудро решил укрепить свою репутацию с помощью первого. Первой его заботой было достроить город, к которому он добавил три холма, чувствуя, вероятно, что его слава станет такой же древней, как и сами холмы; и с радостным осознанием того, что если "стены имеют уши", то они с такой же вероятностью имеют и языки, он окружил Рим стеной, которая могла говорить будущим векам о его духе и предприимчивости. Он был другом несостоятельных должников, которым он оказал помощь, проявив беспримерную либеральность. Потребовав от них составить графики своих обязательств, он расплатился с кредиторами в двойном смысле, поскольку они крайне неохотно получали наличные деньги, выплата которых отменяла их притязания на личность и имущество должников. Он отменил тюремное заключение за долги, предоставив кредиторам власть над товарами, а не над людьми, или, как выразился один изобретательный ученый, над костями, а не над имуществом их должников .

Должник и

кредитор. Изъятие товаров за долги.

Сервий обнаружил, что, возводя здания, он спускает большие деньги; но, несмотря на это, ему очень хотелось воздвигнуть храм Дианы на Авентинском холме, и он уговорил латинян, которые превратили это место в своего рода *латинский квартал*, подписаться на это. Латиняне, римляне и сабиняне каждый год устраивали на этом месте своеобразное жертвоприношение, в ходе которого резали и варили волов, что можно назвать совместным праздником. Случилось так, что один сабинский земледелец вырастил призовую телку, которая вызвала бурный восторг у его соседей, и, взяв быка спокойно за рога, он спросил авгура, что ему с ним делать. Прорицатель посмотрел на быка, который обратил свой блестящий бычий глаз на изумленного мудреца с таким надменным взглядом, что это было почти равносильно ослепительному недосмотру. Авгур, которому не понравился вид животного и который, несомненно, хотел положить конец беседе, объявил, что тот, кто принесет животное в жертву Диане, принесет пользу своей расе и заставит свой народ править другими конфедератами. Животное пошатываящейся походкой повели к священной усыпальнице, где ждал римский жрец, чтобы приложить руку к любому быку,

которого ему поднесут. Увидев, что сабинянин готовится к закланию, понтифик забеспокоился и предложил, что если уж другой собирается делать эту работу, то пусть делает ее чистыми руками, на что сабинянин бросился к реке, чтобы искупать пальцы. Пока хозяин занимался своими руками, римский священник воспользовался паузой, чтобы зарезать животное, и, вернувшись, сабинянин обнаружил, что нечаянно отмыл руки от этого дела. Таким образом, прорицание исполнилось в пользу римлян, которые протрубили об этом через бычьи рога, которые были вывешены перед храмом в память об этом удачном священнодействии.

Растущая популярность Сервия среди плебса заставляла патрициев стремиться избавиться от него, поскольку у них не хватало ума понять, что если они стремятся быть столпами государства, то тесный союз с низшим классом, или, как они презрительно называли его, базой, просто необходим. Случилось так, что Сервий, надеясь умиловить двух сыновей Тарквиния, отдал им в жены двух своих дочерей, хотя было бы грубой ошибкой полагать, что семейные браки обычно приводят к семейному союзу. Начались ревность и ссоры, которые закончились тем, что старшая, Туллия, уговорила мужа своей сестры Луция Тарквиния убить собственного брата и собственную жену, чтобы помериться силами с комочком женской серы, разжигавшим его жестокие страсти. Не удовлетворившись двойным убийством, за которое ее новому мужу полагалось бы быть выбитым в самом твердом воске и занять палаты среди самых страшных ужасов, Туллия постоянно шептала ему на ухо, что желает, чтобы ее отец был дальше, и этими бесовскими чарами она воздействовала на слабый и злой ум Луция Тарквиния. Когда стало известно, что Сервий Тулл намерен увенчать свое правление отменой короны и обменом царского имущества на консулов, патриции решили, что это хорошая возможность поспекулировать на падении, попытавшись свергнуть царя. Туллию и ее мужа попросили присоединиться к этому заговору, когда выяснилось, что эта жалкая и продажная парочка вполне созрела бы для любого беззакония. Поэтому было решено, что Луций Тарквиний на заседании сената должен спуститься в дом со всеми знаками отличия царской власти и, усевшись на трон, одним энергичным ударом трубы провозгласить его государем. Услышав эту новость, Сервий отправился в собрание, где все, включая трубы, казалось, процветало в пользу предателя. Когда звуки инструментов донеслись до ушей старого короля, он, казалось, на мгновение вздрогнул перед грубым взрывом, грозившим разрушить все его благожелательные взгляды, но, выйдя из дверей, в которых он стоял, он обличил дерзость и вероломство своего зятя. Последовала позорная сцена, в которой кроме ударов трубачей происходил обмен ударами, и Сервий, тщетно требовавший от предателя "сойти с трона", исполнил угрозу "оторвать его" настолько, насколько позволяют ему силы старика, вернее, его слабость. Сенаторы наблюдали за происходящим с вульгарным интересом, присущим призовому бою, и, несомненно, поддерживали бойцов обычными выражениями поощрения, которые мы можем интерпретировать только нашими привычными фразами: "Давай", "Молодой", "Браво, старый" и "Дай ему". Оказавшись слишком близко к краю трона, но крепко держа друг друга в руках, оба бойца вместе покатались вниз по ступеням трона - случай, не встречавшийся в протоколах любого другого парламента. Сразу же встав на ноги, они снова вернулись к враждебным действиям, когда Тарквиний, будучи моложе и свежее своего противника, схватил старика, слабого, как младенец, на руки и довел свою жестокость до такой степени, что повалил его на ступени сенатского дома. Сервий тщетно пытался набраться храбрости и, подхваченный, возвращался домой, когда его догнали и убили на улице, получившей название *Викус Сцелератус*, или Плутоватый ряд, из-за происходившей на ней позорной ссоры. Туллия ехала в дом, чтобы узнать новости, когда ее кучер остановился при ужасном виде лежащего на улице короля, но женская ярость лишь приказала мужчине "ехать дальше", и, как говорят, она привела свои указания в исполнение, бросив ему на голову подножку, хотя, подвергнув

эту историю обычной проверке, мы обнаружили, что у подножки не было ножки, чтобы стоять. Сервий Тулл царствовал сорок четыре года, и память о нем бережно хранилась еще несколько столетий после его смерти: день его рождения праздновали в ноны каждого месяца, потому что было известно, что он родился в какие-то ноны, но какие именно - никому не известно. Мы уже упоминали о стене Сервия, но не стоит забывать и о связанном с ней кургане Аггер, ценность которого была равна ценности самой стены, и, действительно, те, кто отдает предпочтение Аггеру перед стеной, не сильно преувеличивают. До наших дней сохранилась большая часть кургана высотой в шестьдесят футов и шириной в пятьдесят, обложенная с внешней стороны камнями-флагами, и римляне, несомненно, чувствовали себя в большей безопасности, выкладывая свои флаги на внешней стене, чем вывешивая свои знамена.

Однако величайшим делом правления Сервия была реформа конституции, которую он провел с целью примирить большие различия между патрициями и плебеями, чтобы сформировать единое могущественное тело, сделав кем-то тех, кто до сих пор считался никем. Первым делом он разделил плебеев на тридцать племен - название произошло от слова *tribus*, или три, и применялось к трем плебейским племенам, причем происхождение было настолько простым, что если бы мы спросили любого школьника, понимает ли он его, его ответ был бы таким: "Его могут выпороть", и он, несомненно, заслужил бы порку, "если бы не понимал". Эти тридцать племен были подчинены должностному лицу, называемому *трибуном*, в обязанности которого входило вести список членов и собирать *трибут* - слово, к которому читатель сразу же отнесет слово "дань". Кроме патрициев и плебеев, чье положение определялось только происхождением, Сервий считал, что есть много людей, которых можно объединить одной общей для всех связью, а именно имущественной. В связи с этим он учредил перепись, которая должна была проводиться каждые пять лет и в которой записывалось имя каждого, кто вступил в сословие человека, а также количество его другого имущества, если ему посчастливилось иметь таковое. Все это число делилось на две части, одна из которых была пешей, или *pedites*, а другая - конной, или *equites*, между которыми должна была распределяться справедливая доля прав и обязанностей. *Педиты*, или пехота, не были все на одной ступени, но подразделялись на шесть классов, в зависимости от количества их имущества, что определяло их положение в армии; но даже шестой класс, или те, кто не имел другого имущества, кроме своего собственного, не исключался из службы. Каждый класс делился на старших и младших: к первым относились мужчины от сорока пяти до шестидесяти лет, ко вторым - все, кто моложе сорока пяти и старше семнадцати лет; в этом раннем возрасте, хотя они часто не носили бороды, от них ожидали, что они выйдут вперед и будут бить врага. В дополнение к двум собраниям курий (*comitia curiata*) и племен (*comitia tributa*) Сервий учредил великое народное собрание, называемое *comitia centuriata* и состоящее из всех веков. Всего таких веков было сто девяносто три; но вместо того, чтобы каждый отдельный член имел право голоса, избирательное право распределялось между классами в зависимости от их богатства или количества ослов, которыми они владели, - принцип, который противники простого имущественного ценза сочтут несколько нелепым. При таком раскладе бедняки вообще практически лишались права голоса, если только богачи не расходились во мнениях между собой, тогда просто трудолюбивые классы, такие как *Фабри* - очень обширная семья кузнецов и плотников - *Корницины* - уважаемая раса Хорнблауэров - и другие подобные классы иногда имели достаточный вес, чтобы переломить ситуацию.

Хотя конные века составляли самый богатый класс, в одном отношении они, похоже, были немногим лучше нищих на лошадях, поскольку каждый конник получал из казны сумму на покупку лошади и ежегодную субсидию на ее содержание. Эта сумма взималась с сирот и

вдов, которые, правда, были освобождены от других поборов, хотя их пожертвования из своих скудных средств на содержание лошади заставляли многих жаловаться, что закон грубо обходит их. Собрание столетий было большим шагом к самоуправлению, и, хотя многие могут считать, что богатство фактически преобладало, всегда была возможность для представителя низшего класса попасть в высший, и таким образом обеспечивался стимул к саморазвитию, что, безусловно, не является одной из наименее полезных целей правительства. Было множество примеров того, как энергичные римляне из века в век стремительно поднимались по карьерной лестнице, показывая, что они значительно опережают эпоху или, во всяком случае, век, в который они попали по своему жребию, или, скорее, по своей малости.

Сервий ввел в Рим этрусские асы, о ценности которых мы не можем дать более близкого представления, чем констатация того факта, что римская овца стоила около десяти этрусских асов. Для бедных слоев населения эти монеты были малопригодны, и в качестве мелочи им разрешалось использовать ракушки, откуда, несомненно, и пошло выражение "вынимать ракушки" - причудливое выражение, иногда используемое для описания процесса оплаты. В некоторых частях света ракушки до сих пор используются в качестве наличных денег, и даже среди нас рыбы используются в картах как представители денег. Хотя ракушки обычно использовались для мелких торговых целей, их нельзя было принимать в качестве налогов, поскольку, когда правительству требовались сухожилия для войны, оно не удовлетворилось бы мидиями или любым другим подобным заменителем.

Римский ас был бронзовым и с одной стороны украшен портретом Януса, две головы которого мы никогда не считали лучше, чем одна, хотя на монете они выглядели уместно, возможно, в знак того, что деньги часто делают людей двуликими. На другой стороне был изображен нос корабля, что, возможно, символизирует тот факт, что деньги необходимы для того, чтобы держаться на воде.

Во времена Сервия все должны были вооружаться в соответствии со своими средствами, и самые богатые были тщательно облачены в бронзу для защиты своих лиц, в то время как более бедные, которые не могли позволить себе ничего подобного, были вынуждены доверять свою самооборону собственному природному металлу. Патриции носили с собой клипеус, или щит, таких размеров, что он часто закрывал все тело, и, укрываясь за ним, владелец часто избегал нападения врага. Материалом, из которого состоял клипеус, было дерево, покрытое бычьей шкурой, которая была так тщательно выдублена, что обеспечивала безопасность от самых суровых.

Тарквиний Супербус

становится королем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТ ВОЦАРЕНИЯ ТАРКВИНИЯ СУПЕРБА ДО ИЗГНАНИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ И УПРАЗДНЕНИЯ ЦАРСКОГО САНА.

Тарквиний взошел на трон скорее силой своих кулаков, чем силой оружия; ведь он нанес удар не только по короне, но и по лицу предшествовавшего ему несчастного государя. Перенеся свою вражду в могилу, Тарквиний отказался похоронить свою жертву и устроить ей похороны. За вспыльчивый характер новый царь получил прозвище Супербус, или Гордый, хотя у него было так же мало поводов для гордости, как и у некоторых самых презренных персонажей истории. Однако он утверждал себя с такой дерзостью, что народ был совершенно ошеломлен его притязаниями, и многие ушли из жизни, чтобы застраховать свои жизни от насилия Тарквина, как в ирландской политике. Он лишил плебеев привилегий и отправил многих на эшафот, наняв их в качестве простых каменщиков; но нашлось несколько человек, которые предпочли наложить на себя руки насилия, чем положить хоть один кирпич в великолепные здания, которые он планировал, в надежде, возможно, что великолепие построек его царствования побудит потомков лучше оценить его характер.

Он спокойно взял на себя все управление законом и добавил должность палача к должности судьи, сочетая с обоими качествами преступника, захватывая имущество всех тех, кого он

наказывал, и таким образом добавляя грабеж к насилию. Чтобы предотвратить возможность большинства против него в Сенате, он отрубил несколько голов этого органа; и хотя он никогда не снисходил до представить Ассамблее ни одного вопроса, он обращался с несчастными членами так, как будто им было за что отвечать.

Почувствовав, что постоянное жестокое обращение с собственным народом становится довольно однообразным, он стал искать разнообразия в издевательствах над вольскианцами, у которых он отобрал сумму, достаточную для того, чтобы начать строительство храма Юпитеру. Кирпичи и раствор вскоре превысили сметную стоимость, и Таркин едва успел построить нижний этаж, как столкнулся со старой историей нехватки средств, которую он решил решить, заставив людей не только работать, но и платить, облагая налогом одновременно и их время, и их карманы. Этот храм находился на Капитолийском холме; говорят, что при рытье фундамента рабочие наткнулись на свежую кровоточащую человеческую голову, что, конечно, следует считать пустой байкой; да и не следовало бы истории проводить тщательное расследование по этому поводу, поскольку невозможно вынести вердикт, не найдя сначала тела. Сообщается, что авгур, который, согласно легенде, присутствовал при этом событии, произвел *посмертный* осмотр головы, которую он опознал как голову некоего Толуса; но кто был Толус и был ли он вообще, нам не сообщает ни один компетентный орган. Авгур, чьим долгом было быть готовым истолковать все, что обнаружится, не успел увидеть голову, как, нацепив на нее самое лучшее лицо, какое только мог, объявил, что это знак того, что Риму суждено стать главой мира - очевидный кусок пышного восхваления, достойный того, чтобы быть предложенным самому плоскому из плоских, тем, кто склонен льстить. Сам храм был великим фактом, несмотря на многочисленные выдумки, которые рассказывают о нем; и нет сомнений, что, хотя, как говорят некоторые, Тарквиний Приск (старый), возможно, начал его, Тарквиний Супербус внес в него последний штрих и дополнил его колесницей и четверкой из обожженной глины, которые, если бы они сохранились до наших дней, были бы одним из самых интересных предметов древности на сайте Potter's .

Тарквиний Супербус высоко

ценит Сивиллины книги.

До нас дошел любопытный анекдот, связанный с книготорговлей того времени, и он достаточно интересен, чтобы передать его читателям этой работы, которые вольны либо принять его, либо опустить по реальной стоимости. Рассказывают, что к Тарквину пришла женщина, принеся с собой девять книг, и, выразив желание заняться делом, попросила триста золотых за весь комплект томов. Король отверг это предложение, сославшись на непомерно высокую цену, и пожелал, чтобы она ушла с книгами, когда она торжественно посоветовала ему не отказываться от сделки. Убедившись, что он упрямится, женщина, которая, судя по всему, была сибиллой и зарабатывала на книготорговле пророчеством, бросила в пламя три тома, которые, приняв на несколько минут вид иллюминированных копий, вскоре не оставили ни следа, ни искры гения, которым они могли быть вдохновлены. Вскоре сибилла нанесла Таркину второй визит, прихватив с собой шесть оставшихся томов; и, напрасно запросив за несовершенную копию ту же сумму, что и за весь труд, она провела своего рода второе издание Бернса, бросив в огонь еще три свои книги. К удивлению Тарквина, она появилась в третий раз со своим запасом книг, который теперь уменьшился до трех; на замечание короля: "Что вы хотите за них?" - она ответила, что ее цена - триста золотых; что она не снижает цены; что если книги не будут немедленно куплены, то они быстро превратятся в легкую литературу и, сгустившись в один густой дым, конечно, покинут королевскую резиденцию. Король, удивленный настойчивостью женщины, решил наконец

послать за оценщиком, чтобы тот осмотрел книги, и тот объявил, что они вполне стоят своих денег. В них содержались различные средства от болезней, указания по приготовлению жертвоприношений и другие интересные материалы, а в качестве приложения - собрание оракулов Кумæ, так что тома представляли собой своего рода энциклопедию, включающую в себя достоинства Кулинарной книги, Домашней медицины Бьюкена и Полного гадательного справочника. Таркин[10] стал покупателем этих трех очень странных томов, которые, похоже, были оценены не столько по их внутренней ценности, сколько по цене, которую они принесли; они были бережно убраны в библиотеку Темпла.

Правительство стремилось не допустить, чтобы народ узнал, что могут содержать эти книги, и должность библиотекаря была поручена двум лицам знатного происхождения, исходя из не очень лестной для аристократии идеи, что патриции будут лучшими поборниками невежества. Один из этих офицеров, поступивший несоответственно своему званию и сообщивший какую-то информацию согражданину, был смещен со своего места и брошен в море в мешке; так что бессердечный каламбурист может сказать, что он получил мешок в двойном смысле.

В то время как дома шли строительные работы, за границей происходило разрушение, и Габии, находившиеся примерно в двенадцати милях от Рима, стали объектом враждебности короля. Послав против них одного из своих капитанов, который был отбит крупными силами, Тарквиний решил попробовать вероломство. Он отправил своего сына Секста жаловаться на жестокое обращение со стороны отца и просить о жалости габиев, которые не только поверили рассказу, но даже назначили Секста своим генералом. В конце концов его выбрали наместником, и, обнаружив, что Габии полностью в его руках, он послал к своему собственному наместнику Тарквинию узнать, что с ними делать. Царь находился в саду, когда прибыл гонец; когда тот задал вопрос, тот ничего не ответил, но продолжал сбивать тростью головки самых высоких маков. Гонец рискнул раз или два намекнуть, что ждет ответа, но головы маков разлетались во все стороны, и он, дрожа за свои, сам улетел, чтобы избежать несчастного случая. Вернувшись, он рассказал об этих обстоятельствах Сексту, который считал маки эмблемой Габиев; и действительно, тот, казалось, так крепко спал, что сравнение было не только справедливым, но и одиозным.

Секст, поняв отцовский намек, срубил несколько голов людей, и, продолжая аллегорию в полной мере, оборвал цветок Габиев. Многие из их самых прекрасных цветов погибли от слишком раннего удара; лишившись, таким образом, того, что можно по праву назвать первосортным, земля вскоре была усеяна победоносными штандартами Тарквиния. Однако вместо того, чтобы привить яблоко раздора, он благоразумно привил габиев к римским подвоям и таким образом вырастил единственный по-настоящему ценный плод победы.

Злая совесть

Тарквина.

Тарквина очень беспокоили знамения времени; вернее, его так мучила злая совесть, что если на его пути появлялась змея, то она, казалось, нависала над ним, как страшный груз; а если он ложился спать, то под рукой всегда оказывалось кобылье гнездо, чтобы мучить его ночным кошмаром. Ему снилось, что в его саду поселились орлы, а когда они на время покинули гнездо, стервятники позавтракали только что снесенными яйцами и, вооружившись клювами, завладели опустевшим домиком. Не в силах прогнать стервятников из головы, он стремился выяснить значение этого предзнаменования, ибо стал настолько суеверен, что если видел, как воробей спрыгивает с ветки, то считал это знаком того, что и сам вот-вот спрыгнет с ветки каким-то неожиданным образом. Сомневаясь в эффективности собственных авгуров, на которых он уже начал ссылаться, как на пророков в своей стране, Таркин решил обратиться за помощью к чужеземным талантам, а так как предзнаменования были для него хуже греческих, он отправился к оракулам в Дельфы, думая, что если для них вопрос был греческим, то они смогут его истолковать. Посланцами к гадалкам были два его сына, Арунс и Тит, а также племянник, некто Луций Юний Брут, который, хотя и был чрезвычайно разумным молодым человеком, имел привычку прикидываться дурачком, чтобы отвести подозрения от своего дяди. Хотя Брут и принимал вид идиота и вообще положил глаз на вакансию, это было сделано лишь для того, чтобы скрыть тот факт, что на самом деле его целью была вакансия на троне. Оракулу, который в отсутствие подарков не спешил говорить, приносили ценные дары. Когда Брут вложил в руку жрицы *батон*, она по весу поняла, что *батон* - пустой предлог для передачи взятки, которую она искала, нашла и спрятала в карман. Под влиянием большого куска золота, хитроумно переданного жрице, Брут осмелился спросить, кто будет следующим царем Рима, на что она ответила, что все претенденты должны отправиться домой к своим матерям, так как "кто первый поцелует свою мать, тот и будет править". Тит и Арунс сразу же направились к своей маме и, желая поцеловать ее, побежали изо всех сил, чтобы успеть на первый автобус, но Брут, которого они, возможно, подставили подножку, чтобы помешать ему стартовать, приветствовал свою мать-землю, чмокнув в губы в ответ на удар по лицу, который нанесло ему его падение.

Когда послы вернулись в Рим, они нашли Тарквина таким же нервным, как и прежде; и нет сомнений, что если бы в те дни был известен чай, король вечно сидел бы над своими чашками, пытаясь найти основания для своих страхов в составе напитка. Казна была истощена его строительными спекуляциями, народ с каждым днем становился все более недовольным, и, чтобы отвести недовольство от дома, он втянул его в ссору с Ардеей, городом, расположенным на возвышенной скале, на который римляне бросились с лихой энергией. Попытка взять город общим штурмом и батареей оказалась тщетной, так как скала стояла крепко; и было вероятно, что если римляне останутся у ворот и будут стучать снова и снова, то в конце концов будут вынуждены завалить их. Поэтому они решили зажать ардеев внутри, так как выбить их оттуда не было никакой возможности, и военные укрепления непрерывной нитью протянулись вокруг границ города.

Римляне, действуя как своего рода оккупационная армия, разумеется, почти ничем не занимались; а поскольку солдатам так трудно убивать свое время, офицеры имели привычку ужинать пополам друг у друга в покоях. На одном из таких ужинов сыновья короля и их двоюродный брат, некто Тарквиний, по фамилии Коллатин, из города Коллатия, обсуждали достоинства своих жен, и каждый из офицеров с нетерпением, которое среди военных сдерживала бы самая обычная вежливость, расхваливал свою собственную жену за счет всех остальных.

В конце концов было решено, что мужьям следует немедленно отправиться в Рим и, нанеся неожиданный визит всем дамам, присудить пальму первенства той, которая будет вести себя наиболее похвально, когда к ней бесцеремонно заглянут. Сначала они навестили жену Секста, которая устроила дома большой вечерний бал и была немало смущена этим неожиданным открытием ее полуночных забав. Танцы были в самом разгаре, и, поскольку один великий писатель сказал о танцах у римлян: "*Nemo fere saltat sobrius, nisi forte insaniat*"^[11] - любой, кто танцует, должен быть либо очень пьян, либо безумен, - мы можем догадаться о состоянии компании, которую Секст нашел в своей резиденции. В одном из углов, возможно, играли в игру *Par et Impar* - "чет или нечет"; ведь ничто не может быть более чисто классическим, чем происхождение некоторых из тех видов спорта, которые являются почти единственным предлогом для работы наших современных уличных сторожей. Часть гостей, возможно, развлекалась с *тали*, или "костяшками", другие могли быть заняты в *Jactus bolus* - "толкании и бросании"; то тут, то там среди веселящихся могли раздаваться знакомые возгласы *Aut caput aut navem* - "головы или хвосты" античности.

Миссис Секст

утешает себя маленькой вечеринкой.

Следующее их посещение было в доме Коллатина, жена которого, Лукреция, тоже была занята балом, но хлопковым, и вместо того, чтобы предаваться вихрю танца, она пряла со своими служанками, чтобы скоротать долгие, тоскливые часы отсутствия мужа. Секст сразу же признал, что Коллатину действительно досталось сокровище в жены, и офицеры вернулись в лагерь; но через несколько вечеров после этого, воспользовавшись знакомством ее мужем, Секст нанес даме второй визит. Будучи родственником, он попросил ее чувствовать себя как дома, но его манеры стали настолько странными, что Лукреция не могла его разглядеть; а поскольку он не собирался ехать домой до утра, она удалилась в свою комнату, полагая, несомненно, что, оставшись один в гостиной, он поймет намек, прикажет подать коня и отправится в свое жилище. Однако Лукреция была потревожена среди ночи Секстом, который стоял над ней с обнаженным мечом и проявлял такую грубую наглость, что утром она первым делом послала гонца за мужем из Ардеи и за отцом из Рима,

который быстро прибыл со своим другом, П. Валерием, весьма уважаемым человеком, получившим впоследствии имя Публикола. Коллатинус привел с собой Л. Я. Брута, и Лукреция, быстро рассказав о своих злодеяниях, еще быстрее расправилась с собой, прежде чем кто-то успел схватить смертоносное оружие. Месть Тарквину и всему его роду была немедленно заклета четырьмя друзьями в своеобразном квартете, а Л. Я. Брут, выхватив кинжал, сделал на этом акцент в своей речи, обращенной к народу на рынке. Негодование против семьи Тарквиниов было уже основательно подогрето, и Брут, отправившись в Рим, созвал общественное собрание на Форуме. Он открыл заседание, рассказав о том, что было сделано, и, выступив со своим заявлением, предложил низложить царя; тогда в качестве поправки было предложено и единогласно принято решение расширить резолюцию, добавив слова "и изгнать его жену и семью". Сразу же был сформирован отряд добровольцев, который отправился в Ардею, где, как предполагалось, находился царь; но, узнав о восстании, он сразу же покинул лагерь и направился в Рим, где нашел ворота закрытыми и, чувствуя себя отстраненным от трона, укрылся со своими двумя сыновьями, Титом и Арунсом, в Каере, в Этрурии. Там история теряет старого царя из виду, но Секст был отслежен до Габиев, княжества, главой которого он себя считал; но народ вскоре обманул его, показав, что не хочет иметь никакого главы, и однажды в беспорядке отрубил ему голову.

Туллия бежала, и неизвестно, куда; но милосердие к павшему королю заставляет надеяться, что королева ушла в другом направлении, чем он сам. Ардеи согласились на перемирие сроком на пятнадцать лет - несколько затянувшаяся грамота, - в течение которых все враждебные действия должны были быть приостановлены, а народ постановил полностью упразднить царское достоинство. Царский род был превращен, так сказать, в консулов, а Л. Юний Брут вместе с Л. Тарквинием Коллатином были избраны на один год для замещения последней должности.

Прежде чем завершить рассказ о том, что обычно называют царским периодом истории Рима, следует честно заявить, что хотя некоторые из предполагаемых царей были хорошими, а другие - плохими, все они должны рассматриваться как весьма сомнительные личности. Факт их существования зависит не от лучшего авторитета, чем некоторые анналы, составленные более полутора веков спустя после того, как материалы для их составления были уничтожены; и поэтому мы вынуждены полагаться на заявления некоторых рассказчиков, принадлежащих, как мы опасаемся, к тому классу, чья память, согласно пословице, должна быть превосходной. Притворяясь, что вспоминают то, чего никогда не знали, они иногда забывали самих себя, а выстраивая свои истории, показывали, как простая выдумка может воздвигнуть якобы прочную ткань.

Из семи царей, которые, как говорят, правили в Риме в течение почти двухсот пятидесяти лет, трое или четверо были убиты; еще один утонул в трясине, а другой бежал, спасая свою жизнь, которую он сохранил благодаря своей скорости, хотя он был последним из рода царственных особ. Трудно распределить эти семь государей на два с половиной века, и мы чувствуем, что с таким же успехом можно попытаться покрыть акр хлеба тонким ломтиком ветчины или превратить реку Темзу в Негус, бросив в нее несколько стаканов хереса. Из самых ранних римских летописей некоторые были сожжены, оставив студенту лишь хворост, от которого в наши дни вряд ли можно получить много света, но большая часть ранней истории Рима дошла до нас благодаря традиции, этому необычному перевозчику, который постоянно увеличивает объем, но уменьшает вес предметов, переданных ему для доставки.

О состоянии народа в этот ранний период практически ничего не известно, и развлекать себя пустыми догадками было бы не лучше, чем превращать в игру в слепого буффона важное дело истории. Однако мы можем с уверенностью утверждать, что самые ранние римляне не имели регулярной чеканки монет, но имели привычку отвечать на требования своих кредиторов латунью в самой грубой форме. Считается, что Сервий Туллий был первым, кто превратил латунь в монету и пометил ее фигурой лошади или какого-то другого животного,^[12] в качестве эмблемы, возможно, того факта, что деньги уходят очень быстро.

Среди первых римлян самыми почетными занятиями были сельское хозяйство и война; последнее позволяло гражданам завоевывать землю мечом, а первое учило их подчинять ее своим целям с помощью земледельческих орудий. Торговля и коммерция были в пренебрежении и оставлены плебеям; патриций считал себя достойным занятием только тогда, когда молотил свою кукурузу или проводил ту же операцию над своими врагами.

Во время раннего существования города местных художников было мало, а великие произведения архитектуры, созданные поздними королями, были украшены иностранными талантами из Этрурии. Письменность в Древнем Риме была развита так слабо, что сомнительно, чтобы многие патриции могли написать свои имена; и даже некоторые из самых выдающихся персонажей того времени были людьми незаметными не только по своему положению, но и по подписям.

Друзьям образования не очень приятно обнаружить, что, хотя невежество было почти всеобщим среди первых римлян, в народе существовал благотворный тон морали, который заставлял их не только осуждать в своих традициях жестокость и распущенность принципов, преобладавших в семье их последнего царя, но и отдавать должное домашним добродетелям Лукреции. Легенда о том, что она была найдена прядущей со своими служанками, в то время как принцессы дома Тарквина кружились в танце во время отсутствия своих мужей, достаточна, чтобы показать, как ценились благопристойность и трезвость, а также одиозность, которой сопровождалось буйное веселье. Патрицианская молодежь младенческого и неграмотного Рима устыдилась бы тех ночных гуляний, которые преобладали среди части малолетней аристократии и дворянства в более цивилизованных странах и в более просвещенный век, когда дверные стуки и колокольные ручки были унесены как *spolia opima* с какого-то беспорядочного триумфа.

ССЫЛКИ:

[10] Некоторые говорят, что книги купил Тарквиний Приск; но не имеет большого значения, кто был настоящим покупателем, так как вся история, скорее всего, является "продажей" как со стороны рассказчиков, так и со стороны сибиллы.

[11] Цицерон. Правда, это было сказано в гораздо более позднее время, чем то, о котором мы сейчас пишем; но танцы, кроме как в связи с определенными церемониями, считались унижительными у римлян с самого раннего периода.

[12] Таким образом, от слова *pecus* - скот - произошло слово *pecunia*, обозначающее деньги и дающее начало нашему собственному слову "pecuniary".

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ОТ ИЗГНАНИЯ ТАРКВИНИЯ СУПЕРБА ДО БИТВЫ НА ОЗЕРЕ РЕГИЛЛ.

Брут, получивший известность благодаря клятве, что в Риме не должно быть ни монарха, ни единого правителя, оказался в единоличном владении верховной власти. Его положение не представляет собой ничего примечательного для современного наблюдателя, привыкшего видеть, как те, кто вчера осуждал ту или иную систему, сегодня пользуются ее благами и объявляют свои собственные аргументы совершенно неуместными в применении к себе, когда находятся на своем посту. Брут, однако, не мог последовательно осуществлять власть, которую поклялся свергнуть; чтобы провести в жизнь свои антимонархические принципы, он должен был либо уйти сам, либо попросить коллегу. По тому же принципу, по которому полквартала предпочитают полному безделью, Брут предложил партнерство в правительстве; Коллатин был принят в эту фирму, которая оказалась совсем не твердой, так как очень быстро была распущена. Трудность соглашения между двумя представителями одной профессии остро ощущалась двумя популярными реформаторами, которые делили имущество без имени той власти, которую они поклялись уничтожить; вскоре стало очевидно, что если они считали его слишком большим для одного, то для двоих оно оказалось недостаточным; соответственно, они постоянно ссорились. Чтобы предотвратить столкновения, они попробовали взять на себя верховную власть по очереди, каждый принимая фасции на месяц; но это попеременное разрубание царских палок, или фасций, которые были эмблемами власти, не привело ни к чему удовлетворительному.

В конце концов возник вопрос, по которому двойственность правящего ума проявилась столь отчетливо, что оба консула, само имя которых происходит от *con* - с и *salio* - прыгать, пытались прыгнуть в две противоположные стороны; и конец их собственной власти был единственным выводом, к которому они могли прийти вместе. Таркин удалился в Каэру, ожидая шансов на восстановление своей линии; но его линия оказалась в таком презрении, что он тщетно пытался добиться своего возвращения, хотя все же отправил послов с требованием восстановить себя или, во всяком случае, свою частную собственность.

Сенат постановил, что хотя Таркин не может получить фасции, он вправе сделать связку из всех остальных палок, которые могут ему принадлежать. По этому вопросу Брут и Коллатин яростно противостояли друг другу, и оба, разгорячившись, привели к взаимному охлаждению, которое закончилось открытой враждой, закрывшей всякую надежду на компромисс. Коллатин сдался и ушел, его сменил П. Валерий, один из тех четверых, кто поднял народный дух над копьем Лукреции.

Послы Тарквина, не удовлетворившись разрешением вывезти его имущество, преследовали другие цели: в тылу у них был план его реставрации, а в фургоне они не позволяли показывать ничего, кроме мебели покойного царя. Заговор обсуждался после ужина в кругу заговорщиков, когда один из официантов, спрятавшийся за дверь, подслушал его и побежал к Валерию с эксклюзивной информацией. Предатели были схвачены, и когда они предстали перед консулами, Брут, узнав среди преступников двух своих сыновей, подверг и их, и себя очень суровому испытанию. Спросив их, что они могут сказать по поводу

обвинения, и не получив в ответ ничего, он посмотрел в лица своих сыновей и, объявив, что должен объединить всех злоумышленников в одну общую голову, которая должна быть отрублена, призвал ликторов к исполнению своего долга. Оставив остальных пленников на суд Валерия, Брут шепнул своему коллеге: "Теперь суди их и оправдай, если сможешь"; но он мог лишь исполнять закон, а закон мог казнить только преступников. Послам было позволено оставаться на свободе, хотя их заговор доказывал, что они мало чем занимались; правительство отозвало разрешение на вывоз имущества Тарквина, которое было поделено путем сговора между жителями.

Таким образом, Таркин, разбивший двадцать ценных столов Сервия, был обречен на то, чтобы столы были перевернуты против него самого, в то время как каждый лист первого был восстановлен консульским правительством. Земельные владения Тарквинов были распределены между плебеями, так что у изгнанной семьи не было шансов вернуть утраченные земли, которые впоследствии стали называть Марсовым полем, или *Campus Martius*. Кукуруза на конфискованных участках созрела, но люди совестливо возражали против потребления продуктов, выращенных не их собственным трудом, и не позволили зерну тирана перевесить их честные побуждения. Выбросив за борт все мысли о выгоде, они бросили зерно в Тибр, который, как говорят, был настолько мелким, что снопы застряли в иле и образовали небольшой остров, известный как *Insula Tiberina*. В то, что участок земли, каким бы маленьким он ни был, должен быть образован урожаем кукурузы, каким бы обильным он ни был, верится с трудом: но история о пшенице может найти поддержку только у самых длинных колосьев; ведь здравый смысл признает, что в попытке придать достоверность этой истории, она должна идти вразрез с зерном при правильном просеивании всех доказательств.

Отказавшись от надежд на восстановление с помощью хитрости, Таркин решил прибегнуть к стратегии и вывел в поле большую армию, значительную часть которой составляли вейи, а его сын Арунс возглавил этрусскую кавалерию. Римские консулы командовали своими войсками: Валерий возглавлял пеших, а Брут, сидя на умном кобеле с крепким мечом, который можно назвать полезной рукоятью, возглавлял конных. Когда Арунс выехал на поле, он узнал Брута в плаще Тарквина, и юноша почувствовал, как кровь от негодования прилила к его щеке при первом же взгляде на мантию. Он мгновенно бросился на Брута, а тот с не меньшим рвением набросился на Арунса, и столкновение было столь сильным, что дыхание выбило одним ударом из обоих тел.

Арунс и Брут.

Враждующие вожди упали на землю, битва разделила их участь, и обе армии разошлись по своим лагерям, но ни одна из них не признала за собой победы. Легенда гласит, что бог Сильванус - тревожный представитель классических божеств и синоним Пана - услышал ночью крик о том, что этруски потеряли на одного человека больше, чем римляне, и последние выиграли битву. Это сообщение о результате поединка, хотя и с перевесом в один голос, так встревожило этрусков, которые всегда панически боялись голоса Пана, что они обратились в бегство, оставив врагам все, что те унесли с собой, включая все имущество, которое беглецы оставили после себя. Останки Брута принесли на Форум, где они и покоились; но состояние их было поистине плачевным, ибо покойного консула так избили, что, будь он жив, он вряд ли узнал бы себя даже с помощью размышлений. Его коллега, Валерий, произнес речь о его ушедших добродетелях, составив их каталог и назначив каждому из них самую высокую цену.

На вопрос: "Поставить ли Бруту статую?" - вскоре был дан утвердительный ответ, и его поместили среди королей, хотя он и разрушил монархию. Там, где неудача делает предателя, успех делает патриота: и от мельчайшей случайности может зависеть вопрос, отправится ли автор замысла против плохого правительства к скульптору или к палачу.

Р. Валерий не спешил просить народ о коллеге и некоторое время сам вел все дела главной магистратуры, так что, если бы не само название должности, Рим мог бы с тем же успехом оставаться монархией. Этот факт, по-видимому, наконец-то бросился в глаза общественности; и когда стало известно, что П. Валерий строит себе каменную резиденцию в сильном месте, по стране поползли слухи, что он стремится основать свой собственный дом или семью на царской власти. Услышав об этом, он немедленно остановил работы в своей резиденции и, созвав собрание куриалов, предстал перед ними с перевернутыми фасциями - знак того, что связки прутьев предназначались не только для того, чтобы бить ими по спинам людей, но что они хранились как бы в доверительном управлении и для наказания за проступки в целом. Такое обращение с фасциями настолько очаровало народ, что он оправдал П. Валерия по всем пунктам и, признав свои подозрения в заговоре беспочвенными, выделил ему участок земли для строительства дома. Насладившись вкусом популярности, он продолжал ухаживать за ней с таким успехом, что получил имя Publicola,

или тот, кто честует публику; и он, несомненно, ввел много полезных правовых реформ, занимаясь юриспруденцией в духе истинного праведника. Он предоставил магистрату право апелляции к народу в случаях, когда наказание назначалось в виде штрафа, порки или повешения; в последнем случае это положение было чрезвычайно полезным, поскольку отсрочка приговора часто позволяла избежать необходимости отстранять предполагаемого преступника. Однако это право на апелляцию было ограничено пределами одной мили от города; такое положение оправдывало создание лиги для отмены мили как ненужного различия, абсурдность которого мы можем показать, лишь предположив возможность того, что преступление, совершенное в Найтсбридже, будет караться в Ньюгейте немедленной смертью; в то время как преступник с Холборн-Хилл, хотя и ближе к месту казни, будет находиться дальше от эшафота.

Приняв несколько полезных законов и обеспечив себе, так сказать, сливки популярности, он предложил избрать коллегу, который мог бы разделить с ним эту долю. Новым консулом стал Спурий Лукреций, но бедный Спурий не получил ни одной из подлинных сладостей власти. К моменту назначения на должность он был уже настолько преклонных лет, что одной ногой уже находился в могиле, а другой отправился туда же, как только занял новую должность. На место бедного старика был выбран Гораций Пульвиллий, и вскоре произошел инцидент, который вызвал разногласия, приведшие к чему-то большему, чем личное безразличие между двумя консулами. Храм Юпитера на Капитолии, названный так из-за инцидента, о котором уже говорилось, Капут Толи, или голова Толуса, еще не был посвящен; и когда было решено, что это должно быть сделано, возник следующий вопрос: "Кто должен это сделать?" Оба консула очень хотели получить эту работу, и в конце концов было решено провести жеребьевку, чтобы разрешить этот нерешенный вопрос, который привел к такому решительному охлаждению между П. Валерием и его коллегой. Гораций стал счастливым, которому фортуна благоволила; он уже собирался совершить церемонию, как вдруг без всякой церемонии вбежал гонец с известием, что сын консула внезапно скончался. Полагая, что тревога ложная, Гораций намекнул, что подозревает его в одном из самых черных дел, предложив тем, кто принес эту весть, пойти и присутствовать на похоронах. "Что касается меня, - воскликнул он, - то у меня сейчас другие дела"; и, продолжая работу по посвящению, он продолжил отмечать начало новой эры, вбив огромный гвоздь в стену храма. Именно таким образом хронология преподавалась ранним римлянам, которым буквально вбивали даты; и если консул попадал гвоздем в голову или шел правильным путем, ошибиться было практически невозможно.

Первый образец дипломатии, который можно встретить в записях Рима, следует отнести к первому году Республики, когда был заключен договор с Карфагеном и выгравирован на медных таблицах. Материал соответствовал цели, которой он служил, а язык был настолько туманным, что современный договор едва ли смог бы превзойти его по двусмысленности. Некоторые его части были непонятны даже самым ученым римлянам; и если бы возникли разногласия по поводу толкования договора, таблицы, должно быть, оставили бы для наглядности, поскольку никто не смог бы объяснить их смысл. Хотя этот документ мог многое прояснить, он прояснил одно: он доказал, что история ошибалась, утверждая, что Гораций сменил Брута, так как они описаны как оба вместе были консулами на момент заключения договора. Следуя обычной версии или извращению фактов или вымыслов, связанных с возвышением Рима, мы принимаем историю такой, какой мы ее находим; и хотя известно, что многое в ней ложно, мы, постоянно признавая это, не даем яду долго оставаться без противоядия.

Р. Валерий был еще консулом, а его коллегой был П. Лукреций, когда старый царь Таркин оказался в гостях в Клузиуме, в Этрурии, у местного лара Порсенны.^[13] После ужина Таркин часто рассказывал о своих предполагаемых злодеяниях и вызывал симпатии хозяина, который заявил, что римляне должны получить через посредничество Порсенны огромную физическую помощь. Лар, соответственно, отправился во главе своей армии, и, когда стало известно о его приближении, жители пригородов Рима в ужасе бросились в город. На протяжении всего пути Порсенна вводил сильные дозы всем, кто противостоял его пути, и грабил страну самым решительным образом. Прибыв в Рим, он сразу же форсировал Яникул, и гарнизон с вождем во главе и врагом почти по пятам бросился в город. Теперь между римлянами и нападавшими не было ничего, кроме деревянного моста, или *Pons Sublicius*; и когда люди попросили утешения у своего консула, ему нечего было им предложить. Взглянув на воду, он увидел, что времени на размышления нет, и приказал рубить мост, когда Гораций Коклес, привратник, вызвался дать отпор врагу. "Мне нужны только двое, - вскричал Гораций, - только двое, чтобы вместе со мной броситься на великую карту - безопасность Рима"; и тут же появились, как готовые "стоять насмерть", если придется умереть, юноша Спурий Лартий из рода неминян и Герминий, принадлежащий к титам. Три героя заняли позицию у подножия моста, решив, что никто не должен проходить без уплаты налога в виде удара по голове, который доблестная троица была готова выполнить. Единственным приветствием этрусской армии был крик издевательского смеха, но вскоре смех перешел на другую сторону этрусского рта и совсем утих, когда обнаружилось, что не менее полудюжины языков лизали пыль вместо врага. Армия Порсенны продвигалась вперед под звуки труб, которые, казалось, уже не только не процветали, но и были неспособны нанести удар, как и сами солдаты. Несколько человек из тыла крикнули "Вперед!" тем, кто находился в фургоне; но среди передовых людей раздался такой решительный крик "Назад!", что все находились под влиянием общей дурноты, и каждый строй свидетельствовал о трусости.

Пока этруски тряслись в своих башмаках на одном берегу реки, римляне дрожали от холода, сбивая балки и стропила на другом. Они до основания разрушили мост или, скорее, спустили его на воду, когда обратились к своим доблестным защитникам с призывом вернуться, пока еще оставался настил - один-единственный, чтобы они могли перебраться к своим партнерам.

Лартий и Герминий, видя, что игра почти закончена, решили, что единственная карта, которую они могут разыграть, - это отбросить своего товарища и спастись хитростью, которая, однако, оставит все почести Горацию. Двое из них перемахнули через мост как раз перед тем, как остатки моста рухнули в воду, забрызгав прилив и усыпав его осколками.

Теперь Гораций был один в своей славе, с врагом перед ним и потоком позади; единственная альтернатива - смертельно горячий прием со стороны одного и некомфортно холодный со стороны другого. Не желая просить пощады у Порсенны, он взмолился о милосердии Тибра и, смело окунувшись, бросился на милость реки. Закованный в латы, он оказался в особенно тяжелом положении, и, будучи обремененным руками, едва ли мог пользоваться ногами. Тем не менее он плыл уверенно, сердце его не замирало, и в конце концов, почувствовав, что его нога коснулась дна, он понял, что его надежды не были беспочвенными.

Гораций Коклес

защищает мост.

Благодаря мужеству и силе Гораций преодолел все препятствия, и Коклес был обязан счастливым результатам своего опасного эксперимента не только мускулам своего тела, но и сердцевине. Чтобы вознаградить его за риск на воде, благодарный народ выделил ему большой участок земли и воздвиг его статую в Комиции, части Форума, откуда ораторы имели привычку выступать, и где фигура Горация была помещена, чтобы говорить за себя перед населением. Хотя врага не пускали в город, римляне оставались в нем, а провизии с каждым днем становилось все меньше и меньше - такой рост, конечно, приводил к постоянному сокращению. Гораций был так благодарен гражданам, что они обязались давать ему всегда столько, сколько он мог съесть; и хотя этот факт подразумевает отвратительный каламбур, мы вынуждены констатировать правду, что, чтобы дать ему пустыню, многие остались без обеда.

Римляне заявили, что будут держаться до последнего, и хотя у них почти не осталось еды, хотя они могли бы сразу же ее добыть, если бы согласились съесть свои собственные слова, они отказались утолять свой голод таким унижительным способом. Потеряв всякую надежду на спасение города, сенат заключил соглашение с неким Каем Муцием, который немного говорил по-тоскиански и обязался переправиться через воду, чтобы убить Порсенну. Муций переоделся в этрурский шлем - что-то вроде тоскианского чепца - и с мечом, спрятанным под складками обширного римского плаща, прибыл в лагерь Порсенны как раз в тот момент, когда солдатам выплачивали жалованье. Пока солдаты собирались получить свое жалованье, Муций небрежно выхватил меч и, увидев довольно красиво одетого человека, бросился на него, чтобы при помощи оружия нанести ему самую некрасивую повязку.

Напавший на него человек был быстро отправлен восвояси, но оказалось, что жертвой вместо царя стал несчастный писец, или писатель, который никак не мог быть готов к такой необычной судьбе гения. Если бы критики безжалостно изрезали его, писец почувствовал бы, что его смерть в какой-то степени была делом случая; но быть убитым по ошибке за короля - это результат, против которого мог бы справедливо возразить любой член республики писем. На первый взгляд может показаться удивительным, что литератор должен был быть хорошо одет и находиться в обществе короля, но следует помнить, что писец не обязательно был человеком с выдающимися способностями. Его искусство было искусством простого переписчика, которое даже в наши дни часто приносит репутацию подражателя, которого часто путают с человеком оригинального гения, вместо того чтобы путать с ним. Переписчики древности, как и многие современные писатели, занимались не более чем изложением чужих мыслей, и, поскольку их стиль был чрезвычайно жестким, состоящим из куска железа, которым они писали по воску, их работы вряд ли могли произвести очень глубокое или долговременное впечатление.

Нашу жалость к несчастному литератору значительно уменьшает тот факт, что, находясь в лагере, он, несомненно, обедал со стражниками; кроме того, мы знаем, что он был одет демонстративно - два обстоятельства, указывающие на жеманство манер быстрого человека, которое всегда не подобает литератору.

Муций уже собирался удалиться после исполнения задуманного, но его схватили сопровождающие, а затем его охватили угрызения совести, когда ему сообщили, что вместо Порсенны он послал безобидного литератора. Приведенный к царю, Муций обнаружил его сидящим перед огнем большого алтаря. Выслушав обвинение, этрусский вождь указал на понесенное наказание, когда пленник, сунув правую руку в огонь, позволил ей оставаться там с необычайной прохладой или, скорее, с сильнейшим жаром, пока она не сгорела до запястья; в заключение акта самосожжения он заявил, что есть еще триста человек, готовых, как и он, взять в руки оружие и отжечь руку, наперекор своему угнетателю. Порсенна, с интересом наблюдавший за мучительным процессом, был так восхищен проявленной стойкостью, что вскочил со своего места и, мысленно отметив, что "этот парень удивительно хладнокровно справился с подобной операцией", приказал нескольким стражникам отвести его в безопасное место в Рим, одновременно посоветовав Муцию впредь вести себя более мудро.

Муций Сцевола

перед Порсенной.

Муций вернулся в Рим, где получил прозвище Сцевола (от *Сцера*) из-за того, что был левшой, или, возможно, из-за того, что проявил такую полную нехватку ловкости в деле, за которое взялся.

Порсенна, услышав, что триста римлян готовы лишиться его жизни, почувствовал себя неловко при таком страшном раскладе, как триста к одному против него; он ни на минуту не мог успокоиться, пока не был заключен мир с Римом. Он отправил послов для переговоров о заключении договора, который вскоре был заключен; единственная трудность возникла в связи с предложением о восстановлении Тарквина, которое его подданные не хотели слушать; и хотя до сих пор они с Порсенной гребли в одной лодке, последний счел необходимым выбросить первого за борт. Рим был вынужден вернуть отнятую у вейев территорию, а Порсенна потребовал несколько заложников, среди которых были несколько молодых дам из главных римских семей. Одну из них звали Клелия, которая вместе с другими девицами, решившись на смелый прыжок ради своей свободы, прыгнула в русло Тибра и поплыла, как партия уток, на другой берег реки. Клелия прибежала домой в промокшей одежде, но вместо теплого приема ее встретило мокрое одеяло, так как отец, опасаясь, что ее побег будет навлечен на Рим, отправил ее обратно, как сбежавшую школьницу, в лагерь Порсенны. Тот повел себя со свойственным ему великодушием: он не только помиловал Клелию и ее спутников, но и отправил их домой к родителям, которые, возможно, лучше Порсенны знали, как с ними обращаться.

Клелия и ее

спутники бегут из этрусского лагеря.

Этрусский монарх, похоже, был из тех, кто ничего не может делать наполовину, но, отдав врагу четверть, он не успокаивался, пока не отдавал все, что отнял у побежденных. Он без промедления отдал им всю провизию, оставшуюся в его лагере, и, по сути, оставил после себя столько товаров и имущества, что на публичных аукционах в течение многих лет после этого было принято объявлять их "собственностью короля Порсенны". Вернувшись в Клузиум, он, как полагают, затворился дома и больше не выходил на улицу, поскольку мы больше не встречаем его ни на одной из исторических дорог.

Оправившись от удара или серии ударов, полученных от Порсенны, римляне были готовы обратить свой гнев на ближайший предмет, а сабиняне были удобно расположены для того, чтобы получить его в большом количестве. Раздраженные врагом, сабиняне потеряли самообладание, и некоторые из них, среди которых были Атта Клаус, или Аппий Клавдий с семьей, перешли на сторону Рима. Отступники были приняты своими новыми союзниками с почетом, ведь отступничество, которое должно было нести в себе позор, даже в те времена слишком часто считалось добродетелью. Клавдии стали патрициями Рима, который, похоже, всегда обхаживал новообращенных, предлагая самую высокую цену тем, кто был готов расстаться со своими старыми взглядами и принципами. Валерий Публикола - или, как некоторые называют его, Попли-кола, тот, кто почитал народ, - умер вскоре после вышеупомянутого события и удостоился комплимента в виде великолепных похорон. Процессия началась с оркестра волынщиков, каждому из которых платила публика, и корону несли в штате; но по такому случаю пустая корона не могла свидетельствовать ни о чем, кроме собственной пустоты.

Доспехи, принадлежавшие покойному, хоронили вместе с ним, как бы в насмешку над их бесполезностью против атак мрачного врага; а лицо раскрашивали, как это до сих пор

принято в Италии, где попытка замаскировать цвет лица, к которой мы должны в конце концов прийти, только придает реальности отвратительность, не нужную и не естественную. После похорон великого или оплакиваемого человека на его дом обычно вешали ветви кипариса, а ворота украшали сосной те, кто остался тосковать по нему.

Предполагается, что именно в этот период произошла великая битва на озере Регилл, когда латиняне, пытавшиеся перевести на латынь все, что принадлежало Риму, наконец убедились, что римский характер достаточно силен, чтобы сохранить свою индивидуальность.

Во времена крайней опасности всегда обнаруживалось, что две головы, вместо того чтобы быть лучше одной, скорее всего, нейтрализуют друг друга, а сведение верховной власти под одну голову - лучший способ сделать ее эффективной. Римляне, когда им серьезно угрожали латиняне, сразу же назначали диктатора, чьи постановления не подлежали обжалованию, так что все, что бы он ни сказал, должно было быть не раньше сказано, чем сделано - принцип действия, который в значительной степени способствует успеху любого великого предприятия. Первым диктатором был П. Лартий, но мы не можем найти никаких следов его диктатуры, и, похоже, его быстро сменил Аулус Постумий, чей меч, как говорят, был известен как "кусачий"^[14] - склонность, которая должна была сделать его клинок довольно чувствительным к поломке, если только он не был отличного нрава. Диктатор назначался всего на шесть месяцев, так что народ вскоре освободился от абсолютной власти, под которую он попал. Лучшим покровительством для диктатора было место хозяина коня, которое Аулус передал Эбутию; последний действовал полностью под руководством первого, который никогда не расставался с поводьями, передавая управление конем другому. Аулус и Эбутий отправились к Региллу, на берегу которого они дождались темноты и поставили палатку, намереваясь подготовиться к битве.

Латинянин вел Мамиллий, и враги, оказавшись лицом к лицу, вступили в рукопашную с самой отчаянной энергией. Согласно легенде, Эбутий и Мамиллий, встретившись в гуще схватки, сошлись в поединке, в результате чего хозяин коня был лишен лошади, которую чуть не загрызли до смерти острия мечей противника. Одно время битва казалась настолько выгодной латинянам, что Аулус умолял римлян не отдавать себя на растерзание воронам, чтобы над ними воевали в двойном смысле - хищные птицы и враги. Резня была настолько обоюдной, а храбрость с обеих сторон настолько равной, что решить исход битвы было бы трудно; и легенда, в которой доблесть каждой стороны распределяется поровну, не привела бы ни к какому практическому результату, если бы не вмешалось сверхъестественное, чтобы отдать победу одной стороне. На стороне римлян сражались два гигантских юноши, и хотя никто не знал их имен, их обращение вызывало всеобщее восхищение. Их доблесть была продемонстрирована за счет несчастных латинян, которые, не выдержав тяжелого удара, обрушившегося на них, больше не пытались вступить в бой, а прибегли к бегству, как единственному действию, которое, казалось, могло принести пользу.

На головах у воинов ничего не было, и возникло множество предположений, кто бы это мог быть; но никто не подозревал, что герои без шлемов и шапок - это Кастор, которого никогда не сопровождал его друг Поллукс, и Поллукс, который никогда никуда не ходил без своего Кастора. Эти же знатные юноши первыми объявили в Риме о победе, выступив в роли "собственных репортеров" о своих подвигах. Донеся свою весть, они исчезли так же таинственно, как и появились, ибо легенда теряет их из виду в корыте для лошадей возле храма Весты. Туда они отправились, чтобы попить своих коней и освежиться у соседнего колодца; и те, кто испытывает неутолимую жажду любопытства, отправляются на дно этого колодца, чтобы узнать правду, если хотят глубже изучить легенду. На протяжении многих

веков суеверное почтение проявлялось к краю озера Региллус, где остался след, как говорят, отпечаток копыта небесной лошади, чтобы произвести неизгладимое впечатление на мягкость легковерия.

До сих пор мы плавали, как могли, в море догадок, жадно хватаясь за самую легкую пробку или пузырь в виде факта, чтобы удержаться на плаву в потоке событий, вытекающих из легендарных источников.

Дальнейшее путешествие будет проходить в основном на *твердой* земле фактов; и вместо того, чтобы время от времени оказываться в море и блуждать в самых диких широтах, не имея другого лоцмана, кроме традиции, мы отныне будем иметь веские и серьезные основания для своего продвижения. До сих пор нас тянуло за весла легковерие, паруса наполняли праздные и неопределенные бризы слухов, а руль находился в руках различных авторитетов, которых отличало лишь несогласие друг с другом, и которые, по сути, не имели бы никаких различий, если бы были безразличны.

Теперь мы собираемся продолжить наше путешествие по более определенному пути, вести нашу историю, так сказать, по рельсам; и, хотя линия может быть своеобразной, наша собственная, поезд фактов будет регулярным, не вступая, мы надеемся, в жестокие столкновения с другими, идущими тем же путем, и прибывая в свое время на назначенную конечную станцию.

ССЫЛКИ:

[13] Нибур пишет это слово с двойной "н" в предпоследнем слоге; но Маколей, который цитирует четыре стиха разных писателей в пользу своей орфографии, пишет слово Porsena с предпоследним коротким.

[14]

"Камериум знает, как глубоко
Меч Аулуса кусает,
И весь наш город называет его
Человеком семидесяти битв".
Рассказ Маколея о битве на озере Регилл.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОТ БИТВЫ ПРИ ОЗЕРЕ РЕГИЛЛ ДО ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ С ВОЛЬСКАМИ.

До сих пор ресурсы Рима формировались за счет грабежа, добытого на войне, но поле битвы всегда гораздо менее плодородно, чем поле промышленности. В первом случае собранный однажды урожай навсегда остается непродуктивным, а бить одного и того же врага дважды - все равно что бесполезно молотить солому; ведь если в любом случае первое молочение было полным, то второе уже ничего не даст. Плебеи так долго были отстранены от возделывания земли, что им было крайне неудобно во второй раз возделывать однажды брошенное знакомство; а земля, которая до сих пор считалась *infra dig.*, вряд ли много даст тем, кто ее презирал, пока она им не понадобится. Плебеи могли пожинать только то, что посеяли, а так как они не посеяли ничего ценного, то впали в состояние крайнего безденежья. Просить и брать займы было единственной альтернативой для тех, кто больше не мог воровать, и патриции стали своего рода обществом займов для плебеев, которые обязались не только морально, но и физически вернуть деньги, которые им дали. Закон о должниках и кредиторах в Древнем Риме был чрезвычайно строг, и его строгость почти равнялась веревке на шее должника; если он не мог расплатиться в течение определенного времени, его привязывали к рабу кредитора. В таком положении его называли *зависимым (addictus)*, поскольку его регулярно продавали, не допуская даже права выкупа. Если заемщик только закладывал себя без фактической продажи, он был просто *pexus*, имея возможность выплатить свой долг либо деньгами, либо работой; но если он не мог сделать ни того, ни другого, он сразу же становился *addictus*^[15], когда его бросали в цепи, и носил только полосы, которые были обычной ливреей этого позорного состояния рабства.

Аппий Клавдий был избран консулом с П. Сервилием в качестве коллеги в год Города 258, когда на форум ворвался жалкий старый неплательщик с волосами, похожими на циновку, что свидетельствовало о сильных потёртостях, выпавших на его голову. Его лицо было бледным, как пепел, и многие пытались разглядеть его лик, на котором отчетливо виднелись следы того, что он был измолот в пыль. Его спина носила следы недавних ударов, каждый из которых, как он заявил, должен быть засчитан в счет погашения долга перед его угнетателями. Его ферма была сожжена, а ее содержимое сгорело; его скот был загнан неизвестно куда, а сам он был доведен до отчаяния. Тем не менее сборщик налогов был как всегда пунктуален в своих вызовах, и, крепко попеняв разорившемуся земледельцу за то, что тот не был готов к уплате, вынужден был влезть в долги, поскольку римляне не предусматривали страхования от пожара в своей политике. Не имея возможности расплатиться с долгами, обедневший крестьянин стал рабом своего кредитора, и на плечах первого были заметны следы того, что последний орудовал кнутом. Волнение на форуме было сильным, ибо все были охвачены негодованием, кто мог быть схвачен за долги; и каждый, кто был кому-нибудь должен, начинал чувствовать, что он должен гораздо больше простого человечества. Казалось, народное восстание уже близко, и оба консула вместе совещались по поводу кризиса. Аппий Клавдий высказал мнение, что раз уж народ поднялся, то лучше всего его усмирить; но его коллега, Сервий, был сторонником более мягкого режима. В этот момент пришло известие о том, что армия вольсков отправилась в Рим; плебеи, которых призывали в армию, заявили, что не пойдут в армию по приказу тех, кто не сделает ничего, чтобы заручиться их симпатиями. В этой сложной ситуации П. Сервий пообещал, что если они выйдут на бой, их освободят из тюрьмы на время войны; и гарантировал, что если они смело предстанут перед вражеским мечом, их спины будут защищены от бича домашней тираннии. В ряды армии сразу же устремились неплательщики, которые вскоре были заполнены почти до отказа; поскольку подавляющее большинство населения безнадежно погрязло в долгах, вызов на поле боя был единственной повесткой, на явку которой можно было рассчитывать.

Они сражались с энергией отчаяния, потому что каждый чин присягнул, и на каждой папке лежал аффидевит - казнить вольскианцев. Никогда банкроты не были так решительно настроены избежать капитуляции, как эта группа неплательщиков, вышедшая навстречу врагу с уверенностью, которая, вероятно, исчезла бы, узнай они на встрече хоть одного из своих кредиторов. Успех римлян был полным, и те, кто сражался, понимая, что каждый удар, который они наносят, уничтожает долг, вернулись домой в надежде, что все старые обязательства стерты, и что они будут свободны, как смогут, в будущем. Однако они были обречены на горькое разочарование, поскольку Аппий Клавдий объявил, что не следует поддерживать веру с теми, кто не поддерживал веру со своими кредиторами; и ко всем должникам, которые не были готовы платить по гвоздю, был жестоко применен винт. Должников отправляли обратно в тюрьмы, и многие несчастные неплательщики, вспоминая о том, как над ними издевались, могли лишь бросать взгляд на стены своей темницы и роптать на ужасную камеру, жертвой которой они стали. Засовы и решетки угнетения завели бы свободу в тупик, если бы не люди за стенами тюрем, которые грозились подняться, чтобы обрушиться на тиранов. В этот критический период Риму угрожали сабиняне, когда плебеев призвали в армию; но они заявили, что будут рекрутами самого грубого сорта, если позволят снова поступить с собой так, как уже поступали. На холмах Эсквилин и Авентин проводились публичные собрания, на которых либеральные настроения, ставшие теперь такими же старыми, как и сами холмы, звучали в народе со всем очарованием и силой новизны. Патриции разделились во мнениях относительно того, как лучше всего справиться с трудностями, которые создал их собственный проступок, и было очевидно, что роковая ошибка, совершенная в отказе уступить справедливому требованию, и не менее опасная ошибка - поддаться насилию и шумихе - были единственным путем, которому теперь можно было следовать. Патриции остались бы при своем мнении, но нужно было знать, как сохранить общественный порядок, а также свой собственный, и в конце концов было решено назначить диктатора. Выбор пал на М. Валерия, умеренного человека, которому плебеи могли доверять, ведь он происходил из хорошей семьи: его отцом был не кто иной, как великий стрелок народной партии, знаменитый Публикола. Вскоре большая армия была готова выйти на поле боя или взять все, что попадется под руку в ходе сражения. Валерий выступил в поход против сабинян, которые бежали, или, говоря более буквально, разбежались, так как оставили за собой свой лагерь, который был захвачен врагом.

Вернувшись в Рим с триумфом, диктатор попросил провести расследование обид народа, чтобы восстановить его права; но патрицианская партия в сенате отказала ему в комитете, и Валерий подал прошение об отставке, которое было принято сенатом. Он извинился перед плебеями за то, что не смог провести свои реформы; а патриции, довольные его сдержанностью и отказом от места, дали ему кресло курула - своего рода переносное стойло или отведенное место, которое он имел право занимать на Черкесских играх.

Курульное кресло, или *Sella Curulis*, приглашает нас остановиться на мгновение и немного посидеть на нем, чтобы выяснить его происхождение. В конструкции этого официального кресла комфорт, похоже, был обеспечен самым лучшим образом; но в том, чтобы придать беспокойство месту неограниченной власти, была тонкая мораль. Ножки *Sella Curulis* складываются, как у походного стула; это приспособление, возможно, символизировало тот факт, что диктаторский пост подлежал быстрому закрытию, поскольку назначение никогда не длилось более шести месяцев. Материал, из которого было изготовлено кресло, представлял собой гладкую и отполированную слоновую кость, так что фатальная возможность падения должна была часто подсказываться сидящим на нем очень скользкой поверхностью.^[16]

Консулы, опасаясь восстания в случае расформирования армии, приказали солдатам оставаться на службе в качестве специальных констеблей друг над другом, а штабные несли ответственность за поведение основной части. Продолжать оставаться в качестве постоянной армии было выше их сил, и, решив занять высокое положение, они отошли на вершину Священной горы (Mons Sacer) в окрестностях Крастумени. Избрав своим предводителем Л. Сициния, они, как могли, разместились до тех пор, пока не уладили дела с сенатом.

Патриции начали сильно тревожиться из-за отделения плебеев; ведь хотя первые привыкли топтать последних ногами, все основы общества, казалось, отходили в отсутствие той части, которая хоть и называется основой, но необходима для существования столицы. Рим, по сути, начинал понимать, что аристократия, оторванная от всякой связи с народом, немногим лучше цветка, отделенного от дерева, и обречена на скорое падение в дурной запах. Патрицианский орден с радостью признал важную истину, что самые нежные усики обязаны всей своей жизненной силой соку, доставляемому к верхушке дерева из тех частей, которые находятся в самой тесной связи с почвой; поэтому были приняты меры, чтобы предотвратить окончательный отрыв крепкого ствола от высших ветвей. Для переговоров было отправлено посольство из десяти патрициев; но поскольку патриции не были ораторами, а их глупость говорила сама за себя, в качестве их главы был отправлен Менений Агриппа, который когда-то был плебеем, что, конечно, включало и их глашатая.

Используя свой авторитет выразителя общего блага, Менений процитировал басню о животе и членах воинственным *плебеем*, которые, казалось, были поражены его отношением к ним и его собственным отношением к их существующему положению. Он рассказал им, что однажды все члены человеческого тела решили нанести удар по животу, который был обвинен в праздной жизни. Руки наносили удары без особой цели; ноги, взбунтовавшись, отказывались двигаться; глаза закрывали веки; рот открыто враждовал, а нос присоединялся к общему удару, и казалось, что гордый желудок с удовольствием съест скромный пирог при отсутствии всякой другой пищи. Вскоре, однако, выяснилось, что, питая враждебность, члены клуба не давали себе никакой пищи, и что они и их месть были растрачены примерно в равной степени.

Плебеи, поняв мораль этой истории, согласились на лечение при условии, что впредь к ним будут относиться лучше. Было заключено соглашение, по которому губка применялась ко всем старым долгам; все, кто потерял свободу, став рабом плохих обстоятельств, были возвращены к свободе. Новый договор также предусматривал учреждение двух должностных лиц, названных трибунами, которые были наделены властью над делами плебеев; и это, безусловно, было одним из лучших вложений, когда-либо сделанных для блага римского народа. Личность трибуна была настолько священна, что обычное нападение на этого чиновника при исполнении им своих обязанностей приводило к тому, что нападавший мог быть не только схвачен, но и сбит с ног и убит на улице любым человеком, страдающим манией убийства.

Трибуну была предоставлена такая неограниченная свобода слова, что прерывать его было наказуемо, а в случае отсутствия залога смертью считалось откашляться во время обращения к народу. Даже зевнуть во время его речи означало открыть бездну, в которую зевака мог быть ввергнут раньше, чем сам осознавал это; а непроизвольное движение его сжатых челюстей часто превращало их в челюсти его собственной гибели.

Дом трибуна был открыт днем и ночью, так что найти одного из них было так же легко, как в наши дни найти полицейского, а иногда даже легче. Трибуны имели право приводить к себе

людей, или, другими словами, выдавать повестки, а также взыскивать штрафы, которые в случае неуплаты влекли за собой конфискацию имущества, или, проще говоря, взыскивались по судебному приказу на товары и имущество неплательщика. Одной из главных привилегий трибунов было право накладывать вето на любое постановление сената. Хотя они не имели мест в собрании, им разрешалось заглядывать в дверь; и если принимался какой-либо акт, который они не одобряли, они имели право криком "нет" наложить своеобразное отрицательное вето. Эта власть предотвращения оставляла меньше бед, подлежащих лечению; и плебеи, получив, наконец, собственный орган, можно сказать, нашли ключ к своим свободам.

Трибуны, по-видимому, имели возможность пополнить свое число, так как они выбрали трех коллег вскоре после того, как были избраны сами; и с этого времени началась борьба между плебейской энергией, стремящейся получить свою долю прав, и патрицианским упорством, с упрямой решимостью держащимся за исключительные преимущества.

Одновременно с учреждением трибунов были назначены новые должностные лица под именем эдилов, которые были чем-то вроде наших комиссаров по лесам, канализациям и мостовым; они заботились об общественных зданиях, дорогах и стоках, а также о банях и умывальнях. Иногда они решали мелкие споры и выступали в роли инспекторов рынков, проверяя весы, улаживая ссоры и держа в руках весы справедливости, а также товарные весы. Они следили за недоброкачественными продуктами и за несвежей рыбой; их уши улавливали сквернословие; в руках они носили посох; по сути, они представляли собой любопытное соединение бидля, комиссара, полицейского и магистрата.

Пока плебеи дулись на Монс Сакер, консул Спурий Кассий, имя которого звучит как фальшивая монета, заключил договор между латинянами и римлянами и, похоже, обладал немалым запасом настоящего металла. Согласно договору, обе нации должны были быть почти полностью равны во всех отношениях; даже в отношении добычи они должны были находиться на одной ступени.

Согласно другому пункту акта, несостоятельные должники, превращенные в "тревожные жертвы!" и попавшие в рабство, потому что их кредиторы "должны были получить наличные" или их эквивалент, были восстановлены в правах. Церемония манумиссии была очень любопытной и включала в себя столько оскорблений, нанесенных рабу, что, хотя он и был свободен, ему нелегко далась эта процедура. Сначала его привел к консулу его хозяин, который ударил его по щеке, что было скорее обратным способом сделать из него независимого человека. Затем консул провел жезлом по спине несостоятельного, одновременно объявив его совершенно свободным и велел ему идти по своим делам - если, конечно, они у него есть. После избиения еще предстояло вытерпеть мочалку, так как голову вольноотпущенника тщательно обрили, вероятно, в качестве меры предосторожности, чтобы он не сошел с ума после обретения свободы. Освобождение от цепей не было полным, пока он не лишался своих локонов; и в довершение всего на него надевали эту эмблему убийства как с политической, так и с социальной точки зрения - красный колпак свободы.

Во время внутренних раздоров Рима сельское хозяйство было настолько запущено, что урожай полностью падал на землю, а точнее, никогда не поднимался с нее. Пастух ничего не выращивал ни для себя, ни для других; а поскольку ничего не было посеяно, кроме гражданского раздора, то и пожинать было нечего, кроме его плодов. Римляне, которые до недавнего времени жаждали власти, теперь изголодались по еде; и, чтобы предотвратить гибель людей дома, были отправлены посланники, чтобы прочесать близлежащие страны, - процесс, который повлек за собой множество стычек с жителями. Некоторые историки

утверждают, что во время голода Гело из Сиракуз был отправлен заказ на кукурузу, которую тот был готов поставить, но настолько не по-деловому, что отказался платить. Этот инцидент, хотя и лишенный коммерческого интереса, был бы приятен с другой точки зрения, если бы не суровые реалии хронологии, доказывающие, что Гело не мог выступать в качестве безвозмездного торговца кукурузой в указанное время, поскольку его не было в живых в тот период.

В то время как Рим страдал от нехватки кукурузы, он растрачивал самые лучшие силы своего населения в войне с вольсками. Среди самых выдающихся воинов на стороне римлян был Кай Марций, молодой патриций, который привел всех своих клиентов в суд, где ответчики - несчастные вольскианцы - понесли огромные убытки. Впоследствии он выступил против Кориоли, который упорно защищался, но в конце концов был побежден и вынужден оплатить все издержки конфликта. В связи с этим делом он получил имя Кориолан, под которым он более известен, чем под своим первоначальным прозвищем К. Марций, поскольку человечество слишком часто присуждает наибольшую славу самому обширному виновнику бедствий; и тот, кто хочет высечь себе имя, может высечь его мечом гораздо глубже и прочнее, чем любым другим инструментом.

Когда из Сицилии прибыла кукуруза, народная партия предложила раздать ее безвозмездно, но патриции во главе с Кориоланом, который был тираном в зерне, посоветовали плебеям заплатить за то, что им нужно. Жалобы никогда не бывают столь откровенны, как тогда, когда им нечего есть; и народ пришел в отчаяние, когда увидел, что Кориолан без обиняков советует не давать ни зерна, ни колоса для облегчения их страданий. Он предложил упразднить трибунов как условие обеспечения народа продовольствием; но народ, с каждым днем все больше покрываясь коростой от нехватки хлеба, настаивал на том, чтобы его судили за измену. Кориолан, видя, что народ решительно настроен на его гибель, скрылся, и когда пришло время суда, его не нашли. Приговор был вынесен по умолчанию, его имя было вычеркнуто из списка патрициев - своего рода пэража того времени. Кроме того, он был приговорен к *aquæ et ignis interdictio* - запрету на огонь и воду; наказание, которое, учитывая огненную природу всех спиртных напитков, можно причудливо предположить, включало в себя в первую очередь прекращение продажи грога, поскольку оно, несомненно, мешало всем развлекаться с ним. Этот приговор, по сути, был равносителен изгнанию, и, собственно, так и было задумано, ведь запрет на огонь и воду не оставлял преступнику ничего на земле, кроме воздуха, на котором, конечно же, жить было невозможно.

Кориолан расстается с женой

и семьей.

Уязвленный тем, что он называл неблагодарностью своих соотечественников, хотя на самом деле им не за что было его благодарить, Кориолан в духе, не отличавшемся великодушием, продолжил предлагать свои услуги врагу. Оставив свою жену Волумнию, объемистую женщину, которой от природы досталось величие, он отправился в страну вольсков и прибыл в Антиум около ужина. Его имя сразу же стало известно Атию Туллию, который, хотя и сидел за трапезой с обычным сопровождением *manus unctæ*, или жирных рук, решил не упустить прославленного незнакомца. Кориолан был радушно принят, и его уговорили взять на себя командование войском вольсков против римских колонистов. Он гнал их с места на место, пока не довел их до Клулийского рва, и многие были сброшены в него; печальное доказательство того, что его враждебность дошла до такого уровня, который должен навсегда оставить черное пятно на его памяти. Здесь же он разбил свою палатку почти в двух шагах от Рима; поскольку плебеи не желали сражаться, были отправлены послы, чтобы уговорить Кориолана сложить меч; но, презрительно сложив оружие, он не дал никакого ответа. Тогда жрецы попробовали свои силы в убеждении, но хотя они сделали все возможное, чтобы обратить Кориолана на сторону Рима, только после того, как было задействовано женское влияние, попытка оказалась успешной. Его мать Ветурия, сопровождаемая его значительно лучшей половиной, Волумнией, и партия римских дам, подготовленных для этого случая, посетили его в лагере, когда шум сильных духом, вздохи и

рыдания слабых, насмешки одних, слезы других и настойчивость всех оказались непреодолимыми. Некоторое время он был решительно ; но когда жена с тяжелым сердцем, добавившимся к ее естественному весу, упала ему на шею, ему показалось, что он тонет под тем, чему уже не в силах противостоять.

Его мать, Ветурия, воспользовавшись полученным преимуществом, испытала на себе силу женского языка, к которому время, кажется, все время прибавляет силу, которой оно лишает остальное тело. Старуха неистовствовала и кричала с такой энергией, которая поразила Кориолана; а когда она бросилась на землю, заявив, что он должен пройти по ее телу, если попытается идти на Рим, он почувствовал, что не может сделать больше ни шагу, не попирая самых нежных человеческих отношений. Когда Волумния висела у него на шее, а Ветурия цеплялась за пятки, когда жена изливала ему на ухо самые громкие причитания, когда мать проклинала все вообще, а его собственный день рождения в особенности, когда на заднем плане визжали и рыдали римские дамы, Кориолан не мог больше сопротивляться, приказал разбить свой лагерь и повел свои легионы обратно. Традиция расходится во мнениях относительно даты смерти Кориолана, который, по одним сведениям, утонул под ударами представительниц слабого пола; другие же утверждают, что он дожил до глубокой старости, что, скорее всего, так и было, если описанная сцена не была его немедленной смертью - ведь телосложение, способное выдержать столь суровое испытание, должно было обладать поистине удивительной силой.

Кориолана приводили в пример как образец бескорыстия, но мы не можем не считать его эгоистичным выскочкой, который стал предателем своей страны, потому что она не оценила его личных достоинств. Его заслуги перевешиваются тем, что он был дезертиром; и, несомненно, было обратной стороной великодушия выказывать злобу против нации, к которой он принадлежал, только потому, что его собственные заслуги не были оценены по достоинству. Таков наш взгляд на Кориолана без маскарадного костюма, в котором его часто изображали; правда заставляет нас снять позолоту, в которой он до сих пор блистал, и заменить ее виной, которая действительно ему принадлежит.

Храм Фортуны Мулибрис был воздвигнут в знак уважения к женщинам, которые своими истерическими, а теперь уже историческими усилиями, как говорят, спасли Рим; и действительно, учитывая, как часто женское влияние действует в другую сторону, факт его использования для предотвращения беды заслуживает памятника.

ССЫЛКИ:

[15] Считается, что этот закон был изменен Сервием Туллеем; но если в свое время законодательство по этому вопросу было свободным, то впоследствии оно стало очень обязательным и было чрезвычайно строгим в вышеупомянутую дату.

[16] Говорят, что кресло Curule было привезено вместе с другими предметами государственной мебели из Этрурии. В некоторых случаях ножки были сделаны из слоновой кости в форме слоновьих бивней, но есть и другие доказательства их тосканского происхождения.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ОТ ОКОНЧАНИЯ ВОЙНЫ С ВОЛЬСКИАНЦАМИ ДО ПРИНЯТИЯ БИЛЛЯ ТЕРЕНТИЛЛА.

После окончания войны с вольскианцами римляне, как говорят, заключили договор со своим бывшим врагом, целью которого было своего рода партнерство в грабеже; было решено, что новые союзники должны вместе выходить на поле и делить добычу. Нажитое нечестным путем никогда не приносит реальной прибыли, и земля, украденная во время войны, стала предметом раздора среди римлян. Патриции до сих пор захватывали всю завоеванную землю, хотя и не могли сделать это чистыми руками; Спурий Кассий предложил, чтобы плебеи получили свою долю. Это предложение, хотя и встретило яростное сопротивление, стало законом страны; но земля была присвоена в соответствии с этим законом лишь много позже. Спурий Кассий прожил недолго, когда истек год его консульства; патриции устроили ему импичмент, и его голова была отсечена на колодке, хотя, судя по его заслугам, она скорее заслуживала того, чтобы быть отсеченной на медали.

Патриции пытались отвлечь внимание плебеев от домашних дел, постоянно ведя их в бой; но те, хотя и были вынуждены выступить в поход, не предпринимали никаких шагов, чтобы добиться победы. Подобно лошадям, которых привели к воде, но они отказались пить, солдаты, хотя их и вели на поле, не проявляли жажды крови; но, решительно отказываясь нанести хоть один удар, они представляли собой поразительную картину пассивного неповиновения. Напрасно офицеры внушали им, что для честолюбцев, жаждущих солдатской могилы, наконец-то найдется подходящая вакансия; они не хотели добиваться лавров, но позволяли держать себя в руках; они откровенно смеялись над своими командирами и, вместо того чтобы напрягать все нервы для достижения успеха, держали свои рискованные мышцы только в полном напряжении.

В это время в Риме существовал род, который сумел добиться для себя такой доли власти, что был признан правящей семьей. Речь идет о роде Фабиев, объединение которых составляло их главную силу, ведь ни один член семьи, даже если он не помнил о своем происхождении, никогда не забывал о своих родственниках. Фабии получили свое название от Faba - бобы, потому что их предки выращивали этот вид бобов; но в более поздние времена род стал известен тем, что чувствовал народный пульс и делал кошачью лапу из патрициев. По договоренности с орденом, к которому они принадлежали, Фабиям обеспечивали один из консулов при условии, что они повлияют на своих клиентов, чтобы те избрали патриция на другой; таким образом, и народ, и сенат играли друг против друга ради особой выгоды "семьи". К счастью для общества, во всякой коррупции есть гниль, которая всегда приближает ее к концу, в то время как кажется, что она уже подходит к концу; и обычная трудность заставить беспринципных людей долго висеть вместе на веревке из песка была проиллюстрирована в случае с патрициями и Фабиями. Ссоры между собой способствовали тому, что они стали презираемы плебеями, а войска настолько привыкли относиться к своим предводителям с пренебрежением, что многие задуманные поединки заканчивались тем, что ни один меч не вынимался из ножен, и ничего, кроме битвы, не разыгрывалось.

Один из консулов в течение нескольких лет выбирался из семьи Фабиев; когда ее члены устали, наконец, от того, что их патрицианское происхождение было посмешищем для армии, они решили сделать себя популярными. Марк Фабий завоевал сердца солдат, перевязывая их раны и обещая устранить их недовольство. Кессо Фабий, его преемник, рекомендовал распределить землю между плебеями, чьим потом она была получена; но он не всегда с одинаковым рвением признавал притязания народного пота, поскольку был одним из тех, кто осудил Спурия Кассия за подобное предложение.

Традиция гласит, что Фабии после этого эмигрировали в количестве трехсот человек, взяв с собой четыре тысячи клиентов; но отправились ли клиенты по собственной просьбе, или же Фабии сами были их просителями, мы не в состоянии определить. Говорят, что вся партия из четырех тысяч трехсот человек отправилась в бой вместе и оплатила своими жизнями расходы на это печальное дело; но критические авторитеты сомневаются во всей этой истории; и для наших лучших чувств удовлетворительно знать, что мы, в этом вопросе, ничего не знаем.^[17]

Вскоре после этого этруры опустошили страну вблизи Рима и сами потеряли время, так как наконец-то были рады заключить договор, хотя и не раньше, чем отступили. Мир был заключен, и стороны держали мир в течение сорока лет, - во всяком случае, если они и обменивались словами, то не сходились в поединках в течение этого длительного периода.

Поскольку некоторые события, описанные в этой главе, возникли на почве римского права должника и кредитора, будет нелишним включить в этот рассказ несколько моментов коммерческого характера. Когда человек влезал в долги, он почти наверняка оказывался в тупике, поскольку сложные проценты начислялись так быстро, что не было никакой возможности рассчитаться с теми, кому он задолжал деньги. Через тридцать дней после получения долга неплательщика передавали кредитору и связывали веревкой в знак согласия и удовлетворения; а по истечении шестидесяти дней глашатай, чья должность заставляла проливать слезы, объявлял о продаже неплательщика в рабство на рыночной площади. Неудивительно, что плебеи восстали против того, чтобы их выставили на этот унижительный аукцион, тем более что хозяева, к которым они попадали, имели привычку избивать их и жестоко с ними обращаться. Патриции наложили жестокие руки не только на плебеев, но и на все имущество государства, присвоив себе все его права и отказавшись от всех его обязанностей. Они захватили по праву все государственные должности; и настолько полным был захват патрициями всего, что имело отношение к положению правительства, что название порядка, поглотившего все блага, можно проследить в современном слове "патронат". Все доходы от войны шли в карманы высшего сословия; и хотя плебеи орудовали мечом, патриции получали все деньги, которые можно было получить от врага.

Однако патриции не всегда могли осуществлять свою тиранию без сопротивления; ведь если их поведение было противно человеческой природе, то следовало ожидать, что человеческая природа восстанет против них, когда представится возможность. Один случай произошел во время консульства Аппия Клавдия, который был избран сенатом и, желая собрать войска, заставил всех мужчин в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет внести имена в список, который послужил материалом для призыва. Среди них было имя Публилия Волеро, который ранее имел звание центуриона, или капитана, а теперь, будучи выбранным для службы в качестве простого солдата, возмущенно заявил, что вместо того, чтобы идти рядовым в армию, он будет продолжать служить в частном секторе. Публилий, по сути, яростно пинался против приказов консула, и, будучи человеком очень сильным, чувствовалось, что, когда Публилий пинался всерьез, было что-то такое, против чего нелегко было устоять. Аппий, намекнув, что консулов надо слушаться, попросил одного из ликторов

исполнить свой долг; тогда Волерон, будучи сильным и крепким человеком, принял ликтора с распростертыми объятиями и, подняв его с земли, дал ему такую взбучку, которая потрясла нервы изумленного офицера. Повалив ликтора на землю, где несчастный чиновник свои собственные меры, вместо того чтобы выполнять распоряжения начальства, Волеро бросился на публику, на которую он произвел очень сильное впечатление.

Ликтор послан арестовать Публилия Волеро.

С этого момента Публилий приобрел значительный вес среди плебеев, которые сделали его одним из своих трибунов; он сразу же предложил провести большую реформу в способе избрания должностных лиц. Он предложил расширить избирательное право, предоставив его не векам, а племенам; в поддержку этого проекта были организованы публичные собрания. На этих собраниях присутствовали патриции, и начались беспорядки, вызванные попытками одной партии свалить другую; ведь общественные дискуссии во все века велись по принципу, что все должны быть на одной стороне и что любое мнение, противоположное мнению большинства, не должно быть заслушано. Когда сила легких оказывается на стороне той, у кого больше аргументов, особого вреда не происходит; но поскольку патриции и плебеи собрались на упомянутых собраниях почти в равном количестве, часто

происходили личные стычки, и трибуны, а также консулы посылали своих офицеров арестовывать друг друга.

В конце концов Леторий, избранный коллегой Публилия Волерона, вошел на Форум с вооруженным отрядом, решив, что в это утро он одержит верх; выхватив меч, он заявил, что доведет дело до конца. Патриции, потеряв свою решимость, предложили согласиться на все, что он предложит; но, не доверяя им, он завладел Капитолием в качестве гарантии выполнения их обещания. Вслед за этим был принят *Lex Publilia*, к большому раздражению Аппия, который всегда относился к плебеям так, словно природа использовала разные сорта глины, а также разные формы для изготовления человека. Когда закончился год его правления, трибуны выдвинули против него обвинение, но в тот день, когда должен был состояться суд, все мирские испытания Аппия уже закончились, так как он умер в ночь перед слушанием дела. Потомки сходятся во мнении, что судьи не должны были выносить приговор, и даже говорят, что он пал от собственной руки, поскольку чувство вины не позволяло ему знать, как оправдать себя.

В довершение всех бед Рим посетила двойная чума, в виде внешнего врага и внутреннего мора. Враг подошел к городским воротам, и деревенские жители укрылись в стенах, пригнав с собой скот в таком количестве, что все вокруг было буквально усеяно свиньями, а волы и овцы были забиты в загоны до такой степени, что наше перо может дать лишь слабые очертания. Лето было в самом разгаре, и страдания бедных бессловесных животных, когда они теряли свой жир и встречали свою судьбу, были достаточны, чтобы растопить не только каменное сердце, но и многие камни из сута. Враги, опасаясь, что мор принесет много неприятностей, разбили свой лагерь, и Рим получил возможность наслаждаться периодом мира, хотя болезнь причинила больше вреда, чем можно было ожидать от врага.

Теперь мы переходим к легенде о Цинциннате; и хотя она не лучше легенды, которая, как известно самому маленькому студенту, называется так от *legendum* - "вещь для чтения", мы должны исходить из того, что, поскольку она является вещью для чтения, она *à fortiori* является вещью для написания. Луций Квинтий, прозванный Цинциннатом из-за своих кудрявых локонов - природа обделила его прической - происходил из высокой патрицианской семьи. Он прожил свою жизнь как деревенский джентльмен, занимая собственное поместье, и занимался тем, что ухаживал за ним. Его земля, надо признать, была лучше возделана, чем его манеры, которые были надменными и властными. Все его добродетели относились к домашнему укладу; он был одинаково привязан и к жене, и к своей ферме, и был отличным мужем, а также хорошим земледельцем.

Цинциннат избран

диктатором.

Случилось так, что Рим находился в столь бедственном положении, что нуждался в сильной руке, и тогда Цинциннату, славившемуся умением орудовать лопатой, предложили оставить свой *otium cum dig* - как все уже знают, а кто-то, возможно, говорил и раньше, - чтобы он мог занять пост диктатора. Когда прибыли посланцы из сената, Цинциннат работал в поле, возможно, сеял старые плевелы, или проверял состояние бобовых - любимой культуры в те дни, или вырезал серпом самые больные зерна. Почва была суглинистой, и Цинциннат, находясь в гуще своей работы, выглядел не очень презентабельно; но, поспешно накинув тогу, он предстал перед посланцами сената в лучшем виде, чем мог. Они сразу же провозгласили его диктатором и доставили в Рим, где он призвал всех мужчин, способных носить оружие; и каждый призванный принял патриотический вызов. Каждый солдат должен был нести с собой еду на пять дней и двенадцать кольев, вырезанных в длину для баррикады; так как колья весили несколько фунтов, а съестные припасы были твердыми, ноша каждого мужчины вместе с его амуницией, включавшей бочонок на голове, из которого лился пот, должна была быть неудобно тяжелой. Несмотря на тяжесть груза, легенда, которая менее весома, чем их снаряжение, продолжает утверждать, что солдаты отправились в путь на закате, с Цинциннатом во главе, и достигли лагеря, расположенного на расстоянии двух с половиной миль, быстрым маршем, или, скорее, быстрой рысью, к полуночи. Хотя история и рассказывает об этом, мы вынуждены сомневаться в беге солдат, которым, с их ногами, обремененными оружием и другим снаряжением, скорость, должно быть, казалась невозможной. Прибыв к горе Альгид, где расположился враг, Цинциннат заставил своих солдат окружить место, и, целясь во всех подряд, они непременно попадали в кого-нибудь. Оказавшись в окружении, которое никак нельзя назвать социальным, экианы запросили пощады, но Цинциннат бросил Гракха Клелия и его лейтенантов в цепи, что было равносильно тому, что они заключили кабалу за свое будущее хорошее поведение. Клелий продолжал исполнять свои обязанности и после того, как был формально связан, а Цинциннат с триумфом вернулся в Рим. Продержавшись на посту диктатора всего шестнадцать дней, он спокойно сложил его и, вернувшись к своим сельскохозяйственным делам, подчинив врага ярму, снова надел его на шею своих волов.

Воюя с внешним врагом, нация часто забывает о своих внутренних врагах, и это жестокая политика деспотизма - тратить народную энергию на ссоры с чужаками, чтобы отвлечь внимание населения от внутренних проблем. Закончилась война, люди стали присматриваться к дому и вскоре поняли, что, пока меч агрессии был в постоянном употреблении, меч правосудия ржавел в ножнах или извлекался лишь для того, чтобы время от времени нанести рану общественной свободе. Возникло движение в пользу реформы законодательства, и К. Терентилл Арса внес законопроект о том, чтобы привести патрициев и плебеев к лучшему взаимопониманию, поставив их почти на одну ступень. Эта мера вызвала значительные волнения, так как, хотя трибуны и приняли ее, сенат никак не мог с ней смириться; и когда последний отбросил ее, первый внес в следующем году законопроект, содержащий гораздо больше, чем первоначальное требование. Как в политических, так и в денежных делах справедливое требование влечет за собой проценты, которые накапливаются до тех пор, пока требование остается неудовлетворенным; и каждый день, увеличивая сумму долга, увеличивает трудность его удовлетворения.

Предложение Терентилия долго обсуждалось в больших собраниях, гармонию которых нарушали некоторые из молодых патрициев; ведь даже в те ранние времена, о которых мы пишем, благородное искусство смеяться над оратором, повергнутым в смятение, было доступно некоторым из малолетних отпрысков аристократии. Случилось так, что у Цинцинната было четверо сыновей - прекрасные юноши с очень грубыми манерами. Один из них, по имени Кесо, постоянно ввязывался в уличные драки, мешал общественным собраниям и часто доходил до того, что мешал трибуну Виргинию исполнять свои обязанности. Должностное лицо долго терпело, но, в конце концов, было вынуждено поднять вопрос, как и преступник, и Кессо был обвинен в ряде нападений, более или менее отягченных и отягчающих характер. Пока над ним висели эти обвинения, всплыло старое дело о непредумышленном убийстве: жертвой стал пожилой инвалид, с которым Кессо жестоко расправился во время непристойной ночной драки. Он уже находился под тяжелыми поручительствами, когда было выдвинуто новое обвинение, и, чтобы избежать его, этот гордый патриций сбежал от своих залогов, оставив их неустойку.

Вскоре после этого распространились слухи, что человек, покинувший город как презренный беглец, собирается вернуться в него в более грозном облике грабителя и убийцы. Однажды ночью, когда люди легли спать, многие из них услышали во сне топот лошадей, который, казалось, пронесся над городом как страшный кошмар. Вскоре раздался крик, который ударил в барабан каждого уха, как призыв к битве. Консулы вскочили с постели и, набросив на себя первый попавшийся под руку заменитель тоги, сразу же направились к стенам города. Плебеи, когда их позвали, отказались служить, и консулы, чувствуя, насколько они слабы, чтобы идти на стену в одиночку, дали обычные обещания, которые народ, как обычно, был вынужден принять, и все это с большими личными потерями. Подойдя к Капитолию, они обнаружили, что он находится во владении большой группы изгнанников и беглых рабов, которые были бы рады бежать во второй раз, если бы было возможно спастись. Многие падали и были повержены на землю с обеих сторон, а П. Валерий, пронзив нескольких мечом, сам получил удар мечом в весьма неудобной форме.

Изгнанники ничего не выиграли от своей экспедиции, если говорить о нападении; но многие из них были обязаны экспедиции, с которой они бежали от поединка. После этой битвы все следы Кессо Квинция теряются; но пал ли он в бою, или нить его существования оборвалась каким-то другим образом - это загадка, которую мы не в силах разгадать.

Аппий Клавдий был призван, как оставшийся в живых партнер П. Валерия, выкупить залог, данный последним; но Аппий с хитростью, достойной канцелярии в ее лучшие или, скорее, в

худшие времена, уличил своего коллегу в смерти, заявив, что к иску должны присоединиться оба консула, хотя он и знал все время, что билль о возрождении с целью включения в него умершего консула совершенно невозможен. Во время этих несчастливых разногласий между двумя орденами многие из ведущих плебеев были убиты по наущению патрициев, которые, однако, быстро перерезали себе глотки; ведь насилие, истончая тело, увеличивало твердость сердца народной партии. Число трибунов было увеличено с пяти до десяти, а несколько позже плебеи получили еще большее преимущество, ограничив штрафы, налагаемые на них, парой овец и тридцатью буренками. Однако эти требования соблюдались с такой строгостью, что самый нежный ягненок не имел права на четверть, если на него налагался штраф, а самый маленький колышек в стране - если это был говяжий колышек - без зазрения совести конфисковывался, если на его владельца налагался штраф.

Прошло много лет, прежде чем билль Терентилия, о котором мы уже упоминали, был принят к рассмотрению, когда патриции милостиво согласились на изменение законов и предложили свои услуги, взяв на себя определение необходимых изменений. Предвидя современный способ отсрочки полезных мер, патриции назначили комитет по изучению реформы законодательства и, чтобы сделать шансы на принятие закона еще более отдаленными, приказали его членам отправиться в Афины, где под усыпляющим влиянием аттических ассоциаций они могли уснуть над предметом своих трудов. Специальные комиссары, несомненно, стали настолько глубоко греческими во всех своих идеях, что даже подготовка их отчета была отложена до греческих Календ.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[17] Среди прочих трудностей этой истории - сравнительно пустяковая: род Фабиев не вымер; но традиция преодолевает эту дилемму, оставляя одного из членов семьи в качестве отца для будущих Фабиев.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ОТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЦЕМВИРАТА ДО ВЗЯТИЯ ВЕЙ.

Римская булла и жрец того времени.

Римляне, находясь в мире за границей, стали думать о том, как улучшить средства от ссор между собой дома, и стремление к реформе законодательства стало всеобщим. Три сенатора были посланы в Афины для сбора информации, но то, что они собрали в Греции, было для них настолько глубоко греческим, что они были вынуждены перевести это на латынь неким Гермодором, беженцем из Эфеса, прежде чем смогли понять хоть слово из этого.[18] Так как одна работа естественно влечет за собой другую, было решено, что три уполномоченных занимаются зубрежкой, а процесс переваривания должен быть поручен еще десяти, которых называли децемвирами. Они были назначены из патрициев, после того

как плебеи боролись за то, чтобы пять человек были выбраны из их собственного ордена; но, руководствуясь похвальным уважением к общественному порядку, они отказались от своих возражений. Особой целью, для которой были назначены децемвиры, было составление нового свода законов, но, похоже, всегда понимали, что практическая цель комиссии - отсрочить выполнение задачи в той же мере, что и продвинуть ее. Чтобы децемвиры не слишком быстро приступили к работе, для которой они были специально избраны, были приняты меры, чтобы отвлечь их внимание от нее, переложив на них все дела правительства. Если бы они были современными комиссарами по расследованию, им не потребовалось бы никаких оправданий для задержки; но с упорной решимостью выполнить свою задачу они преодолели или обошли препятствия, на которых могли бы споткнуться. Вместо того чтобы прерывать выполнение своих административных обязанностей в законодательной деятельности и ссылаться на необходимость заниматься тем и другим в качестве аргумента в пользу невыполнения ни того, ни другого, комиссары принимали власть поочередно на пять дней, и поскольку десять правителей, действующих все сразу, не смогли бы обеспечить ничего ровного, такое решение для достижения единства было вполне разумным. По истечении года пребывания в должности децемвиры завершили работу над системой законов, которая была выгравирована на десяти таблицах, что свидетельствует о проворстве тогдашнего правительства, ведь в наше время было бы безнадежно ожидать десять таблиц от тех, кто в то же время мог формировать кабинет.

Хотя децемвиры сделали достаточно, чтобы завоевать расположение общества, они оставили достаточно недоделанных дел, чтобы дать повод для продления своих полномочий. Было высказано предположение, что, хотя десять столов очень хороши в том виде, в каком они существуют, есть место еще для двух; и чтобы дать возможность довести до конца эту небольшую сумму, было решено сохранить децемвирскую форму правления. Когда подошло время выборов, были предприняты самые позорные предвыборные интриги, и, чтобы дисквалифицировать Аппия Клавдия, одного из бывших децемвиров, патриции посадили его в кресло, или избрали президентом, в день выдвижения кандидатов. Аппий уже некоторое время играл роль "друга народа" и показал себя непревзойденным актером, поскольку, будучи тираном по натуре, он должен был быть полностью обязан искусству, чтобы выглядеть иначе. Призванный председательствовать, он открыл дело дня, предложив девять малозначительных имен, в том числе пять плебеев, а затем, со свойственной ему откровенностью, предложил себя в качестве подходящего и достойного человека для завершения этого числа. Народ, удивленный и позабавленный холодностью предложения, избрал этого кандидата, который вместе с несколькими ничтожествами составил десятку, из которой остальные составили шифр. Вскоре после избрания новые децемвиры приступили к составлению двенадцати таблиц, и поскольку они легли в основу гражданского права, воплотив в себе принципы, которые лучшие юристы не смогли усовершенствовать, мы разложим эти таблицы перед студентом и попросим его посидеть над ними несколько минут вместе с нами.

Мы не можем обещать ему ничего другого, кроме сухой трапезы, в которой почти ничего не будет, чтобы возбудить его любопытство; и если только его аппетит к информации не чрезвычайно энергичен, на этих пластинах из бронзы или слоновой кости - материал не имеет значения и описывается по-разному, - на которых первоначально были вырезаны положения, которые мы собираемся подать.

Первая таблица в некоторых отношениях совпадала с нашим Законом о графских судах и обеспечивала дешевый способ доставки ответчика в суд простой повесткой, хотя, если он

отказывался идти, для него должен был быть предоставлен мул, соответствующий типу упряма.

Согласно второй таблице, убить ночного вора было оправданно; но человек, ограбленный днем, должен был получить вора в качестве своего раба - привилегия, равная той, что дает разрешение взять к себе на службу в качестве пажа ежа, который только что обокрал ваш карман. Такой подвиг, несомненно, свидетельствовал об умном парне, и, чтобы сделать его в буквальном смысле умным, римский закон, в духе нашего Закона о несовершеннолетних правонарушителях, предписывал выпороть негодяя.

Третья таблица была в некотором роде таблицей процентов: она запрещала брать в долг более 12 процентов, а если должник не платил в течение тридцати дней, его могли заковать в цепи, что, должно быть, сильно сковывало его усилия по выходу из затруднительного положения. После того как должник был вынужден заключить эти невыгодные облигации на шестьдесят дней, его долг, если кредиторов было несколько, мог быть разделен между ними; но человеческой природе, должно быть, было трудно при таких обстоятельствах объявить дивиденд.

Четвертая таблица вряд ли имеет прочную опору; ведь она давала отцу право жизни и смерти на всех своих детей, а также привилегию продавать их. Чтобы не допустить позорной торговли, когда родитель приносит в жертву весь свой семейный капитал, ему не разрешалось продавать одного и того же ребенка более трех раз, когда младенцу разрешалось выходить на рынок за свой счет, свободный от всех сыновних обязанностей.

Пятая таблица касалась имущества умерших; если вольноотпущенник умирал без завещания или прямого наследника, закон предусматривал распределение его имущества без обеспечения его семьи. Обманчивые надежды бедных родственников проверялись передачей покровителю всего, что осталось; таким образом, можно сказать, что клиент был обязан нести расходы даже после того, как естественный долг был удовлетворен.

В шестой таблице нет ничего достойного внимания, но седьмая защищает от ущерба, наносимого четвероногими, и не только отвечает старому знакомому случаю с ослом среди кур, но и объявляет, что любой, кто умышленно топчет кукурузу соседа, должен заплатить соответствующий штраф.

Сельское хозяйство было защищено тем, что взрыв чужой пшеницы с помощью заклинания считался смертным преступлением; так что если бы тогдашние фермеры стонали друг другу о разрушенных перспективах, как они делали это в более поздние времена, совершая своего рода заклинание, распевая одну и ту же старую песню отчаяния, они могли бы лишиться головы как в прямом, так и в интеллектуальном смысле, к которому восприимчива эта фраза. По той же таблице человек, сломавший другому конечность, подвергался возмездию; а простой перелом компенсировался простым переломом, хотя сторонам разрешалось сшивать, если они предпочитали это делать.

Восьмая таблица была эквивалентна Закону о строительстве, и, обеспечивая пространство в два с половиной фута между домом и домом, она предотвращала столкновения между соседями, а плоды, упавшие с дерева одного человека в сад другого, по закону попадали в руки последнего.

Чистота правосудия обеспечивалась девятой таблицей, которая предписывала казнить судью, принявшего взятку при исполнении своих обязанностей. Такому же наказанию

подлежал продажный арбитр или, что еще страшнее, предатель - негодяй, выдавший врагу римского гражданина.

Десятый стол может послужить уроком для нашего просвещенного века, в котором слишком распространен обычай растрачивать на пустые и дорогостоящие церемонии над мертвыми то, что могло бы быть полезно для живых. Прошло более двадцати веков с тех пор, как римские законодатели, видя, что скорбящие могут попасться в ловушки и ловушки горя, ограничили расходы на похороны определенной суммой. Расходы на "адские божества", которым в те времена приносились жертвы и с которыми мы можем сравнить черных мастеров нашего времени, также были сведены к самой низкой цифре. В вопросах здоровья римляне также опережали нас; ведь мы до сих пор накапливаем своих мертвецов на могильных дворах наших городов, хотя по законам двенадцати таблиц захоронения в пределах города были запрещены.

Одиннадцатая и двенадцатая таблицы дошли до нас в таких незначительных фрагментах, что трудно составить целый лист из них обеих, вместе взятых. Одиннадцатой таблицей приписывается аристократическое положение, запрещающее браки между патрициями и плебеями; но поскольку закон не всегда мог предотвратить пламя, в конце концов было признано целесообразным разрешить спичку, которая была разрешена пять лет спустя Lex Canuleia.^[19]

Таков краткий отчет о Законах двенадцати таблиц, которые, хотя и изрезаны ножницами времени на очень маленькие кусочки, в ломаных предложениях говорят многое к чести их авторов. Еще во времена Цицерона в программу обучения мальчиков входило изучение этих законов в виде *carmen necessarium* - или необходимых стихов - хотя они вовсе не обязательно были в стихах; более правильное мнение гласит, что все они были написаны в прозе и что на самом деле в них не было рифмы, но они были полны смысла.

Децемвиры теперь выполнили возложенную на них задачу; но, хотя они были избраны на ограниченное время, они, похоже, были намерены оставаться в своих кабинетах и после того, как их рабочее время было полностью закончено. Во время первого децемвирата члены правительства поочередно занимали свои посты на двадцать четыре часа, по принципу: каждому везет в свой день, но теперь вся десятка разом приняла на себя знаки королевской власти. Не в силах противостоять очарованию фасций, каждый из декабристов, выходя за границу, сопровождался связкой этих внушительных палок; вид которых, наконец, привлек внимание общественности к количеству прутьев, которыми можно было зацепить спины людей.

Ропот внутри страны сопровождался слухами о войне за границей; экианы и сабиняне возобновили вражду, и децемвиры, не имея возможности собрать войска или деньги, созвали деревенских джентльменов с их мест за городом на свои места в сенате. Многие почтенные члены выразили решительный протест против правительства, но согласились на необходимые поставки; из этого следует, что практика говорить одно, а голосовать другое очень древняя. Декабристы держались за свои места с клейкостью, которую можно было бы сравнить с римским цементом, если бы не тот факт, что клейкость не является редкостью в наше время, хотя секрет римского цемента исчез. Армии были отправлены навстречу врагу, народ справился с расходами, а Аппий остался дома с одним из своих коллег. Римским войскам за границей приходилось бороться не только с внешними, но и с внутренними врагами; один почтенный, но слишком болтливый солдат, некто Дентатус, прозванный также Сикцием, постоянно заявлял, что ему до смерти надоела тирания децемвиров. Он даже

заговорил об очередном отделении плебса; и, чтобы не дать ему уйти в отставку, был разработан план, как отсечь его путем суммарного процесса. Он получил приказ от своего начальника отправиться в деревню с несколькими другими людьми и выбрать место, где можно было бы поставить палатку на случай битвы. Его спутниками оказались переодетые убийцы, которые, прибыв в уединенное место, сбросили маски и предстали в своем истинном обличье. Они сразу же набросились на изумленного Дентата, который, должно быть, успел разглядеть нападавших, прежде чем умер, поскольку многие из них были пронзены мечом ветерана.

В то время как остальные децемвиры отвращали народ своей тиранией, Аппий стал одним из тех объектов презрения, на которые суждено было задрать нос не только римлянам, но и всему человечеству, и на которые презрение должно было указать своим нетленным пальцевым столбом.

миньоном, служащим Аппию.

Виргиния, унесенная

У одного центуриона, по имени Виргиний, была единственная дочь, по имени Виргиния, которой отец, проявив осторожность, простительную, возможно, для вдовца, позволил ходить взад и вперед одной по общественным улицам в частную дневную школу.^[20] Юная

леди, во всей игривой невинности шестнадцати лет, имела привычку танцевать и петь вдоль проезжей части, когда маленькие ступни и красота ее голоса поразили глаз и слух Аппиуса. По некоторым данным, за Вирджинией присматривала кормилица; но нет нужды замечать, что то же роковое очарование, которое в военных кварталах привлекает женское внимание от детей, которые должны быть, к мужчинам, которые находятся при оружии, было не менее сильным на Виа Сакра, чем на Роттен Роу, - у берегов Тибра, чем на берегах Серпентина. Однажды утром, когда Вирджиния проходила через рыночную площадь, направляясь семинарию, с планшетами и школьной сумкой - или, говоря более привычным языком, с грифельной доской и ранцем на руке, - один из приспешников Аппиуса воспользовался случаем и схватил девушку за запястье. Кормилица либо отсутствовала, либо, что более вероятно, разговаривала с одним из офицеров, дежуривших за углом; ведь фасции были столь же неотразимы для тогдашних служанок, как вымуштрованные слова и накидки из масляной кожи для аналогичного класса чиновников в гораздо более поздний период. Вирджиния закричала, требуя помощи, и только те, кто слышал крик женщины, попавшей в беду, могут представить себе пронзительность вопля, раздавшегося на рынке. Маркус - так звали приспешника - был мгновенно окружен кругом респектабельных торговцев, которые знали и желали спасти Вирджинию. Кузнец, хотя у него были другие утюги в огне, оставил мехи, чтобы нанести Маркусу удар; мясник, подняв тесак, готовил самую большую рубку; а меняла как раз собирался расплатиться с негодеем новой монетой, когда тот объявил Вирджинию своей рабыней и объявил себя клиентом страшного Аппиуса. При этом грозном имени работа кузнеца, казалось, была закончена, мясник превратился в бесчувственную глыбу, а в нотах менялы произошла резкая перемена.

Дежурный, привлечший внимание медсестры, отлучившись по какому-то пустяковому делу, оставил ее наедине с более ценным поручением, которое ей было доверено. Поскольку обычно громче всех говорят те, кто меньше всего делает, то и упреки санитарки, несомненно, были громкими в соответствии с ее пренебрежением; и действительно, суматоха, вызванная воплями кормилицы, скорее отвлекла внимание толпы от самой Вирджинии, которую Маркус унес с собой, намекнув, что он должен немедленно передать дело в магистрат. Среди других последствий пренебрежительного отношения к служанке была привязанность, возникшая между воспитанницей школы и молодым джентльменом по имени Ицилий. Этот буйный юноша, узнав о случившемся, отправился в суд, где должно было состояться слушание дела и где председательствовал тиран Аппий. Ицилий попросил отсрочки, сославшись на отсутствие отца девушки, и было признано невозможным противиться ходатайству столь усердного адвоката. В итоге друзья Вирджинии обратились к ней с просьбой о внесении залога, и в толпе раздался такой общий крик, что Аппий почувствовал, что не может рассчитывать на собственную безопасность, если откажет в просьбе, с которой к нему обратились. На следующее утро дело снова было передано в суд, и Виргиний, который накануне дежурил со своим полком, присутствовал на слушании.

Если бы в те времена существовала такая же любовь к ужасному, как в наше время, то поразительный случай убийства девочки собственным отцом, вероятно, дошел бы до нас в виде самых полных отчетов, дополненных "другими свидетельствами" и длинной чередой "последних подробностей". Однако в данном случае мы должны довольствоваться самым кратким изложением; ведь римляне во времена Аппия были в равной степени лишены как жажды подробностей пролития крови, так и "семейных воскресных газет", чьи респектабельные владельцы всегда готовы воспользоваться кровавым делом с готовностью, которая, кажется, показывает, что они рассматривают кровь как необходимое условие жизнеспособности журнала и истинной теории тиража. Остается только рассказать, что Виргиний, расставшись со своей дочерью и убедившись, что вырваться из-под власти Аппия

невозможно, заколол ее ножом, выхваченным из мясной лавки, и, размахивая оружием в воздухе, пригрозил тирану гибелью. При виде окровавленной стали Аппий почувствовал, что его сердце трепещет, словно под воздействием магнитного поля; и, потеряв на время собственную голову, он предложил десять тысяч фунтов меди за голову Виргиния.[21]

Обычно захватывающее зрелище поражает своей неподвижностью; так и стражники Аппия, получив приказ схватить Виргиния, оказались прикованными к месту столькими волнующими событиями. Напрасно Аппий призывал своих клиентов и ликторов исполнить свой долг. Среди всех его многочисленных сопровождающих не было ни одного, кто не дрожал бы в своей обуви, в то время как тиран дрожал с головы до ног от бессильного гнева. По приказу Аппия офицеры попытались очистить место, но тут завязалась сильная потасовка, и власти были атакованы всевозможными снарядами. Рыночная площадь в изобилии поставляла боеприпасы. Утки и гуси разлетались во все стороны. Некоторые из ликторов обнаружили на своих плечах телячьи головы. Другие, которых угощали устрицами, или, скорее, с ними плохо обращались, жестоко страдали от непрекращающегося выброса раковин, а многие получали все содержимое римского пира, *ab ovo usque ad malum*, - от нападения и нападения яйца до *malum in se* метко брошенного яблока. Прилавки торговцев овощами были быстро очищены от содержимого, и можно было увидеть дрожащего ликтора, задущенного, как кролик в луке, пытающегося незаметно уползти, в то время как другие, получавшие свою пустыню в виде свежих фруктов, бежали от ярости народа под ливнем винограда. В конце концов, когда запасы на рынке были исчерпаны, нападавшие прибегли к камням; Аппий, чувствуя, что находится в двух шагах от своей жизни, попросил ликторов удалить его с места опасности. Четверо самых крепких из его сопровождающих, взвалив на плечи кресло курульного, с трудом добрались до дома, куда Аппий и прибыл: глазное яблоко повреждено ударом груши, рот задыхается от негодования и грязи, губы посинели от ярости и виноградного сока, мантия измазана кондитерскими изделиями, а голова, ставшая губчатой от брошенных в нее хлебов, покрыта какими-то пьяными валиками.[22] Таков меланхоличный портрет, который историческая правда заставляет нас нарисовать несчастному Аппию, к которому, однако, нельзя испытывать жалости, хотя в его деле и в его облике было много очень печальных черт. Штурм рыночной площади, должно быть, затруднил художнику того времени создание его образа после того, как морковь, кружась вокруг его головы, осела в его волосах, богатые масла придали его римскому носу оттенок жирности, а яйца, брошенные населением, которое продолжало подзадоривать друг друга, удлинители его круглые щеки до овального лица.

Аппий Клавдий, наказанный

народом.

Добравшись до своего дворца, несчастный тиран побежал вверх по лестнице, надеясь спастись таким бегством; но его догнали и бросили в тюрьму, где ему, до сих пор позволявшему себе делать все, что угодно, дали веревку, достаточную для того, чтобы повеситься; как полагают, он это сделал, хотя тема настолько запутанная, что мы не готовы ее распутывать.

Виргиний вернулся в лагерь, где солдаты, узнав о падении децемвира, принялись бить его, как обычно, когда он падал, отрекаясь от власти Аппия и его коллег. Однако доблесть повстанцев была отрицательной, так как во время опасности они считали, что отсутствие тела лучше, чем присутствие духа, и их политика заключалась в том, чтобы отделиться от города. Они удалились на Священную гору, куда за ними были отправлены послы от сената, чтобы выяснить, нельзя ли уладить дела; тогда народные вожди с односторонней либеральностью, которой склонны потакать некоторые друзья свободы, попросили амнистии для себя и немедленного предания смерти всех членов покойного правительства. Послы, не желая прецедента, который мог бы быть применен к последующим администрациям, частью которых они сами могли бы стать, предложили сначала судить децемвиров, а потом, если понадобится, казнить их. Некоторое время друзья свободы и справедливости не могли заставить себя согласиться на суд, предшествующий наказанию; но после того, как их заверили, что у децемвиров будет мало шансов на побег, было решено разрешить им предварительные формы суда.

Взяв верх, плебеи стали почти столь же нетерпимы, как и тираны, которых они сместили, - обычная ошибка, к сожалению, среди исповедующих свободу. Они потребовали восстановить трибунов, что было вполне справедливо; сделать трибунат вечным, что было наглым и властным вмешательством в волю любого последующего поколения; и, в качестве кульминации, они потребовали, чтобы любой, кто предложит отменить их любимую должность, был сожжен как предатель. Несомненно, они имели полное право на собственную волю, но у них не было полномочий навязывать ее последующим поколениям; и меньше всего они имели право сжигать на кострах тех, кто придерживался иного образа мыслей. Правда, в такой момент мало кто готов буквально поставить на карту свою жизнь, высказывая свое мнение; но эти произвольные выходки, столь часто совершаемые во имя

свободы, в достаточной мере объясняют частое употребление слов "более свободен, чем желанен". Дело в том, что когда Свобода становится известным общественным персонажем, она, кажется, исчезает из частной жизни; и в самом деле, как можно найти ее дома, если она занята за дверью, сбивая шляпы с тех, кто не хочет ее приветствовать, или разбивая окна тех, кто не освещает их в ее честь?

Получив от сената разрешение вешать и сжигать по своему усмотрению всех, кто поддается разногласиям, плебеи, слабоумно полагая, что это никогда не изменит дружбе, приступили к выборам трибунов вместо декабристов, которых бросили в тюрьму. Говорят, что это был первый случай заключения в тюрьму кого-либо из патрициев; и в высших кругах произошла огромная сенсация, когда они узнали, что несколько исключительных представителей их собственного сословия находятся под стражей. Некоторые аристократические семьи впали в траур по этому печальному поводу и предложили любой штраф, как само собой разумеющееся, за освобождение своих родственников.

Аппий Клавдий и Спурий Аппий - возможно, незаконнорожденный член семьи - были брошены в одну камеру, где, как говорят, они наложили на себя руки или друг на друга; но есть ли в этой истории о камере хоть доля правды или это просто клеточная ткань лжи, трудно решить после столь долгого перерыва. Восемь оставшихся децемвиров отправились в изгнание, или, другими словами, были пожизненно изгнаны, а Марк Клавдий, претендовавший на Виргилия, удалился в Тибур, ныне Тиволи, и, можно сказать, вывел свою совесть, чтобы помыться в знаменитых банях, расположенных по соседству. Другие авторитеты утверждают, что он бежал, чтобы избежать пожизненного глажения, которым ему угрожали, или опасаясь издевательств, которым он мог подвергнуться дома от рук разъяренного населения.

Консулы уже были избраны, ими стали Л. Валерий и М. Гораций; теперь же были выбраны десять трибунов, среди которых, разумеется, были лидеры революции; ведь в народе бытует мнение, что те, кто сверг одно правительство, обязательно должны быть самыми подходящими людьми для создания другого. Однако разрушать гораздо легче, чем строить; и те, кто показал себя чрезвычайно ловким в выбивании мячей, часто быстро выбиваются из колеи, когда получают свои подачки.

Для наций, как и для отдельных людей, характерно то, что те, у кого нет своих собственных дел, склонны заниматься делами соседей. Уладив дела между собой, римляне стали смотреть за границу и, избавившись от внутренних врагов, отправили своих консулов, Л. Валерия и М. Горация, разбираться с внешними врагами. Валерий захватил лагерь икиев, когда они обсуждали свои перспективы в палатках, а Гораций, разгромив сабинян, освободил их от города, превратив таким образом в респектабельных торговцев тех, кто до сих пор был крайне хлопотным покупателем.

Когда консулы вернулись в Рим, они ожидали, что сенат окажет им обычную честь в виде триумфа; и вместо того чтобы сразу войти в город, они расположились в храме Беллоны, за стенами, ожидая приказаний. Патриции, ревниво относившиеся к полководцам, решили лишить их обычных почестей с помощью низкого трюка; но трибы, поступив с воинами более справедливо, или, по привычному выражению, протянув им руку помощи, постановили триумф, в котором им отказал сенат. Таким образом, патриции лишились привилегии, которой они злоупотребляли, а два консула, несмотря на них, въехали в город "четыре в руки".

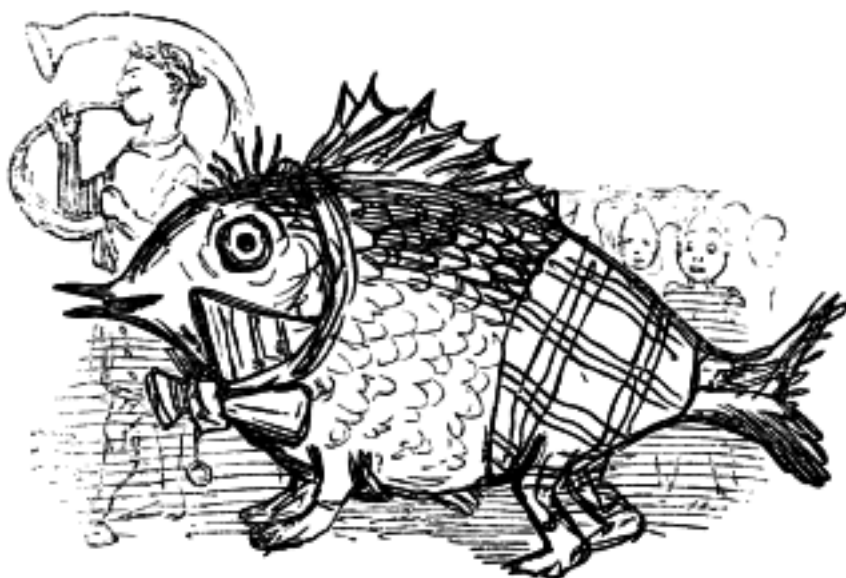

На переднем плане картины можно увидеть патриция, который очень мрачно смотрит на триумф генерала.

В наше время ближайшим приближением к триумфу является въезд в провинциальный город компании конников или передвижного зверинца. Во многих отношениях эти мероприятия соответствовали ярмарке, и, по-видимому, римляне считали, что никто, кроме храбрецов, не заслуживает ярмарки, поскольку только самые выдающиеся воины удостоивались почестей триумфа. Однако было что-то очень недостойное в практике слоняться по окраинам города до тех пор, пока их не позовут, - так обычно поступали те, кто ожидал славы от вызова в сенат. Иногда случалось, что вызов так и не приходил, и генерал, надеявшийся въехать в город на колеснице и вчетвером, в конце концов был вынужден пробираться в город без сопровождения. Такова была бы участь Л. Валерия и М. Горация, если бы не их популярность, чему, вероятно, способствовала бессмысленная любовь к зрелищам, из-за которой герой нередко превращается в бандита. Поскольку триумфы, как и представления лордов-мэров, почти все были одинаковыми, нижеследующий рассказ поможет понять или подтолкнуть читателя к пониманию общих черт этих военных зрелищ.

Шествие открывалось оркестром трубачей, и из всего тела вырывалось как можно больше воздуха. Далее шли несколько человек с досками, испещренными многочисленными достижениями и представляющими собой, по сути, афиши или пылящие плакаты главного персонажа. За ними следовали различные предметы, взятые у противника, которые можно сравнить со свойствами, используемыми в шоу, следующей особенностью которого была группа флейтистов, шедших в своеобразной рифленой колонне. Далее шли белые быки или волы, предназначенные для жертвоприношения, в сопровождении жрецов или святых мясников; а сразу после них - удивительный зверь, диковинная рыба или странная птица, пойманная, пойманная на крючок или пойманная в клетку в завоеванной стране. За ними следовало оружие врага с как можно большим количеством пленников в цепях, и чем больше была вереница закованных жертв, тем больше было "связанной сладости, долго тянущейся" перед взором завоевателя. После них несли дары, полученные генералом от союзных или дружественных держав, обычно состоящие из корон, сделанных из травы, каждая травинка которой была данью мечу победителя. Далее следовала колонна ликторов,

а затем и сам генерал в колеснице и четверке, с рабом на подножке сзади, который шептал ему на ухо, напоминая, что он все еще "человек и брат".

По всей вероятности, что-то

в этом роде.

Консулы, одержав не только гражданский, но и военный триумф, победив патрициев, были бы переизбраны на новый год; но у них хватило здравого смысла уйти на покой, не дожидаясь, пока они станут банкротами из-за этого весьма быстротечного товара. Патриции, устав от исключительности, которая, казалось, могла лишить их реальной власти, снизились до того, что стали соперничать с плебеями в качестве кандидатов на должность трибуна. Они благоразумно пришли к выводу, что лучше отбросить свою гордыню, чем слишком упираться на свое достоинство; в результате, избрав двух представителей своего сословия, они получили право голоса в новом правительстве.

Теперь народные меры были в порядке вещей, и К. Канулей, один из трибунов, внес законопроект о легализации брака между патрициями и плебсом, чтобы отцы сената могли жениться на дочерях народа. Это предложение о расширении брачной петли породило несколько очень запутанных моментов и вызвало сильное противодействие со стороны патрициев. Большая часть из них считала себя сущностью всего редкого и изысканного, пока более разумная часть не поняла, что эта сущность становится все более редкой с каждым днем и что, если она не соединится с чем-то более прочным, все это очень скоро испарится. Закон был принят, и благодаря своевременному применению обычной глины корни аристократии были спасены от угрожавшего им разложения. Многие патриции, долгое время хранившие старые предрассудки, нашли гораздо более приятным жениться на молодых плебейках; и браки были заключены, или, скорее, значительно расширены, между различными классами общества.

Партия реформ стала достаточно сильна, чтобы предложить, чтобы один из консулов всегда был плебеем; и хотя сенат из всех сил старался придерживаться принципа, что только те пригодны для уютного места, кто получил его благодаря хорошему рождению, прилив

мнений настолько сильно изменился, что против течения было безнадежно плыть на самых толстых чашах.

Были учреждены *военные трибуны* с полномочиями консулов; но патрициям удалось хитростью превратить этих консулов в своего рода скот для собственного использования, выбрав из своего собственного тела двух должностных лиц, названных цензорами, которые должны были заниматься переписью населения, чрезвычайно важной частью консульской власти. Само по себе перечисление людей не было высокой привилегией и не требовало знакомства ни с законом, ни с какой-либо из двенадцати таблиц, за исключением, пожалуй, простых арифметических таблиц. Помимо привилегии следить за числом людей, эта должность давала особые возможности следить за числом один; ведь управление финансами государства было возложено на Цензора;[23] и слишком часто случалось, что сборщик пошлин считал, что из полученных от имени правительства денег он должен заплатить себе. Они также были уполномоченными по налогу на имущество, наделенными всеми инквизиторскими полномочиями; но, что самое одиозное, они имели право определять даты рождения женщин, а также мужчин, и могли безжалостно взимать с дамы налог за ее возраст, а с мужа - за его доход. Они также были контролерами добродетели и нравственности, их обязанностью было поддерживать *mos majorum*, или нравы старой школы; ведь, похоже, у человечества всегда был обычай оплакивать прошлое как "старые добрые времена", независимо от того, насколько плохими были старые времена и насколько бесконечно уступали нынешним.

Однако главное влияние цензоров заключалось в том, что они могли определять ранг каждого гражданина; ведь с самых ранних времен народ имел привычку добиваться, сквозь толщу и тлен, этого опасного желанья - желанья, которое сводит многих состоятельных людей к положению в обществе. Цензоры могли присудить это положение; и люди были готовы заплатить любую цену за этот самый дорогой из всех штампов - хотя, возможно, в конце концов, самый труднодоступный для приобретения - штамп моды. С первых дней существования Рима и до наших дней мы часто встречаемся с подделками этой марки, подделка которой испортила и продолжает портить множество телячьих и ослиных кож, которые в противном случае могли бы пригодиться, по крайней мере, их владельцам.

Рим начал было наслаждаться коротким покоем, как младенец в колыбели, как вдруг его заставили раскачиваться до самого основания из-за нехватки провизии; ведь отсутствие чего-либо съестного непременно послужит пищей для недовольных. Ворчание - особый признак пустого желудка, а метеоризм, вызванный голодом, - это дурной ветер, который никому не приносит пользы. Во время дефицита один богатый гражданин, некто Спурий Маэлий, желая обеспечить своих сограждан настоящей едой, закупал кукурузу за свой счет и продавал ее за сущие копейки, получая выручку, возможно, в виде векселей, своим более бедным соотечественникам. Такая либеральность сделала Маэлия чрезвычайно популярным среди всех, кроме патрициев, которые заявили, что им понятен его замысел продавать дешевую кукурузу, что их, как старых птиц, не поймает на мякине, и что его истинная цель - королевское достоинство. Под предлогом помешать ему в достижении этой цели патриции назначили диктатора; и бедный старый Цинциннат, сгорбленный возрастом и земледелием, которое было его естественной склонностью, был перетащен из хвоста плуга в голову государства, хотя его собственное состояние было крайней телесной дряхлостью. Его хозяином коня, который действительно держал бразды правления, был Сервилий Ахала, который вызвал Маэлия к диктатору, чтобы тот ответил на любое обвинение, которое могло быть выдвинуто против него. Если способ выдвижения обвинения был странным, то и способ ответа на него был не менее необычным; Маэлий, вместо того чтобы достойно встретить

обвинение, убежал от него с мясницким ножом, который он выхватил из лавки на рынке. Сверкая грозным оружием, он вклинился в толпу, а за ним сразу же последовал Сервий Ахала с группой молодых патрицианских клинков, которые, пронзив каменное сердце, вонзили свои мечи в грудь своей жертвы.

Ахала обвинили в убийстве, но ему удалось избежать последствий, как и подобает влиятельным людям в те времена, путем добровольного изгнания. Хотя домашняя кулинария пострадала от нехватки продуктов на родине, не было недостатка в заграничных блюдах, и римляне создали диктатора Мама. Эмилий стал диктатором, чтобы противостоять фиденатам и венедам. В Фидены были отправлены три посла, но дипломатическая служба в те времена не была столь желанной, как в наши дни, потому что три посла были убиты, и, возможно, финансовые реформаторы сказали бы, что было очень правильно урезать такой кусок грубой расточительности. Приказ исходил от Лара Толумния из Вей; и хотя это мало сказалось на его сердце, это стоило ему головы, которую отрубил Корнелий Косс - хозяин коня Эмилия.

Вейентинцы продолжали беспокоить, диктатором был назначен Фурий Камилл, который с редким для тех времен инженерным талантом заложил шахту и, преодолевая все мелкие, а также крупные и общие трудности, проложил путь в город. Царь Вейи приносил жертву в храме Юноны, как раз когда римляне закончили прокладку туннеля, и когда солдаты прорвались сквозь землю, как урожай ранних чемпионов, он увидел свою судьбу, написанную жирными римскими буквами. Все было отдано завоевателям, и говорят, что статуя Юноны последовала за ними по собственной воле, но, скорее всего, она осталась в *статусе*, потому что чудесные случаи перехода в Рим в те времена были не так уж многочисленны.

В Риме снова воцарился мир, когда горожане с особой неблагодарностью, не имея других врагов, начали ссориться с самим Камиллом, которому они были обязаны своим спокойствием. Они обвинили его в том, что он неправомерно торгует акциями, присваивая себе больше, чем положено. Однако его непопулярность обрушилась на него только после того, как выяснилось, что он в порыве благочестия посвятил десятую часть трофеев Вейи дельфийскому богу - об этом он забыл упомянуть, пока не распорядился всей своей долей приза, и другим участникам грабежа пришлось выкупать его обещание за свой счет и своими готовыми деньгами спасать его кредит. Его имя сразу же упало с высшей похвалы на низшую ступень пренебрежения, и он вызвал особую неприязнь тех, кому служил; ведь доброта часто написана на мраморе в сердцах тех, кто помнит о ней только для того, чтобы отплатить неблагодарностью. Не желая быть обвиненным в нечестности и не в силах смириться с этим, он избрал средний путь и вынес себе своего рода приговор, отправившись в добровольное изгнание. Однако, выйдя из городских ворот, он, с душевной слабостью, нередкой среди первых римлян, выплеснул свою злобу, выразив желание, чтобы Рим пожалел о его отсутствии; но Рим утешился тем, что, возможно, потерял его, конфисковав все его имущество.

Среди происшествий из жизни Камилла есть рассказ о событии, которое случилось, когда, покорив венетов, он изгнал фалисков из их города Фалерии. В его стенах существовала модная школа для мальчиков, в которую патриции отправляли своих сыновей, часто гулявших в пригороде. Однажды утром ученики, которых было двое и двое, один за другим обнаружили, что очень устали, потому что их прогулка необычайно затянулась по вине педагога. Негодяй и его прихлебатели, по сути, привели ничего не подозревающих младенцев в лагерь Камилла, намекнув, что родители мальчиков очень богаты, что обучение в школе регулярно оплачивается, и можно не сомневаться, что за такое избранное сборище отцовских гордостей и материнских любимцев можно получить богатый выкуп. Камилл

благородно ответил, что не станет воевать с молодыми идеями, еще не научившимися стрелять, и в заключение дал урок школьному учителю; раздев его и дав в руки мальчишкам бич, юные бичеватели нанесли немало ударов кнутом по спине своего хозяина.

школьного учителя.

Мальчишки пороли

ПЯТНАДЦАТЬ:

[18] Мы часто сожалеем, что подробности этой экспедиции не дошли до нас, и что три римских экскурсанта не собрались вместе, чтобы составить журнал во время своего путешествия. Однако морские экспедиции мудрецов редко описываются подробно, ведь ничто не может быть скуднее, чем рассказ о путешествии трех готэмских мудрецов, отправившихся в море в чаше; и есть основания полагать, что многие главы философских операций мира были потеряны из-за морских происшествий.

[19] "Закон двенадцати таблиц", 450 г. до н.э. "Lex Canuleia", 445 г. до н.э.

[20] Однако, судя по всему, в тот период плебеи имели обычай отправлять своих дочерей от шести до шестнадцати лет в схоластические заведения с девяти до пяти; и десять к одному,

что Виргиний был воспитанником одного из этих дешевых питомников, в которых юные идеи высаживались для стрельбы.

[21]

И тут вскочил Аппий Клавдий: "Остановите его - живым или мертвым, Десять тысяч фунтов меди тому, кто принесет его голову".
Macaulay's Lays of Ancient Rome.

[22] Это описание не преувеличено, по крайней мере, если полагаться на авторитет Маколея; и в отношении происшествий этого отдаленного периода мы, пожалуй, вправе доверять не только рассказу поэта, но и любому другому источнику. Следующие строки относятся к состоянию Аппия, когда его везли домой после смерти Вирджинии: - "Один камень попал в Аппия.

"Один камень попал Аппию в рот, другой - под ухо,
И прежде чем он достиг горы Палатин, он упал в обморок от боли и страха.
Его проклятая голова, которую он привык держать так высоко с гордостью,
теперь, как у пьяного, свисала вниз и раскачивалась из стороны в сторону.
И когда его крепкие стражники подвели его к двери,
Его лицо и шея представляли собой одну лепешку из грязи и сгустков крови".

[23] В более поздний период цензоры полностью контролировали государственные расходы, вплоть до кормления священных гусей; и нет никаких сомнений в том, что даже гуси стали приносить бесчестному чиновнику немалую прибыль.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ОТ ВЗЯТИЯ РИМА ГАЛЛАМИ ДО ЕГО ПОСЛЕДУЮЩЕГО СОХРАНЕНИЯ МАНЛИЕМ.

Галл.

Как пророк, если он будет продолжать пророчествовать до тех пор, пока оно не произойдет, обязательно в конце концов окажется прав, так и прорицатели, постоянно предсказывавшие взятие Рима, похоже, наконец, получили подтверждение своим предчувствиям.

Галлам было суждено стать захватчиками, и традиция говорит нам, что их привлекла к переходу через Альпы репутация итальянского винограда, которая побуждала их ожидать превосходного вина по ту сторону гор. Галлы отличались огромными телами, которые представляли собой ряд гигантских картин в железных рамах; а их лица были покрыты длинными лохматыми волосами, и казалось, что своим свирепым видом они готовы наброситься на врага. Эти люди были древними обитателями современной Франции, и любопытно, что жители страны до сих пор культивируют эту волосатость лица, в которой они,

можно сказать, буквально подражали своим предкам. Традиция - этот оптовый разносчик, доставляющий к дверям историка так много посылок, некоторые из которых едва ли стоят того, чтобы их везти, - передала нам небольшой пакет с информацией о галлах и их происхождении, содержимое которого мы и приступили к изучению. Взяв его, мы обнаруживаем, что он очень мало весит, но, тем не менее, приступаем к распаковке. Начав, как и в случае с корзиной, мы оказываемся в значительной степени затруднены, поскольку, открыв крышку и прибегнув к помощи проницательного глаза, мы с нетерпением переворачиваем содержимое, но в конце концов в попытках ухватиться за что-то осязаемое нащупываем не более чем солому. Переворачивая хлипкую массу, мы приходим к очень малому количеству достоверных сведений, хотя, добравшись до дна, устанавливаем факт, что галлы под предводительством Бреннуса совершили поход на Клузиум, одно из государств Этрурии. Люди, оказавшиеся в затруднительном положении, склонны проявлять повышенную любезность к тем, кто в состоянии им помочь; денежный человек становится "дорогим господином" для того, кто нуждается в займе, и клузийцы обратились к своим "друзьям", римлянам, о которых они ничего не знали, за любезной помощью.

Римский сенат, вняв ссоре клузийцев, отправил к галлам трех послов, сыновей Фабия Амбуста, с просьбой отступить, но галлы прислали в ответ очень обидный ответ. Они заявили, что их страна мала, а нужды велики; что у них недостаточно земли, чтобы обеспечить себя хлебом; и, хотя они не желают топтать кукурузу соседа, они не могут не чувствовать, где жмет башмак. Они добавили, что, что касается Клузиума, они не хотят его целиком, но охотно разделят его с владельцами; это предложение похоже на предложение карманника, который, отнимая у вас носовой платок, вежливо предлагает вам пользоваться им совместно.

Не получив согласия, клузийцы и галлы вступили в столкновение, когда римские послы, отправившиеся лишь для того, чтобы перекинуться парой слов, настолько забыли о своей дипломатичности, что дошло до столкновений; и хотя нередко миротворцы причиняют больше бед, чем предотвращают, было слишком неприятно обнаружить, что умиротворители, отправившиеся унять раздор, занялись проламыванием черепов тех, кого они собирались умиловить. Один из Фабиев не только убил галльского вождя, но и, расправившись с ним, забирал его оружие и амуницию; тогда галлы подняли крик "Позор!", не одобряя соглашения, при котором посланник убивал нескольких из них, в то время как деликатное отношение к закону народов не позволяло им убить посланника. Людям трудно стоять на точке зрения этикета, когда им угрожают острием меча; но галлы, проявляя крайнюю умеренность, решили послать посланников, чтобы пожаловаться на посланников, и таким образом, как бы сразиться с послами их собственным оружием. Римский сенат чувствовал справедливость жалобы; но, видя, что общественное мнение настроено противоположным образом, сенаторы были достаточно подлы, чтобы совершить несправедливость, а не выступить с почетной позицией против своеволия народа.

Фабии, которых сенат был слишком труслив, чтобы наказать, миллион посчитал нужным вознаградить, назначив их консульскими трибунами на следующий год; когда эта новость дошла до галлов, она вызвала у них вполне естественное ожесточение. После первой вспышки ярости они начали собираться; собрав 30 000 человек, к ним присоединилось до 40 000 сенонов, в союзе с которыми они дошли до Аллии, небольшого ручья, впадающего в Тибр. Здесь их встретили римляне, которые возвели укрепления, чтобы помешать врагу закрепиться в их владениях; но, будучи сравнительно немногочисленными, они постарались расположиться как можно дальше друг от друга.

Как чайник воды, брошенный на чайную ложку с намерением заставить ее двигаться дальше, производит ослабляющий эффект, так и расширение римской линии разбавило ее

силу до такой степени, что правое крыло охватила паника, а левое подхватило инфекцию, и оба крыла начали лететь вместе. Несколько римлян, спасая свои жизни, бросились в Тибр, а дукс или генерал подал позорный пример. Некоторые потеряли самообладание и беспомощно попали во владения врага; другие же, обнаружив, что их головы начинают неистово плыть к берегу, не смогли спастись, переплыв реку.

Лишь немногие солдаты добрались до дома в целостности и сохранности, промокнув до нитки; и хотя в картине, изображающей римских воинов в мокрой одежде, есть что-то неблагородное, мы вынуждены следовать сухим нитям истории. Те, кто спасся благодаря дружному приливу, принесли печальную весть в Рим, который теперь стал бы легкой добычей галлов, если бы они не остались на поле боя, издавая ужасные вопли, трясая желтыми локонами и опьяняя себя чем-то более сильным, чем чаша успеха, которую они так легко испили. Когда дурная весть достигла Рима, граждане начали стремительно бежать, и некоторые из них были напуганы собственными тенями, как будто, подобно провинившимся существам, они были не в состоянии выносить свои собственные отражения. Многие патриции бежали в поисках спасения в Аркс, или самую верхнюю часть города, что доводило трусость до крайности; а некоторые, пытаясь спасти не только жизнь, но и имущество, упаковывали его в бочки, надеясь сохранить.

По прибытии галлы нашли стены и жителей совершенно безлюдными, и хотя почти каждый из оставшихся был кем-то рядом с самим собой, население из-за глупой паники заметно уменьшилось. Среди оставшихся было восемьдесят старых патрициев, которые поочередно занимали главные государственные должности и, поклявшись умереть, принесли присягу и заняли свои места на Форуме. Они были одеты в официальные мантии, занимали кресла из слоновой кости и, тщательно причесанные, с почтенными седыми бородами, производили на галлов, входивших в Форум, внушительный эффект *tableau vivant*. Один из варваров, привлеченный необычностью сцены, погладил бороду престарелого Папирия, чтобы убедиться в его реальности, но когда престарелый П. ответил на приветствие сильным ударом скипетра, любознательный галл обнаружил, что его голова и амулет разбиты вместе. Хотя патриции поначалу выглядели как восковые фигуры, теперь они начали нагреваться, что привело к их скорой гибели; галлы, яростно обрушившись на них, превратили всю сцену в камеру ужасов. Восемьдесят сенаторов были убиты, к огромному удовлетворению самих римлян, которые были уверены, что после этой тревожной жертвы их ждет триумф. Казалось, они смотрели на почтенные жертвы как на старый хлам, который необходимо списать, и ранее подавленные граждане начали подниматься со всей новой силой банкрота, только что пережившего операцию по ликвидации обширной неудачи. Галлы захватили Капитолий, но его защитники, чувствуя, что никто, кроме них самих, не имеет права его захватывать, сделали все возможное, чтобы сохранить его за собой; и даже ради обеспечения собственной жизни они не согласились бы на безоговорочную капитуляцию. Варвары, не найдя ничего лучшего, начали обстреливать город в нескольких частях, срывая стены и сбрасывая их в Тибр; такой способ разграбления, должно быть, был очень вреден для русла реки.

Обитатели Капитолия продолжали держаться, вернее, держались, и, желая связаться с ними, один смелый юноша, по имени Понтий Коминий, предпринял опасное предприятие. Облачившись в пробковый костюм, он переправился через Тибр и, взобравшись на руки, совершил удивительный подвиг, добравшись до Капитолия. Таким же образом он вернулся обратно, а на следующий день галлы, заметив след, решили, что он идет на четвереньках, подкрадываясь на кончиках пальцев рук и ног к тому месту, куда он пришел. С кошачьей осторожностью, ускользнувшей даже от бдительности собак, и пока часовые не были

настороже, группа галлов один за другим подкралась к вершине скалы, которая была вершиной их желаний. Едва они достигли своей цели, как проснувшийся гусь,^[24] с головой, недостойной мудреца, начал громко гоготать, и за соло одной старой птицы вскоре последовал целый хор из нескольких других. Марк Манлий, живший неподалеку от птичника, был так встревожен этим звуком, что мгновенно выскочил из своей шкуры - в те времена овечья шкура была обычной подстилкой - и побежал на место, где схватил первого попавшегося галла и, сильно толкнув его, вся стая позади упала на дно, как множество карт.

Манлий был вознагражден скуднейшей роскошью, которой располагал город, - обильной едой, и нельзя сказать, что мы сильно превзошли первых римлян в подобных делах, ведь обед до сих пор является обычным способом признания заслуг публичного человека и буквально подпитывает его тщеславие.

Галлы продолжали инвестировать Рим и с диким восторгом слышали о сокращении запасов, или, выражаясь ирландским языком, о растущей нехватке. Наконец пришло известие, что гарнизон уже некоторое время живет на подошвах, и это признанный факт, что они съели все, кроме нескольких оставшихся пар, принадлежавших обуви их генералов. Доведенные до отчаяния, они изо всех сил пекли муку, которая еще оставалась у них под рукой, и, разделив ее на четвертинки или четыре фунта, бросали во врага. Галлы изумленно переглянулись, когда очередной залп корчаг убедил их, что хлеб снова "падает", и, не желая проламывать себе головы посохом жизни, которого, как они полагали, в Риме должно быть очень много, предложили условия выкупа. Цена была назначена в тысячу фунтов золота, при взвешивании которого галлы, как говорят, использовали фальшивые гири, но трудно сказать, какой вес следует придать этому обвинению. История гласит, что галльский король, получив упрек в нечестности, пресек разногласия мечом и, бросив его на весы с криком *Væ victis*, повернул чашу весов еще больше в свою пользу.

Цитадель спасена

криком гусей.

Тем временем римляне в Вейях вызвали Камилла из изгнания и выбрали его диктатором, так как в то время считалось, что человека всегда можно использовать с пользой, после того как его основательно потрепали. Камилл прибыл в Рим как раз в тот момент, когда взвешивали золото, и заявил, что он освободит свою страну, но не позволит доставить сокровища. Он добавил, что металлом, которым должны быть удовлетворены все претензии к Риму, является сталь; что ему безразлично, кто может обратиться к нему, так как он готов, при первом же взгляде, быстро принять предложение. Пока шло обсуждение, прибыл римский легион, и галлы были изгнаны из города, лишившись не только самообладания, но и золота, которое им причиталось. По дороге в Габии завязалась битва, в которой, как говорят, был убит каждый галл, и ни один не остался в живых, чтобы рассказать об этом; а поскольку в истории, как и в битве, есть две стороны, невозможно, в отсутствие другой стороны, сказать, какая из них победила.

Когда римляне вернулись в свой город, они обнаружили, что он мало чем лучше пыльной кучи или участка земли, на котором собрались стрелки, чтобы пострелять в сухой мусор. Людей призвали отстроить свои дома, но даже в те дни принцип пословицы о том, что глупцы строят дома для того, чтобы в них жили мудрецы, похоже, был признан. Все не любили мастерить раствор, и, похоже, существовал заговор не вступать в строительство.

Казалось, что в те времена Рим вряд ли был бы построен; и, возможно, он так и не был бы восстановлен, если бы не несчастный случай, которому они придали зловещее значение, заставивший горожан приступить к восстановлению города. Пока Камилл "стоял на ногах" в сенате, один центурион, проходивший мимо палаты собрания с флагом в руке, сказал: "Давайте водрузим наше знамя здесь, потому что это место, где мы должны остановиться". Сенаторы, выбежав вперед, заявили о своей согласии с предзнаменованием, хотя ничего зловещего в этом не было; а народ, увлеченный или, скорее, привлеченный к этому месту тем же глупым суеверным чувством, заявил, что на этом месте он отстроит город. Несомненно, что беспокойство сенаторов о восстановлении Рима объяснялось тем, что их собственная собственность находилась неподалеку; поэтому они стремились улучшить окрестности. В предложении, которое существенно увеличивало их собственные владения, было очень мало патриотизма и много корысти; и было очень легко найти предзнаменование, которое увеличило бы стоимость их собственности на двадцать или тридцать процентов. Во исполнение этого "предзнаменования" они щедро дарили кирпичи, которые им не принадлежали, и в продолжение своей щедрости позволяли добывать камень из общественных каменоломен, чтобы ускорить работы; в качестве еще одного акта щедрости гражданам было разрешено разнести в щепки свои дома в Вейях, чтобы украсить Рим и его окрестности. Быстрота была в порядке вещей, и все остальные виды порядка были преданы забвению. Все представления об общем плане рухнули, поскольку у каждого был свой собственный план. Дома, вместо того чтобы быть однообразными, выглядели по-разному и рассказывали каждый свою историю, а улицы были так построены, что канализации были так же бесполезны, как если бы они были придуманы современной комиссией.

Рим по-прежнему подвергался агрессии с разных сторон со стороны многочисленных врагов; но Камилл в качестве диктатора сначала побеждал их, а затем, допуская их к франшизе, принимал в свете друзей, словно старые ковры, после тщательного избиения приобретали новые краски. Какой бы ни была удача войны, ее несчастье неизменно влечет за собой большие долги; и это универсальная истина, что страна, как и отдельный человек, не успевает попасть в горячую воду, как ликвидация становится чрезвычайно трудной. Так было и с Римом, где налоги стали настолько высокими, что бедняки были вынуждены брать в долг у богачей, которые, с обычной недальновидностью скупердяя, добавляли к основному долгу непомерные проценты и, настаивая на том и другом, в большинстве случаев не получали ни того, ни другого.

Манлий, чье чутье на гусиный крик сделало его освободителем своей страны, был очень обижен пренебрежением, с которым к нему отнеслись, хотя у него не было особых причин для жалоб; ведь его заслуга, в конце концов, заключалась главным образом в том, что он жил в пределах слышимости от птичника. Однако он ревниво относился к почестям, оказываемым другим, ибо, несомненно, ожидал, что в глазах его соотечественников все оперение священных гусей было бы перьями на его шапке. Поэтому, ища другой способ завоевать популярность, он обратил свой взор на несчастных птиц другого рода - несчастных плебеев, которых, как голубей, ощипывали в руках их кредиторов-патрициев. Он ходил с кошельками в руках, как филантроп старой комедийной школы, освобождая заключенных за долги и заявляя о своей решимости распространить свою щедрость на всех, кто в ней

нуждается. Это объявление о его намерениях приводило в его дом толпы просителей; ведь всегда находился "случай настоящей беды" для потворства тому, чьей величайшей роскошью было избавление от чужих обязательств. Популярность Манлия вызвала ревность патрициев, которые, не оценив его великодушия, сочли его не лучше гусыни, вечно несущей золотые яйца, и он отомстил им, заявив, что лучше быть дураком, чем плутом; что деньги, которыми он распоряжается, принадлежат ему, но что они разбогатели на золоте, присвоенном при выкупе города. Единственным ответом на это обвинение было то, что его бросили в тюрьму за это. Плебеи, обнаружив, что их друг и банкир в тюрьме, а платить по долгам некому, разразились слезами - единственное средство, на которое они были способны. Некоторые впали в траур, а те, кто не мог себе этого позволить, надели черные одежды и пригрозили освободить его из-под стражи.

Сенат, не имея возможности поддержать какое-либо обвинение и, возможно, устав от расходов на содержание его в тюрьме, отправил его содержать себя за свой счет; но его средства сильно сократились, и он обнаружил соответствующее снижение своей популярности. Пока его средства текли золотым потоком, он был богатым насосом, ручку которого готов был сделать любой; но не успела подача иссякнуть, а насос перестать работать, как он остался без самой обычной помощи. В конце концов его привлекли к суду, и, будучи вызванным для защиты, он привел четыреста неплательщиков, чьи долги он оплатил - и которые прошли через суд - в качестве свидетелей своей щедрости. Затем он показал свои раны, которые не были теми болячками, на которые жаловались патриции; в конце концов он указал на Капитолий, в сохранении которого он так хорошо себя зарекомендовал, что, вспомнив об этом, граждане вынесли ему оправдательный приговор. Однако его гонители добились нового суда, на котором он был приговорен к смерти, а раб, посланный с депешей, содержащей это известие, вероломно приступил к отправке самого Манлия. Предложив под предлогом дружбы прогуляться вдоль обрыва, раб постепенно подводил Манлия к краю, пока тот вдруг не оказался доведенным до последней крайности. После этого он получил толчок, который отправил его вниз с Тарпейской скалы; а человек, который притворился другом, был достаточно подл, чтобы сбросить его вниз. Внезапная идея предателя впоследствии часто приводилась в исполнение, так как начатая им практика была впоследствии применена к казням преступников.

После смерти Манлия его дом сравнивали с землей, а его самого постигла участь большинства людей, когда он основательно опустился, ведь от него отказалась даже его собственная семья. Род Манлиев с презрительным недостатком мужественности решил, что никто из его членов никогда не должен носить имя Марка, которого они избегали как позорного знака, хотя когда-то оно было почетным титулом.

Рим, казалось, приходил в упадок и спускался со всех своих семи холмов разом; мор убивал одних и испарял других, канализационные трубы уже не выполняли своих функций, но, переполняясь, вследствие неравномерной перестройки города, наводили на жителей сырость. Свободного населения с каждым днем становилось все меньше, в то время как число патрициев оставалось прежним, и были основания опасаться, что Рим вскоре превратится в одну из тех самых неудобных олигархий, в которых много тех, кто управляет, и сравнительно мало тех, кем управляют. Вечному городу" грозила опасность преждевременного упадка, поскольку его конституция еще не созрела; и если раньше его спасало простое шарлатанство, то теперь [\[25\]](#) его должен был сохранить более смелый и мудрый режим.

ССЫЛКИ:

[24] Эти гуси были священны для Юноны, богини брака; но мы не можем сказать, стал ли гусь отождествляться с ней по этой причине.

[25] См. [ранее](#) анекдот о священных гусях.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ОТ ТРИБУНСТВА К. ЛИЦИНИЯ ДО ПОРАЖЕНИЯ ГАЛЛОВ ВАЛЕРИЕМ.

Римский солдат.

Рим был перегружен долгами, и для восстановления каменной стены были введены новые налоги; но было бы так же легко получить кровь из самих камней, как и деньги из карманов людей. Чем больше они не платили, тем больше приходилось платить, и разорение казалось неизбежным, пока великим финансовым реформаторам того времени не пришло в голову, что не может быть постоянного равновесия в кредите государства без должной корректировки баланса сил. К счастью для интересов человечества, почти никогда не бывает кризиса, требующего героя, но есть герой для кризиса, - нет ситуации, требующей человека, без человека для ситуации; и хотя под рукой может быть грозный список тех, кто вечно "хочет занять место", мы имеем утешение чувствовать, что когда есть вакантное место, которое нужно заполнить, нет недостатка в материале, необходимом для его заполнения.

Человеком, подходящим для ситуации, в которой оказался Рим, был некий К. Лициний, который женился на младшей дочери патриция М. Фабия. Дама считалась ниже своего достоинства, и римские носы ее родственников превратились в носы, по привычке появляясь в доме с целью ее умыкнуть. Будучи в гостях у своей сестры, жены консульского трибуна Сервия Сульпиция, она однажды была встревожена таким стуком в дверь, какого еще никогда не слышала, и, поинтересовавшись причиной, обнаружила, что ликторы прежних времен, как и современные лакеи, имели привычку оценивать достоинство своего хозяина по количеству ударов. Старшая Фабия, заметив удивление сестры, воспользовалась случаем, чтобы отвесить ей тумача через посредство стукача, и заметила, что если бы та не вышла замуж за низкого плебея, то привыкла бы слышать, как ее собственный муж стучит так же громко, а не вынужден стучать под нос.

Тщеславие Фабии получило удар, лишивший ее здравого смысла, а эффект от стука в дверь был настолько ошеломляющим, что она едва ли могла назвать свою голову собственной. Она твердо решила, что ее муж должен наделать в мире столько же шума, сколько ее зять, - получить важный пост и привилегию стучаться в дверь по своему усмотрению.

Мисс Фабия,

младшая, удивленная двойным стуком патриция.

Те, кто хотел бы придать честолюбию К. Лициния более высокий мотив, утверждали, что его жена, должно быть, привыкла к громким стукам в доме своего отца, который когда-то был консулом; но слышала ли их молодая леди, если не оставалась дома, чтобы открыть дверь, вопрос открытый. Что бы ни послужило толчком для разжигания честолюбия в его груди, нам, во всяком случае, известен тот факт, что К. Лициний был избран народным трибуном вместе со своим другом Луцием Секстием; так что даже если первый был разбужен стуком, вряд ли честолюбие было вбито во второго тем же неблагородным инструментом.

Получив свои места, они стали очень дорого торговаться за популярность; но, как и многие другие смелые участники торгов на том же рынке, они отнюдь не за свой счет собирались совершать свои покупки. Они ввели три новых закона: первый - о прикосновении к чужим деньгам; второй - о прикосновении к чужой земле; причем в отношении обоих этих вопросов прикосновение и захват были почти синонимами.

Первый из этих законов касался долгов плебса и обеспечивал легкий способ их уплаты, поскольку предусматривал, что все деньги, выплаченные в качестве процентов, должны рассматриваться как основная сумма. Таким образом, если Спурий был должен портному сто ассов и платил ему пять процентов в виде процентов, то через тридцать лет портной не только аннулировал свой долг, не получив денег, но и должен был вернуть Спурию не менее пятидесяти ассов.

Этот закон должен был завоевать определенную популярность у его создателей; ведь поскольку те, кто не выполняет свои обязательства, всегда многочисленны, принимать законы в пользу неплатежеспособных слоев общества - надежная ловушка. К. Лициний

сразу же стал кумиром всех тех, кто в один день постоянно влезал в долги, а на следующий - сбивался с пути, и чья доблесть намного превосходила благоразумие тех, кто им доверял.

Второй закон касался земли: никто не должен был занимать более пятисот джугеров, или акров, а если у него был излишек, он должен был быть лишен его в пользу тех, кто желал погасить свои обязательства за счет чужого имущества. Такое решение не могло быть обжаловано, так как земля была отобрана, и если владелец хотел пожаловаться, у него не было для этого оснований.

Третий закон предусматривал восстановление консулов и устанавливал, что один из них всегда должен быть плебеем; но патрициям, которые хотели, чтобы все было по-ихнему, так же как и плебеи хотели, чтобы все было по-ихнему, удалось наложить вето на эти предложения.

Тем временем народ, оказавшийся между двумя партиями, одна из которых стремилась к популярности любой ценой, а другая - к сохранению своих исключительных интересов любой ценой, в течение восьми лет был лишен всех выгод с обеих сторон; и хотя народ согласился бы на компромисс, Лициний, зная, что после решения этого вопроса его популярность пойдет на убыль, заявил, что он должен получить либо все, либо ничего. Такая политика, подобная той, что запрещает голодающему принимать умеренную пищу, если он не приглашен на банкет, была хорошо приспособлена к целям тех, чье счастье зависит от недовольства всех вокруг, и для кого успех всех их завещанных замыслов - это завершение неудачи.

Пока законопроекты продолжали выставляться из года в год, К. Лициний и Секстий были уверены в своем ежегодном избрании на трибунскую должность. Примерно в конце пятого года оппозиция начала ослабевать, и стало весьма вероятно, что три законопроекта пройдут, тогда Лициний, чтобы поддержать рынок популярности, предложил четвертую меру, против которой наверняка будут активно возражать. Речь идет о предложении привлечь восемь новых работников к хранению сивиллиных книг, увеличив число библиотекарей с двух до десяти. Поскольку книг было всего три, то, разумеется, на каждый том приходилось бы не менее трех книгохранителей и фракции, - мера столь же предвзятая, как и плюрализм, хотя и противоположная; ибо едва ли хуже отдать десять должностей одному человеку, чем поместить десять человек в одну должность. Однако этому предложению нашли оправдание, сославшись на то, что, поскольку пятеро из книгохранителей должны были быть плебеями, умение, которое они приобретут в толковании предзнаменований, позволит большему числу претендовать на должность консула; патриции же утверждали, что для надлежащего исполнения этой должности необходимо хотя бы немного разбираться в гадательном искусстве.

Рим страдал от внутренних ран, но, к счастью, нападение велитернцев на Тускулум вызвало небольшое раздражение. Нет лучшего лекарства от семейных ссор, чем внезапное вторжение соседа; и когда родственники разбивают друг другу головы в доме номер один, камень, брошенный из сада номера два, часто, создав одну новую рану, становится причиной заживления полудюжины. Угроза агрессии извне заставила десять трибунов согласиться с мерами своих коллег, Лициния и Секстия; но патриции все еще держались и назначили диктатором ветерана Фурия Камилла. Племена находились в процессе голосования, когда Фурий с яростными угрозами приказал им удалиться; но ярость Фурия была бессильна от возраста, и трибуны спокойно пригрозили ему штрафом в пятьсот тысяч ослов. Они пришли к правильному выводу, что он не сможет собрать столько ослов, не

продав себя; он решил, что лучше отречься от престола, и П. Манлий был выбран, чтобы остановить брожение, которое устроил этот кислый старик.

Все законопроекты были приняты, и Л. Секстий был назначен плебейским консулом, когда патриции, отказавшись санкционировать то, что они не могли предотвратить, отказались ратифицировать выборы. Как лавина не ждет согласия объекта, который она собирается смести, так и воля народа преодолела слабое сопротивление патрициев. Однако последним удалось отобрать у консулов значительную часть власти и передать ее новому магистрату, называемому претором, который был наделен властью, которую некоторые историки описывают как почти сверхъестественную. Он выбирался из патрициев и был, по сути, своего рода третьим консулом, чьей обязанностью было *Jus in urbe dicere*,^[26] устанавливая закон - привилегия, которая, при неправильном использовании, могла включать в себя протекцию правосудия в городе. Таким образом, патриции сохраняли за собой право толковать закон; а поскольку двусмысленность, по-видимому, присуща самой природе закона, почти любая свобода была оставлена тем, кто был волен объявлять его смысл. Власть патрициев еще более усилилась благодаря назначению двух курульных или аристократических эдилов в дополнение к двум, выбранным из плебеев; и хотя их обязанности сводились главным образом к починке дорог, они имели возможность проложить путь для многих посягательств со стороны своего собственного ордена.

Борьба между патрицианской и плебейской партиями была острой, и каждая старалась представить себя единственным настоящим другом народа. Среди прочих актов, принятых в интересах масс, была мера, представленная К. Поэтелием, состоящая из *lex de ambitû*, закона о выборах, касающегося обхода или обхода избирателей кандидатами. Тех, кто знаком с избирательной практикой, удивит, если им скажут, что слово "кандидат" происходит от *candidus*, в связи с белой мантией, которую обычно носили в качестве эмблемы чистоты искатели народных голосов. Белый халат, однако, как известно, во многих случаях был белой ложью, и закон *de ambitû* был принят, чтобы запретить агитацию в базарные дни, когда покупалось гораздо больше вещей, чем якобы продавалось; и мясник, как известно, включал в цену телячьей головы стоимость, которую он придавал своему собственному суждению.

Дело реформ медленно, но неотвратно продвигалось вперед, хотя время от времени его дискредитировали некоторые из тех инцидентов, которые до сих пор заставляют нас внимательно смотреть на свои карманы в присутствии профессионального любителя свободы. Говорят, что К. Лициний, создатель закона, запрещающего занимать больше определенного количества общественной земли, первым заплатил штраф за то, что имел двойное пособие, состоящее из пятисот югеров на свое имя и пятисот на имя своего сына; это двуличие было обнаружено и должным образом наказано. Другие случаи частного мошенничества были обнаружены среди тех, кто больше всего ратовал за общественное благо; и в те времена, как и в наши, необходимо было искать среди самых громких болтунов самых мелких исполнителей и самых больших прохвостов общества.

Закон о долге стал несколько менее суровым, но невозможность постоянно помогать тем, кто не может помочь себе сам, стала ярким примером. Процентная ставка была снижена, и государство должно было выдавать авансы тем, кто мог предоставить гарантии; но тем, кто не мог их предоставить, не полагалось никакой помощи. Для тех, кто вообще не мог платить проценты, не имело значения, был ли процент умеренным или высоким; а увеличение срока погашения долга в случае с человеком, который не мог платить ничего, было равносильно удлинению веревки, на которой он должен был повеситься.

В 390 году в Риме разразилась чума, и это бедствие, поглотившее тысячи людей, было приписано богам, для них были приготовлены пиры под названием *lectisternia*, чтобы отбить у людей аппетит. На столы, к которым приглашались боги, выставлялись самые богатые яства, но от этого столы смертных не уменьшались. Поскольку гости не принимали лично адресованных им приглашений, их представляли в виде изображений, но это мнимое присутствие на настоящем пире не питало ничего, кроме суеверия народа. Статую Юпитера положили во весь рост на кушетку из слоновой кости, покрытую самыми мягкими подушками, но она не произвела того впечатления, которого так желали. Для богинь также были расставлены стулья, но ни одна из них не вышла вперед, чтобы занять кресло на этом злополучном банкете. Тогда была предпринята попытка отвлечь внимание богов, поставив сценические пьесы, или гистрионы:^[27], но боги не покровительствовали драме в те времена больше, чем в наши; и независимо от того, мешал ли олимпийский обеденный час, или не было интереса к развлечению, переведенному из Этрурии, как английская драма из Франции, результат был одинаковым в обоих случаях, поскольку пьесы, в течение их короткой карьеры, были мертвыми неудачниками. К несчастью, пока представления оставались без внимания, на берегах Тибра произошла неприятная "чередa разливов", которые испортили настроение и затопили дома жителей.

Ухватившись за любое суеверие, римляне, вместо того чтобы честно справиться с мором, услышав, что однажды чуму остановили, вбив гвоздь в стену храма, решили пойти по этому нелепому пути; для этого в руки Манлия был вложен молоток, сделанный из девяти молотков. Поскольку мор к тому времени уже начал ослабевать, народ по глупости решил, что чума была вбита вместе с гвоздем, и Манлий, выполнив задание, которое мог бы выполнить любой плотник, сложил с себя диктаторские полномочия.

Судьба настоящего или мнимого благодетеля общества всегда такова, что у него появляется множество личных врагов; более того, возвышенное положение обычно становится привлекательной меткой для стрел недоброжелателей. Манлий сразу же стал мишенью; и если бы в него целились в самое яблочко, то зеницу ока нельзя было бы поразить более эффективно, чем раной, которую ему пытались нанести через его сына Тита. У юноши, судя по всему, была досадная нерешительность в речи, что раздражало его торопливого родителя; а поскольку мальчик едва мог заикаться, несколько слов с отцом стали очень частым следствием. Так как он сильно затруднялся в речи, несчастного мальчика отправили работать руками среди рабов; а Помпоний, плебейский трибун, имея неприязнь к отцу, стал относиться к сыну с самой большой благосклонностью.

Помпоний, чтобы осуществить свои мстительные планы, решил привлечь Манлия к суду за жестокость по отношению к сыну; но мальчик, в сильном порыве сыновней почтительности, хотя и сильно сомневался в том, что ему самому удастся избавиться, нисколько не сомневался в избавлении отца от рук его врагов. Придя в дом Помпония под покровом дружбы и с кинжалом под плащом, он пожелал поговорить с трибуном, который все еще лежал в постели, и, не выдержав замыслов Тита, приказал впустить его в покои. Молодой человек был принят в духе дружеского доверия Помпонием, который обнаружил, что молодой Манлий находится на расстоянии вытянутой руки, только когда увидел, что он размахивает сверкающим оружием. Он потребовал безоговорочного снятия обвинения с его отца, когда перепуганный трибун, не найдя в себе сил укрепить мужество, пробормотал обещание приостановить все разбирательства; а Тит, который раньше раздражал отца заиканием, был принят с распростертыми объятиями за то, что так смело высказался в его пользу.

Тит угрожает

Помпонию.

Не успели улечься раздоры в народе, как сам город начал разрываться на части самым необычным образом. Рим сотрясся до самого центра: земля дрожала, а горожане трепетали. На Форуме появилась огромная пропасть, и по мере того, как она зияла все шире и шире, люди считали небезопасным ложиться спать над ней. Некоторые думали, что это причуда природы, которая, словно наслаждаясь жестокой забавой, впала в конвульсии и распоролла себе бока. Другие строили разные догадки, но пропасть все равно оставалась - грозным открытым вопросом. Некоторые пытались засыпать ее сухим мусором, но лишь оттягивали время, не оказывая ни малейшего воздействия на полость. Напрасно самые крупные подрядчики брались за работу, ибо невозможно было уменьшить отверстие, которое, вместо того чтобы постепенно становиться все меньше и меньше, с каждым днем становилось все больше и больше, ужасающе больше.

В конце концов обратились к авгурам, которые, осмотрев отверстие, объявили, что пробоина в земле будет продолжаться, и что со временем она превратится в ужасающую дыру, если в нее не бросить в срочном порядке самое ценное, что есть в Риме. В связи с этим молодой гвардеец по имени Марк Курций, полагая, что нет ничего драгоценнее его самого, облачился в полный доспех и отправился в путь, полный решимости показать свой металл. Было объявлено, что в назначенное время М. Курций совершит стремительный акт наездничества; а поскольку подвиг, ставящий под угрозу жизнь, всегда привлекает внимание, зрителей на представление, где смерть для человека и лошади была само собой разумеющейся, собралось немало, что называется, уважаемых. Все знатные и модные люди Рима

заняли первые места на зрелище, отбрасывая все остальное в тень, а самого исполнителя - в самый центр земли, которая должна была оказаться для него центром притяжения. Проскакав на галопе один или два раза вокруг кольца, он приготовился к смелому прыжку, но его лошадь, посмотрев перед прыжком, начала падать в другом направлении. Сделав еще один круг, М. Курций, подстегиваемый честолюбием, вонзил шпоры в бока животного, и бедная скотина бросилась в пропасть, хотя, если бы существовала возможность отступить, она бы с готовностью бросилась в нее. Не успело закончиться конное представление, как театр подвига был немедленно закрыт, а на месте его образовалось озеро, как бы в знак того, что сцена может и дальше переполняться. Это место получило название Лакус Курций, в честь героя, если его можно так назвать; и его судьба, несомненно, была связана с жертвоприношением одного из самых ценных предметов в Риме, поскольку во всем городе невозможно было бы найти такого драгоценного простака.

Рим продолжал воевать с галлами, которые часто вторгались в город, и однажды, во время диктатуры Т. Квинкция Пенна, подошли к нему на небольшое расстояние. Две армии были разделены у Анио, когда галлы, имевшие в своем фургоне великана, отправили его на мост с предложением сразиться с любым из врагов. Галл, весивший не менее двадцати камней, был намного выше обычного; но Тит Манлий, плотного телосложения легковес, любимец плебеев, который уже успел проявить себя слишком сильно для трибуна Помпония, вышел вперед, чтобы принять вежливое предложение гиганта. Бой был крайне интересным, и обе стороны подошли к нему с угрюмой уверенностью. Плебейский питомец был одет в простой бронзовый костюм, а великан был раскрашен в разные цвета, представляя собой грозную картину. Великан нанес первый удар правой, но молодой человек, ловко уйдя в сторону, начал наносить противнику такие удары, что тот, сочтя их неудачными, тяжело упал. Гигант не смог продолжать поединок, а молодой Манлий, сняв ошейник, или торк, с шеи своей жертвы, получил титул Торквата, который, будучи связан с его шейным платком, перешел на его домашние узы и стал фамилией в его семье .

Галантный Курций прыгает в пропасть.

Галлы на время отступили, но затем, присоединившись к вольскам, вошли в Понтинские болота и решили пройти через толщу и грязь, чтобы напасть на римлян. Снова в рядах галлов появился великан, где, казалось бы, всегда можно было найти великана, - придаток, свидетельствующий о наличии в составе галльской армии не столько храбрых, сколько справедливых. И снова молодой римлянин был готов встретиться с противником вдвое крупнее его; Марк Валерий заявил, что если великан намерен драться, то о нем, Марке Валерии, можно будет услышать в условленном месте. Условия были заключены, и гигант подошел, с видом замышляющего беду, когда ворон, усевшийся на шлем галла в виде гребня, вскоре позволил римлянину каркнуть над своим упавшим с гребня антагонистом. Птица, хлопая крыльями при каждой попытке гиганта ударить, набила ему лицо таким количеством перьев, что ему стало щекотно; а так как он не мог видеть с пучком вороньих перьев в глазу, его поиски стали довольно отчаянными. Валерий тем временем набросился на него с такой силой и эффективностью, что великан, ослепленный яростью и перьями, не знал, куда его деть. Вскоре поединок закончился в пользу римского юноши, который по уже упомянутой причине получил имя Корвус, или Ворон. Галлы были побеждены, а Валерий получил в награду не менее десяти призовых быков; таким образом, он получил признание своих заслуг не в пустых похвалах, а в солидной говядине. Во время триумфа 4000 вольскианцев были закованы по обе стороны от него в цепи; но есть что-то в идее его прохождения через этот Феттер-Лейн, что противно нашим более цивилизованным представлениям о истинной славе.

Страшная схватка

между Титом Манлием и галлом гигантского роста.

ССЫЛКИ:

[26] Ливий, vi., 42.

[27] Считается, что слово "гистрионы" происходит от этрусского *heter* - танцор. Самыми первыми артистами, привезенными в Рим, были танцоры - фактически, балетная труппа из Этрурии. Те чувствительные поклонники чисто классических сценических развлечений, которые ратуют против оперы и балета, возможно, будут удивлены, узнав, что самые истинно классические представления - это те, против которых они энергичнее всего протестуют.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ОТ ПЕРВОЙ ВОЙНЫ С САМНИТАМИ ДО ПРИНЯТИЯ ЗАКОНОВ ПУБЛИЛИЯ.

Римлянам предстояло столкнуться с поистине грозным врагом - самнитами, воинственным народом, который расширял свою территорию, идя на большие расстояния и позволяя себе необычайные вольности. Спустившись в Кампанию, они упустили из виду Капую, вернее, не упустили ее, поскольку, положив глаз на ее богатства, решили сделать все возможное, чтобы завладеть ею. В этих условиях кампанцы, не найдя средств для успешной кампании, обратились за помощью к Риму.

Были снаряжены две консульские армии: одна под командованием М. Валерия Корвуса, или Ворона, который действительно жаждал славы, а другая - под командованием А. Корнелия Косса; этот А. Косс был на самом деле тем Коссом, о котором уже говорилось.^[28]

Корвус пользовался огромной популярностью у солдат; впрочем, не столько благодаря своим моральным качествам, сколько благодаря силе рук и ног; ведь он был атлетом необычайной силы. Он мог прыгать так высоко, что перепрыгивал через головы других, таких же, как он сам; поэтому быстрота его продвижения по службе не вызывает удивления. Он был не менее легок на язык, чем на ноги; ведь с первым он мог бегать почти так же приятно, как и со вторым. В сущности, он был приятным шутком, который мог с одинаковой легкостью и пошутить, и отшутиться, - качество, обычное для более современных времен; ведь те, кто утверждает, что шутит сам, очень любят подхватывать чужие шутки. Он любил выпить бокал вина и мог пить его, не выставляя себя знатоком, как те ученые виночерпии, которые в наше время склонны болтать без умолку о пчелиных крыльях. Его тяга к винограду завлекла его на гору Гаур, поросшую виноградниками, где он мог вести свои наблюдения среди изюма и составлять в уме своего рода *каталог* врагов.

На этом месте произошла битва, которая велась с таким ожесточением со стороны римлян, что самниты потом заявили, что видели огонь в глазах своих противников; но самниты, должно быть, сами были легкомысленны, раз сделали такое абсурдное заявление. Добившись успеха, Валерий двинулся в Апеннины, где так называемые горные крепости становятся опасными из-за случайных подвижек земли, которые приводят к сходу лавин. Хотя ничего подобного на него не обрушилось, он ожидал схода неприятеля, который внезапно появился на самых вершинах и обрушился с такой скоростью, что бегство римлян казалось невозможным. В этой сложной ситуации подчиненный офицер оказался защитником всей римской армии; и как благородный лев, попавший в сеть к смелому охотнику, был освобожден мышью, так и благородный Валерий был обязан П. Децию Мусу за безопасность себя и своих сторонников. П. Деций, по сути, расставил ловушку для самнитов, которые попали в эту ловушку Муса, или военную мышеловку. С небольшим отрядом он взобрался на такую узкую высоту, что большое количество людей не смогло бы его сбить, хотя следить за ним было необходимо; и пока Мус привлекал к себе бдительность всей самнитской армии, Валерию и его сторонникам позволили незаметно скрыться в своих покоех.

Когда враги, утомленные бдением, уснули, Мус выскользнул наружу, так тихо, как и предполагало его имя, и благополучно добрался до своего лагеря. Он сразу же получил от консула быка с позолоченными рогами, на котором мог трубить о своей славе; а солдаты подарили ему *корону обсидиана* - венец из травинок - в память о том, что они были галантно спасены от клинков врага. Материалы для такой короны были сорваны на месте, в память о мужестве, проявленном на этом месте доблестным получателем. Такая корона давала более тонкий урок нравственности, чем все, что мог предложить холодный блеск золота или драгоценных камней; ведь венок из травы, превращенный самим солнцем, в котором он грелся, в сухую и безжизненную ленту сена, за несколько часов рассказал о тленности славы.

Благодаря маневру Муса успех Валерия был полным: самниты бежали в таком смятении, что оставили после себя 40 000 щитов и 170 штандартов, так что римляне, должно быть, нашли дорогу буквально вымощенной знаменами побежденных. Был объявлен триумф обоим консулов, и иностранные народы послали поздравить римлян с успехом; карфагеняне прислали золотую корону весом в двадцать пять фунтов, перевозка которой из Карфагена, должно быть, была дорогой и трудной. Compliments сыпались на завоевателей со всех сторон, ведь удача увеличивает число обращений к государству, так же как успех отдельного человека приводит к разумному или, скорее, бессмысленному пополнению содержимого его карточной корзины. Рим был наводнен обращениями к нему - многие из них были просьбами о помощи от слабых стран, чьим слабым государствам, казалось, грозил скорый распад.

Пугливый

ворон.

Примерно в это время (342 г. до н. э.) гарнизон Капуи поднял восстание, вызванное, как утверждается, тем, что Капуя была чрезвычайно богата, а солдаты очень бедны; последние были безнадежными должниками и забыли, что они должны своей стране в огромных суммах, которые они задолжали своим кредиторам. История гласит, что один из отрядов тяжелых банкротов впервые подал идею разграбить город и собрать все его богатства, поместив их в свой собственный багаж. Консул К. Марций Рутилий был послан принять командование, и он попытался применить успокаивающую систему; но солдаты были скованы путами долгов и отказались быть сглаженными или подчиниться, чтобы остаться под кандалами. Нуждаясь в вожаке, они обратились к Т. Квинкцию, престарелому ветерану, чья голова была так сильно склонена, что он не мог поступить иначе, кроме как поклониться, когда его спросили, не хочет ли он возглавить их в качестве генерала. Кивок паралитика был истолкован как кивок согласия, и Т. Квинкий был выбран против Корвуса, или Ворона, хотя единственным шансом для ветерана было то, что в роли ворона ему удастся напугать своего противника. Наконец армии встретились, и повстанцы, возглавляемые дрожащим ветераном, стали следовать за своим вождем и трястись от страха, что побудило Валерия предложить им условия, а дрожащий Квинкий первым порекомендовал своим войскам принять амнистию. Так закончилось восстание, мотивы которого представляются туманными, а руководство - презренным. Лучшее мнение о его происхождении сводится к тому, что армия изобиловала должниками, которые боялись возвращаться домой и предпочитали шансы на мятеж уверенности в том, что им придется встретиться со своими кредиторами. Единственная уступка, о которой они просили, - списание всех долгов; предложение, скорее напоминающее мошенника, чем патриота. Однако почти универсальным фактом является то, что неплатежеспособные слои общества оказываются в оппозиции к официальным властям; и, действительно, сила или слабость такой оппозиции в конечном счете является неплохим критерием достоинств администрации; ведь если большинство народа обеспечено, вывод должен быть благоприятным для правительства.

С самнитами был заключен мир, но теперь Рим был на грани войны с латинами, которые прислали послов с предложением отныне считать оба народа единым целым, чтобы установить их единство. Сенат должен был состоять наполовину из латинян и наполовину из римлян, но последние заявили, что не признают такого рода половинчатости ни в одном из своих мероприятий. Консул Т. Манлий, услышав эти условия, начал хлопать в ладоши, зная, что находится в полной безопасности; ведь случай, когда его могли призвать сдержать слово, был маловероятен. Он воскликнул, что если сенат будет наполовину состоять из латинян, то он войдет в собрание с обнаженным мечом и освободит половину мест в палате, убив всех латинян. Этот вид патриотизма "paulo-post-future" одинаково распространен и удобен, поскольку обязывает профессора ничего не делать до тех пор, пока не будет сделано что-то другое, что, по всей вероятности, никогда не произойдет. Т. Манлий не подвергался испытанию, хотя в некоторых отношениях оказался готов к латинянам, если бы они взялись за дело всерьез; ведь бедный Анний, их представитель, кувыркнувшись с лестницы сверху вниз, консул жестоко посмеивался над слабыми ногами несчастного легата. "Ха! Ха!" - прорычал Манлий с диким смехом, - "так я положу всех латинян"; и он принялся пинать посла, который, будучи человеком в несколько камней, был совершенно ошеломлен своим слишком простым спуском с верхней площадки в подвал храма Юпитера .

Метий уязвляет

Тита Манлия.

Оба консула отправились в бой, и оба начали свою кампанию с того, что легли спать, что, естественно, привело к вопросу о том, что же им обоим могло сниться. В сонном состоянии они были настолько близки, что им приснился совершенно одинаковый сон, в котором каждый из них увидел призрак, обратившийся к ним в одном и том же духе. Призрак, который явно находился на теневой стороне бытия, сквозь пасть своего фонаря признался, что проливает свет на будущую судьбу Рима. Он сказал консулам, что генерал с одной стороны обречен; но, поскольку речь шла лишь об общих чертах, он добавил, что вся армия с одной стороны будет зарыта в землю; это предположение не вызвало бы особого желания у обеих сторон. Призрак, который был более общительным, чем обычно бывает, и не таким односложным, как обычный призрак, перешел к дальнейшим объяснениям, в ходе которых он заметил, что "генерал, который первым посвятит себя inferнальным богам, этим актом преданности обречет всю армию противника на" самое неприятное соседство. Оба согласились, что тот, чья армия первой отступит, должен первым броситься навстречу

опасности. Соответственно, враждебные армии стали отступать как можно дальше, и единственным состязанием стало выяснение, кто ловчее и быстрее пройдет в одном направлении, а посмотрит в другом. Было понятно, что никто не должен сражаться, если его не атакуют первым, и общая цель заключалась в том, чтобы ни во что не целиться. Ежедневно отряды фуражиров отправлялись на поиски, чтобы спровоцировать друг друга на нападение, и с обеих сторон преобладала надежда, что "кто-то просто сделает то-то и то-то". Тит Манлий, сын Торквата, приблизился к латинскому лагерю, когда Метий из Тускулума попытался всевозможными провокационными сигналами склонить неопытного юношу к началу боя; но тот некоторое время не боролся ни с чем, кроме собственной склонности, которая должна была подтолкнуть его к наступлению. В конце концов он так разъярился, что не мог больше сдерживаться, но, метнув копье со всей силы, вонзил его в гриву коня Метия. Бедное животное, ища сочувствия у своего хозяина, навалилось на него в поисках защиты; но этот акт ласкового доверия оказался роковым для Метия, который, будучи повален на землю, оказался оседлан всем весом несчастного четвероногого. Тит, воспользовавшись положением Метия, пронзил его мечом, и тот, почувствовав себя пронзенным, смог лишь испустить пронзительный крик, мстя своему антагонисту. Сняв с жертвы доспехи, юный Тит с триумфом понес их своему отцу, Торквату Манлию, который принялся подражать Бруту; но, как и большинство подражаний, появление Т. Манлия в роли "тяжелого отца" отнюдь не было удачным.

Собрав войска под звуки трубы, чтобы зрителей было достаточно много, он бросился в импозантную позу; но навязчивость была замечена, и прием, который он встретил, был далеко не лестным. Затем он вызвал своего сына и, осудив его как офицера, который ослушался своего правителя в двойном смысле - своего отца и консула, - приказал ликторам, казнив сына, приступить к исполнению своего долга. Манлий, став свидетелем церемонии, зарылся лицом в тогу, ожидая по меньшей мере трех аплодисментов; но представление провалилось, как и его несчастный отпрыск. По возвращении в Рим он был повсеместно изрезан молодыми людьми, которые с особым трепетом относились к наказанию, которое могло стать смертью любого из них. Останки молодого Манлия собрали в унылую кучу, а незаконно завоеванные им трофеи добавили в качестве материала для костра. Его похороны были первыми подобными похоронами среди римлян, которые нам удалось встретить после поистине трудолюбивого анализа каждой ямки, в которой можно было найти пыль веков, и тщательного просеивания пепла древности.

Обе армии все еще стояли, когда Деций Мус, который очень хотел отличиться и внимательно следил за тем, в какую сторону прыгнет кошка, заметил движение назад среди своих копьеносцев. Теперь ему представилась возможность прославиться, и галантный Мус, безрассудно бросившись в бой, повел себя в этом конфликте не как мус, а как лев. Он пал под отличным ливнем копьев и лежал на поле боя, буквально *распикированный* пиками своих врагов. Последние были встревожены, а его друзья одушевлены произошедшим; но здесь должно было возобладать правило противоположностей, так как смерть вражеского генерала не должна была обескуражить латинян, в то время как жертва их собственного вождя, если смотреть на нее в правильном свете, была лишь слабым ободрением для римлян. Они, однако, набрались смелости, но едва им пришлось нанести удар, как латиняне сдались под ударом паники. Они пали в таком количестве, что, как говорят, три части их погибли, и только четвертая часть армии осталась, чтобы рассказать о том, что враг дал им мало четверти.

Латиняне так сильно пострадали от победы Деция Муса, что, подобно крысам, бегущим из разваливающегося дома, их союзники один за другим отпадали от них. Нумизий, латинский

полководец, сделал все возможное, чтобы воспрянуть духом; но дух был так основательно ослаблен холодной водой, что пытаться взбудоражить столь слабый состав было бы делом ложки. Ему удалось вызвать легкое брожение, но то небольшое, что осталось, быстро испарилось в процессе согревания под воздействием патриотического огня. Небольшой и беспорядочный отряд, который не мог действовать слаженно, был введен в игру, но не произвел никакого эффекта, хотя Нумизий руководил им с большой энергией. Римляне преуспели со всех сторон, латинская армия была разбита, конфедерация распалась, и один город за другим демонстрировал предпочтение лучшей части доблести, сдаваясь по собственному желанию. Земли, отобранные у побежденных, были распределены между римским народом; но слово "народ" часто имеет весьма ограниченное значение, когда речь идет о разделе прибыли, хотя это понятие достаточно всеобъемлюще, чтобы охватить целый народ, когда требуются услуги "народа". Следует опасаться, что людей, вышедших на бой, было гораздо больше, чем тех, кто пришел за добычей, которая досталась им.

Избитые латиняне были вынуждены платить своим удачливым обидчикам, что было так же неприятно, как если бы жертва нападения была вынуждена выплатить сумму штрафа, в дополнение к неудобствам, причиненным возмущением. Таким образом, Капуя была вынуждена выплатить пенсию 1600 кампанским рыцарям; и эту пенсию капуанцы должны были дать рыцарям только потому, что рыцари, в другом смысле, дали ее в тяжелой форме капуанцам. Сомнительно, что самниты что-то взяли в результате общего урегулирования - если это можно назвать урегулированием, в котором справедливость имела малую долю; но то, что они оставили после себя много, совершенно очевидно.

Среди их боевого снаряжения было несколько великолепных золотых и серебряных щитов в форме мальчишеского воздушного змея, и поскольку самниты в конечном счете защищали себя полетами, форма их щитов, похожая на воздушного змея, была как нельзя кстати. Грудь их была покрыта губкой, что придавало им мягкость, а опускание груди почти при каждом ударе было хорошо заметно. Они носили почтовую рубашку, состоящую из медных чешуек, и такое количество металла в их рубашках позволяло им временами смело представлять перед врагом. На ногах у них были поножи, которые сильно мешали им бежать, а шлемы, украшенные высокими плюмажами, только подчеркивали их позорное состояние. Они носили туники или плащи из хлопка, надетые на кожу, а снаружи надевали рубашки; между ними была короткая одежда из шерсти, так что единственное представление о способе *туалета* самнитов мы можем дать, попросив читателя начать с того, что надеть на свой плащ, надеть поверх него фланелевую жилетку, а в завершение добавить рубашку.

Среди других трофеев войны с латинянами были корабли, захваченные в порту Антиума; но римляне, которые не были мореплавателями, так мало представляли себе ценность флота, что перевезли клювы или носы судов в Рим и установили их на Форуме в качестве кафедр для своих ораторов.^[29] Как корабли могли держаться на воде, когда их подвергали увечьям, трудно представить; более того, кажется вероятным, что, лишившись головы, они должны были пойти ко дну в силу суровой необходимости. Однако мы должны отдать римскому народу должное, добавив, что два офицера были назначены для надзора за военно-морскими делами; и некоторые заявят, что видят в самом существовании Адмиралтейской коллегии достаточное основание для объяснения многих расточительств и всевозможных промахов. До сих пор Рим находился в состоянии дома, разделенного против самого себя, или, скорее, примыкающих друг к другу домов, и каждое расширение бреши, конечно, должно было сопровождаться опасностью для них обоих. Прекращение войны с латинянами позволило Риму сблизиться с соседним обществом, и многие его жители были приглашены присоединиться и стать частью семьи римлян. Последние также начали понимать

нецелесообразность сохранения определенных различий между классами, которые оказывают такое же влияние на нацию, как ожесточенная вражда между отдельными этажами на счастье и комфорт в ночлежном доме. Когда выскочка, стоящий в одной паре спереди, усмехается над своей спиной или смотрит свысока на униженный подвал; когда раздавленная и сгорбленная кухня, тщетно ожидающая своей очереди у единственной медяка, мстит себе, разрезая единственную линию одежды - если линия проводится только для блага тех, кто занимает более высокое положение, вместо того чтобы быть линией, проведенной, как должна быть каждая линия, для блага всех; - когда семья находится в таком состоянии, мы можем увидеть в ней тип плохо упорядоченного сообщества. Таков был несчастный жребий Рима, пока несколько влиятельных людей не осознали, что ни одна нация не может быть по-настоящему великой, пока масса ее народа пребывает в состоянии ничтожества. Большинство патрициев, к счастью, отнеслись к своему делу столь же здраво и пришли к мудрому выводу, что умеренные привилегии, справедливо удерживаемые и свободно уступаемые, предпочтительнее любых исключительных преимуществ, неправомерно принятых на себя, с одной стороны, и нетерпеливо уступаемых - с другой. К счастью для патрициев, среди них нашелся человек, достаточно смелый, чтобы включить в закон мнения основной части своего ордена, и достаточно сильный, чтобы одержать верх над слабостью и предрассудками низших членов этого тела.

Имя этого патриция-реформатора было К. Публилий Филон, который ввел три закона, призванных расширить основы политической власти. Согласно первому, *курии*, состоявшие только из патрициев, должны были подтверждать законы, принятые в те века, когда эти два ордена были смешаны; согласно второму, *плебисцита*, или постановления плебса, должны были быть обязательными для всех римских граждан; а третий закон предусматривал, что всегда должен быть один плебейский цензор. Эти законы, хотя, возможно, и были хорошо адаптированы к потребностям эпохи, были не совсем такими, которые мы должны были бы приветствовать с энтузиазмом, если бы они были выдвинуты в наши дни главой правительства. Лишение *сигиæ* права вето было равносильно предложению о том, что меры Палаты общин не должны требовать согласия Палаты лордов; а придание *плебисциту* силы закона было равносильно определению того, что каждая резолюция каждого общественного собрания должна быть немедленно занесена в свод законов. В наши дни такой порядок превратил бы наши законы в диковинную законодательную мозаику, составленную без преимущества единообразия или замысла. Если толкование парламентского акта иногда вызывает затруднения, мы можем представить себе полную безнадежность попыток понять законы, если они будут состоять из свода постановлений, постоянно льющихся из Эксетер-холла или таверны масонов, а иногда - из фонарного столба на Трафальгарской площади или телеги на Кеннингтон-Коммон.

При всем уважении к *плебисците* - или резолюциям общественных собраний - мы сомневаемся, что какая-либо партия захочет принять их в качестве замены нашего нынешнего метода законотворчества. Единственный шанс на безопасность заключался бы в том, что завтрашний *плебисцит* обязательно отменит *плебисцит* сегодняшний, а лучшая безопасность для государства заключалась бы в том, чтобы постоянно собирать общественное собрание для отрицания каждого нового предложения.

Однако прошло много лет, прежде чем Рим, хотя он так сильно пострадал от наглости патрициев, был готов пойти на то, чтобы придать *плебисциту* силу закона без права вето сената.^[30] Аристократические притязания, однако, были доведены в Риме до такой степени, что вряд ли можно было удивляться любой демократической вольности; ведь крайности

непременно встречаются, и это действительно прискорбно для страны, которая доведена до таких крайностей.

ССЫЛКИ:

[28] См. стр. 87.

[29] От этого обстоятельства произошло слово "рострум", означающее нос корабля, и вошло в такое всеобщее употребление, что им называют ящик, из которого аукционист пускает в ход свое красноречие.

[30] Закон Гортензия, перенесенный несколько лет спустя К. Гортенziem.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ОТ НАЧАЛА ВТОРОЙ ДО КОНЦА ТРЕТЬЕЙ САМНИТСКОЙ ВОЙНЫ.

Рим заключил союз с самнитами, но последние стали весьма подозрительны, когда увидели, что первые завели дружбу со всеми своими врагами. Каждый, кто нацеливался на Самниум, немедленно переходил на сторону Рима; а поскольку Самниум подвергался нападениям со всех сторон, новых союзников у Рима стало очень много. Александр Эпирский, пришедший в качестве друга тарентинцев, решил, что может изменить цель своего визита, став врагом кого-нибудь другого, и набросился на самнитов, которые вполне могли проследить руку римлян в некоторых враждебных демонстрациях, предпринятых против них. Поскольку воевать через третью сторону было неудобно, не говоря уже о неудовлетворительном характере такого соглашения для посредника, римляне и самниты вскоре вступили в прямое столкновение.

Один из консулов, Д. Ю. Брут, был отправлен с войсками в Апулию; другой же консул, Л. Фурий Камилл, находился в столь плачевном состоянии здоровья, что едва мог держаться на ногах и был совершенно непригоден для руководства армией. Диктатор Л. Папирий Курсор принял командование на себя, но по пути в Самниум был внезапно отозван в Рим из-за какой-то ошибки с эгидой. Оставив позади себя К. Фабия, своего начальника коня, он пожелал, чтобы тот ничего не предпринимал; ибо Л. П. Курсор, бегло ознакомившись с положением дел, увидел, что предстоит победа, и пожелал оставить за собой славу ее одержания. К. Фабий, с естественным нежеланием быть отложенным в сторону, решил сделать все сам и к возвращению своего начальника одержал блестящую победу. Ярость начальника не знала границ, когда он обнаружил, что все было сделано в его отсутствие; хотя можно было бы не возражать против того, чтобы подчиненный действительно сделал все, что должно было быть сделано, было непростительным нарушением официального этикета то, что все было сделано в отсутствие начальника, и, следовательно, было очевидно, что он не мог приложить к этому руку. Диктатор был так возмущен, что по всей строгости военного закона обрушился бы на своего заместителя за то, что тот осмелился проявить

способность командовать, в то время как на самом деле его полномочия были подчиненными. Официальные лица считали, что этот поступок может испортить официальный рынок, показав, что самые высокооплачиваемые услуги не всегда являются самыми лучшими; кроме того, считалось, что начальник лишился права требовать в качестве своих привилегий весь такт и талант своего подчиненного.

Л. П. Курсор поклялся отомстить за голову К. Фабия; но солдаты пригрозили восстанием в случае его наказания, и герой, обративший в бегство целую армию, был вынужден убраться восвояси за то, что осмелился воспользоваться своей головой в отсутствие начальника.

Своей несправедливостью и жестокостью по отношению к К. Фабию Диктатор стал очень непопулярен в войсках; но он вернул себе популярность, позволив им быть виновными во всех видах несправедливости и жестокости по отношению к побежденному врагу. Хотя их негодование было поднято против него через посредство их великодушных симпатий, теперь он обратился к их самым низменным страстям, обещая им полное право грабить врага; и такова противоречивость человеческой природы, что он не напрасно взывал к нему; поскольку, побуждаемые алчностью, они сражались с такой решимостью, чтобы обеспечить победу. Грабежи сразу же стали порядком дня, и было заключено перемирие на один год с условием, что самниты, лишившиеся всего, что было доступно в данный момент, станут ответственными за двенадцатимесячное жалование армии Диктатора.

Период перемирия был занят переговорами, так как со стороны римлян было бы слишком грубым нахальством продолжать нападать на ту самую сторону, от которой они получали жалование; дождавшись последнего взноса, они объявили, что единственными условиями, которые они примут, будет безоговорочное согласие самнитов на все, что им будет предложено.

Этот результат был настолько отвратителен для самнитов, что одни плакали от ярости, а другие взывали к мести. Несколько самых влиятельных людей со слезами на глазах отправились к своим соотечественникам буквально с воплем; но среди всего этого сокрушения сердца наблюдался общий подъем духа нации. Самниты почувствовали, что настало время действовать, и своим полководцем избрали К. Понтия. Он сразу же осадил Лукерию, переодев десять своих солдат в пастухов, и отправил их вперед с указанием выглядеть как можно более овечьими, а также с полными инструкциями, как действовать в случае их захвата. Римляне, которыми командовали Т. Ветурий и Сп. Постумий, вскоре столкнулись с самнитскими маскарадниками, о настоящем характере которых никто не догадывался, поскольку, похоже, не вызвало никакого удивления, что десять пастухов слоняются по окрестностям, где не было видно ни одной овцы. С простодушием, более подходящим для романтики, чем для истории, римляне подчинились руководству десяти безымянных пастухов, которые провели всю армию в Каудинские развилки так же легко, как если бы ветераны сами попустительствовали своему предательству. Не успели они заблудиться среди развилок, как солдаты узнали, какими ложками они были, потому что оказались заблокированы врагом. Они сражались с немалой храбростью, но самниты, занимавшие окрестные высоты, были совершенно недостижимы для них, и римляне, сделав несколько тщетных попыток вскинуть копья, внезапно бросили состязание. Все оружие, которое они метали, в результате падало на их собственные головы, и им ничего не оставалось, как заключить с врагом наилучшие условия.

Самнитский полководец Понтий был в недоумении, как поступить, и послал узнать у своего отца, что ему делать, но старик ответил: "Отпусти их невредимыми!" Не получив удовлетворительного ответа, послал другого гонца, который вернул краткую, но

выразительную рекомендацию "изрубить их всех на куски". Понтий, решив, что старый джентльмен сошел с ума, потребовал личных объяснений; но ветеран, явно не любивший делать что-либо наполовину или встречаться с кем-либо на полпути, упорно продолжал рекомендовать своему сыну поступить так или иначе. Самниты были поражены мудростью мудреца, но, хотя все были ошеломлены глубокой философией совета, никто и не думал его выполнять. Понтий предложил условия, и, поскольку римляне так часто обманывали его прежде, он великодушно решил попытаться наконец покончить с ними, поставив их и своих соотечественников в полное равенство. Он оговорил возвращение самнитам всех отнятых у них мест; но самой болезненной частью соглашения для римлян было то, что они должны были перейти под иго - церемония, которая, как предполагалось, навсегда опускала всех, кто однажды опустил до нее.

Шестьсот конников держали в качестве заложников за надлежащее соблюдение договора, а эти рыцари были, по сути, пешками, заложенными за честь римлян. Консулы, лишенные всего, кроме рубашек, и имевшие самый плачевный вид, ползли под ярмом, за ними следовала вся армия в такой же жалкой одежде, как и их предводители. Когда они проходили через Капую, жители, тронутые сочувствием, выходили с охапками брошенной одежды, которую предлагали униженным солдатам; но их раны были слишком глубоки для обычной перевязки. Они молча шли к своим домам по задним улицам города. В день их прибытия все дела были приостановлены, и хотя римляне видели страдания в самых разных обликах, они никогда не встречались с ними в таком меланхоличном виде, как те, что предстали перед ними. Консулы как можно быстрее сложили с себя полномочия, ибо их номинальное достоинство лишь усугубляло их реальный позор, и можно предположить, что они почувствовали облегчение, которое испытывает сломленный духом кур, чей хвост только что подвергся укорачиванию от ненавистного, но сверкающего чайника.

Римляне, одетые жителями Капуи.

Рим, переживая позор поражения, вызванного недостатком решимости в войсках, наложил на себя еще больший позор, приняв решение сената. Этот орган, собравшийся для рассмотрения договора, заключенного с самнитами, решил не ратифицировать его; и, хотя ему было известно, что шестьсот римских рыцарей содержались в качестве заложников в цепях, сенат так же мало заботился об их узах, как и о словах консулов, которые были приняты для выполнения договора. Спурий Постумий, в поведении которого не было ничего подлинного, одним из первых предложил нарушить заключенный договор и посоветовал, чтобы его самого, а также всех, кто согласился на мир, для вида сдали самнитам. Он настолько полностью погрузился в обман, что, когда ликтор завязывал шнур, как бы осознавая иллюзорность всего происходящего, Спурий настоял на том, чтобы шнур был затянут достаточно туго, чтобы он мог объявить самнитам, что его руки действительно

связаны, и что, если сенат отказывается подчиниться его уговорам, он настолько крепко связан их уговорами, что совершенно бессилен. Продолжая фарс, он не успел отдать себя в руки самнитов, как повернулся к римскому фециалу и, воскликнув: "Теперь я самнит", нанес должностному лицу жестокий удар ногой, как бы показывая, что отныне они с Римом будут враждовать. Самнитский генерал смотрел на все это с презрением; заложники были отклонены, а 600 рыцарей также отправлены обратно, поскольку Понтий ожидал, что римляне сдержат свое слово, и не был готов и не желал обременять себя содержанием нескольких сотен пленников. Это поразительное нарушение их собственной веры оставило на них более неизгладимый след, чем любая брешь, которую мог бы проделать враг в стенах их города; а тот факт, что они построили храм в честь общественного кредита, сделал их позорное поведение еще более примечательным.

Теперь самниты и римляне были полностью согласны в своей решимости рассориться, где бы они ни столкнулись друг с другом. Последовал ряд мелких конфликтов, рассказы о которых почти так же противоречивы, как и сами сражения; но есть все основания полагать, что Фортуна одаривала своими милостями направо и налево, отдавая их сначала одной стороне, а затем другой. Л. Папирий Курсор, римский консул, похоже, сам стал предвестником конечного успеха своей страны, поскольку, как говорят, он проложил к нему путь, отвоевав Лукерию. К тому времени военные действия стали настолько ожесточенными, что обеим сторонам потребовалась небольшая передышка, и было заключено перемирие на два года. Затем война возобновилась при диктаторах Л. Эмилии и К. Фабии, которые сражались с разными результатами, время от времени беря города, а иногда вынужденные брать то, что им совсем не хотелось получать от рук врага. Во время возобновления войны не произошло никаких примечательных событий, за исключением взятия города Сора путем вероломства; но подлость и обман были настолько распространены в то время, о котором мы пишем, что любое событие, связанное с этими презренными качествами, нельзя считать необычным. Сора располагалась на скалистом возвышении, и, хотя ее возвышенное положение было в определенной степени безопасным, она не была недостижима для той низкой хитрости, которая опустится до чего угодно ради достижения своей цели. Дезертир, который, судя по всему, добивался своего как среди самнитов, так и среди римлян, убедил последних отойти на несколько миль, как будто они отказались от осады, а затем приказал им спрятать полк конницы в лесу неподалеку от города. Чем были заняты самниты во время этих действий, неизвестно; нелегко понять, как они могли упустить из виду важное подразделение вражеских сил среди деревьев; но традиция, желая закрыть глаза на трудности, никогда не колеблется закрыть глаза всем, чья бдительность могла оказаться роковой для инцидента, о котором пойдет речь. Поэтому можно предположить, что жители Соры крепко спали и не спешили просыпаться, или были повернуты спиной, или взяли что-то, что отвлекло их внимание, когда дезертир готовился к предательству их города. Сделав уже описанные шаги, он провел десять римских солдат по своеобразной черной лестнице за скалы; слепота жителей Соры дошла до того, что горный проход был настолько тщательно скрыт от глаз, что на нем не осталось ни одного дозорного. Поселив десять человек в крепости, он спрятал их там до ночи; но трудно сказать, как десять крепких воинов могли быть так тщательно укрыты днем, чтобы их не заметили, если только традиция, желая придать этому делу свой собственный смысл, не придумала в крепости некий потайной чулан, где люди могли быть закрыты вместе, пока не наступил час, когда их нужно было привести в действие. Дождавшись ночи, дезертир приказал десяти мужчинам кричать так громко, как только они могли, и продолжать кричать, пока кавалерия не выйдет из леса; это должно было произойти, когда дезертир, ворвавшись в город, перепугал его жителей, бегая

по всему городу в состоянии притворной тревоги, что должно было объясняться непрерывными криками десяти мужчин в цитадели. Несмотря на многочисленные возражения против правдивости этой истории, предание донесло ее до нас, и мы, по долгу службы, продолжаем передавать ее, хотя и не позволяем ей пройти через наши пальцы, не приняв меры предосторожности, чтобы поставить на ней клеймо подделки. Далее предание рассказывает, что затея удалась на славу: горожане, напуганные криками десяти воинов в цитадели, побежали в руки легионов, которые с мечами наперевес шли к воротам города.

Самниты, уставшие от войны и от существования, которое проходило в постоянной борьбе за свою жизнь, решили как можно быстрее довести дело до конца. Они встретили римлян под командованием К. Фабия в Лаутуле, где К. был загнан в угол и бежал, а его армия, не получив от него приказа сражаться, быстро последовала его примеру. Впоследствии К. Фабий пришел на помощь К., они объединили свои силы и, имея перевес почти два к одному против самнитов, одержали победу.

Однако у Рима было достаточно поводов для противостояния в разных частях города; среди прочих враждебные чувства проявляли аусонийцы, которые были прерваны еще одним предательством весьма позорного характера. Среди авзонийцев существовала номинальная знать, чей ранг придавал им некую респектабельность, на которую они не имели морального права. Эти дворяне по имени и невежды по натуре были достаточно подлы, чтобы тайком впустить в некоторые города Авзонии переодетых римских солдат, которые с жестокостью, так часто ассоциирующейся с мошенничеством, начали поголовное истребление жителей.

Было бы пустой тратой времени и терпения, как для писателя, так и для читателя, если бы мы попросили его сопровождать нас на каждое маленькое поле, где могла произойти небольшая стычка, примерно в этот период, между Римом и ее врагами. Описывать колебания военной фортуны было бы так же сухо и невыгодно, как подробно описывать все происшествия долгой игры в "головы" и "решки"; историк должен был бы очень часто повторять детали бросания монеты, прежде чем читатель был бы найден бросающим историю. Поэтому мы ограничимся изложением голов в сокращенном виде, не вдаваясь в подробности передвижений генералов. С обеих сторон было сделано огромное количество ударов мечом, но, не останавливаясь на них, мы представим на суд читателя те моменты, которые лучше всего подойдут для использования учеником. На севере Самниума римляне были застигнуты врасплох этрусской армией и почти уничтожены; но когда они были убиты более чем наполовину, они стали выглядеть живыми и полностью истребили врага, чьи выжившие, состоявшие из их скота, попали в руки завоевателей. Консулу К. Марцию удалось занять место под названием Аллифея, но вскоре самниты полностью окружили его и сделали центром круга, который, поскольку он был полностью отрезан от Рима, стал для него центром чрезвычайного притяжения. Даже гонец не мог найти способ доставить в город весть об опасном положении консула, но, похоже, она стала известна, так как Л. Курсор поспешил на место и заставил самнитов покинуть свою позицию. Начав унывать, они попросили перемирия, за которое им пришлось заплатить непомерную цену деньгами, кукурузой и одеждой; ведь они должны были три месяца платить, кормить и одевать войска, которые откупились от них, в другой форме, и подвергать их длинному ряду тщательных перевязок. Однако они по-прежнему не признавали суверенитета Рима и считали себя свободными от унижений, делая себя фактически рабами, пока они оставались независимыми от этой амбициозной державы. Главный спор так и не был решен, продолжались новые столкновения, пока Самниум не был окончательно разгромлен и не был вынужден признать себя побежденным; и самниты, которые постепенно расстались со всем, чем владели, ради роскоши утверждать, что они вольны делать со своим, что хотят, признали Рим своим

господином. Рим также нуждался в отдыхе, ибо его силы были ослаблены двадцатилетней войной, и обе стороны, причинив друг другу весь возможный вред, остановились только потому, что сила злобы с одной стороны была полностью утрачена, а с другой - серьезно ослаблена.

Вражда между Самниумом и Римом была столь неискоренимой, что любая пауза в их фактическом конфликте заполнялась подготовкой к возобновлению, первой возможностью которой они с нетерпением ожидали воспользоваться. Третья Самнитская война началась с попытки самнитов вернуть Луканию, и для этого они одурманили луканийцев серией жестоких избиений, которые лишили жителей понимания опасности. Знатные люди, у которых инстинкт самосохранения, по-видимому, был в большей степени, чем патриотизм, были готовы подчиниться господину, который их купит, а не сопротивляться врагу, который будет их преследовать. Поэтому они предложили свою верность Риму при условии, что Рим избавит их от необходимости защищаться от Самниума. В соответствии с этой договоренностью были отправлены римские посланники, чтобы призвать самнитов эвакуироваться из Лукании; но посланники были бесцеремонно отосланы и отправились в очень быстрое возвращение, не получив ни малейшей выгоды. После нескольких незначительных стычек два консула, К. Фабий и П. Деций Мус, сын старого Муса, о котором уже говорилось, направили свои объединенные силы в Самний и разошлись в разные стороны, хотя полностью намеревались идти вместе. К. Фабий встретил всю самнитскую армию, и началась битва, в которой каждый быстро уничтожал солдат другого примерно в равном количестве, не принося ни тому, ни другому никакой пользы, кроме меланхолического удовлетворения от того, что они сравнивались друг с другом в проигрышной игре, в которую играли обе стороны. Так продолжалось бы, вероятно, до тех пор, пока шансы на войну не превратились бы в игру в пятнашки, в которой единственный выживший был бы победителем, когда один самнитский солдат, более дальновидный, чем остальные, заметил то, что он принял за армию Деция. То, что есть вещи, на которые лучше закрывать глаза, было доказано и в этом случае; дальновидный самнит не успел заметить на заднем плане тело людей, которые на самом деле были резервом К. Фабия, как испугал себя и своих товарищей, распространив слух, что Мус медленно, но верно подкрадывается к ним. Самнитов сразу же охватила паника, удар которой всегда смертельнее удара меча, а упадок духа привел к гибели почти всего войска. Деций присоединился к своему коллеге, и оба консула охотились в стране самнитов, убивая все, что попадалось на пути, а Аппий Клавдий продолжал войну в Этрурии. Нам было бы любопытно увидеть данные о численности населения - если таковые существовали - по отношению к самнитам, которых, согласно традиции, постоянно резали на куски, уничтожали, разоряли и истребляли; но которые, тем не менее, согласно традиции, постоянно выходили на поле боя в большом количестве, как будто ничего не произошло. Л. Валерий только что вернулся из Этрурии, где помогал своему коллеге Аппию Клавдию, когда самниты в изобилии появились на Вультурне и, будучи сразу же атакованы, были снова разбиты на куски, причем далеко не в последний и не единственный раз на великой сцене истории.

Примерно в то же время, когда весть об этой победе достигла Рима, ожидалась галлы, и хотя по закону один и тот же консул должен был избираться дважды за десять лет, римляне, изменив конституцию, без труда пересмотрели закон, приостановив его, чтобы обеспечить услуги К. Фабия.

Он был переизбран вместе со своим коллегой Децием Мусом, и прежде чем отправиться в бой, они посоветовались с авгурами, которые, как обычно, с готовностью истолковали предзнаменования самым благоприятным образом. Придя в укрепленный лагерь Аппия

Клавдия, Фабий обнаружил, что солдаты собирают дрова для строительства крепости, на что получил от него замечание: "Не рубя палки, можно добиться успеха, а показав врагу смелый фронт". Солдаты, воодушевленные его словами, которые, по правде говоря, не производят впечатления чего-то особенно бодрящего, внезапно превратились в львов, после того как находились в состоянии ягненка или овцы, и вместо того, чтобы рубить дрова или валить стволы деревьев, начали воспряли духом. Теперь у римлян было около 90 000 солдат в поле, если принять круглые цифры, дошедшие до нас, которые не всегда совпадают с вероятностью; но историки мудро предусмотрели, насколько это возможно, любой недостаток, который может возникнуть в ходе различных рубок, уничтожений и других непредвиденных обстоятельств, которые в то или иное время являются предполагаемой судьбой почти каждой армии. Огромная необходимость в излишках, с которыми можно смело обращаться, может быть понятна из одного обстоятельства, связанного с легионом, возглавляемым Л. Сципионом. Он был расквартирован у Камеринума и во время столкновения с врагом был разрублен на части, не пропустив ни одного человека; об этой потере узнали только тогда, когда их собственные соотечественники увидели их головы, насаженные на копья наступающего врага. Когда этот ужасающий факт предстал перед ними, лица римлян опустились от сочувствия к судьбе своих товарищей, которая, надо признать, имела весьма ужасные черты.

В конце концов, враждебные армии встретились возле Сентинума в Умбрии: римляне собрали значительные силы, а самниты, несмотря на значительную обрезку, которая, казалось, только усилила их рост, образовали весьма respectable остаток. К последним также присоединились галлы, умбрийцы и этруры; ведь традиция, желая придать интерес сражению, всегда готова собрать со всех сторон достаточное количество солдат, чтобы уравнивать шансы на победу. Говорят, что, пока армии выстраивались в линию друг перед другом, они были внезапно заняты созерцанием следующего весьма примечательного инцидента. Олень, преследуемый волком, быстро бежал по центру, и оба животных уже собирались подняться, когда олень, видимо, передумав, побежал среди галлов, которые, не раздумывая, превратили его в оленину. Волк с хитростью, достойной лисы, отказался от эксперимента, который так дорого обошелся оленю, и скрылся среди римлян, которые, возможно, опасаясь, что волку придется по вкусу как телята, так и овцы, позаботились о том, чтобы спасти их ноги, сделав как можно более широкое отверстие. Не успел волк выйти на дорогу, как римляне стали хвастаться, что страх пришел к врагу в виде оленя, а доблесть - в лице Марса, которого, по их словам, они видели спрятанным под шкурой волка, его любимого животного. Наконец битва началась, и день был очень теплым, что, в одном смысле, очень мешало накалу поединка. Галлы вызвали огромное смятение среди римлян, бросившись на них на колесницах, вооруженных косами, при виде которых они были ужасно изрезаны и нещадно изрублены, прежде чем успели оправиться от изумления. Не желая оставаться жалким урожаем на поле, римляне уже собирались бежать, когда их снова спас Мус, который в этом случае, как считают некоторые, заслужил эпитет "*смехотворный*". Вспомнив пример своего отца, он решил пожертвовать собой ради блага своей страны и, обратившись к понтифику, добился, чтобы его клятва была регулярно зарегистрирована. Проведя церемонию в надлежащей форме, он надел шпоры на коня и, бросившись на врага, стал, как ножны, для мечей всех, кто мог до него дотянуться. Галлы были настолько ошеломлены увиденным, что буквально потеряли дар речи от удивления; пока они стояли, изумленно озираясь, римляне обрушились на них и перебили почти всех. Геллий Эгнатий, самнитский генерал, был убит вместе со многими тысячами своих соотечественников, которых традиция описывает как еще раз разрубленных на части, хотя эти части не последние, в которых им суждено появиться. История, с естественным желанием сохранить запас самнитов для будущего использования, предполагает, что 5000 бежали, хотя римлян

было слишком мало, чтобы преследовать их, и так как беглецы потеряли тысячу человек в бою во время отступления, следует предположить, что в крайней нервозности они начали нападать друг на друга.

Q. Фабий вернул свою армию в Этрурию, которая недавно была основательно опустошена Кн. Фульвий; и этруски, которые уже были однажды побиты, были побиты снова, чтобы окончательно выбить из них остатки сил. Отступающие самниты к этому времени добрались до долины Вультурна, где страна была в таком состоянии, что они не могли найти ничего съестного; но для народа, привыкшего выживать под постоянным ударом меча, отсутствие пищи было очень незначительной проблемой. Волумний и Аппий Клавдий обрушились на них с объединенными силами, и самниты снова были разрублены на части; но, несмотря на свое раздробленное состояние, они смогли предстать собранными и спокойными до конца следующего года в Этрурии. Собрав все свои силы, они решились на отчаянную борьбу с римлянами, которые в большом количестве находились под командованием Папирия Курсора вблизи Аквилонии. Папирий послал за авгуром, который держал небольшой выводок священных цыплят, чтобы высиживать их, чтобы было что сказать тем, кто с ним советовался. Авгур заявил, что предзнаменования благоприятны, так как цыплята сытно поели; но один офицер, наблюдавший за птицами за завтраком и пораженный чрезвычайной деликатностью их аппетита, выступил вперед, чтобы обвинить авгура в нечестной игре. Папирий немедленно приказал поставить прорицателя перед линией боя, где бедный старик, который по возрасту не был курицей, каким бы он ни был в душе, был вынужден отвечать своей жизнью за то, что не смог правдиво ответить на предложенные ему вопросы.

Самниты не обращали внимания на предзнаменования, но связали друг друга страшными клятвами подвергнуться своей обычной участи - быть разрубленными на куски, а не сдаться; и надо признать, что они перенесли наказание за поражение с хладнокровием, которое можно объяснить только тем, что они к нему основательно привыкли. Не менее 16 000 человек дали клятву и сдержали ее настолько хорошо, что все 16 000 были найдены в кусках именно там, где они заняли свои места в бою. Мы могли бы выразить свои сомнения по этому поводу, если бы не то, что мудрые критики, не терпящие никаких отступлений от серьезности истории, возможно, обвинят нас в легкомыслии, отказывая в доверии Ливию, на чьем авторитете рассказывается эта история, хотя сама тупость, вероятно, будет вызвана пристальным взглядом, если не способна улыбнуться при виде замечательного блюда из гашиша, которое серьезные историки призывают его проглотить.

солдат.

Самнитский

Победа Рима была полной, и самниты, чьи богатства, похоже, были почти столь же неисчерпаемы, как и их численность, получили добычу, которая могла бы показаться сказочной в глазах любого, кроме тех, кто настолько основательно относится к фактам, что не в состоянии отличить их от вымысла. Чтобы раздуть триумф победителей, Папирий, как говорят, раздал офицерам и людям короны из золота и серебра, а также ошейники и браслеты из того же драгоценного материала; из этого следует, что самниты отказались от своих украшений, убегая; ведь металл, хотя и востребованный в обычных случаях, мало что дает в руки тем, кто стонет под его тяжестью.

Самниты снова полились по большей части Кампании так же обильно и таинственно, как потоки, текущие из неиссякаемой бутылки фокусника, и К. Фабий Гургес принял командование римской армией. Самнитов возглавил К. Понтий, престарелый вундеркинд, много повидавший на своем веку, но не принесший никакой пользы своим соотечественникам, так как они даже не научились извлекать пользу из уроков опыта. В К. Понтии удивительным образом сочетались неумение возраста и безрассудство молодости, и он представлял собой печальное зрелище юношеской и старческой неосмотрительности, или соединение в одном человеке черт старого и молодого дурака. К. Фабий, однако,

слишком рассчитывал на успех; увидев, как отряд самнитов совершает маневр, он решил, что все тело находится в процессе отступления, и это заставило его действовать так неосторожно, что он сам потерпел поражение, и его армия была бы полностью уничтожена, если бы не слабость его противников.

Весть о поражении Фабия вызвала недовольство в Риме, и генерала уже собирались отозвать, когда его отец, в неконтролируемом приступе nepotizma, обратился к народу с просьбой позволить молодому человеку сохранить свое место - просьба была в конце концов удовлетворена. Безответственность сына по просьбе отца едва не стала роковым примером; младший Фабий был на пороге очередной неудачи и тревожного жертвоприношения всей своей армии, когда Фабий Максим подоспел с резервом, который перевернул судьбу дня, разрубив на куски 20 000 самнитов, а 4000, включая бедного старого Понтия, были взяты в плен. Видно, что традиция, обрекая на меч 20 000 самнитов, оставляет 4000 в плену в качестве резерва на случай будущих непредвиденных обстоятельств. Хотя лучшие авторитеты считают, что в последней битве этот народ, который был почти столь же бесконечным, сколь бесцельными были его боевые действия, должен был быть израсходован, все же на границах, если не на грани истины, можно встретить несколько стычек, которые требуют, чтобы несколько тысяч самнитов были оставлены в качестве резерва для целей историка.

С. Понтия вели в качестве пленника на триумф, предоставленный Фабиям; но этот триумф и все, что с ним связано, было превращено в позор обезглавливанием бедного старого самнитского вождя, который, если и был достаточно слаб, чтобы выступить против Рима, то после битвы на Каудинских развилках проявил приятную слабость к пленникам, попавшим в его власть. Вскоре после этого Фабий Максим умер, и традиция, склонная выносить вердикты в отсутствие доказательств, объявляет причиной смерти разрыв сердца; и, поскольку при всех обстоятельствах это, безусловно, было бы правильно, мы не склонны нарушать это довольно сомнительное решение.

Некоторые власти,^[31] обнаружив, что у них есть избыток самнитов, описывают самнитов как вновь побежденных М. Курием Дентатом, который, кажется, был любопытен в своем роде; поскольку, будучи предложен дом с семьей сотнями джугеров в качестве его доли добычи, он отказался принять больше семи, что было частью, выделенной его товарищам. Те, кто привык читать и восхищаться системой, по которой в наше время распределяются денежные призы,^[32] вероятно, сочтут Курия Дентата выдающимся глупцом; и действительно, хотя его самоотречение пахнет патриотизмом, мы не уверены в его справедливости; ведь если бы он исполнил свой долг генерала, его заслуги перед страной должны были бы быть более ценными, чем у простых солдат под его началом. Однако, возможно, он лучше знал, что он сделал и что он заслужил; и мы не должны забывать тот великий факт, что, принимая собственную оценку человеком своих заслуг, мы подвергаемся очень малому риску их занижить.

ССЫЛКИ:

^[31] Eutrop. ii., 5.

^[32] Если обратиться к любой газете, содержащей объявление об ассигновании призовых денег, читатель узнает о таких пунктах, как следующие, которые взяты из недавно опубликованного документа с указанием пропорций призовых денег, выданных при захвате невольничьего судна: - Флаг - £87 12s. 3d.; лейтенант-командир - £164 5s. 7d. Затем

пропорции быстро уменьшаются, проходя через несколько классов, вплоть до десятого, который должен получить £2 13s. 3d. Соотношение, может быть, и справедливое, но, признаться, большая сумма, всегда завернутая во флаг, выглядит несколько загадочно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

О МИРНЫХ ЗАНЯТИЯХ РИМЛЯН. ИЗ-ЗА СКУДОСТИ ТЕМЫ, ОБЯЗАТЕЛЬНО ОЧЕНЬ КОРОТКАЯ ГЛАВА.

Эскулап.

С искренним удовлетворением мы переходим от монотонных подробностей войны к искусству мира; и хотя обычно говорят, что пятно крови никогда не сотрешь, мы рады обнаружить, что следы раздора сомнительны и немногочисленны, а свидетельства более благородных занятий человека многочисленны и подлинны. Среди наиболее долговечных памятников искусства и промышленности римлян до сих пор можно найти остатки знаменитой Аппиевой дороги, секрет формирования которой был бы бесценен для жителей наших больших городов, и особенно для тротуарных управлений метрополии. В то время как отдельные участки Via Appia остаются безупречными на протяжении двадцати веков, лондонские улицы год за годом разрываются на куски, и каменное сердце, если бы у камня было сердце, могло бы растопиться при виде гранита, постоянно нарушаемого безжалостной киркой. Виа Аппиа была построена из больших блоков, уложенных очень плотно друг к другу; и хотя современные тротуарные плиты, укладывая их головами друг к другу, сделали все возможное, чтобы имитировать этот план, успех никогда не вознаграждал их труды.

Не менее удивительным, чем дорога Аппия, был акведук, носящий его имя, который решил вопрос, столь очевидно не поддающийся решению в наши дни, о средствах обеспечения водой огромной метрополии. Хотя римляне пили воду не так часто, как мы, и хотя Тибр по чистоте был сравним с Темзой, жидкость была настолько явно или, скорее, настолько густо непитьевой, что ее приходилось подвозить с расстояния в восемь миль, как мы уже упоминали.

Хотя все признают грандиозность акведуков Древнего Рима, возражают против их строительства как ненужного расхода; и говорят, что их высокие арки доказывают лишь высоту, до которой можно довести глупость и экстравагантность. Трубы были предложены как способные отвечать всем полезным целям; но, учитывая трудность получения достаточно больших труб, поддержания их всегда свободными от препятствий и другие очевидные недостатки, сомнительно, чтобы труба, после оплаты трубочиста, оказалась столь экономичной в основном. Акведук, действительно, был недавно принят в широких масштабах людьми, которые вряд ли будут отставать в науках и искусствах, хотя быстрота, с которой они идут вперед, может заставить их пройти через весь круг изобретательности, пока самое современное изобретение, приходящее в ту же точку, что и самое древнее, не станет иллюстрацией встречи крайностей. Нью-Йорк теперь получает воду через

акведук,^[33] проложенный по прочной каменной кладке, над долинами и реками, под холмами и туннелями, на расстояние сорока миль; доказательство того, что, когда у города есть желание получить чистую воду, всегда найдется способ - пусть даже длиной в сорок миль - получить то, что требуется.

В Риме было принято бурить колодец там, где нужна была вода, но вода была настолько нечистой, что вскоре пришлось оставить колодец в покое. Инженерная наука, опираясь на великий двигатель нравственности - собственную энергию, позволила жителям доставлять воду на значительные расстояния, а поскольку акведуки были постепенно наклонены, вода, как бы сама собой, шла в Рим. На удобных расстояниях была предусмотрена фильтрация: резервуары имели два отсека, в один из которых вода попадала, а проходя в другой, прежде чем вернуться в основное тело, успевала отложить все примеси. Были приняты все меры предосторожности против проникновения тех несчастных семейств *animalculæ*, которые постоянно разрывают друг друга на куски в каждой капле лондонского элемента, и чья прожорливость, кажется, дает слабую надежду, что, поскольку они постоянно разрушают друг друга, они могут быть все взаимно проглочены, прежде чем будет достигнуто снабжение метрополии чистой водой.

Во время цензуры Аппия Клавдия дело литературы или, по крайней мере, достоинство профессии публичного писателя было улучшено - хотя, возможно, лучше сказать, что официальная работа была почтена - благодаря продвижению Кн. Флавия, писца, в курульные эдилы. Этот человек, по-видимому, обладал счастливым даром придавать сухим предметам наряд популярности; он завоевал значительную репутацию, изложив формы юридических действий в форме, которая делала их понятными для широкого читателя. Он сделал закон понятным в своем труде "*legis actiones*" и способствовал распространению информации, составив альманах или календарь, в котором были отмечены *dies fasti* и *nefasti*, а также предоставлена другая информация, которую раньше можно было получить только от понтификов.

Юристы и священники, которые в те времена были менее либеральны, чем в наши, были разгневаны на автора, который несколькими удачными штрихами своего пера открыл тайны обеих профессий; а когда его призвали предоставить публике пользу от своих услуг в качестве курульного адвоката, они сослались на жалкие предрассудки, существующие против человека, проявившего талант в одной области, когда его призывают применить свои способности в каком-то новом направлении. Дворяне были особенно затронуты перспективой того, что государственная служба будет открыта для одних лишь заслуг, а не для того, чтобы мягкотелость и тупость могли единолично использовать и злоупотреблять официальными почестями и вознаграждениями. Исключительность и нелиберальность не могли даже в те дни полностью возобладать, хотя противникам публичного писателя удалось заставить его отказаться не только от литературных занятий, но и от всех своих книг, и таким образом символически поставить себя в один ряд с собой в невежестве, лишив себя видов знаний при принятии должности.

Примерно в тот же период были приняты и другие, более важные меры для привлечения на службу государству части той интеллектуальной энергии, которая в наибольшем количестве присутствует в основной массе народа. Понтифики и авгуры до сих пор выбирались только из патрициев, но по Огульнийскому закону, принятому при трибунах К. и Кн. Огульний постановил, что четыре понтифика из восьми и пять авгуров из девяти - таково было тогда установленное число - должны быть плебеями. Наука авгуров, конечно, не требовала особых

талантов; но, поскольку ее профессора пользовались очень высокой репутацией, введение плебейского элемента в этот орган стало триумфом народных принципов. Гадательный жезл в эпоху суеверий также был очень мощным жезлом в руках тех, кто им владел; а привилегия читать или, скорее, толковать знаки времени по желанию толкователя была источником столь большого влияния среди народа, руководствующегося предзнаменованиями, что допуск плебеев к выполнению этих функций был равносителен предоставлению им важной доли в правительстве.

Наука предсказаний тесно связана с историей римлян, ведь они никогда не предпринимали ни одного шага частного или общественного характера, не посоветовавшись с прорицателями, которые, по сути, были гадалками древности. То, что нация должна отдавать свои судьбы в такие сомнительные руки, кажется в наши дни таким же абсурдом, как если бы премьер-министр, прежде чем выработать свои меры на сессии, советовался с доктором Фрэнсисом Муром, а оппозиционеры разрабатывали свою тактику по совету Задкиила. Знакомство с природой искусства предсказаний покажет студенту, с какой легкостью провидец мог увидеть именно то, что ему было нужно. Объектами его наблюдения были, во-первых, облака, которые давали широкие возможности для неясности; во-вторых, птицы, которые, если их видели справа, означали прямо противоположное тому, на что они указывали, когда их видели слева, что позволяло многое сказать с обеих сторон; в-третьих, куры, которые, как предполагалось, давали благоприятное предзнаменование, если они ели в изобилии - теория, которая породила много огромных судорог; в-четвертых, четвероногие, из которых авгуры могли легко сделать вывод на четвереньках в соответствии со своими желаниями; и, наконец, в-пятых, разнообразные знаки или происшествия, включающие чихание, которое позволяло авгуру водить чихающего за нос, или несчастный случай, например, падение, на которое, в отсутствие какого-либо другого более важного знака, прорицатель всегда был готов опереться.

Замечательным примером невежества и суеверия может служить поведение римлян, когда город, находящийся примерно в четыреста шестидесятом году, посетил мор. За рецептом избавления от чумы обратились к сивиллиным книгам, но авгуры, подобно врачу, который, не в силах вылечить пациента, отправляет его за границу, объявили, что единственное, что можно сделать, - это отправиться в Эпидавр, город в Греции, и привезти в Рим бога Эскулапия. Десять послов были отправлены с этой миссией, но после поисков Эскулапия во всех направлениях они случайно наткнулись на камень, в котором, как им сказали, он обитает. Уговорив себя купить изделие по высокой цене, они собирались взять его на борт своего корабля, как вдруг столкнулись с владельцем небольшого зверинца, который, обратив их внимание на прирученную змею в коллекции, предложил ее в качестве выгодной сделки как того самого Эскулапия, которого они искали. Римские посланники, подумав, что в камне, в конце концов, ничего нет, решили, что в змее может быть что-то, и она стала ласково обвиваться вокруг них; и, купив и заплатив, проворно проскользнула через город, направилась к римскому кораблю и свернулась, как моток веревки, в каюте послов.

По пути домой из-за шторма они причалили к Антиуму, и тогда змей, который, возможно, был очень хорошим змеем, но очень плохим моряком, вышел на берег, обернулся вокруг пальмы, провисел там три дня, а потом вернулся на судно. По прибытии послов в Рим они стали долго рассказывать о результатах своего путешествия, как вдруг змея дала им отмашку и, пока их языки не развязались, умудрилась убежать на остров в Тибре. Тщетно поискав змею в траве, они построили на этом месте храм в честь Эскулапия, и змея уплыла - никто не знает куда - к концу своего существования.

Войны, которые были столь изнурительны для почти неисчерпаемых сабинян, были не менее губительны для римлян, а вскрытие стольких костей разногласий, по выражению одного из недавних писателей, разъело "самый костный мозг нации".^[34] Несмотря на все свои завоевания, народ был ужасно беден, потому что разрушение, вместо производства, было его занятием в течение ряда лет; и хотя на некоторое время его потребности удовлетворялись за счет грабежа, в конце концов, нехватка обязательно должна была наступить из-за остановки самого источника всех богатств, мирного осуществления промышленности. Прилив бедствий, который вначале захлестывает лишь низшие слои населения, с непреложной уверенностью нарастает, пока не поглощает даже высших, и лишь немногие в конце концов оказываются в состоянии держать голову над водой. Когда обстоятельства кажутся безнадежными, средства защиты становятся отчаянными, появляется необдуманное законодательство, и так, во время бедствий Рима, плебс отделился, было принято предложение в форме закона Гортензия, чтобы позволить им делать все, что им нравится, чтобы соблазнить их вернуться снова.

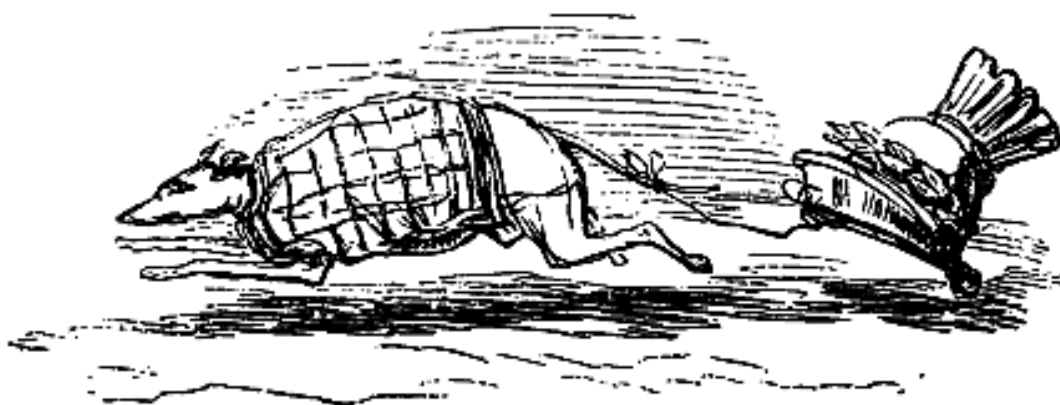
Послы покупают

Эскулапа.

К счастью, это было последнее отделение плебса, который, достойно покинув город, остался полностью в рамках закона, но при этом вышел за ворота города. Намерение отделившихся заключалось в том, чтобы обойтись без патрицианского сословия, предоставив последнему самому делать все, что в его силах, - эта мера быстро показала, что между всеми сословиями существует взаимная зависимость и что одно не может существовать в комфорте без объединения и поддержки другого. В Риме патриции играли в опасную игру, пользуясь правами своего положения и не выполняя его обязанностей; и плебеи, лишившись своей доли прибыли от связи, вполне оправданно разорвали ее. После принятия Гортензиева закона неправомерное различие между патрициями и народом прекратилось, и слово *populus* стало применяться ко всей совокупности граждан; но, учитывая естественную тенденцию всех классов равняться только на самих себя, римляне, имевшие хорошее

положение в мире, продолжали использовать термин *plebs* или *plebecula* в уничижительном смысле для обозначения толпы.

Правда, в тот несчастный период, о котором мы говорили, были выполнены некоторые полезные работы; акведук, а также Виа Аппиа, о которых мы уже упоминали, были построены в указанное время. Однако вместо того, чтобы быть результатом свободной промышленности нации, эти начинания были получены в основном за счет труда пленных самнитов; так что можно сказать, что римляне поливали свой город слезами, а мостили свою дорогу вздохами[35] своих несчастных пленников. Несмотря на общую бедность, искусство достигло значительного прогресса, и, возможно, тот факт, что необходимость - мать изобретений, объясняет стимул, данный мастерству и изобретательности нации. До сих пор существующая фигура, на которой два бронзовых младенца изображены в позе игривого удовлетворения, получающие пропитание от бронзового волка, который выглядит настолько легко, насколько позволяет твердость материала, была отнесена к эпохе, о которой говорилось, и Саркофаг Сципиона Барбатуса, полный даже древних похоронных стихов, которые непочтительные люди могут оценить по стоимости старой песни, принадлежит, вероятно, к тому же периоду.

ССЫЛКИ:

[33] Кротонский акведук, начатый в 1837 году и законченный в 1842 году, для подачи воды из реки Кротон в город Нью-Йорк.

[34] Доктор Шмидтц, стр. 223

[35] Вздох павиана - это действительно очень сложное дело. Нам всегда кажется, что сердце бедняги находится у него во рту, когда мы слышим, как он трудится.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ОТ КОНЦА ТРЕТЬЕЙ САМНИТСКОЙ ВОЙНЫ ДО ПОКОРЕНИЯ РИМЛЯНАМИ ВСЕЙ ИТАЛИИ.

Рим на некоторое время успокоился, но его покой был нарушен тревожным звоном войны, который все еще звучал в его ушах, а раздоры, нависшие над ним, как кошмарный сон, тяжким грузом лежали на его груди и постоянно отягощали его ресурсы. Как будто римлянам было мало собственных проблем, они оказались вовлечены в споры своих внешних отношений, которые в большинстве своем были очень плохими - связь, которую нации, как и отдельные люди, склонны находить чрезвычайно обременительной.

Ряд мелких государств стали побуждать друг друга к действиям, которые могли бы смутить Рим, и многие, у кого не хватало смелости нанести удар, желали увидеть, как другие проявляют свою доблесть. Тарентины и вольсиниане, желая сражаться чужим оружием, сумели сделать кошачьи лапы галлов, которых побудили наброситься на Арретиум. Римляне обратились за помощью, и те немедленно прислали армию, достаточно большую, чтобы быть слишком маленькой. Последовало поражение, как само собой разумеющееся; вождь Л. Цецилий был убит, и М. Курий был послан возглавить войска; но по прибытии он обнаружил, что нет тела, которому он мог бы служить главой, так как армия была либо убита, либо взята в плен.

В этой неприятной дилемме он отправил послов, чтобы узнать, на каких условиях будут отданы пленные; но послы, как хорошие деньги, посланные за плохими, больше не вернулись. Наконец римляне, поняв, что они лишь разрезают свою армию на удобные для врага куски, отправили достаточно большой отряд, чтобы положить конец дальнейшему расходованию столь ценного материала. Теперь римляне добились значительного успеха, а сеноны, по мнению некоторых авторитетов, были "просто уничтожены";[36] но поскольку сеноны часто встречаются вновь, следует предположить, что утверждение *ex nihilo nihil fit* - "из ничего не может получиться ничего" - не признается авторами классической истории.

Иностранное вмешательство, похоже, было в порядке вещей; ведь беотийцы поспешили выразить свое сочувствие судьбе сенонов, которая, если заключалась в уничтожении, должна была быть ничтожной для самих участников, и, *à fortiori*, должна была быть ничтожной для других. Заразившись подобной инфекцией, этруски стали сочувствовать беотийцам, и, встретившись с римлянами у озера Вадимо, сочувствующие были "разрезаны на куски", если верить сообщениям; но мы не знаем, ножницам ли журналистов или ножницам судьбы можно приписать это разрезание на куски. Этруски, во всяком случае, смогли вернуться в Этрурию[37] в достаточной силе, чтобы стать по-прежнему грозным противником для римлян, которые в конце концов с радостью заключили мир на очень выгодных условиях; и, если собрать все воедино, мы склонны считать, что этруски не были в том самом раздробленном состоянии, к которому их любит сводить традиция.

Ссора между луканцами и туриями стала причиной очередного вмешательства Рима, который был чистым полигамистом, поддерживая чужие ссоры. На помощь Фуриям был послан К. Фабриций с армией, настолько маленькой, что она начала уклоняться от

столкновения и тем самым увеличивать свою собственную малочисленность. Однако дух римлян имел в своем составе что-то от каучука; он мог вырваться так же легко, как и поддаться, и одно пустяковое обстоятельство показало его упругость во время нападения на Фурии. К валам подошел гигантский юноша с лестницей в руках, на которую он взобрался и этим простым действием перевернул чашу весов победы.

Генерал противника был взят в плен, а на поле боя осталось множество мертвецов, в том числе несколько самнитов, которые, предаваясь военному аппетиту, похоже, составили великую *пюесу сопротивления* того времени. Пиршество резни, кажется, никогда не было полным в эти дни без этого очень сытного блюда, которое, похоже, было буквально примером "отрезать и снова принести", поскольку мы находим запас самнитов, всегда готовых к неумолимому разделочному ножу судьбы. Сокровища, захваченные римским генералом Фабрицием, были огромны, и большая их часть была получена от неистощимых самнитов, которые, хотя их постоянно резали, как гусыню с золотыми яйцами, обладали одним необыкновенным преимуществом перед этой благовонной птицей, поскольку могли переносить эту операцию так часто, как только могла потребовать сама жадность. Добыча была замечательной по количеству, но способ, которым ею распорядились, был еще более удивительным, так как генерал, вместо того чтобы следовать общему обычаю, прикарманив все, что мог, распределил большую часть ее среди солдат, возместил гражданам сумму годового налога и отправил в казну значительный излишек. Приходится сожалеть, что в наш век нет подобных примеров справедливости и щедрости; ведь если бы каждый человек возвращал в казну в виде совестливых денег все, что он не заработал честным путем, государственный долг вскоре мог бы фигурировать - без всяких цифр - в качестве мифа в наших финансовых анналах.

Турий получил небольшой римский гарнизон, который, не будучи достаточно сильным, чтобы защитить себя, был *à fortiori*, или, скорее, *ab impotentiori*, слишком слаб, чтобы защитить тех, для чьей безопасности он был назначен. Поэтому Рим отправил на помощь десять кораблей, нарушив договор с Тарентумом, согласно которому ни одно вооруженное судно не должно выходить за пределы определенного пункта. Жители Тарентума, находившиеся в театре, откуда открывался вид на море, и, очевидно, смотревшие на океан как на зрелище куда более прекрасное, чем спектакль, заметили приближение кораблей и, оставив актеров заканчивать представление перед пустыми скамьями, бросились навстречу врагу. Командующий эскадрой не был готов к тому, что зрители не услышат ничего из того, что он хотел сказать, матросы были встревожены внезапным нападением, а бедные гребцы были совершенно ошеломлены своим неожиданным положением. Спасти удалось только пяти кораблям, остальные были потоплены или захвачены со всеми экипажами и грузами. Тарентинцы обрушились на Фурии, которые теперь были совершенно беззащитны, но римский гарнизон, вместо того чтобы быть уничтоженным мечом, был щедро отправлен домой на самых ранних средствах передвижения.

Потеряв значительное количество людей, римляне решили, что лучше набрать себе армию мирным путем, так как не могли найти рекрутов для своей армии. В связи с этим было решено испытать эффект посольства к тарентинцам, для чего были наняты несколько фециалов, предложивших, по мнению Рима, весьма умеренные условия соглашения. Говорят, что одним из посланников был Л. Постумий, и добавляют, что когда он начал речь на плохом греческом, раздался взрыв смеха над его ошибками в грамматике, орфографии и ударении. Его выбрали за очарование его красноречия, но чары были разрушены орфографией, и в путанице именительных и дательных падежей он не смог привести ни одного аргумента. Сенаторы разразились взрывами смеха - теми взрывами природы, которые часто трудно

сдержать, - и шут, воодушевленный дурным примером своих ставленников, сыграл с Л. Постумием какую-то шутку. Оскорбленный эмиссар тут же поднял свою тогу, испачканную шутком, чье остроумие, похоже, заключалось в том, чтобы бросаться грязью; но крик смеха был единственным ответом, который вызвала жалоба Постумия. Желая, чтобы они смеялись дальше, он намекнул, что операция может быть перенесена на другую сторону римского рта, и добавил, что умывальник, снабжаемый их кровью, - единственная мойка, в которую он отправит свою тогу. Вернувшись в Рим, он указал на брошенное на него пятно, и сенат объявил ему войну сразу же, как только пятно было показано. Против Тарентума была отправлена армия, но вождь, Л. Аэмилий Барбула, - так называли его, вероятно, из-за того, что он был маленьким и пушистым, - предложил мир во второй раз. Тарентинцы, думая, что римляне боятся сражаться, отказались пойти на соглашение; но, видя, что последние не отступают, пришлось искать помощи для встречи с ними.

Судя по всему, в те ранние времена существовал целый ряд людей, готовых заниматься мясницким ремеслом, нанимая себя или, скорее, опускаясь до того, чтобы сражаться за любого, кто заплатит им. Среди них одним из самых уважаемых был Пирр, царь Эпира, которого мы можем считать почти профессиональным кровопийцей, поскольку он заботился о том, чтобы обратить свои труды на пользу, пуская кровь тем, на чьей стороне он сражался, а также тем, против кого он воевал. По мнению некоторых авторов, Пирр не был наемником, поскольку, соглашаясь одолжить свое оружие тарентинцам, он имел в виду царство, а не деньги, или, другими словами, он не собирался получать плату от тех, кому он помогал, поскольку намеревался присвоить себе все, из чего они могли бы ему заплатить. Пирр, по сути, может быть исключен из числа наемников только путем перевода его в каталог воров, и мы не возражаем против того, чтобы отдать ему предпочтение.

Хотя он жил в эпоху, когда образованию государей не уделялось должного внимания, он обладал достаточным объемом информации и имел удачную привычку прислушиваться к хорошим советам, так что его заслуга в том, что он был мудрым, основывалась на мудрости его советников. Его язык был не менее отточен, чем шпага, а его манеры вполне оправдывали то, что они были включены в счет любой школы, в которой они были приобретены. Ему было всего тридцать семь лет, когда он въехал в Италию с конюшней, включавшей не менее двадцати слонов и двух тысяч лошадей, хотя главным львом его большого передвижного зверинца был, конечно, он сам. Его сопровождало огромное количество пращников, чье оружие было в робах, и большое количество лучников, которые могли натянуть самый длинный лук с поразительной правдивостью. Инцидент, связанный с обращением тарентинцев за помощью к Пирру, дошел до нас благодаря традиции, той самой, которая часто приписывает историку многое, за что он не всегда склонен отвечать. Рассказывают, что однажды в тарентинский сенат явился уважаемый молодой дворянин по имени Метод с множеством увядших цветов в волосах, как будто он поздно вернулся с званого ужина и проходил по дороге через один из рынков. В сопровождении женщины с трубкой тарентинцы были охвачены внезапным желанием развеселиться - склонность, которую до сих пор проявляет современная толпа в присутствии любой нелепости.

Пирр прибывает в Италию

со своей труппой.

Волнение перешло во всеобщее требование танца, и раздался крик, похожий на бессмысленный возглас "Хорнпайп!", который можно услышать в современном театре при первом представлении пантомимы. Молодой аристократ, почувствовав, что его могут вовлечь в необыкновенную авантюру, похоже, внезапно пришел в себя; он воскликнул с серьезным видом: "Да, мы должны танцевать и пировать сейчас, потому что Пирр скоро положит конец нашему веселью". Слова Методиса показались слишком пророческими; Пирр не успел прибыть, как, вероятно, руководствуясь принципом, что там, где много работы, не должно быть игры, он закрыл театр тарентинцев. Он прекратил все увеселительные мероприятия, и предсказание молодого дворянина о том, что танцевальные дни в городе почти закончились, полностью оправдалось. Конечно, для Пирра в конечном итоге было бы лучше, если бы он с самого начала послушал своего советника Кинея, который, по словам Плутарха, обсудил это дело со своим царственным господином в самой обычной манере. "Скажи мне, - сказал Кинеас, - если наша экспедиция окажется успешной, что мы будем делать дальше?" Этот вопрос вызвал у Пирра целый каталог трудных подвигов, которые он замыслил. "Очень хорошо, - сказал мудрец, - а когда все будет завоевано, что тогда?" - "Что тогда?" - ответил Пирр, - "Конечно, тогда мы сможем расслабиться, пить и веселиться". "Совершенно верно, - возразил Кинеас, - но почему бы не расслабиться, пить и веселиться сразу, без всех этих предварительных трудов и опасностей, которым ты предлагаешь подвергнуться и которыми ты только откладываешь, а не продвигаешь свою конечную цель?" К сожалению, Пирр, как и многие другие, не смог понять силу подобных рассуждений и продолжал сталкиваться с непосредственной опасностью и усталостью, имея отдаленную перспективу будущего отдыха, которой ничто не мешало ему воспользоваться сразу же, если бы он действительно задался целью.

Появление в

сенате молодого дворянина по имени Мето.

Хотя Пирр и не признал себя убежденным доводами философа, вероятно, он втайне чувствовал ценность данного ему совета; первым его шагом было предложение заключить договор, и он даже предложил предварительный проект, но римский консул отверг предложенную меру. Тогда армии встретились на берегу Сириса, небольшой реки близ Гераклеи, и Пирр послал шпиона с подзорной трубой, чтобы осмотреть позиции противника. Лазутчика тут же вычислили на другом берегу и немедленно арестовали, так что его наблюдение выглядело совершенно плачевно. Однако, когда ему показали все, что можно было увидеть в римском лагере, как если бы он был путешественником в поисках информации, а не тайком пробирался по враждебной территории, шпиона отправили обратно с осторожностью - правым боком вверх, чего он едва ли заслуживал - к своему хозяину. Этот инцидент вызвал у Пирра замечание, что "варвары очень по-джентльменски ведут войну"; и на следующий день, назначенный для битвы, он счел, что должен получить удовлетворение джентльмена, выйдя вместе с ними.

Римляне начали атаку, и консул, решив либо утонуть, либо выплыть, отправил конницу за реку. Пирр, встав во главе конницы, двинулся навстречу, но вскоре понял, что его блестящие доспехи делают его неудобно заметным, и сменил свой ослепительный почтовый плащ на старый ржавый костюм, который носил его друг Мегакл. Последний, возможно, гордился тем, что носит атрибуты королевской власти, но пустота ложного блеска была быстро

продемонстрирована, так как Мегакл, принятый за короля, был убит, а сверкающие доспехи с триумфом пронесли до вражеского лагеря, прежде чем обнаружилась пустая насмешка.

Битва проходила с решительной храбростью с обеих сторон, но в конце концов все решила грубая сила, ведь слоны Пирра имели огромный вес на весах победы. Эти существа, обрушившиеся на римлян *всей массой*, были эффективнее самых тяжелых из обычных тяжеловозов, и, наступая всей своей мощью на лошадей, последние, хотя и сопротивлялись всеми своими гривами, чувствовали, как из них стремительно вытекает животный дух. Бойня, учиненная римлянами, была бы беспощадной и полной, если бы не гуманность одного из слонов, который, проявив благосклонность, коротко одернул себя и не дал своей стороне продолжить преследование беглецов. Пирр, наложив руки на все, что можно было взять, принялся брать все, что попадалось под руку. Собрав богатый урожай, он на следующий день отправился собирать все, что мог, на поле боя. Увидев, что все римляне упали, повернувшись лицом к врагу, он не мог не признать храбрости своих противников, когда перед ним предстало столько отваги. "С такими солдатами, как эти", - воскликнул он, - "мир был бы моим, или, всех случаях, он был бы их, если бы я был их генералом". Однако он потерял половину своих людей, и, когда они лежали перед ним, казалось, что они категорически противостоят поздравлениям по поводу его победы. "Еще один такой триумф, - ответил он, - и я вернусь в Эпир совершенно без сил, потому что там не останется ни одного солдата". Он предложил пленным работу в своей армии, но они, все без исключения, отказались; и, считая их поведение безупречным, он снял с них цепи, чтобы они могли чувствовать себя совершенно свободными в своих дальнейших передвижениях. Он сжигал тела убитых, из милосердия к их останкам, сгорание которых, если бы они действовали самостоятельно, несомненно, было бы самопроизвольным. Он довольно справедливо разделил добычу, отдав часть союзникам, а значительную часть посвятил Зевсу, что принесло большую пользу жрецам храма.

Политикой Пирра было превращение старых врагов в новых друзей; он отправил в Рим своего верного советника Кинея с предложением похоронить всю вражду в могилах павших с обеих сторон. Сенаторы уже начали колебаться, как вдруг Аппий Клавдий Слепой, которого несли к дому четверо его сыновей - в таком положении можно представить ветерана, поддерживаемого юношей за каждую руку и за каждую ногу, - внезапно заявил, что он видит все это дело, и призвал римлян открыть глаза на замыслы Пирра. Ветеран, который из-за немощи не мог двигаться без посторонней помощи, все же смог пошевелить языком; он настоял на том, чтобы предложения Кинея были отвергнуты, и собрание, приняв предложение, с триумфом унесло домой его инициатора.

Вернувшись к своему господину, Кинеас назвал город храмом, а сенат - собранием царей, ибо храмы не выходили у него из головы, а великолепные кресла курульных постоянно напоминали ему о том, с каким достоинством его усаживали сенаторы.

Получив отпор, Пирр решил наступать на Рим в менее дружелюбном духе. Направляясь к Капуе, он столкнулся с консулом Лаэвинием, которого в предыдущий раз победил; но теперь ему не так повезло, так как после тяжелого поединка ни одна из сторон не могла точно сказать, кому достался худший исход. Пирр, однако, двинулся на Праенесту, которая попала в его руки, поскольку римляне упустили ее из рук. Говорят, что с акрополя Праенесты он увидел Рим на расстоянии восемнадцати миль; но, должно быть, он видел очень мало, если только не привык превозносить увиденное весьма примечательным образом. Зрелище было достаточно внушительным, чтобы заставить его отступить, и он отправился на зимний отдых в Тарентум, где потратил свое время и деньги, которые он взял у врага.

Самообладание Фабриция,

посла, в довольно сложных обстоятельствах.

Пока Пирр был занят или, скорее, отстранен от дел, к нему из Рима были отправлены три посла: К. Фабриций, К. А. Папус и П. Долабелла, чтобы договориться об освобождении пленных. К. Фабриций был очень высокопоставленным человеком, и Пирр, думая одержать верх над высокопоставленным человеком, использовал средства, на которые никто, кроме очень низкого человека, не мог повлиять. Первым делом Пирр попробовал подкупить, но К. Фабриций продемонстрировал свое презрение к деньгам, насупив брови. Потерпев неудачу в грубом обращении к скупости, Пирр попробовал действовать страхом; однажды беседа *тет-а-тет* между царем и послом была нарушена внезапным появлением третьего *тет-а-тет* в виде головы слона. Хитроумная скотина скрылась за занавеской и, ударив хоботом по щеке, нанесла испуганному послу смачный удар по уху. Животное сопровождало это действие жутким ревом и обрушило свой хобот на голову К. Фабрициуса, который на мгновение застыл, не видя неуклюжей шутки, которую с ним сыграли. Тем не менее он сохранил

самообладание, заметив лишь, что ни золотая пыль, брошенная ему в глаза, ни еще более черная работа слоновьего хобота не могли ослепить его от выполнения своего долга.

Хотя Пирр не согласился на предложенные условия выкупа римских пленников, он разрешил им на время отправиться в Рим, чтобы присутствовать на *праздновании* Сатурналий. Эти игры, по-видимому, включали в себя довольно меланхоличное веселье, главным развлечением которого было выкрикивание "Io!", что эквивалентно "Go it!", на проезжей части. Друзья обменивались подарками, а слуги имели привычку подносить восковые свечи своим хозяевам, что, возможно, было своего рода композицией, к которой первые пришли вместе со своей совестью, помня о беззакониях жирного горшка. Домашним разрешалось носить одежду своего хозяина, и эта часть церемоний Сатурналий до сих пор соблюдается в частном порядке джентльменами из семьи. Пока гардероб хозяина оставался в ведении камердинера, в моде был синтез, или халат, и для периода всеобщей расслабленности эта свободная одежда была как нельзя кстати.

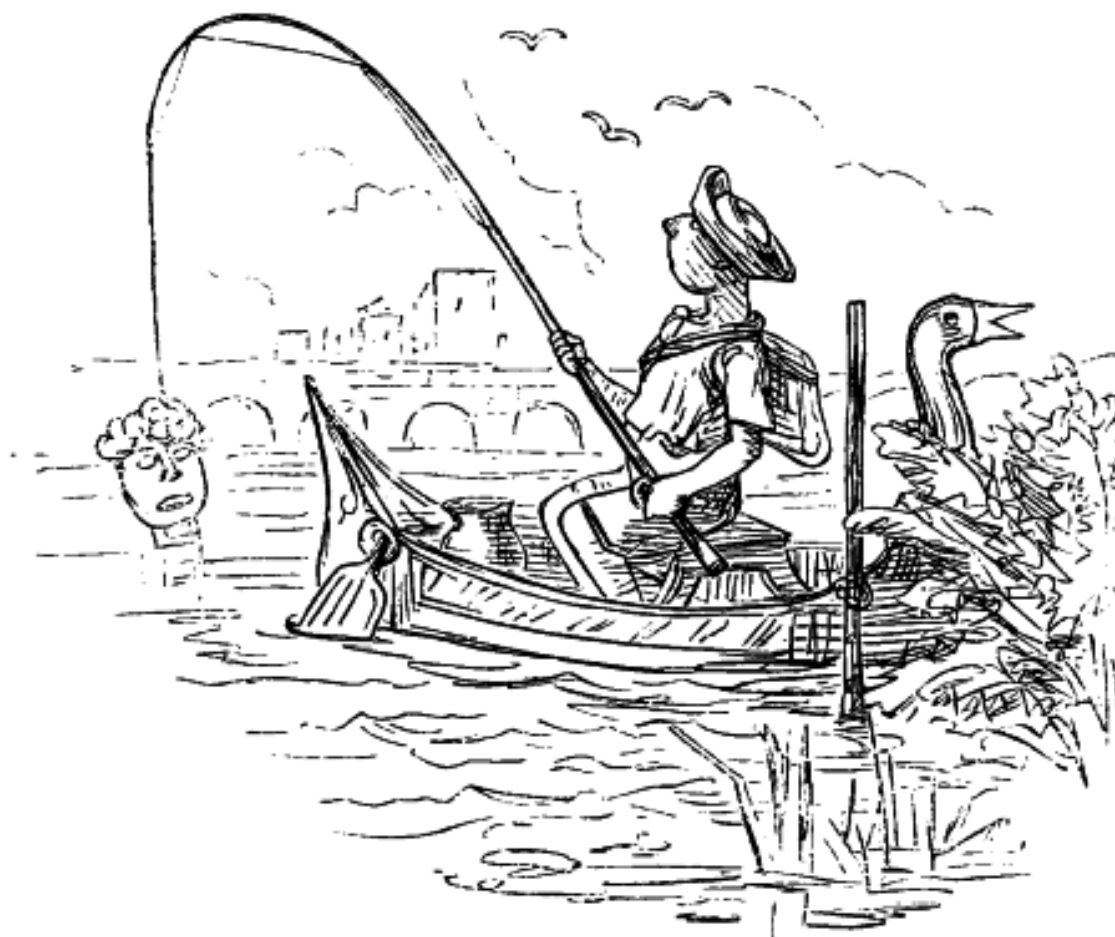
Сделав в Риме то, что делал Рим во время сатурналий, пленники вернулись к Пирру, который начал кампанию в Апулии и встретился с двумя римскими консулами - П. Сульпиций и П. Деций Мус - в Аскулуме. Этот Мус - третий, кого породили труды исторической музыки; говорят, что он разделил судьбу своего деда и отца - если, по крайней мере, можно сказать, что судьба была "разделена", и каждому пришлось нести все неудобства. Битва при Аскулуме была тяжелой, римляне потеряли 6000 человек, ибо традиция любит круглые числа, с которыми вероятность часто отказывается сходиться; и не менее трех тысяч пятисот пяти - ибо в этом случае точность доходит до крайности - как говорят, пали на стороне Пирра.

Оказалось, что война делает свое обычное дело: меч режет сразу с двух сторон, свеча горит с двух концов, и стороны, образно говоря, режут горло не только себе, но и своим врагам. Каждая сторона отступила бы, если бы могла видеть свой путь, но тут произошел случай, открывший дверь к компромиссу. У Пирра был лекарь, который, возможно, решил, что работа врача может быть сделана как в первый, так и в последний раз, и предложил отравить своего знаменитого пациента одной дозой, а не медленными степенями. Врач-предатель подготовил проект, который, как он знал, мог убедить Пирра принять; но римляне с презрением отвергли эту идею и осудили негодя, который, когда его схватили, был сильно потрясен своими возмущенными соотечественниками. Негодяй сначала отрицал, что написал рецепт, и пытался съесть свои собственные слова; но они застряли у него в горле, и он умер от физической невозможности получить их тем или иным способом.

Пирр был так доволен обращением с эмпириком, который должен был его отравить, что отослал всех своих пленников в Рим без выкупа, одетых[38] в новые тоги и сопровождаемых страницами, зашитыми в аккуратные обертки. После некоторых переговоров, в которых принимали участие вернувшиеся пленники, которые настаивали на своих новых костюмах в поддержку Пирра, жаждущего мира, было заключено перемирие на четыре года. Было оговорено, что он должен покинуть Италию, и он воспользовался случаем, чтобы переправиться в Сицилию с благородным намерением освободить народ от карфагенского ига; но, как и большинство иностранных освободителей, если он одной рукой снимал старое ярмо, то в другой у него было новое приспособление, которое он стремился заменить. Его целью было стать хозяином этого места; но, пробыв там три года, он начал сетовать на верность друзей и, набрав столько добычи, сколько мог унести, оставил сицилийцев сожалеть о потере себя и сокровищ, которые унес с собой. На самом деле он был послан за тарентинцами и направлялся посмотреть, что он может сделать для них, когда его встретил карфагенский флот, который потопил семьдесят его кораблей, как нам сообщает тот же авторитет, который представляет, что он отправился только с шестьюдесятью, - факт,

который оставляет мало сомнений в том, какая сторона больше выиграла от дружбы между Пирром и жителями Сицилии. Он понес новые потери на горных перевалах, где ему удалось спастись с большим трудом; но, тем не менее, он продолжал сохранять баланс в 20 000 пеших и 3000 конных для решения любых будущих задач.

По его прибытии в Тарентум среди римлян началась такая паника, что никто не хотел записываться в армию, пока Курий Дентат не объявил о своем намерении конфисковать имущество первого, кто откажется вступить в открытое для него звание. Помимо паники, вызванной именем Пирра, тревога возникла из-за того, что голову бога Суммануса снесло молнией с его статуи, и никто не мог понять, что с ней стало. Случайность привела к тому, что ее обнаружили в русле Тибра, откуда она, вероятно, была выловлена одним из тех необычных крючков, на которых висят многие исторические факты. Как положено, обратились к авгурам, и те посоветовали продолжать дело против Пирра, поскольку, по мнению прорицателей, потеря и последующая находка головы доказывали, что после побед на волосок от гибели победа увенчает их труды.

Находка головы

Суммануса.

Пирр тем временем отправился в Беневент, чтобы напасть на Курия, намереваясь застать последнего врасплох, отправив через горный перевал часть войск и слонов. Идея короткого пути для этих массивных животных была абсурдной, а громоздкая масса слонов вызвала

череду остановок на дорогах и проезжих дорогах, по которым их везли. Греческие колонны периодически попадали в страшные переделки, и им с трудом удавалось протащить через горный перевал свой чрезвычайно громоздкий багаж. Вместо того чтобы завершить свой путь ночью, уже при свете дня они начали спуск к Курию, который увидел их издалека и приготовил слонам теплый прием. Он атаковал их горящими стрелами и зажег бочки с дегтем, которые были брошены в бедных животных, которые отступили в свой лагерь, и каждая палатка превратилась в комнату для разгрома. Несколько слонов было убито, а четырех, взятых живыми, заставили идти в качестве пленников на триумф консула. Пирр добрался до Тарентума с горстью лошадей и полным карманом хлеба, но, не имея возможности платить жалованье своим сторонникам, они вскоре разбежались за неимением привычных золотых заклепок. Он удалился в Грецию, где пустился во всевозможные авантюры, пока недостаток денег не помешал ему вести войну в каком-либо виде; говорят, что он дошел, наконец, до таких мелких споров, что умер от удара по голове камнем, брошенным в него на улице разгневанной женщиной. После смерти Пирра те, кому он помогал, потеряли всякую надежду выстоять против такого грозного врага, как Рим, и луканийцы, бруттии и самниты стали почитать державу, которой они имели привычку бросать вызов до тех пор, пока на их стороне был хоть кто-то достаточно сильный, чтобы помочь им в сражениях. Самнитские послы, на которых была возложена унижительная обязанность передать покорность своих соотечественников Курию Дентату, застали его на сабинской ферме за обсуждением большого блюда репы. Он принял посланцев не иначе как в деревянном кресле, на котором сидел, и продолжал вегетарианскую трапезу, выслушивая их уговоры. Они предлагали подкупить его золотом, но, взяв ложку пюре из репы, он заявил, что, пока он может быть уверен в ежедневной порции своей любимой роскоши, богатство его не прельщает.

Курий Дентат отказывается от великолепного подарка, предложенного самнитскими послами.

Самниты предприняли еще одну отчаянную попытку напасть на Рим, и Лоллий, беглый заложник, сбежавший в родные горы, нашел жизнь таким трудным занятием, что решил изменить ее или расстаться с ней. Собрав вокруг себя шайку разбойников, которые были как раз из тех, кто все делает исподтишка, он тайно приготовился напасть на римлян; но те, услышав о приближении мародеров, рано вышли в поле и, схватив предводителей мятежа, отрубили им головы, чтобы сломать шею.

Теперь Рим был владычицей Италии, но его честолюбие, которое, хотя и было всегда высоким, не знало границ, не позволяло ему удерживать свою империю в естественных пределах. В управлении своими завоеванными владениями она проявила немалую щедрость, заявив, что признает за побежденными долю своих преимуществ, - а для этого она сначала забирала все преимущества себе, а затем возвращала небольшую часть тем, у кого они были отняты.

Колониальная система, которой придерживался Рим, была своеобразной, поскольку вместо того, чтобы выбирать необитаемые места, она предпочитала готовое население, обладающее уже приобретенными богатствами, из которых она обычно отбирала себе целую треть в обмен на правительство, которое она обеспечивала из своего собственного большого запаса людей, нуждающихся в местах. Отношения между Римом и его колониями сравнивают с отношениями родителя и ребенка; но, учитывая процесс лишения, к которому прибегнул Рим, кажется, что он действовал не столько как мать, сколько как похититель. Римская конституция, как и римский цемент, представляла собой превосходный состав, ингредиенты которого невозможно описать; и действительно, оказывается, что лучшие конституции, как и наша британская, - это те, которые невозможно определить в письменном виде или сделать предметом совершенного анализа. Политическая власть была разумно распределена на значительной площади, и поэтому, если воспользоваться примером из аптеки, пластырь всегда был готов к нанесению на язвы или даже пустяковые высыпания, которые могли появиться на любой части огромного тела нации.

Как и в нашей восхитительной форме правления, здесь было три сословия, состоящие из народа, сената и исполнительной власти; но из-за отсутствия постоянного и общепризнанного главы государства страна постоянно подвергалась агитации со стороны заговорщиков-демагогов.

Поскольку меч, к сожалению, занимает самое видное место в ранней истории Рима, нельзя не сказать о его военной организации, которая была очень совершенной; ведь в ранние времена складывалось впечатление, что к соседям следует обращаться с оружием войны, а не с рукой дружбы. Каждый римский гражданин был солдатом и в любой момент мог быть призван превратить свой лемех в меч, хотя по окончании службы он был волен превратить свой меч обратно в лемех. Такое превращение не обходилось без ущерба для инструмента, и обычные сельскохозяйственные операции часто прерывались, когда работника вызывали из сада в поле и заставляли сеять, когда он занимался широким посевом. В одной главе Ливия[39] мы имеем описание того, из чего состояла римская армия во время великой латинской войны, и хотя ученые писатели[40] огрызались и ссорились из-за этих материалов, как собаки из-за сухой и немясной кости, мы спокойно входим в их среду и намеренно извлекаем костный мозг. Армию можно описать в полудюжине строк, хотя она

состояла из пяти, которые назывались соответственно: *хастаты*, *принципы*, *триарии*, *рорарии* и *акценты*.

Хастаты, названные так из-за того, что они несли *хасту* или копье, состояли из юношей в расцвете сил, которые шли впереди, чтобы их ранний рост мог встретить первый удар врага. Следующий ряд составляли *принципы*, или мужчины в расцвете сил, отличавшиеся обилием и великолепием своих щитов, оружия и амуниции, и представлявшие собой то, что можно назвать тяжелой массой армии. Далее следовали *триарии*, ветераны, отобранные благодаря своему опыту - качеству, которое, хотя и ценно в совете, часто бывает бесполезным на войне; ведь хотя опыт и подсказывал ветерану, что он должен бежать, но его пятки, будучи такими же старыми, как и голова, могли отказаться выполнять приказ последнего. Четвертую шеренгу составляли *рорарии*, от слова *рора* - роса, которые осыпали врага различными снарядами и, стоя позади *триариев*, должны были иногда, целясь в противника, отдавать больше, чем полагалось, ветеранам, находившимся непосредственно перед ними. Последними по порядку шли *Accensi*, или запасные, чья храбрость и верность были не самого высокого класса, и которые либо создавали тыл, либо оставляли его позади, в зависимости от того, насколько решительно они шли вперед, или их недостаток удерживал их позади, при этом всегда оставалось свободное место на случай, если страх побежит за ними. *Акценты* часто оставляли свободный задний план в качестве своего рода ипподрома, на котором постоянно проводились состязания между их доблестью и благоразумием, и в большинстве случаев последние брали верх.

Привычки первых римлян были чрезвычайно просты; земледелие было их самым почетным занятием, и считалось высокой похвалой сказать о любом человеке, что он хороший муж и хороший земледелец. Их пищей была в основном кукуруза, и многие счастливые семьи служили иллюстрацией того факта, что любовь, несмотря на утверждение автора песни об обратном, иногда может жить на муке. Вино было настолько ценным, что при возлияниях богам его выливали по капле, чтобы не переборщить; и действительно, в первые дни существования Рима оно было настолько скудным, что Ромул, как говорят, использовал в своих жертвоприношениях молоко, а Папирий в более поздний период поклялся в случае победы над самнитами выпить Юпитеру маленький бокал - *petit verre*.

Длинные бороды римляне носили до прибытия греческого цирюльника из Сицилии; говорят, что он выщипывал пинцетом бороду, которая за четыре с половиной века превратилась в укоренившуюся привычку. Некоторых он обрабатывал бритвой, и ему удалось собрать обильный урожай с подбородков людей, которые еще никогда не носили гладкого лица.

Вторжение Пирра привело к тому, что Рим перенял многие греческие роскошества, среди которых была и роскошь замены серебряной монеты на медную, которая оказалась настолько неудобной, что богатый человек был вынужден использовать повозку вместо кошелька, если хотел возить с собой деньги. Серебра, однако, было так мало, что некий Корнелий Руфинус был исключен из сената за то, что имел на своем серванте более десяти фунтов пластин; считалось, что он не мог честно заработать столько, и его считали либо вором, либо, по крайней мере, приемщиком краденого.

В те ранние времена претензии к показухе были настолько скромными, что серебряный кубок и солонка обычно составляли все содержимое тарелочной корзины римского аристократа. Музыка среди первых римлян была на самом низком уровне, и единственными ее профессорами были флейтисты из Этрурии. Их мелодии были настолько мрачными, что использовались только во время жертвоприношений или похорон, когда требовалась

крайняя меланхолия. Говорят, что в один из случаев оркестр ударился и удалился в Тибур, а музыканты вернулись обратно только после того, как их беспомощно напоили, - слабость, которой подвержены некоторые из тех наемников, которые помогают в проведении похорон и в наши дни.

ССЫЛКИ:

[36] Полибий.

[37] Polyb., ii. 20.

[38] Невежественные и безглые люди, которые могут возразить против слова "togged", могут заметить, что оно является чисто классическим - латинское *toga* является корнем причастия "togged", а также существительного "togger".

[39] Ливий, viii.-8.

[40] Липсий и другие.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Вся Италия теперь принадлежала Риму, но жажда завоеваний не утихла даже у самого моря, за которым римляне готовились распространить свою власть. Среди тех, кто делал бизнес на кровопролитии, отдавая себя в солдаты любому, кто платил им, кампанцы занимали - если это вообще можно было назвать настоящим удовольствием - не самое лучшее место. Они занимались ремеслом мясников уже около пятидесяти лет; среди прочих кровавых сделок они приняли заказ от тирана[41] из Сиракуз.

Кампанцы закончили свою опустошительную работу, и, не найдя больше применения, получили уведомление об уходе; но вместо того чтобы вернуться домой, они решили остаться и устроить небольшой грабеж исключительно для себя. Они захватили город Мессану - если вообще можно считать удивительным какое-либо преступление, совершенное такой компанией, - и, назвав себя Сыновьями Мамерса, или Марса, основали Республику Мамертинцев. Отсюда они продолжили свое ремесло грабежа и убийства, которое они применяли на практике направо и налево, против большинства своих соседей. Исходя из непреложного принципа, что плохое никогда не бывает хорошим, правители Сиракуз, которые в своих корыстных целях ввели сюда кампанцев, стали, в свою очередь, жертвами этой незаконной банды вольных разбойников. В конце концов, Иеро, царь Сиракуз, решил избавиться от помехи, которую создали его предшественники, и обрушился

на мамертинцев с такой силой, что те были на грани разгрома, но их спасло вмешательство карфагенского адмирала. Мамертинцы, будучи сами неверными, подозрительно относились ко всем остальным и были так же лживы друг к другу, как и ко всем остальным; поэтому они с недоверием отнеслись к сделанному предложению и не смогли договориться о том, стоит ли его принимать. Вскоре они оказались в положении разделенного дома, поскольку одни были готовы принять защиту Карфагена, а другие отправились за помощью к римлянам, которые, к своему полному позору, приняли постановление, обязывающее их вступить в союз с мамертинскими злоумышленниками. К чести сената следует сказать, что большинство членов этого органа с презрением отвергло унижительное предложение; но консулы, желая придать *блеск* своему сроку полномочий - зло, сопутствующее системе временного, а не постоянного главы государства, - сделали все возможное, чтобы ввергнуть страну в войну, и вынесли вопрос на рассмотрение народного собрания.

Низменные страсти гордыни и алчности быстро пробуждаются в массе людей под надуманными обещаниями славы и завоеваний; и хотя каждый человек мог бы сам отказаться от союза с мамертинскими наемниками, результат доказал истинность поговорки, что "корпорация сделает то, от чего отдельный человек со стыдом уклонится"; Comitia Tributa проголосовала за заключение позорного договора.

Аппий Клавдий, сын слепого консула, был отправлен в Мессану с флотом из ТРИРЕМ, или судов с тремя рядами весел, которые были позаимствованы у греческих городов Италии; ведь римское адмиралтейство, в истинном духе коллегии, хотя и постоянно строило корабли, не могло создать эффективный флот. Аппий Клавдий не был достаточно моряком, чтобы довести свои триремы до Сицилии, а его гребцы не были столь искусны в управлении веслами, которые были расставлены в ряд, одно над другим, на значительной высоте, так что длинный рывок, сильный рывок и рывок вообще были чрезвычайно трудны.

Наконец, подойдя достаточно близко для переговоров, он пригласил на них карфагенского полководца Ганно; найдя его слабым и нервным, он схватил его за шею и вытряс из него всю его решимость.

Напуганный Ганно сдал цитадель и, вернувшись в Карфаген, был поспешно казнен за то, что не выполнил свой долг. Царь Иеро, лишившись карфагенской помощи, был совершенно подавлен и с радостью предложил мир, вернее, был рад получить его на любых условиях, ведь его собственное положение было поистине плачевным. Чтобы предотвратить разграбление Сиракуз, он заплатил 200 талантов готовыми деньгами, что равнялось примерно пятидесяти тысячам фунтов нашей современной монеты, и, пожертвовав всеми своими наличными деньгами, смог спасти свой капитал. С этого периода можно отсчитывать начало первой Пунической войны; и поскольку слабоумный читатель может заикнуться на слове "Пунический" в глупом ожидании каламбура, мы, объяснив, что оно происходит от Phœnicia, откуда Phœnic или Punic, сразу же умерим его нездоровый аппетит. Считается, что город Карфаген был примерно на сто лет старше Рима; но города, как и дамы после определенного срока, пресекают все попытки свести их возраст к точному значению. Традиция приписывает основание Карфагена Дидо, которая, превратившись в незащищенную женщину в результате убийства мужа, бежала из Тира, а когда совсем устала, присела отдохнуть на побережье Африки. Здесь она согласилась взять в аренду под застройку столько земли, сколько можно было покрыть бычьей шкурой, но, к изумлению арендодателя, предъявила шкуру, разрезанную на ремни, и, выступая в роли собственного землемера, заявила, что является монархом всего, что исследует, обвязав этим новым видом кожаного пояса как можно больше земли. В этой сделке, конечно, было меньше от принцессы, чем от торговли, что, впрочем, было характерно для будущего города, ведь он

стал известен своими делами и сделками, а также печально известен своей недобросовестностью; термин *Punica fides* стал нарицательным для выражения самой грубой нечестности. Ее преданность торговле привела к созданию мощного военного флота, а гражданам было чем заняться, кроме как воевать, поэтому армия всегда нанималась из-за границы, когда того требовал случай. Рим, напротив, сделал войну своим главным занятием, и в результате у него было много солдат, но не было кораблей, за исключением нескольких, захваченных у врагов; а ее занятия были в основном военными или разрушительными, и ей не на что было рассчитывать, кроме своей доблести.

Римляне остались в Сицилии, где на их защиту претендовало несколько держав; но Ганнибал Гиско, желая сохранить Агригентум, бросился туда с шестьюдесятью слонами. Здесь он был осажден в течение семи месяцев с армией в 50 000 человек, которые, конечно, ежедневно потребляли большое количество пищи; но было что-то совершенно нерациональное в обеспечении ежедневного рациона для шестидесяти слонов. Поэтому было решено, что Ганно отправится на помощь Агригентуму, но он потерпел поражение, потеряв тридцать слонов, оставленных мертвыми на поле - поле, которое должно было быть очень широким для догадок. Армия Ганнибала Гиско состояла из множества наемников, включая некоторых галлов, которые, имея большой денежный долг, отказались выступить, кроме как за жалованьем, и заявили, что не достанут мечей, пока не получают жалованье. Их военачальник, не имея возможности рассчитаться с ними наличными, избрал более вероломный способ: заманив их в засаду, он произвел по ним залп ракет, и разрядка оказалась полной, так как прекратила все дальнейшие крики.

Агригентум был разграблен римлянами, которые продали 25 000 жителей в рабство - по крайней мере, согласно традиции, которая обычно имеет дело с круглыми числами, часто равными по стоимости сумме, которую обозначает совершенно круглое число или цифра.

Хотя карфагеняне потерпели неудачу на суше, их флот давал им преимущества на море, где римляне были совершенно не в своей тарелке. Последние, однако, решили обзавестись собственным флотом, и Совет Адмиралтейства приступил к работе со всей серьезностью, при содействии Леса и лесных хозяйств, которые поставляли необходимую древесину. Трудность теперь заключалась в том, чтобы получить проект, по которому можно было бы строить, и вместо того, чтобы довериться официальным геодезистам, которые могли бы проявить много хитрости, не создав никакого судна, римляне взяли за образец карфагенский квинкверем, который прибило к берегу Бруттия. Освободившись от надзора профессиональных архитекторов, кораблестроение продвигалось быстро, и в течение шестидесяти дней после того, как были срублены деревья, было построено сто тридцать кораблей; хотя строители должны были быть такими же зелеными, как дерево, и такими же безумными, как ремесло, чтобы вообразить, что такой флот может иметь какое-либо, кроме самого скоротечного существования. Пока корабли готовились, властям пришло в голову, что потребуются экипажи, а поскольку у римлян еще не было ни кораблей, ни моряков, на суше возвели несколько эшафотов, чтобы предполагаемые тары могли попробовать свои силы в морской тактике.

Римский

военнослужащий, судя по скудной медали.

На берегу все шло гладко, пока будущие моряки, отважившись выйти в море, не обнаружили, что они невежественны, как младенцы, которых качают в колыбели на глубине; а когда волны омыли их, они поняли, что не узнали о своем новом искусстве ничего, кроме самых скудных подробностей. С семнадцатью этими странными квинкверемами, на каждом из которых было по 300 гребцов, которые по недомыслию своему поддерживали непрерывную, но бесполезную греблю, консул, кн. Корнелий Сципион отплыл в Мессану, когда пунийский капитан Бугуд, обычный карфагенский смолянин, отправил его в полет, с половиной его брёвен, в порт Липари. Экипажи, большинство из которых были полумертвы от морской болезни, как могли, выбрались на берег. Их командир, кн. Сципион был взят в плен, и настолько нелепой была его фигура, что соотечественники дали ему имя Асина или Осел -

характер, который в наши дни мог бы послужить основанием для назначения его на осел-фрегат.

После этого нелепого поражения командование римским флотом перешло к другому консулу, К. Дуилию, который решил, как мог, смыть в океане пятно, брошенное на его соотечественников. Он чувствовал, что о морской тактике не может быть и речи среди тех, кто был, в некотором смысле, моряками первой воды, так как никогда раньше не был на воде; что касается гребли, он знал, что это настолько неосуществимо, что решил выбросить весла за борт. Он придумал, как сделать морское сражение максимально похожим на бой на берегу; преодолев в некотором отношении неравенство волн, он поставил своих людей почти в равные условия с противником. Он построил abordажные мосты, способные выдержать двух или трех человек, и эти мосты, переброшенные на корабли противника, позволяли римлянам входить на них.

Карфагеняне, которые не были готовы к такой близости и полагались скорее на неровности моря, чтобы лишить своих противников шансов на успех, были настолько застигнуты врасплох, что стали захватывать свои корабли один за другим. К. Дуилий был щедро вознагражден за победу; его провозгласили первым морским героем, которого представил Рим, и, словно предвидя праздничные наклонности моряка на берегу, ему была предоставлена любопытная привилегия: ночью с пиров его провожал домой сопровождающий с факелом - в этом мы видим предвестие полицейского и бычьего глаза. Его также чествовали *columna rostrata*, своего рода колонной Нельсона, украшенной клювами кораблей - коротким обрубком, который в музее Рима имитирует рука Михаила Анджело,^[42] - который предоставил нам точную копию одной из колонок газеты Times, в которой рекламировались деяния великих людей.

За этим морским подвигом Рима последовали мелкие успехи и Л. Сципион совершил нападение на Корсику, где ему противостоял карфагенский флот под командованием Ганнибала Гиско, который был убит своими же людьми, но с почестями похоронен римлянами, которые благородно похоронили свою былую враждебность.

Карфаген и Рим взаимно страдали от своих военных действий, и каждый народ поочередно терял свои тысячи, в соответствии с тем, что называют военной удачей, но которая, как и удача на игровом столе, должна закончиться разорением обеих сторон ради единственной выгоды мрачного врага. В то время как силы Рима уменьшались почти с каждым днем, враги его умножались; и эта неистребимая раса, самниты, увеличение численности которых представило бы самые поразительные результаты, появились в количестве более 4000 человек, которые были зачислены в римский флот. Они намеревались поджечь город, но их вождь вылил на них ушат холодной воды еще до того, как они загорелись, сделав себя средством связи с римским правительством.

На Сицилии римляне постоянно находились в движении, но завладели лишь несколькими небольшими городами. В конце концов они решились на грандиозную морскую операцию и подготовили 330 квинкверемов, которые были поставлены под командование консулов Л. Манлия и М. Атилия Регула, которые, вероятно, были выбраны как наиболее способные командовать флотом, поскольку никогда не пробовали. Карфагеняне вышли навстречу им с 350 квинкверемами, в которых было - согласно традиции - 150 000 человек; случай переполненности, который мог бы сойти за капитана парохода на Темзе. Столкновение двух флотов было настолько разрушительным, насколько можно было ожидать. Тридцать кораблей карфагенян пошли ко дну, и, учитывая их груз, можно только удивляться, как они остались наверху. Римляне потеряли сравнительно немного, потому что дела у них шли

вполне благополучно. Регул был так воодушевлен, что отплыл в Африку и, взяв Клупею, окрестности которой были возделаны как сад, сел наслаждаться плодами успеха. Он отбирал все, что попадалось под руку, и набрасывался на скот везде, где только можно было увидеть стадо. В конце года его коллега, Л. Манлий, вернулся в Рим с частью флота и 27 000 пленников - соглашение, напоминающее огромную давку, - и оставил Регула одного в его славе, которой суждено было стать его позором.

В начале 498 года Регул, получив в свое распоряжение поле боя, уверенно вступил на него. Он осадил город Адис, который карфагеняне попытались взять; но, оказавшись в горах со своими слонами, они не смогли развернуться и оказались обременены как хоботами, так и телами этих громоздких животных. Регул взял Тунис и несколько других мест, хотя в ходе кампании он, как говорят, столкнулся с неожиданным врагом в виде змеи в траве - змеи длиной в сто двадцать футов, которая сотнями поглощала его солдат - мечи и все остальное, хотя рептилия рисковала перерезать себе горло из-за такой крайней прожорливости.^[43]

Карфагеняне жаждали мира и отправили послов в римский лагерь для переговоров, но Регул в своем предложении условий перешел все разумные пределы. Он сделал вид, что действует по принципу "давать и брать", но давать должна была одна сторона, а брать - другая. Карфагеняне не ответили на эти наглые требования, но, вероятно, их молчание вскоре было бы истолковано как согласие, если бы не доблесть спартанца по имени Ксантипп. Этот человек был простым наемником, который предавал смерти других людей ради собственного пропитания; но он, во всяком случае, был работающим человеком и влил свой собственный дух энергии в карфагенскую армию. Он лично руководил подготовкой не только людей, но и слонов, и учил солдат владеть этими доселе громоздкими животными как силой. Взяв под свое непосредственное руководство сотню слонов, он привел их в такое состояние покорности, что, когда их выводили на прогулку, они образовывали жеребцов, достойных внимательного изучения зоолога.

С этими проворными животными и многочисленным войском он выступил против Регула, чья армия насчитывала 30 000 человек; но солдаты Ксантиппа сражались с отвагой львов, которая, подкрепленная стойкостью слонов, принесла им решительную победу. Если верить дошедшим до нас сведениям, погибло более 30 000 римлян, а 500 были взяты в плен, хотя, если верить тем же сведениям, римская армия насчитывала всего 30 000 человек; так что 500 пленников, должно быть, были получены из каких-то эксклюзивных источников, не доступных никому, кроме историка. Утверждается, что еще 2000 человек сбежали, но мы должны предоставить читателю самому решать эту проблему; ведь как два в одно не войдет, так и 33 500 из 30 000 не получится никаким известным нам способом. Ксантипп, наемник, сделал все, что мог: он получил высокую плату и богатые подарки, с которыми, опасаясь зависти вельмож, решил, что ему лучше как можно скорее исчезнуть. Поэтому он вернулся в Спарту, чтобы поразить жителей своего города приобретенным богатством.

Консулы этого года, сир Фульвий и М. Аэмилий, были отправлены со всем римским флотом, насчитывавшим около 300 кораблей, в Африку, где, уничтожив весь карфагенский флот, вышли на берег южного побережья; этот флот из 300 кораблей потерял, по данным властей,^[44] 340 судов. Карфагеняне, чья армия на суше составляла около 18 000 человек, потеряли на море около 30 000; но историку оставалось еще много населения, с которым он должен был иметь дело, или, скорее, резать и тасовать. Мы должны признать себя совершенно некомпетентными в решении арифметических проблем, которые постоянно возникают перед нами в ходе наших исследований, и поэтому мы откладываем все попытки решения этой проблемы до тех пор, пока не будет найден универсальный растворитель.

Римляне и карфагеняне, вместо того чтобы быть подавленными собственными несчастьями, были в приподнятом настроении от бедствий друг друга, и обе стороны приступили к исправлению нанесенного себе ущерба, чтобы получить возможность наносить новые повреждения. В Риме сенат приказал построить новый флот, который захватил несколько карфагенских городов, а Карфаген приказал набрать новую армию, которая захватила почти все римские суда.

Вскоре после этого был отправлен еще один флот под командованием консулов Кн. Серулий Цепион и Семпроний Блаэс, которые собрали 260 кораблей, на которых совершили множество опустошений на африканском побережье, когда море со своим ненасытным аппетитом поглотило в несколько глотков большую часть эскадры.

Теперь Рим страдал от морской болезни и решил больше не иметь ничего общего с водой, а только вымыть руки. Однако на суше он был еще силен и столкнулся с карфагенянами у Панорма, где проконсул Л. К. Метелл одержал решающую победу, обратив слонов против их хозяев и сразившись с ними как бы их собственным оружием. Это поражение вызвало желание Карфагена заключить мир, и в Рим было отправлено посольство в сопровождении Регула, который пробыл в плену пять лет и согласился считать себя моральным заложником, пообещав вернуться, если условия, предложенные Карфагеном, не будут приняты его соотечественниками. Поведение Регула, похоже, было продиктовано сильной любовью к театральным зрелищам, ведь он, судя по всему, играл роль, в которой стремился сделать как можно больше эффектных моментов. В первом акте мы видим его у ворот Рима, отказывающегося войти, хотя он покинул Карфаген с этой целью. Его жена и двое детей вышли ему навстречу, но он смотрел на них как на чужаков; однако этот драматический эффект можно объяснить тем, что он продиктован не столько патриотом, сколько другими мотивами.

Когда ему предложили занять место в Сенате, он сначала отказался, но после длительного давления уступил; это доказывает, что его отказ не был основан на каком-либо твердом принципе. Когда его спросили о мнении по карфагенскому вопросу, он высказался против соглашения, с которым его отправили домой, и знатные римляне настоятельно просили его остаться, хотя он поклялся честью вернуться, а понтифекс Максим, глава религии нации, придумал уловку, с помощью которой Регул мог бы уклониться от своего обещания. Однако к его чести следует сказать, что он сдержал свое слово перед карфагенянами и вернулся среди них, но вместо того, чтобы быть встреченным как герой, он был осужден как самозванец и предан смерти самым жестоким образом. Рассказы о том, что он был заперт в ларце, наполненном гвоздями и змеями, совершенно ложны, так как после тщательного изучения этого вопроса мы рады, что смогли разбить ларец на куски самым мягким из возможных кранов.

Рим, отказавшись заключить мир, был вынужден в целях самообороны вступить в войну и заказал 200 новых кораблей с безрассудством транжиры, который, обращаясь к своему кучеру, желает, чтобы ему немедленно прислали домой "еще несколько двуколок". Карфагенский флот находился в гавани Дрепаны, когда П. Клавдий Пульхер - сын Аппия Слепого, который, похоже, намеренно закрыл глаза на опасность, которую должен был видеть, - решил застать врага врасплох. Все попытки отговорить его от опрометчивой цели были тщетны, и он продолжал действовать, несмотря на благоприятные обстоятельства, которые были объявлены неблагоприятными: священные куры были полностью лишены корма, и он поставил их под сомнение, заметив, что если птицы не хотят есть, он, по крайней мере, заставит их пить; и он бросил их всех по шею и по пасть в воду. Судьба цыплят пришлось по сердцу римским солдатам, которые стали совсем трусливыми и сражались так

вяло, что сотнями попадали в руки врага. Сенат отозвал Клавдия в Рим, где против него было выдвинуто обвинение в государственной измене; но гроза прервала процесс, который так и не возобновился, поскольку гром, похоже, очистил воздух от всех нависших над ним туч. Поскольку в конце концов он должен был умереть тем или иным способом, и так как нет никаких записей о том, что он был предан смерти, история вынесла открытый вердикт, который в равной степени подходит для подозрений, что он пришел к своей смерти своими собственными руками, или что она была принесена ему руками его соотечественников.

Неудачи Рима на море во второй раз заставили его отказаться от военно-морского флота, и он продал свое морское снаряжение торговцам морскими товарами по разорительной цене. Карфаген, таким образом, стал хозяйкой морей; но хозяйка, будучи не в состоянии выплачивать причитающееся ей жалованье, стала занимать деньги у своих соседей. Обратились к Птолемию Египетскому, но тот вежливо положил руку на сердце, заявив, что ему нечего одолжить, а свои деньги - если они у него были - он держит в кармане. В этой дилемме командование карфагенянами перешло к Гамилькару по прозвищу Барка, или Молния, поскольку он был одним из самых быстрых людей того времени; и хотя любой генерал, равный генералу-бегуну, мог возглавить войско, имея достаточно денег, чтобы платить войскам, требовался гений, чтобы держать армию в движении, или, скорее, чтобы поддерживать постоянную армию, имея пустые карманы. Он нашел наемников в состоянии неповиновения из-за отсутствия привычного вознаграждения; но, не имея собственных денег, он сделал Бруттия и Локри своими банкирами и дал своим солдатам общее право вытягивать мечом все, что им потребуется. Заняв позицию на горе Эркте, ныне Монте-Пелегрино, он содержал себя и свою армию в течение трех лет, позволяя своим войскам проводить в жизнь принцип тратить полкроны из шести пенсов в день - шесть пенсов были их собственными, а полкроны - чужими, у которых их было удобнее всего взять. Пробыв три года в Геркте, он удалился в город Эрикс, намереваясь утомить римлян; но, как и многие другие, кто пытается истощить терпение других, он обнаружил, что его собственный запас быстро уменьшается. Он был втянут в сражение, в котором потерял столько своих солдат, что вынужден был просить перемирия, чтобы похоронить мертвых; но римский генерал не дал ему никакого обязательства не выступать во время похорон. Через некоторое время после этого, когда военная судьба изменилась, Гамилькара попросили дать такое же разрешение, и, разрешив похороны, он воздвиг памятник своему великодушию.

Римляне, которые были столь же непостоянны в вопросе о флоте, как и стихия, которой он предназначался, в третий раз решили иметь военно-морские силы; но о кораблях не могло быть и речи, так как поднять ветер было совершенно невозможно. Не имея средств, государство обратилось к купцам, которые согласились вложить крупную сумму в строительство совершенно нового флота с условием, что если фортуна повернется в их пользу, то они получат свои деньги обратно. К этому времени римляне стали лучшими моряками, чем раньше, в то время как карфагенские тары сильно испортились из-за отсутствия практики. Корабли последних были так сильно нагружены кукурузой, что не могли идти по ветру, как мякина; а матросы, обремененные грузом, постоянно шли против хода, пытаясь управлять судами. Римляне одержали легкую победу, но распорядиться ее результатами было не так просто: убив 14 000 человек, они получили 34 000 пленных. Был заключен мир, одним из условий которого было то, что Карфаген должен выплатить Риму 200 талантов в рассрочку на двадцать лет - это равносильно выполнению обязательства по ставке один шиллинг в год в фунте стерлингов и уничтожению всего долга путем простой выплаты процентов.

Первая Пуническая война подошла к концу, и давно пора было это сделать, поскольку потери, понесенные обеими сторонами, были достаточны, чтобы истощить как римское, так и карфагенское население; и тогда наша история подошла бы к резкому концу, как трагедия юноши, который был вынужден опустить занавес во втором акте, потому что убил всех своих персонажей. Поэтому очень удачно, что классические власти, "разрубив на куски" свои тысячи и утопив свои сотни за один день, остановились в своей опустошительной карьере как раз вовремя, чтобы оставить добросовестному историку хоть что-то для продолжения.

Однако в то время как война убивала все остальное, она сама сохраняла жизнь самым необычным образом; хотя она и приостановилась на время, поглотив все свои обычные предметы потребления, свежая пища была быстро найдена, и челюсти разрушения снова были в действии.

Покорив Сицилию, римляне приступили к подготовке конституции, или, другими словами, подчинив себе это место, они приняли меры по обеспечению его ливреей. Устав от старого образца, они придумали что-то новое и создали изделие следующего фасона: - Они сделали Сицилию провинцией; но те, в чьи обязанности входит говорить, что такое провинция, оставили нас в некотором сомнении относительно ее точного значения. Лучшим определением является то, которое выводит это слово из *Providentia*, обязанности или вещи, которую следует делать, и провинции римлян иногда действительно делались, хотя в смысле более современном и привычном, чем классический. Провинция, вместо того чтобы стать частью Рима, сохраняла свое национальное существование, хотя такое существование едва ли стоило того, чтобы его иметь, поскольку оно сопровождалось потерей суверенитета, - состояние, которое можно сравнить с тем, как тело живет после того, как ему отрубили голову.

Ежегодно из Рима присылали наместника с длинной вереницей чиновников, и назначение всего на год не оставляло сомнений в том, что за это время он успел сделать все, что мог. В его штат входили два квестора, или сборщика налогов, и несколько преконов, или аукционистов, которые всегда были готовы к распродаже в случае захвата. Сицилия фактически находилась в полном рабстве у Рима, единственная аномалия в отношениях заключалась в том, что хозяин, или, скорее, хозяйка, получала жалованье, а не платила его. Ее размер составлял одну десятую часть вина, масла, оливок и других продуктов, производимых на земле; таким образом, большая часть земельного жира становилась достоянием хозяйки Сицилии. Эти десятые доли назывались *decimæ*, и их влияние на место, откуда они взимались, было настолько разрушительным, что слова "децимация" и "разрушение" стали почти синонимами.

В период, к которому относится данная глава, конституция Рима оставалась практически неизменной, хотя аристократия рождения начала уступать место куда более предосудительной аристократии денег. Влияние богатства было настолько велико, что квесторы, или сборщики налогов, становились членами сената по мере появления вакансий, и огромное богатство этих людей доказывало, как много государственных денег, которыми они распоряжались в полной мере, прилипало к их пальцам.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[41] Слово "тиран" первоначально означало не более чем государя, получившего верховную власть не совсем обычным путем; но поскольку полученной таким образом властью чаще всего злоупотребляли, слова "тиран" и "тирания" стали повсеместно одиозными.

[42] Любопытный читатель, который соберется посетить Рим, найдет упомянутое в тексте произведение искусства в южной части вестибюля, у подножия лестницы, ведущей в верхние апартаменты, и рядом с мраморной статуей Августа.

[43] Сказка об этой змее дошла до нас от Ливия и, несомненно, стала бы очень подходящей спутницей морского змея, если бы последнего можно было найти.

[44] Диодор.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

НЕКОТОРЫЕ РАЗНООБРАЗНЫЕ ВОЙНЫ РИМА.

Простертое величие всегда служит заманчивым знаком для выскочки-малолетки; и история о льве, которого пнул *разъяренный* осел, так же стара, как и те дни, когда Рим, истощенный войной с Карфагеном, подвергся нападению слабоумных жителей слабого города Фалерии.

Если бы фалискинцы специально разбили свои головы о кирпичную стену, они не смогли бы более эффектно показать, как мало у них мозгов; и, чтобы повторить образ льва и осла, подмена хвоста первого вскоре рассказала историю второго. Несколько дней хватило, чтобы уложить фалисков в пыль, которую они так глупо подняли, и в облаках которой мы очень быстро потеряли их из виду.

Карфагеняне были вынуждены эвакуироваться из Сицилии, и с наемниками, конечно же, нужно было расплатиться тем или иным способом. В одном из случаев некоторые наемные солдаты, потребовавшие свои деньги, были доставлены в банк, который оказался песчаной насыпью в море, где с наступлением прилива они, вместо своих требований, были немедленно ликвидированы.[45] Однако армия из Сицилии заняла более твердую позицию и направилась в Карфаген, решив вести дела в городе. Здесь, как они знали, хранились пряности и предметы роскоши Индии, на которые они любили жить; пурпур Тира, который научил их краситься; черное дерево и слоновая кость, которые черным и белым цветом возвещали о богатстве Эфиопии. Люди, вливавшиеся в это место, представляли собой сборище не столько приятное, сколько живописное, так как в нем были всевозможные персонажи, за исключением подходящих. Среди этой массы можно было увидеть почти голого галла, которого превзошли в варварстве некоторые другие племена; легкую кавалерию смуглых нумидийцев и людей, державших оружие в рогатках, ибо таково было оружие балеарских пращей. Сразу по прибытии в Карфаген наемники направились в казначейство, где нашли не кого иного, как Ганно, который в уместно пустой речи объявил о пустоте государственной казны. Он сожалел, что ему приходится выступать перед ними в роли апологета; но, признав, сколько Карфаген задолжал войскам, он заявил о невозможности расплатиться с ними. Государство, сказал он, обложено большими налогами, и, добавив, со слабой попыткой пошутить, что он должен обложить небольшим

налогом их терпение, заставив их ждать своих денег. На оратора тут же посыпались проклятия на десяти разных языках, но он устоял под многоголосым ревом. Крики "Долой его!" доносились до его ушей почти на дюжине разных языков; а когда он попытался возразить через переводчиков, все сказанное было истолковано самым худшим образом, и взаимопонимание казалось совершенно невозможным.

Ханно

объявляет наемникам о пустоте государственной казны.

Тогда была предпринята попытка заткнуть рты наемников едой; провизии присылали в изобилии, но единственным ответом было непредсказуемое требование причитающихся денег. В конце концов жалование было собрано, и его уже собирались раздать, когда один италийский раб по имени Спендий, который, вероятно, истратил в ожидании все, что должен был получить, посоветовал своим товарищам отказаться от предложения на том основании,

что если они откажутся от причитающегося, их политика может получить для них большую дополнительную премию. Это предложение пришлось по душе наемникам, которые устроили собрание для обсуждения этого вопроса и, чтобы не терять времени, забрасывали камнями всех, кто вставал, чтобы высказаться в пользу той или иной стороны. Резолюция вскоре была принята, но это произошло с помощью того, что можно назвать решающими голосами тех, кто послал вверх, во впечатляющей форме пупырышка, первый снаряд, который попался им под руку. В течение трех лет эти кишечные расстройства бушевали в Африке и довели ее до крайней степени истощения, пока в конце концов болезнь не изжила себя, хотя Гамилькар Барка, перехватывая припасы мятежников, немало способствовал тому, чтобы лишить вероломство пищи, которой оно жило.

Карфагенская паника распространилась почти во все стороны, и наемники на Сардинии, затронутые безденежьем, призвали африканских колонистов заплатить своей жизнью долг, который они не могли погасить своими карманами. Пока сардинцы и карфагеняне доводили друг друга до такого состояния слабости, что ни те, ни другие не могли предпринять дальнейших усилий, Рим вмешался и, как адвокат между измученными тяжущимися сторонами, отнял у них все, за что они боролись. Сардиния стала римской провинцией, когда Карфаген, чья недобросовестность вошла в поговорку, горько жаловался на вероломство Рима: ведь история о том, как чайник обвиняет горшок в черноте, так же стара, как и самые ранние зубочистки, использовавшиеся при написании истории. Гамилькар, который был патриотическим рупором того времени, заявил, что он поднимет свою страну; и к его чести следует признать, что он не воспользовался теми средствами, которые используют самозванные патриоты, претендующие на то, чтобы поднять страну, подняв ее из самых низов, но он попытался возвысить ее всеми почетными средствами, которые были в его власти.

В это время у Рима были заняты руки, и он находил работу для своего оружия во всех направлениях; когда, в довершение всех бед, цизальпийские галлы были подожжены одним из многих утугов, которые она держала в огне. Причиной вспышки стал аграрный закон, предложенный трибуном К. Фламинием, чье имя напоминало о пожаре. Он предусматривал, что земли, отобранные у галлов, должны быть распределены между римлянами; в связи с этим были отправлены поселенцы, которые все нарушили. Цизальпийцы начали переговоры со своими трансальпийскими союзниками, но, хотя переговоры велись очень долго, в конце концов они ни к чему не привели.

Рим был так занят врагами, что у него почти не было времени обернуться; но когда он обернулся, то обнаружил, что за его спиной происходят весьма неприятные действия, которые ведут люди, называемые иллирийцами. Эти люди зарабатывали на жизнь пиратством и грабили, в частности, итальянских купцов, снабжавших итальянские склады в Риме и его окрестностях. Иллирийцами управляла женщина по имени Теута, которая, когда к ней обратились за возмещением ущерба, заявила, что сожалеет о случившемся, но ее подданные зарабатывают на жизнь пиратством, и она не понимает, как может вмешиваться в нравы и обычаи своего народа. Римские послы ответили, что обычай их страны - защищать обиженных; но в данном случае, по крайней мере, страна не оправдала своих протекционистских принципов, поскольку послы были убиты, не успев вернуться домой. Когда об их смерти узнали в Риме, были предприняты все усилия, чтобы обеспечить им защиту, которая появилась слишком поздно, чтобы быть полезной, и в страну иллирийцев была направлена большая армия. Вооружение римлян было вполне успешным, и Тевта с радостью добилась мира, пообещав покончить с пиратством, а на самом деле назначив очень большую сумму денег в качестве дани. Рим оказал значительную услугу греческим

островам, пресекая неприглядную пиратскую торговлю; а поскольку римляне явно гордились тем, что их заметили греки, последние отплатили им за военную помощь некоторыми из тех гражданских услуг, которые ничего не стоят. В Афинах, как и в Коринфе, принимали римские посольства; и хотя послы могли считаться слишком почтенными для спорта, им разрешалось участвовать в Истмийских играх, а также в Элевсинских мистериях.

Истмийские игры были такими же, как и Олимпийские, и мы приводим их краткое описание для сведения тех, кто интересуется спортивной летописью античности.

В течение первых тринадцати Олимпиад единственной игрой были скачки, от которых зрители и участники, особенно последние, если они выбрали их в качестве своего жизненного пути, должны были в конце концов основательно устать. Далее была введена борьба под названием *πάλη*, или лукта; и хотя борцы на протяжении веков пытались бросить друг друга, они еще не пали на землю, так как до сих пор сохраняют позиции в спорте и развлечениях нашего народа. Затем появилось пятиборье, своего рода "пять в одном", которое включало в себя, помимо бега и борьбы, прыжки, в которых проявлялось много прыгучести; метание диска и копья - упражнения, требовавшие максимального напряжения сил и ловкости. Впоследствии был введен бокс под названием *Pugilatus*, и, похоже, он довольно сильно напоминал наши собственные драки; на древних произведениях искусства мы видим боксеров с лицами, чьи контракты свидетельствуют об их обучении унижительному ремеслу, которому они следовали. Говорят, что врачи того времени рекомендовали бокс в качестве средства от головной боли;[\[46\]](#) но это применение теории противодействия раздражению не принято в современной практике. Еще одной особенностью Олимпийских и Истмийских игр был панкратион - состязание, в котором использовались все силы бойца. В этом упражнении разрешалось кусаться и царапаться - позорное разрешение, которое не оставляет сомнений в классическом источнике, откуда взялась вульгарная фраза "вцепиться зубами и ногтями". Также были введены гонки на лошадях и колесницах, а также состязания трубачей, которые наносили друг другу удары самого безобидного характера.

Раннеримский гладиатор и его покровитель.

Таковы были игры, в которых римским гостям Коринфа разрешалось принимать участие; теперь мы предоставим читателю привилегию, некогда свойственную жителям Афин, посвятив его в Элевсинские мистерии. Празднование длилось несколько дней, в первый из которых собирались *mystæ*, или посвященные, чья квалификация заключалась в том, что они приносили в жертву свиноматку - поступок, менее достойный жреца, чем мясника. На второй день *mystæ* торжественной процессией отправлялись к морскому побережью, где принимали ванну, чтобы разбудить любопытство публики. На третий день они прошли через интересную церемонию поста, которая, по мнению наблюдателей, должна была быть несколько медленной. Четвертый день был посвящен переноске корзины с маковыми семенами, а замыкали эту буквально грязную процессию несколько женщин, каждая из которых держала в руке мистический футляр, содержимое которого ни в коем случае не должно было быть видно. На пятый день мисты отправились с зажженными факелами в храм Деметры в Элевсисе, где провели ночь; но факелы не пролили никакого света на то, что они искали. Шестой день был самым величественным из всех, и в него несли статую сына Деметры, в честь которой проводились мистерии, потому что, странствуя в поисках своей дочери, она снабдила жителей Афин кукурузой, хотя никто не может сказать, как она ее несла. Ночью этого важного дня мистерии в темноте увидели то, чего, похоже, никто не видел; поэтому мы избавлены от необходимости описывать это. На седьмой день

посвященные вернулись в Афины и по пути остановились у моста через Кефис, с которого они предавались шуткам над прохожими; и неясность этих шуток, несомненно, если бы они дошли до нас, полностью соответствовала мистериям, которые они должны были праздновать.

Таковы были игры и мистерии, на которые римляне были допущены в Афинах и Коринфе, хотя примерно в это же время они создали среди себя спорт, превосходящий по жестокости царапанье и кусанье греческих панкратиастов или отрезание ушей и разбивание носов коринфских драчунов.

До начала Пунической войны государство находило деньги на общественные игры в Риме; но война истощила казну, и расходы на развлечения народа были возложены на эдилов, которые превратили это дело в средство коррупции, поскольку соперничали друг с другом в своих расходах, чтобы завладеть голосами народа. Тот эдил, который устраивал самые экстравагантные игры, имел больше шансов быть избранным на высшие посты; ведь популярность всегда была и, надо опасаться, всегда будет призом тех, кто владеет искусством ослеплять, а не просвещать народ. О том, что их вкус был унижен теми, кто добивался их поддержки, мы узнаем из того факта, что примерно в это время к развлечениям населения впервые добавились кровопролитные бои гладиаторов^[47].

Похоже, почти во всех эпохах и странах существовал нездоровый аппетит, подобный тому, который раньше вызывало зрелище человеческих существ, "зарезанных, чтобы устроить римский праздник". Когда дрессировщик обещает засунуть голову в пасть льва или "бесстрашный аэронавт" рискует разбиться на куски, что испытали на себе некоторые предыдущие аэронавты и от чего другие едва спаслись, толпы людей, которые стекаются, чтобы присутствовать, движимы той же кровожадной жадой жестокого возбуждения, которая заполняла римский амфитеатр, когда объявлялось о встрече гладиаторов. В обычных случаях аттракцион был достаточно велик, но всегда можно было обеспечить переполнение зала, объявив о развлечении *sine missione*, что означало, что жизни побежденных не будут пощажены. Стоит опасаться, что многие из тех, кто никогда не был в Риме, тем не менее готовы поступить так, как поступал Рим в упомянутых случаях; и если бы в качестве развлечения была объявлена уверенность, а не просто случайность, в том, что в жертву будет принесена человеческая жизнь, самое большое место развлечений в метрополии, по всей вероятности, было бы переполнено, хотя обычная плата за вход должна быть удвоена.

Ранние римские гладиаторы были либо пленниками, либо преступниками, и их кормили по определенной диете, как в наши дни откармливают животных для призовых шоу и поединков. Чтобы придать спорту как можно больше разнообразия, гладиаторы были разделены на различные классы, и, при почти невероятном избытке свирепости, были приняты меры, чтобы придать веселья страшным схваткам. Некоторые бойцы, называемые андабатæ, носили шлемы без отверстий для глаз, чтобы "рев смеха" мог быть вызван случайным проявлением слепой ярости. Другие, называемые ретиариями, носили с собой сети, чтобы набрасывать их на головы противников, и когда они попадались в эти сети, их жизнь висела на волоске, потому что, если сеть не рвалась, поражение было неизбежным.^[48]

Враги Рима как раз в это время были столь многочисленны, что, куда бы она ни посмотрела, в ее глазах был меч врага. Беотийцы, тавры, инсубрийцы и множество других племен вступили в союз и угрожали войти в сам Рим, где витало пророчество, что галлы и греки возьмут город. Обратившись к книге судеб, римляне нашли указания похоронить заживо на форуме двух

галлов и двух греков; действие, которое, если бы не было связано с могилой, граничило бы со смехотворным. Армия под командованием консула Л. Эмилия Папуса была отправлена в Ариминум; но галлы, игнорируя это движение, продвинулись в трех днях марша от Рима и в конце концов оказались между только что упомянутой армией и другой армией, которая была размещена в Этрурии. Бегство было их единственным ресурсом; и хотя кавалерия вцепилась в пятки своих лошадей, а пехота - в свои, сорок тысяч, как говорят, пали на поле боя; но даже воображение, привыкшее бродить по очень широким полям, едва ли сможет найти достаточно обширное для такого случая.

Похоже, что население в те времена имело природу кукурузы; ведь как бы тщательно ни был вырублен и выполот народ в один год, всегда оставался обильный запас для меча врага, который можно было пустить в ход в следующем году. Поэтому через двенадцать месяцев после уничтожения галлы были найдены в полном составе, и консул К. Фламиний перебил их заново; но они все еще были достаточно многочисленны телом и достаточно бедны духом, чтобы признать суверенитет своих завоевателей.

Пока внимание Рима было разделено между его многочисленными врагами, остатки карфагенян расширялись с обычной быстротой и достигли Испании, где под руководством Гамилькара Барки была создана карфагенская империя. Политика Гамилькара в отношении испанцев была смелой и довольно оригинальной, ведь он решил завоевать их расположение, основательно побив их. Каждый его удар производил благоприятное впечатление, и испанцы, как многие спаниели, готовы были лизать руки, которые их постоянно били.

Системе Гамилькара после его смерти следовал его зять, Гасдрубал, который правил в Испании восемь лет и оказался настолько хорошим правителем, что дела шли как по маслу. Однако в конце концов он был убит каким-то преступником, который ускользнул от бдительности исторических детективов, поскольку даже Нибур, признанный А 1, не смог навести на след преступника.

Гасдрубала сменил сын Гамилькара Барки, молодой человек по имени Ганнибал, чья юность была подтверждена страшной клятвой, которую он дал в девять лет под руководством своего отца. Разумно ли было со стороны родителей учить сына клясться - вопрос для моралиста; но мог ли девятилетний ребенок понять природу клятвы - это обычно вопрос для судьи, и любой разумный читатель может смело выступить в роли судьи в упомянутом вопросе.

Биографы Ганнибала пытались доказать, что он был тем самым недоноском, вундеркиндом, потому что в возрасте девяти лет он выразил желание сопровождать своего отца в войнах; хотя вряд ли найдется младенец тех нежных лет, который на вопрос "хочет ли он пойти со своим папой" не ответил бы "да", как само собой разумеющееся, не имея ни малейшего представления о том, куда он может пойти. Говорят, что юный Ганнибал учился военному искусству в лагере и взялся за оружие раньше, чем его можно было считать отвыкшим от него. Перед тем как покинуть Карфаген, отец принес ему солдатскую присягу, и мальчик поклялся, как солдат, что будет непримиримым врагом Рима.

Ганнибал, еще будучи

ребенком, клянется в вечной ненависти к римлянам.

Когда он получил командование в Испании, ему было двадцать шесть лет - доказательство того, что продвижение по службе в его случае было очень быстрым; и хотя, возможно, в его возвышении сыграли роль заслуги, можно не сомневаться, что он был во многом обязан интересам. Приняв политику своего предшественника, он попытался выгравировать свое имя в сердцах испанцев с помощью меча; можно сказать, что он буквально навязался им, хотя они часто были до смерти скучны от его слишком острого внимания. Весь юг Испании был под его рукой, за исключением Сагунтума, который до сих пор ускользал от его внимания. Поэтому он немедленно приступил к его захвату, когда сагунтийцы послали за помощью в Рим, сенат которого единогласно постановил, что Ганнибал не может атаковать это место; но когда копия этого постановления дошла до него, он уже начал осаду города. Он сказал послам, доставившим сведения, что они покажут печальный недостаток ума, если осмелятся подойти к нему слишком близко, и, поскольку у него нет времени идти к ним, им лучше удалиться. По его совету они отправились в Карфаген, где потребовали выдать Ганнибала; когда в карфагенском сенате возникли некоторые колебания, К. Фабий, один из римских послов, сделал складку на своей тоге, как будто в ней была завернута какая-то тайна. "Здесь, - воскликнул он, - либо мир, либо война, в зависимости от того, что вы предпочитаете", на что сенат, в духе, скорее военном, чем гражданском, ответил: "В зависимости от того, что вы считаете нужным". Фабий, откинув тогу и приняв внушительный вид, воскликнул: "Тогда я предлагаю вам войну"; пунийские сенаторы, подхватив его последние слова, подняли в сенате крик "Война!", который, вибрируя от каждой колонны, был передан по всем постам, и эхо немедленно отослало ответ.

Его превосходительство К.

Фабий предложил карфагенскому сенату мир или войну.

Это было объявление Второй Пунической войны, к которой Ганнибал начал готовиться, когда Сагунтум, продержавшись восемь месяцев, был вынужден покориться. Хотя сагунтийцы были богаты драгоценными металлами, в частности серебром, они на собственном опыте убедились в горькой истине, что родиться с серебряной ложкой во рту - пустое удовольствие, когда в ложке ничего нет. Ганнибал разграбил город и превратил в багаж все свободное серебро, которое смог найти и которое держал под рукой, чтобы утолить жадность своих солдат, чья доблесть зависела от чужого металла.

Битва при Сагунтуме ознаменовалась появлением оружия под названием фаларика, которое в одном отношении было разновидностью огнестрельного оружия, поскольку его острие было покрыто пылающей смолой и буксиром, которые, когда они подавались с силой, несли огонь в ряды противника. Возможно, это было удачей, что изобретательская смекалка не зашла далеко среди людей, которые, казалось, только и делали, что выбрасывали то немного, чем они обладали, в виде разрушительных ракет.

ССЫЛКИ:

[45] Diod. 5.

[46] Aretæus de Morb. diut. Cur. i.

[47] Первая публичная выставка такого рода в Риме состоялась в 244 году до н. э. на похоронах отца Марка и Деция Брута; но эдилы осуществили эту идею в грандиозных масштабах, и огромное количество гладиаторов было принесено в жертву для "развлечения" народа.

[48] Студенту можно намекнуть, что Умиравший гладиатор в музее Рима - не гладиатор, а галл, а ошейник на его шее, который считается знаком позора, на самом деле - Торкес, символ чести. Скульптура греческая и относится к периоду искусства, задолго до появления гладиаторских представлений.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА.

Мы подошли к великой исторической драме Второй Пунической войны, которую некоторые власти делят на пять актов; главная роль принадлежит Ганнибалу, а действие разворачивается в Италии, Испании, Сицилии и Африке. Первый акт открывается переходом Ганнибала через Альпы, который представляет собой один из самых примечательных отрывков из жизни этого знаменитого воина. Во втором акте мы видим взятие Капуи, а в третьем - Ганнибала в ожидании подкрепления, которое так и не приходит от его брата Гасдрубала. Четвертый акт переносит нас в Италию, откуда карфагенский полководец вынужденно покидает город; а в последнем акте сцена переносится в Африку, где под занавес падают 20 000 карфагенян.

Решив, какую роль ему предстоит сыграть, Ганнибал собрал тех, кто должен был вместе с ним участвовать в захватывающих сценах, в которых он намеревался выступить. Его компания состояла из 90 000 пеших, 12 000 конных и непревзойденного конного отряда из 37 слонов. С этим отрядом он переправился через Пиренеи по склонам, которые природа любезно предоставила ему вместо платформ. Первым важным происшествием, случившимся в пути, был мятеж среди тех, кто, прибыв к подножию горы, протестовал против того, что их привели на такой перевал; Ганнибал мудро отправил недовольных обратно, чтобы неповиновение не зашло дальше. Сорок тысяч пеших вернулись назад, а 3000 конных отступили, когда им представилась такая возможность. С остальной частью своей армии он достиг берегов "стреловидной Роны", которая показалась ему особенно стреловидной, когда

он попытался переправиться через нее; он сделал это под ливнем дротиков галлов, которые так остро возражали против его продвижения. Враждебность, проявляемая к захватчикам, объяснялась не только их жадой завоеваний, но и их аппетитом к еде, который был вызван неудобным дефицитом. Обеспечить каждый день 60 000 солдат было достаточно сложно, но было что-то ужасное в мысли о том, что ежедневный обед должен быть увеличен на 9000 голодных лошадей и почти 40 здоровых слонов. Переход через Рону представлял собой значительную трудность, поскольку лошади стояли на берегу реки, а не смело бросались в нее. Слоны были еще менее послушны, и после долгих усилий их удалось затолкать или уговорить на плот, покрытый землей и кустами, чтобы он напоминал сушу; но едва он начал двигаться, как громоздкие животные почувствовали, что их уверенность в себе серьезно пошатнулась. Это заставило их столпиться краю; и, принимая этот односторонний взгляд на свое положение, они так подробно обсудили этот вопрос, что все попадали друг на друга, и большинство из них пришли к одному и тому же выводу. Продолжая свой путь, Ганнибал добрался до подножия Альп и, подойдя к подножию Сен-Бернара, собрал с него всю кукурузу, какую только смог собрать. К сожалению, погода была настолько суровой, что от холода его войско едва не билось в дрожь; а провизии было так мало, что одно время казалось, что кроме льда ничего нельзя было съесть, и хотя воздух был совершенно студеным, жить на нем было невозможно. Предание рассказывает, что когда Ганнибал дошел до этого места своего путешествия, он застал двух братьев в разгаре борьбы за корону; но к какой стране принадлежала корона, была ли эта вещь просто безделушкой, подобранной на дороге, или же корона представляла собой денежную сумму, за которую боролись братья, мы не можем определить. Во всяком случае, участники поединка согласились, чтобы Ганнибал выступил арбитром между ними, и тогда, руководствуясь принципом "возраст превыше честности", он присудил спорную вещь старшему из них. Решение не отличалось особой остротой со стороны судьи, который, похоже, просто встал на сторону старшего брата против младшего. Выигравший иск был так восхищен решением, вынесенным в его пользу, что предоставил в распоряжение Ганнибала большой запас одежды для армии. В результате этого пренебрежения полезной максимой: "Меры, а не люди" - возникло несколько страшных недоразумений: не нашлось ни одного человека, чья мера была бы взята правильно.

Настало время предпринять восхождение на Альпы и начать операции столь грандиозного масштаба, что весь прежний опыт в преодолении высот оказался не более чем бесполезным. Многие солдаты при виде гор, вместо того чтобы подняться, падали в обморок, а другие отказывались идти в снег, ссылаясь на то, что не понимают, как он лежит. Ганнибал представил все это как сущий пустяк и добавил, что переход через Альпы в конце концов не такой уж и тяжелый труд, ибо мужчины, женщины и даже дети часто оказывались вполне способны на ту работу, которую он теперь предлагает выкроить для своей армии. "Солдаты!" - воскликнул он, - "у вас нет выбора, кроме как между голодом по одну сторону Альп и плодородными равнинами, которые вы можете ясно видеть в своем воображении, по другую". Произнеся эту краткую речь, Ганнибал был вознагражден громкими возгласами; армия последовала за ним, и, направившись к перевалам, он обнаружил, что они выстроены галлами; но он вырвал их самым безжалостным образом.

Достигнув Тарентской долины, Ганнибал получил проводников, которым, однако, не доверял; отказавшись от уговоров, он отправил свой багаж опытным путем, намереваясь, узнав о благополучном прибытии сундуков своих солдат, отправить тем же путем все их тело. Когда слоны приблизились к галлам на расстояние вытянутой руки, те обрушили на испуганных зверей огромные массы камней и забросали их снегом с самых высоких гор. Однако нападавшие не достигли своей цели, Ганнибал бросился на них и сумел полностью

раздавить.

Ганнибал переходит через Альпы.

Было прекрасное октябрьское утро, когда карфагенский полководец отправился в путь через Альпы по дороге через Малый Сен-Бернар, и после девяти дней марша, который в те времена был девятидневным чудом, он достиг вершины горы. Усталость Ганнибала и его армии невозможно описать, а тяготы путешествия усугублялись возможностью попасть в ловушки и западни врага. На их губах почти не было пищи, и очень мало - в обратном направлении, потому что они боялись говорить, чтобы не потревожить надвигающуюся лавину. Дорога была неровной, за исключением тех мест, где ее устилал снег; но даже там, где он был достаточно твердым, чтобы служить своего рода тропой или проводником, они едва ли могли на него положиться, так как он то и дело подводил их самым неудовлетворительным образом. На десятый день они начали спуск: и, возможно, в тот момент они мало задумывались о том, что, покидая вершину Альп, они спускаются к

потомкам. Два первых дня они весело скользили по льду и снегу, но на третий добрались до места, где земля соскочила со своего места и оставила предприимчивым путешественникам далеко не самое подходящее отверстие.

Сдвиг земли, по сути, поставил их в самое затруднительное положение, так как старая дорога, как ни странно, не давала путникам покоя и лежала на расстоянии 1000 футов под ними. Когда Ганнибал посмотрел вниз на пропасть, его настроение на мгновение упало; но он быстро воспрял духом и решил, что не позволит своей армии погибнуть от холода, а проложит путь вместе с ней. Природа, однако, противостояла ему с помощью массы скал; и так как он и природа были в разладе, он начал думать, как лучше всего разделить разницу. Как он проложил свой путь, с уверенностью сказать нельзя, хотя несколько ученых^[49], глубоко изучавших этот вопрос, пришли к противоположным выводам; и нельзя сказать, что авторитеты сталкиваются, поскольку они настолько далеки друг от друга, насколько это возможно. Традиция, которая никогда не отказывается от язвительного способа преодоления трудностей, сразу же решает вопрос, приписывая уксусу успех плана Ганнибала; но уксус должен был быть очень острым, чтобы разрубить скалы, которые преградили путь прославленному путешественнику.

Кроме того, трудно представить, как он мог носить с собой жидкость в достаточном количестве, чтобы выполнить задуманное, и мы склоняемся к мнению, что чудесная задача была решена благодаря постоянному усердию, а не простой кислоте. На обычную гальку уксус не произвел бы никакого впечатления, а если представить, сколько бочек за бочками потребовалось, чтобы увлажнить камни, через которые проходил Ганнибал, то только самый свинский ум будет упорно придерживаться изложенного нами предположения.

Переход Ганнибала через Альпы можно рассматривать буквально как один из самых грандиозных переходов в истории. Хотя последующие полководцы в какой-то степени обобщили это достижение, особая заслуга в нем принадлежит карфагенскому вождю, чье превосходство над своими последователями заключается в том, что они лишь нашли путь, в то время как он мог бы претендовать на то, чтобы сделать его. Подвиг Наполеона сравнивают с подвигом Ганнибала, хотя первый, в конце концов, просто шел по проторенной за две тысячи лет тропе; второй же был человеком, который изначально проложил себе дорогу и тщательно побеждал все препятствия.

В конце концов, едва не заблудившись в Альпах, Ганнибал в конце пятнадцатидневного пути оказался на Туринской равнине. Собрав свою армию, он обнаружил, что в ней произошло значительное сокращение; пешие войска, которые при переправе через Рону составляли 500 50000 человек, теперь уменьшились менее чем вдвое. Он потерял 3000 лошадей, а поголовье слонов значительно уменьшилось - те немногие, что остались, стали настолько худыми, что поразительно уменьшились как в материале, так и в количестве тела. Его визита ждали так мало, что римляне не были к нему готовы, и Сципион, который должен был ждать у подножия Альп, прибыл в Павию только после того, как Ганнибал успел восстановить силы после позднего переутомления. Здесь обе армии встретились, и Сципион дал сражение, но кавалерия Ганнибала дала ему его в более привычном, чем удовлетворительном смысле. В ходе схватки римский полководец получил рану, которая привела его в ярость; и он подверг бы себя верной смерти, если бы его сын не бросился между ним и врагом.

Теперь римляне стали корить друг друга за то, что недооценили силы противника, и Тиб Семпроний был отозван из Африки, где он терял время, опустошая побережье самым невыгодным образом. Ганнибал разбил свой лагерь на берегу Требии, где среди кустов нашел удобную засаду для своей армии. Семпроний к этому времени присоединился к

Сципиону, который все еще был большим инвалидом и, будучи в целом нездоровым, совсем не был расположен к сражению. Семпроний же, думая, что ему достанется вся слава, которую можно было приобрести, жаждал сражения; а Ганнибал, находясь на другом берегу реки, принял самый провокационный вид, чтобы склонить римлян к преследованию.

В конце концов, некоторые из стражников настолько раздражились, что добровольно пошли на холодный поток и окунулись в ледяную реку. В этот момент выпал снег, который ветром отнесло на лица солдат, которые, тем не менее, храбро сражались, хотя внешне казались массой белых перьев. Римляне, хотя и замерзли почти насмерть, были не только хладнокровны и собраны, но и охотно стремились, в надежде согреться, в жар битвы. Однако они были полностью разбиты и отступили в Плаценцию, откуда консулы с большим самодовольством отправили в Рим отчет о сражении, в котором они приписывали ветру нанесенный им удар и, правдоподобно предположив, что причиной их неудачи стал лед, пытались выскользнуть из него.

Ганнибал решил провести зиму так тихо, как только мог, но, по мнению властей,^[50] он немного маскировался, чтобы обмануть цизальпинских галлов, которые не раз замыслили убить его. Он часто менял свое платье, и, похоже, у него был большой ассортимент париков, в одном или другом из которых он привык маскироваться. Иногда он появлялся с волосами самого насыщенного коричневого цвета, а иногда - самого рыжего, так что люди недоумевали, как одна и та же голова может в один день казаться покрытой пышным каштаном, а в другой - обезображенной неопрятным пучком моркови. Однажды, когда против него созрел заговор, он пришел на совет прихрамывающей походкой и тем самым спас себя от гораздо более серьезной хромоты.

Ганнибал

маскируется.

Весной следующего года консул К. Фламиний был отправлен в Ариминум с войском, а Ганнибал отправился в Этрурию. Эта экспедиция - если экспедицию можно назвать подходящим термином для столь медленного дела - длилась три дня и три ночи; солдаты шли через болота и топи, через толщу и чащу, до самого конца своего пути. Первыми шли испанцы, которые прокладывали себе дорогу, за ними - галлы, которые увязали в грязи, и их подстегивали мечи нумидийцев, которые шли следом. Все лошади были подбиты, и Ганнибал, которому принадлежит вся слава похода, перенес наименьшую усталость, потому что, пока простые солдаты пробирались через грязь, их вождь возвышался на спине единственного уцелевшего слона.

Преимущества высокого положения были в данном случае наглядно продемонстрированы, ведь если бы Ганнибал двигался по этому случаю более скромными шагами, то, скорее всего, он вообще не смог бы идти, а утонув в болотах, так бы и остался в болоте для потомков. Сам он лишился одного из глаз, хотя на протяжении всего этого катастрофического дела проявлял необычайную близорукость. Достигнув Фесуле, ныне Фьезоле, близ Флоренции, он направился в Рим, а Фламиний преследовал его до Кортонь; но Ганнибал, круто повернув за угол Тразименского озера, незаметно взбежал на высоту и зашел в тыл римскому полководцу, который думал, что враг все еще находится перед ним. Пока Фламиний наступал, Ганнибал со своими войсками обрушился на него справа и слева, а также сзади, и надвигавшийся в это время туман усугублял недоумение консула, не позволяя ему разглядеть опасность. Бой в тумане - одна из самых мрачных картин, которые только можно описать,

если, конечно, это вообще можно назвать картиной, когда ничего не видно, а все вокруг - сплошная пелена, вызванная страшной схваткой между двумя противоборствующими армиями. Ярость боя была такова, что, как говорят, землетрясение, случившееся в это время, осталось незамеченным сражающимися; и действительно, резня была настолько шокирующей, что природные потрясения могли бы сравниться с ней по незначительности. 15 000 римлян были убиты, и те, кто всегда готов пророчествовать после какого-либо события, стали ясно видеть в определенных предзнаменованиях, случившихся за некоторое время до этого, причину всего, что произошло в последнее время.

В Пиценуме выпал дождь из камней, но не известно, приложили ли руку к их бросанию те, кто рассказывал об этом. В Галлии волк проглотил меч дозорного, а в Кере ответы оракула вдруг стали писать более мелкими буквами, что свидетельствует лишь о том, что оракул перешел с текста на круглую ручку - обычный результат улучшения почерка.

Битва, несомненно, была страшной по своим результатам, так как сам Фламиний был убит, а 15 000 римлян, разрубленных на части, были брошены в ручей, который до сих пор носит название Сангинетта, так как он окрасился в цвет крови, хотя это утверждение слишком экстравагантно, чтобы иметь цвет вероятности. Ужасы войны были достаточно велики и без преувеличения, и хотя случаи страданий, несомненно, были велики, мы склонны сомневаться в истории о том, что нумидийцы обходились без вина, чтобы омыть ноги своих лошадей; ведь если животные и не могли обойтись без носка, они наверняка могли обойтись без фалернского.

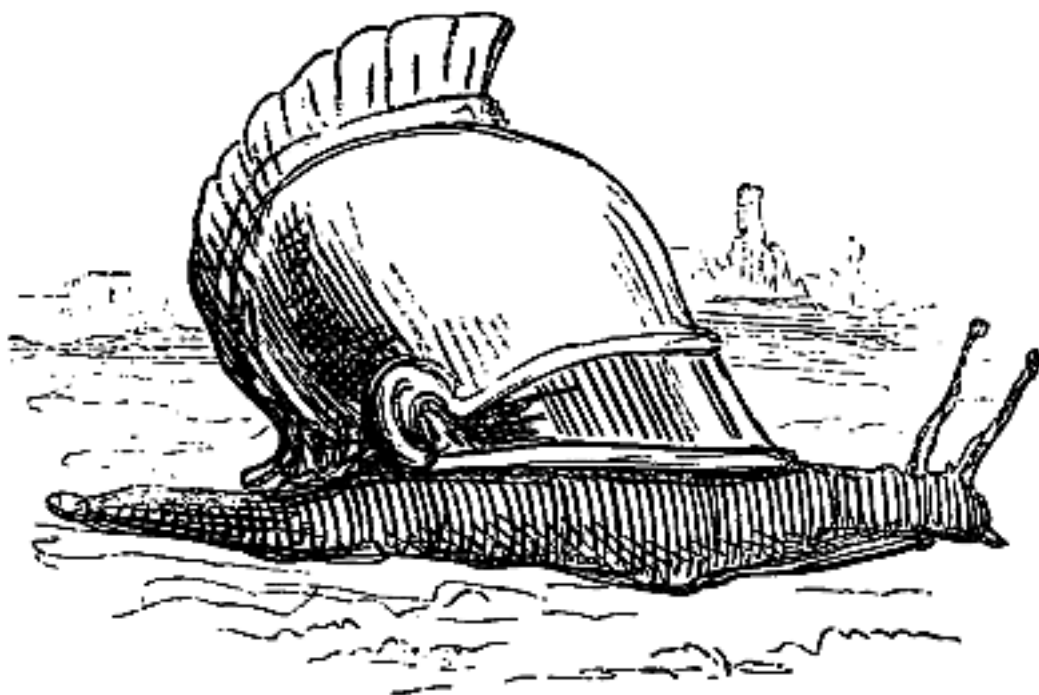
Когда весть о победе Ганнибала достигла Рима, претор объявил об этом печальном обстоятельстве многочисленному собранию народа, который в отсутствие консула взялся за назначение диктатора. Им был избран К. Фабий Максим, а конная магистратура была передана М. Минуцию. Ганнибала ожидали в Риме, но он, как мудрый полководец, опроверг всеобщие ожидания и направился в Сполетум, римскую колонию, которая, как он надеялся, имела бы большие преимущества; но она с большим упорством сопротивлялась ему. Желая избежать неудобств, связанных с осадой, и не имея перед городом ничего, кроме болота, на которое можно было бы сесть, он отправился в Пиценум, где было в изобилии все необходимое для поддержки его армии. В это время его солдаты были поражены кожной болезнью, и, хотя эта неприятность была только на коже, он опасался всеобщего заражения, если бы задержал их против их воли в нездоровой стране. Из Пиценума он перешел в Апулию; и хотя он разочаровался в надежде, что жители присоединятся к нему, они были слишком слабы, чтобы сопротивляться, и он превратил каждый итальянский город в итальянский склад для снабжения необходимыми ему товарами. Диктатор Фабий следовал на небольшом расстоянии, но всегда занимал возвышенность, держась за холмами и не уступая Ганнибалу.

Он намеревался идти к Казинуму, но по какому-то глупому недоразумению генерал направил путь к Казилинуму, в результате чего Фабий опередил его. Обнаружив ошибку Ганнибала, он поймал 2000 волов, но откуда они у него взялись, точно не известно, и, раздобыв несколько тысяч вязанок дров, привязал их к рогам животных. Поджегши дрова, он вывел волов среди римлян, чьи кварталы вскоре превратились в подобие беспорядка, царящего на лондонских улицах в базарный день в Смитфилде. Чтобы раззадорить волов, их рога обмазали смолой, что придавало им склонность к метанию, и бедные существа бегали во все стороны под влиянием страха и ярости. Говорят, что Фабий принял скот за карфагенян и бросился вперед с мечом в руке, намереваясь устроить резню. Таким образом, римляне были выведены из выгодного положения, а Ганнибал проскользнул в него, оставив быков решать шансы на победу над своими агрессорами с помощью жребия, если им будет угодно. Обнаружив

ошибку Фабия, он отступил, как мог, и решился на несколько стычек, в которых добился некоторого успеха, но продолжал свою политику, стараясь измотать противника.

Принятый им план заключался в том, чтобы постоянно занимать внушительную позицию, но быть готовым ускользнуть, чтобы, когда его противник соберется с силами для удара, силы всегда были потрачены впустую. Римляне стали крайне нетерпимы к тактике, которая не давала немедленного результата; и Фабий, вернувшись в Рим, был оскорблен тем, что к нему применили эпитет Кунктатор, бездельник или медлительный кучер. Один из трибунов даже зашел так далеко, что обвинил его в предательстве; на что тот ответил, как это обычно называют, "благородно": "Фабия нельзя подозревать".

Похоже, что завоевать репутацию "благородного" ответа среди римлян было очень легко, поскольку простое отрицание обвинения, равносильное банальному заявлению "не виновен", часто приводится историками как благородный ответ, потому что его произнес человек в тоге. Чтобы досадить Фабия, или "медленному тренеру", народ предоставил Минуцию, которого для отличия уместно назвать "быстрым человеком", равную с самим диктатором долю власти и половину командования армией. По возвращении Фабия в лагерь Минуций предложил, чтобы они командовали поочередно, что было бы крайне неудобно; ведь если бы Минуций приказал армии отправиться в недельный поход, вполне возможно, что на следующий день Фабий снова приказал бы ей вернуться. Поэтому последний предложил, чтобы каждый занял отдельную половину; но армию, как и дом, нельзя разделить без того, чтобы неизбежным следствием этого не стала слабость. Плохие последствия такого разделения проявились очень скоро: Минуций, горячий и поспешный, был вскоре спровоцирован Ганнибалом на атаку, и карфагенский полководец, привыкший говорить о том, что римляне висят над ним, как туча, заявил, что теперь они обрушились на него слабым и водянистым дождем. Минуций и его армия, несомненно, были бы поглощены или, выражаясь более емко, уничтожены, если бы не великодушное вмешательство Фабия. Последний спас первых от гибели, когда Минуций, который был не менее сентиментален, чем опрометчив, в продолжение аллегии с дождем разрыдался и бросился на шею, а также на щедрость Фабия. Минуций передал диктатуру в руки своего коллеги, который неторопливо завершил кампанию; а сложив с себя полномочия, до сих пор царит в качестве примера принципа "медленно и уверенно" в теме каждого школьника.

Ганнибал уже начал ощущать последствия политики промедления: у него пошаливало сердце, и он был страшно уязвлен. Урожай был собран еще до того, как он успел наложить на него руки, и он чувствовал, что было бы бесполезно захватывать поле, если бы он не мог забрать кукурузу, которая на нем выросла. Его армия требовала еды, а жалобы никогда не бывают столь откровенными, как в случае голода. Римляне решили, что пришло время нанести решающий удар, и выбрали одним из консулов года человека по имени К. Т. Варро, которого Ливий описал как красноречивого продавца мяса.^[51] У него была привычка ходить от двери к двери, служа своему отцу, собирать заказы на мясо утром и разносить его после обеда; но он твердо решил, что его голос должен быть услышан в чем-то более впечатляющем, чем крик "мясник", у дверей горожан. Его первые полеты красноречия были на рыночной площади, где он перемежал свои обычные восклицания "Покупайте, покупайте" с язвительными вопросами о том, как долго люди будут соглашаться на то, чтобы их продавали те, кто называет себя их друзьями и правителями. Постепенно он перешел с трибуны на трибуну и стал посещать публичные собрания как профессиональный демагог. Подобно тем, кто занимается патриотизмом как ремеслом, он принимал первое попавшееся предложение о месте; он становился поочередно квестором, эдилом и претором. В конце концов он был возведен в консулы, или, скорее, консулы были низведены до него, поскольку, хотя имя Варро стало впоследствии действительно прославленным, мы не можем позволить К. Т. называться уважаемым. Его коллегой на посту консула был Л. Эмилий Паулюс, патриций, который, как говорят, питал глубокую ненависть к народу; но почему о нем говорят, что он делал что-то подобное - разве что рабски подчинялся старому предрассудку, согласно которому все патриции должны были ненавидеть весь народ, - мы не можем понять. Оба консула были на расстоянии кинжала друг от друга, что не позволяло им прийти к согласию относительно подходящего времени для того, чтобы выхватить меч против врага. К.Т. Варро, бывший мясник, был за то, чтобы резать и рубить карфагенян с руки; но Эмилий Паулюс, посоветовавшись с мясником, объявил, что священные куры потеряли аппетит, что одни сочли нечестным предлогом, а другие - справедливым оправданием, чтобы избежать битвы. Однако консулы отправились в путь с 80 000 пеших и 6000 конных, которые

расположились лагерем на реке Ауфидус; их запасы были упакованы в корзины и банки в маленьком городке Канны. Ганнибал, у которого совсем не было слонов - не осталось даже одного для седла, предназначенного специально для него, - был вынужден сесть на высокого коня - самого высокого, которого он смог найти среди своей кавалерии - в качестве замены. Он взял Канны на глаза и под носом у консулов, один из которых, Варро, должен был сражаться, но второй, Эмилий Паулюс, так близко к сердцу принял священных кур, что у него не хватило духу что-либо сделать.

Молодой Варро.

Наконец, 2 августа Ганнибал, в карманах которого не было денег, а в багаже - провизии, решил спровоцировать римлян на битву. Если бы на этом этапе проводилась политика Фабия Кунктатора, "медленной кареты", поражение карфагенян было бы несомненным, ведь они представляли собой армию наемников без жалованья, и за десять дней у псов войны не осталось бы ни косточки, чтобы полакомиться ею. Ганнибал, который всегда с большим тактом определял, в какую сторону дует ветер, прогуливался утром, когда его глаза внезапно наполнились пылью, и он увидел точку, которая до сих пор ускользала от него. Ему сразу же

пришло в голову, что, расположив свою армию спиной к ветру, римляне, оказавшиеся перед ним, должны будут встретить удар, который может оказаться очень неудобным. Он знал, что от пыли римляне будут протирать глаза, а если и не поднимут руку против неудобства, то, во всяком случае, будут вынуждены морщиться от него. Чтобы усилить раздражение, он приказал тщательно вспахать землю, и хотя у него не было преимущества в стрельбе, он нашел пыль очень хорошей заменой пороху. Он расположил галлов в центре, поддерживаемых африканцами с каждой стороны, и римляне, атаковав сначала центр, который уступил, оказались заключенными между двумя крыльями; в этом положении они были так сильно зажаты, что не могли вырваться из когтей врага.

Резня, как обычно, была огромной: 45 000 человек остались мертвыми на поле боя, или, скорее, в соответствии с чрезмерной осторожностью, которая использовалась в те дни, чтобы предотвратить возвращение противника к жизни, были "разрублены на куски". Патриций Эмилий Паулюс, не желавший сражаться, был убит во время смелой схватки с мечом в руке, а Варро, патриций-мясник, который был полон энтузиазма и желания нанести решающий удар, бежал так быстро, как только могли нести его пятки лошади. Он благополучно добрался до Рима, и настолько в совершенстве владел искусством демагога, что ему удалось получить благодарность сената за свои услуги. Правда, он проявил смелость, равносильную безрассудству, когда на карту была поставлена безопасность армии, и проявил осторожность, равносильную трусости, позаботившись о себе, сбежав, когда битва была проиграна; но он приобрел характер "народного друга", а народ часто долго не может узнать и отбросить тех, кто имеет привычку его обманывать.

Среди других случаев грубого народного заблуждения, произошедших в это время, - отправка Фабия Пиктора в качестве посла в Дельфы, чтобы посоветоваться с оракулом. Фабий был историком своего века, и поэтому предполагалось, что он может записывать всевозможные небылицы; ведь в те ранние времена история еще не отличалась той добросовестной точностью, которая в наше время является обязательной. Второе имя Пиктор он получил скорее благодаря своему ремеслу маляра, чем таланту художника, ведь именно он выполнил всю роспись храма Богини Здоровья; и, вероятно, он посвятил себя скорее кисти, чем карандашу. В его трудах как исторического писателя было что-то от живописца, но, к сожалению, он имел привычку использовать очень фальшивые краски. Когда он вернулся из Дельф, публика, похоже, извлекла из его путешествия очень мало уроков; главным результатом информации, которую он привез с собой домой, стало принесение в жертву двух пар человеческих существ, грека и галла, мужчины и женщины.

Поскольку студенту может быть интересно узнать, как работал оракул в те дни, мы приводим несколько подробностей. Офис, где можно было обратиться к Дельфийскому оракулу, находился в храме, посвященном Аполлону, где постоянно горел огонь, питаемый лавровым деревом, олицетворяющим вечную зелень, на которой живет обман. В центре храма находилось небольшое отверстие, из которого выходил пьянящий дым, и, когда пифия сидела прямо над ним, ее быстро приводили в состояние, в котором она падала на пол и произносила бессвязные звуки, которые, как говорили, были вдохновением. При этом присутствовал пророк, который записывал суть того, что должна была сказать пифия, и смысл этих пьяных бредней принимался народами и отдельными людьми как руководство к действию в случаях, представляющих самый серьезный интерес.

Первоначально пифией всегда была молодая девушка, но впоследствии был принят закон, ограничивающий эту должность теми, кому исполнилось пятьдесят лет; несомненно, что опьянение, как главная обязанность, делало это место особенно подходящим для старых женщин. Сначала на работу брали только одну женщину, но когда дела пошли в гору,

назначили вторую, а затем и третью, чтобы всегда была под рукой одна, пока другая пьяна и не в состоянии выполнять свои обязанности. Разумеется, со всех, кто приходил проконсультироваться с оракулом, взималась плата, которая полностью находилась в руках нескольких аристократических семей этого места, которые получали двойную прибыль, принимая деньги и давая только те советы, которые были рассчитаны на их собственные классовые интересы.

ССЫЛКИ:

[49] См. "Курс Ганнибала через Альпы, установленный" Уиттакера, Лондон, 1794, 2 тома, 8vo.; и "Диссертация о проходе Ганнибала через Альпы" Уолшама и Крамера, Оксфорд.

[50] Полибий, 3. Аппиан, с. 316. Ливий, 22.

[51] Полибий ничего не говорит о происхождении Варро; а поскольку в те времена не существовало справочников, мы не можем решить, на что следует больше полагаться - на упущение Полибия или на утверждение Ливия.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ЗАВЕРШЕНИЕ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

Некий Махарбал, командующий конницей, настоятельно рекомендовал Ганнибалу выступить в поход на Рим, и доблестный полководец дошел до того, что пообещал, что если ему разрешат, он пойдет и сделает это так легко, что через пять дней они смогут спать в Капитолии. "Идея действительно хороша, - сказал Ганнибал с недоверчивой улыбкой, - но единственное возражение против ее осуществления заключается в том, что она совершенно невозможна". Махарбал продолжал настаивать на своей рекомендации; но, получив отказ, он стал сентиментальным и сентиментальным, что часто бывает следствием порицания. "Увы!" - воскликнул он, используя тот антиразговорный стиль выражения, который так любят использовать герои истории, но не реальной жизни, - "Увы! Ты знаешь, как одержать победу, но не знаешь, как тебе следует использовать свою победу, когда ты ее одержал". Если Махарбал выражался именно так, то неудивительно, что Ганнибал предпочитал дела словам, меч - языку, руку на войне - совету на совете.

Целью Ганнибала было привязать к себе итальянские города, но они, естественно, отвергли привязанность, которая заключалась в том, что он пристал к ним с армией, которую они должны были поддерживать, принося разорительные жертвы. Однако ему удалось склонить Капую на свою сторону, поскольку она была населена презренной расой, постоянно лежавшей на лоне роскоши, где, казалось бы, неизбежен упадок всех лучших качеств. Не удовлетворившись предательством родительского государства, капуанцы добавили к другим своим порокам жестокость и задушили в своих горячих банях всех римлян, живших среди

них, - чудовище, при созерцании которого кровь сразу же закипает. Неверные жители поставили условие, что им будет позволено разорвать все свои обязательства с Римом, если они заключат новые с Карфагеном, - соглашение, подобное тому, что заключает нечестный слуга, который, ограбив прежнего хозяина, оговаривает безнаказанность за прошлое жульничество как условие будущей верности. Ганнибал был достаточно слаб и политичен, чтобы заключить соглашение с этой презренной группой; но он понес неизменное наказание за ошибку, поскольку его собственная армия стала развращенной из-за контакта с капуанцами, и его удача начала падать с момента заключения союза с этим деградировавшим народом.

После битвы при Каннах Рим предпринял огромные усилия, чтобы исправить свое поражение; и хотя почти каждая семья потеряла родственника, срок траура был ограничен тридцатью днями, а закон запрещал всем женщинам плакать на улицах, так как они были признаны плакальщицами. Не жалея средств, государство провело довольно любопытную операцию: 8000 рабов были куплены в кредит - правительство таким образом сделало крупную покупку без денег, - и, освободив этих рабов, заставило их драться; таким образом, фактически они оставались в рабстве, а номинально получили свободу. Даже гладиаторам была предоставлена ценная привилегия сражаться с врагом, а не друг с другом, и падать на поле, а не в цирке.

Ганнибал, израсходовав почти всех своих людей и материалы, был вынужден послать в Карфаген за свежими припасами, когда его старый соперник Ганно воскликнул в сенате, что если карфагенский полководец потерпел неудачу, то он не заслуживает помощи, а если он победил, то не может в ней нуждаться. Речь Ганно по этому случаю могла бы сделать честь или дискредитировать политического партизана наших дней, ведь это был, по сути, язык разочарованного лидера оппозиции. "Если, - сказал достопочтенный - или недостойный - член (ибо в простых партийных разногласиях трудно отличить одно от другого), - если Ганнибал покорил всех наших врагов, почему он посылает к нам солдат? Если он уменьшил Италию - самую плодородную страну в Европе - почему он просит у нас кукурузу? И если ему досталась такая богатая добыча, что ему может быть нужно от денег? Я подозреваю, что правда заключается в том, что его победы - фикция, его территориальные приобретения - фикция, богатства (образцы которых он прислал нам в виде нескольких колец) - фикция, а его нужды и бремя, возложенное на нас при их обеспечении, - единственное, что является реальным".

Этот аргумент, хотя и был небезосновательным, не имел успеха, так как сенат присудил ему четыре тысячи нумидийцев и сорок слонов, причем и люди, и животные рассматривались как равноценные предметы потребления в военной игре, которая так долго велась. Римляне начали действовать все более решительно и блокировали Капую, которая была брошена Ганнибалом на произвол судьбы, хотя попытка освободить ее была предпринята отрядом, получившим жестокое избиение от рук Тиба С. Гракха.

Этот период дополнительно примечателен осадой Сиракуз, которые в конце концов оказались в руках Клавдия Марцелла, чьи усилия долгое время пресекались гением Архимеда. Этот прославленный изобретатель дожил до семидесяти пяти лет, но как он прожил так долго - вопрос почти такой же удивительный, как и некоторые его изобретения, ведь его биографы рассказывают, что он всегда забывал есть и пить, и его никогда нельзя было уговорить принять ванну, только если друзья подталкивали его к этому. Даже когда это удавалось, его обязательно находили под пеплом камина, пишущим проблемы среди золы и пытающимся просеять какой-нибудь важный пункт; так что ванна была для великого философа настоящим развлечением. Во время поездки в Египет ему захотелось поднять Нил

до определенной отметки; но он оставался в Египте, пока не потратил все свои деньги, потому что философ никогда не думал о том, чтобы поднять ветер, в то время как намеревался поднять воду. Он изобрел винт, который до сих пор носит его имя; говорят, что во время осады Сиракуз он развлекался тем, что сидел у окна и придумывал всевозможные снаряды, чтобы бросать их в корабли противника. Однажды его можно было увидеть бросающим камни из недавно изобретенной пращи, а через несколько дней после этого он обнаружил, что бросает цепи, чтобы огромным крюком вытаскивать корабли противника из воды. Он был настолько увлечен всем, к чему приближался, что иногда подбрасывал врагов, а также друзей, как в только что описанном случае, и заявлял о своей способности подбросить весь мир, если только найдет поблизости удобное место для себя и своего рычага, чтобы отдохнуть. То, что в каком-то смысле он выполнил свое обещание, мы готовы признать; ведь он, несомненно, возвысил мир, подняв стандарты науки, и возвысил все цивилизованное человечество своими великими открытиями. Его роль в осаде Сиракуз некоторые преуменьшают, а другие преувеличивают; хотя история о том, как он вытащил корабли из моря, требует длины веревки и других приспособлений, которые никто, кроме самого богатого воображения, не может предоставить, его уничтожение судов с помощью горящих очков вполне достоверно. Предполагается, что он использовал очень мощные отражатели, способные действовать на расстоянии выстрела из лука; и хотя некоторое время современники настаивали на том, что длинный лук был натянут для увеличения пространства, сила горящих стекол теперь знакома каждому школьнику.

При падении Сиракуз римский полководец Марцелл приказал уважать философа, но тот был настолько поглощен какой-то проблемой, что посланный за ним солдат, не сумев решить, кто он и что он делает, упал на него и убил.

Именно о великом человеке, на которого мы обратили внимание, рассказывается история, доказывающая, что следование законам гравитации иногда может быть связано со смехотворным. Сиракузский царь Иеро отдал хорошую кучу чистого золота ювелиру, чтобы тот переделал ее в корону, четко понимая, что должен быть использован только настоящий металл и что не должно быть никакого сплава для удовольствия, которое его величество будет испытывать, надевая ее. Ювелир принес изделие надлежащего веса, но король, примерив его к своей голове, мысленно повертев его в руках и покрутив под глазами на солнце, высказал подозрение, что металл был подделан, и было совершено подлое навязывание. Он посоветовался с Архимедом, как распознать обман; и в один из тех дней, когда друзья философа заставили его принять ванну, он погрузился в размышления так же глубоко, как в воду.

Ванна, в которую он погрузился, была полна до краев, и вскоре квартира была затоплена вытесненной им водой; глядя на мокрый пол, он думал только о сухих фактах науки. Ему пришло в голову, что любое тело равной массы сделало бы то же самое; и он тут же подумал о короне своего королевского господина, которая, если бы все золото, отправленное на ее изготовление, было израсходовано, должна была бы вытеснить столько же воды, сколько кусок чистого металла, равный по весу тому, что должна была бы содержать корона. Как только эта мысль осенила его, он выскочил из ванны и, не думая ни о чем, кроме голых фактов, побежал по улицам, совершенно не сознавая голый правды своего положения. Его крик был εὑρηκα[52] - Я нашел это; но все, увидев его, подумали, что, что бы он ни нашел, он точно лишился рассудка.

Архимед

принимает теплую ванну.

В нелепых историях, рассказанных об Архимеде, несомненно, много преувеличения; но мы можем извинить некоторые странности великого человека, с которым никто не был ровен. Он настолько опередил свой век, что прошло почти восемнадцать столетий, прежде чем кто-то догнал его, и то в основном по следу, проложенному его следами.[\[53\]](#)

Теперь мы должны оставить более благородные инструменты науки и вернуться к двигателям войны, которые, как обычно, были в полном порядке и использовались для полного распада уже слишком беспутного города Капуи. Рассеянные вельможи, парализованные своими излишествами и страхами, пали от собственных рук, потому что у них не хватило ни мужества бороться за шанс на успех, ни нервов, чтобы справиться с последствиями неудачи.

Рассказывают, что некий Вибий Виррий, глава сената, накануне открытия ворот устроил нечто вроде законодательного ужина для двадцати восьми членов, а в конце сытной трапезы достал кубок, содержимым которого предложил каждому присутствующему отравить остаток своего существования. Смертельное зелье было разлито в двадцать девять различных сосудов, и сенаторы с более или менее кривыми лицами проглотили смертельную смесь. После сдачи города горожан продали в рабство, и надо признать, что они показали себя не лучше, чем уготованная им участь.

В год, предшествовавший падению Капуи, Ганнибал взял Тарентум; но три года спустя глупость или вероломство полководца или человека, владевшего городом, позволили К. Фабию Максиму вернуть его обратно. Таким образом, Ганнибал ежедневно терял территории, а его дело, соответственно, теряло позиции. Многие мелкие государства, которые присоединились к нему, потому что считали его достаточно сильным, чтобы помочь им, отступили от него сразу же, как только он показал, что не может помочь себе.

Гасдрубал, брат Ганнибала, был притеснен в Испании двумя Сципионами - Кн. К. и П., когда судьба расчистила для него сцену, убив обоих в течение месяца и уничтожив обе их армии. Судьба этих двух вождей произвела такой эффект в Риме, что, когда те, кто имел право командовать, услышали подробности, у них не было ни малейшего желания действовать как генералы. Каждый боялся, что, отправившись во главе армии в Испанию, он просто отправится на собственные похороны, и каждый, естественно, уклонялся от такой затеи. В конце концов, молодой П. К. С. А. М. - или, чтобы назвать его имя полностью, Публий Корнелий Сципион Африканский Майор - которому было всего двадцать четыре года, хотя он поступил в армию в семнадцать лет и присутствовал, или, скорее, отсутствовал, в битве при Каннах, где в живых остались только те, кто убежал, - вызвался занять место своих погибших родственников. Поначалу возражали против его возраста - точнее, против отсутствия возраста, - но, поскольку не было более старшего кандидата на почетный и опасный пост, ему разрешили занять его. Его популярность в некоторой степени объяснялась тем, что он приобрел характер серьезного молодого человека; с тех пор как он надел *togу virilis*, что чем-то напоминает современную практику хождения в палках, он имел привычку проводить утро в храме Юпитера. Он отправился в Испанию в звании проконсула и с армией из 11 000 человек, во главе которой направился в Карфагену, где, как он знал, враг хранил большую часть своих денег, кукурузы и пленников. Его сопровождал его друг Лелий, командовавший флотом, который был послан для неожиданного нападения с моря, так как Сципион, обладавший большой глубиной, убедился, что вода очень мелкая. Защитники Нового Карфагена рассчитывали на океан как на защиту, но на самом деле они построили свои надежды на песке, который при определенном ветре и приливе позволял легко подобраться к городу. Город быстро перешел в его руки, а его галантность - в двойном смысле - сделала его одинаково любимым как среди храбрых, так и среди прекрасных. С дамами он был особенно любезен; он не только отправил обратно к любовнику интересную девушку, но и вернул ее мужу грустную старуху. Это была престарелая жена вождя Мардония, которая плакала и умоляла относиться к ее полу с уважением; когда молодой солдат, спрятав лицо в рукаве, то ли плакал, то смеялся в него.

Заботливое

поведение Сципиона Африканского.

Гасдрубал теперь обратил свое внимание на Италию, а Сципион продолжал свои завоевания в Испании и, среди прочих мест, взял Астапу, которую, если верить преданию, он нашел без единого жителя. Говорят, что это место защищалось с такой доблестью, что в живых осталось всего пятьдесят человек, и эти люди прониклись чувством, что, когда нужно что-то сделать, лучше сделать это самому, чем оставить это другим. Они решили, что их точно не пощадят, а значит, лучше избавиться друг от друга. Они приступили к кровавой задаче взаимного уничтожения; хотя, поскольку один должен был остаться до последнего, и избавиться от него было бы непросто, вероятно, он выжил для того, чтобы выступить в роли собственного репортера этого ужасного происшествия. Более серьезные историки настаивают на том, что в городе не осталось ни одного живого; что последние пятьдесят солдат, убив сначала всех женщин и всех детей, ушли сами; такое положение вещей

побуждает нас задаться вопросом, как до нас дошли эти сведения. Однако, если мы будем до конца потакать этому духу расследования, то, боимся, будем вынуждены поставить под сомнение многие из тех интересных деталей, которые составляют наиболее приятные части истории.

Гасдрубал решил предпринять грандиозную попытку и собрал армию, в которую вошли некоторые иберийцы под командованием его брата Маго, а также нумидийцы во главе с Масиниссой, их царем, численностью 75 000 человек и шестьдесятю слонами. Сципион, хотя и возражал против нападения на силу, более чем вдвое превосходящую его по численности, был вынужден сделать это из-за нехватки провизии, так как у него было так мало еды, что его армия не смогла бы продержаться и месяца, и двух. Он снова одержал победу, и Гасдрубал отправился к своему брату Ганнибалу; но письма, написанные первым, чтобы известить последнего о своем приходе, вместо того, чтобы регулярно проходить через все военные посты, попали по недоразумению в руки врага. Консул Ливий Салинатор отправился в окрестности Сены Гальской (ныне Сенигалия), и к нему присоединился его коллега К. Клавдий Нерон, который прибыл под покровом ночи с большим войском; судя по всему, войска Гасдрубала выступали так рано, что все уже легли спать и ничего не знали об отправленном против них подкреплении. Однако на следующее утро Гасдрубал увидел среди римлян несколько солдат, чьи лица были так обожжены солнцем, что придавали странный вид части войска, и решил, что они недавно были в походе. Напустив на себя пытливый вид, он начал терпеливо прислушиваться, и ему показалось, что он слышит два трубных зова во враждебном лагере, и, не задумываясь о том, что второй мог быть лишь отголоском первого, он решил, что армии двух консулов соединились. Он решил бежать и начал с того, что попытался переплыть реку Метавр, которая обычно достаточно мелкая, но из-за дождей она раздулась до такой силы, что вскоре он погрузился в пучину страданий. Его проводники, следуя импульсу собственной трусости, убежали так быстро, как только могли, а он, совершенно не зная страны, обнаружил, что река поднимается и его дух падает примерно в равном соотношении. Римляне подоспели к нему вовремя и обнаружили, что его армия полностью разгромлена, а его войска, согласно военной практике того времени, сразу же были разрезаны на части.

Гасдрубал, который в начале битвы потерял сердце, похоже, в конце концов потерял и голову, так как, бросившись в середину когорты, он был обезглавлен римским солдатом. Говорят, что после этого голова Гасдрубала была жестоко брошена в лагерь его брата Ганнибала; но, к счастью для человечества, эта история с головой абсурдна с самого начала.

Испания теперь подчинялась Риму, и Сципион, подавив восстание в своей армии, нанес визит Сифаксу, который был царем части Нумидии и отчаянно влюблен в девушку по имени Софонисба, дочь карфагенского генерала Гасдрубала Гиско. Софонисба была одной из тех проблемных личностей, известных как очаровательные создания, которые, притягивая взгляды людей, очень часто ставят их на уши и приводят к большим бедам. Эта слишком интересная особа вызвала восхищение Масиниссы, царя другой части Нумидии, когда ее отец, не обращая внимания на возможную привязанность, отдал ее руку Сифаксу, чтобы привязать последнего к своим интересам. Масинисса в порыве ревности отправилась в Рим, оставив Сифакса и Гасдрубала сражаться со Сципионом.

Африканцы и карфагеняне были в некоторой степени людьми соломы, из которой они строили свои палатки, и Сципион, подло притворившись, что хочет заключить мир, отправил в лагерь врага под видом посланников несколько поджигателей. Эти лицемерные поджигатели развели огонь среди врагов; и хотя слоны сражались как львы, карфагеняне вели себя как ягнята, ибо бедняги, думая, что поджог их палаток был случайным, смотрели на

это с простым недоумением. 40 000 африканцев были перебиты на месте, а Сифакс, которому удалось спастись, был готов немедленно с еще 30 000 человек вступить в бой со Сципионом в окрестностях Утики. Сифакса подбадривала его жена, которую описывают как женщину необыкновенной силы духа - характер, равнозначный характеру очень проблемного тела. Бедный Сифакс сделал все, что мог, против превосходящих сил, но в конце концов был взят в плен и отправлен к Сципиону, а Софонисба осталась дома, чтобы принять Масиниссу - как женщину духа - у ворот дворца своего мужа.

Признав, что она побеждена, и заявив, что дальнейшее сопротивление будет тщетным, прекрасное создание обратилось к великодушию Масиниссы в образе незащищенной женщины. Выразив крайний ужас по поводу того, что она оказалась в плену за машиной Сципиона, она попросила защиты у завоевателя своего мужа; и Масинисса, не зная, что именно делать, вежливо предложил ей выйти замуж. Она сразу же согласилась, и после нескольких часов вдовства ее в новом образе представили римскому консулу Лелию.

Сифакс, не будучи мертвым, конечно же, болезненно воспринимал поведение своей жены, и, намекнув Сципиону, что она может стать причиной новых бед, немедленно отправил приказ Масиниссе отправить ее обратно с посыльным. Новый муж не пожелал этого сделать, но передал ей чашу с ядом, которую она выпила с видом трагической царицы и умерла с хлопнушкой во рту, которая была почти так же тошнотворна, как и то, что ей пришлось проглотить.

Карфагенянам стало казаться, что в отсутствие Ганнибала, которого они пригласили домой, все пошло наперекосяк, и по прибытии он очень хотел мира и покоя. Сципион чувствовал то же самое, и оба генерала, встретившись, некоторое время смотрели друг на друга в молчаливом восхищении. Можно сомневаться, что они продвинулись дальше этого момента, ведь даже если они перекинулись парой слов, это не мешало им в конце концов сойтись в великой и решающей битве при Заме. Ганнибал вывел на поле боя 50 000 человек и около 80 настоящих слонов; но его солдаты в большинстве своем были сырыми и могли быть зажарены по причине крайней неуклюжести. Он поставил мавров, галлов и ливийцев впереди, карфагенских трусов - в центре, поскольку они были всего лишь средним звеном, а сам с несколькими своими лучшими солдатами зашел в тыл. Сципион продемонстрировал очень искусное полководческое мастерство в этом знаменательном случае: благодаря продуманной расстановке сил он оставил слонам возможность пройти сквозь строй, не столкнувшись ни с одним из своих солдат.

Успех Сципиона был полным, и Ганнибал вернулся в Карфаген после тридцатишестилетнего отсутствия; он настолько забыл нравы и обычаи своей страны, что во время дебатов в сенате силой стащил с трибуны знатного человека, чьи настроения не совсем совпадали с его собственными. Когда его призвали к порядку, он объяснил, что забыл о формах, принятых в палате, и дискуссия продолжилась как ни в чем не бывало. Карфаген заключил мир с Римом на очень выгодных для последнего условиях, а Сципион, принявший имя Африкан, наслаждался почестями триумфа, на котором бедный Сифакс, который, похоже, был всеобщей жертвой, был вынужден стоять в оковах.

Условия, выдвинутые Карфагену, были очень суровыми: он должен был выдать без выкупа всех римских пленников, сдать почти все свои корабли и расстаться со всеми слонами. Кроме того, она должна была выплатить значительную сумму наличными, - условие, которое вызвало у сената гневный рев и заставило Ганнибала с усмешкой воскликнуть, что "единственное, что могло выманить слезы из их глаз, - это вынуть деньги из их карманов".^[54]

Хотя Рим и одержал победу, но война так губительна для всех, кто в ней участвует, что ее успехи привели ее почти на грань гибели. Сцены жестокости окрасили страну кровью и оставили на ней пятно, которое нелегко было стереть; и там, где орудовал меч войны, не процветало ничего другого. Войска поднимались только для того, чтобы быть срубленными; страна была разорена со всех сторон; и еще более ужасным было расточительство человеческого существования. В то время как жизнь становилась такой дешевой, средства для ее поддержания дорожали с каждым днем; провизия подорожала до огромных размеров под влиянием системы, которая превратила лемех в меч и превратила поля, которые должны были быть полями кукурузы, в поля сражений. Чтобы покрыть расходы на войну, население было вынуждено влезть в долги; и нет такого процесса, к которому более правильно было бы применить термин "бег", хотя обратное движение всегда медленно и часто невозможно.

Карфагенский флот был уничтожен, и Рим стал номинальной владычицей морей; но из-за недостатка средств она была очень плохой владычицей, и море, можно сказать, сохраняло над ней господство.

Война, однако, в какой-то степени принесла пользу; она привела к признанию великого принципа, что государственная служба не должна монополизироваться немногими привилегированными, поскольку там, где есть реальная работа, которую нужно делать, есть возможность для талантов и энергии, которые можно найти среди многих. Богатство, однако, стало паспортом для государственной службы; дверь открывалась золотым ключом, который в наши дни служит наиболее подходящей эмблемой должности.

Из-за частых войн истощение ресурсов нации было столь значительным, что сенаторы отправляли свои тарелки в казначейство, а вместо них получали банковские векселя - соглашение, столь же удовлетворительное, как обмен серебряной посуды на серебряную бумагу. Купцы поставляли платья для войск на тех же условиях и принимали напечатанные тряпки за удобную одежду.

Во время войн с Карфагеном суеверия также ощутимо - или, скорее, глупо - усилились; время от времени обращались к сивиллиным книгам, но обычно безрезультатно - только для того, чтобы порекомендовать работу, которую должны были выполнить правительственные уполномоченные. Однажды было объявлено, что книги требуют, чтобы Кибела была доставлена в Рим, и были назначены послы, за немалые деньги отправившиеся во Фригию, чтобы доставить ее. Они обещали найти ее и привезти домой; но по прибытии они не нашли ничего, кроме большого черного камня, который народ приветствовал как самый драгоценный камень, и он был доволен тем, что принял богиню, которую они требовали.

ССЫЛКИ:

[52] В последнее время термин *εὔρηκα* стал применяться к недавно изобретенной рубашке; но этот термин крайне неуместен, поскольку на философе не было рубашки, когда он объявил о своем великом открытии.

[53] Фламандский математик Стевинус и Галилей, родившиеся примерно в середине XVI века, были первыми, кто после Архимеда совершил великие механические открытия.

[54] Ливий, xxx. 44.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ВОЙНА С МАКЕДОНЯНАМИ. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ФЛАМИНИЕМ СВОБОДЫ ГРЕЦИИ. ВОЙНА С АНТИОХОМ. СМЕРТЬ ГАННИБАЛА И СЦИПИОНА АФРИКАНСКОГО.

Война по-прежнему остается темой нашей истории, и мы вынуждены попросить читателя отправиться вместе с нами на поле боя, хотя и понимаем, что сражения и их смертоносные подробности не могут вызвать живого интереса.

Филипп Македонский стал ревновать к могуществу Рима, который теперь закрепился в Италии; а поскольку Греция находилась почти под каблуком, естественно, что греки должны были готовиться к сопротивлению, чтобы не быть растоптанными. Поэтому Филипп заключил договор с Ганнибалом и отправил послов с документом, но вместо того, чтобы передать его в те руки, для которых он предназначался, они сами попали в руки римлян.

Рим сразу же отправил в Иллирик флот из 50 кораблей, когда Филипп, заметив, что суда обдувает благоприятный ветер, понял, что в ветре что-то есть, и решил - каким бы ни был удар - быть готовым к нему. Так началась Македонская война, ставшая крайне непопулярной среди римлян; народ в целом воспринимал ее как горькую чашу, хотя вельможи желали ее ради "дутой репутации", которую могли обрести немногие. Напрасно племена протестовали против предложенной войны, заявляя, что они не враги Филиппу, но сенат настаивал, что он их враг, и что, соответственно, их долг - воевать с ним.

Кампанию открыл П. Сульпиций Гальба, который переправился через Адриатику, но мало что сделал; его сменил Виллий Таппул, который ничего не сделал. До сих пор фортуна проявляла некоторую неподвижность по отношению к обеим сторонам, не склоняясь ни вправо, ни влево, как вдруг во время консульства Т. Квинкция Фламиния она совершила поворот. Этот человек был сравнительно молод годами, но чрезвычайно стар хитростью; он в высшей степени владел теми низкими искусствами обмана, которые обычно считаются высоким искусством государственного управления. Он умел придать фальши внешнюю видимость правды, и у него не было недостатка в том лаке, который придает мошенничеству медный блеск наглости. С его манер, ставших в высшей степени гладкими, было стерто все, что напоминало ржавчину, и он приобрел ту высокую степень полировки, которая часто сопутствует очень скользкому характеру. Он скользил, как бы входя в доверие ко всем, с легкостью змеи и с немалой долей ее своенравия. Его улыбка завоевывала или, скорее, теряла тех, кого он хотел обмануть, и он так очаровал некоторых греческих вождей, что они позволили ему войти в Фивы, но либо не увидели, что у него в глазах, либо были вынуждены подмигнуть ему. Он притворился, что желает вступить в переговоры с властями, но когда горожане стали ждать, что из этого выйдет, они обнаружили, что само место спокойно занято Фламинием.

Теперь Фессалия стала ареной войны, и римляне встретились с греками у линии небольших холмов, называемых из-за их формы Собачьими головами, или Циноцефалами. Здесь обе стороны сражались с упорством, вполне соответствующим местности, пока греческая фаланга, или македонские тяжелые войска, не уступили римским легионам. Принцип фаланги заключался в том, что солдаты располагались так тесно друг к другу, что их щиты соприкасались, а их копья достигали двадцати футов в длину, руки задних рядов опирались на плечи передних, так что они шли вперед, как бы рука об руку, навстречу врагу. Римляне, напротив, сохраняли некий открытый порядок, в котором было место для упражнений конечностей; греки же, если и могли поднять руки, то, скорее всего, поднимали их друг на друга. Если римлянам требовалась помощь, в их рядах оставалось место для подкрепления. Но среди плотности греческой фаланги ничто не могло пробиться, кроме паники, которая всегда найдет место, чтобы пробежать через всю армию. Несмотря на то, что с помощью этих средств они представляли собой грозный фронт, их линия была прорвана не раньше, чем они предложили активному противнику самый незащищенный тыл, и греческие войска в тот раз носили следы особого одобрения со стороны римлян. Упакованные тесно, как карты, 8000 македонцев пали на поле боя, точнее, друг на друга, а Филипп бежал в Темпе, словно желая спрятать свое лицо в его хорошо известной долине после своего поражения. Здесь он заключил соглашение, которое можно назвать миром в долине, хотя это был мир, которым он вряд ли мог быть доволен, поскольку он должен был отдать все свои корабли, кроме пяти; тем не менее, ему было разрешено сохранить 500 воинов в виде такого количества тяжеловооруженных солдат.

Фламиний восстанавливает

свободу Греции на Истмийских играх.

Он также должен был заплатить 1000 талантов, что отняло бы у него все таланты, которыми он обладал, и сразу же довело бы его до сумасшествия, если бы ему не было дано десять лет, в течение которых он должен был найти эти деньги. Кроме того, он был вынужден отправить своего сына Деметрия в Рим для получения образования - условие, цель которого не совсем ясна, разве что предполагалось, что, пока отпрыск получает образование, урок получает и отец. Отбросив образ воина, Фламиний отправился в Грецию как турист; и хотя в частной

жизни он был кроток, как ягненок, везде его принимали как льва. Посетив Истмийские игры, он прервал глашатая, собиравшегося открыть соревнования обычным провозглашением, и, вложив в руки офицера свиток, попросил его "зачитать", прежде чем приступить к программе. В документе сообщалось о свободе греческих городов, над которыми господствовала Македония, и народ, узнав, что Фламиний сделал их свободными, решил оказать ему гостеприимство. Обезумев от радости, они едва не оглушили его приветствиями и чуть не усыпали цветами; он не мог сдерживать тех, кто рвался вперед, чтобы увенчать его лаврами. Толпа была такой плотной, что он, должно быть, чувствовал удушливое удовлетворение, если вообще его чувствовал; и даже если бы он мог найти слова для благодарности, он не мог бы найти дыхания, чтобы произнести их.

Чтобы показать грекам, как они пользуются своей новой свободой, Фламиний остался, чтобы наглядно продемонстрировать, как надо брать свободу. Призвав к себе на помощь десять уполномоченных из Рима, он приступил к распределению свободных городов Греции таким образом, чтобы это наиболее соответствовало его собственным взглядам; ведь особенность всякой свободы, привозимой из-за границы, состоит в том, что она должна соответствовать вкусу импортеров, а не тех, для чьего пользования она требуется. Поэтому часто случается, что то, что рекомендуется как роскошь из-за границы, оказывается далеко не вкусным для народа, не привыкшего к новому товару; и, хотя предпринимаются попытки впихнуть его им в глотку острием меча, он оказывается нелегким для переваривания и вызывает отвращение у тех, кого он, возможно, должен был удовлетворить.

Завершив независимость Греции, установив республику в некоторых из ее городов, завладев другими и установив внутренние разногласия почти во всех, Фламиний вернулся в Рим в год Города 559 и наслаждался почестями триумфа.

Как никто порой не обличает нечестность громче, чем практикующий мошенник, так и римляне, которые порабощали и грабили весь мир, находили удобным время от времени протестовать против хищничества тех, кто был соперником в игре завоеваний. С Филиппом уже разобрались, сославшись на то, что двоим в одном деле договориться невозможно; теперь нужно было поссориться с Антиохом, который вел несколько обширный бизнес, оптом присваивая то, что ему не принадлежало по праву. Поэтому Фламиний, провозгласив, по своему обыкновению, независимость Греции, оговорил, что Антиох должен вернуть свободу всем греческим городам в Азии, - соглашение, которое оставило бы города на свободе, чтобы Рим освободил их по своему обыкновению. Антиох оправдывал свою неправоту, отрицая право кого-либо другого вмешиваться, и продолжал присваивать себе другие места, на которые у него не было ни законного, ни справедливого права. Он захватил фракийский Херсонес на том основании, что один из его предков уже однажды овладел им, - принцип примерно такой же, как если бы внук вора, которого посадили за кражу часов, на основании преступления своих предков заново лишил владельца того же имущества.

Найдя Лисимахию безлюдной, он занял ее как свою собственную пустыню; тогда римляне, завидуя его успехам в хищничестве, заявили, что любые дальнейшие грабительские действия они должны рассматривать как прямое противодействие Риму.

Пока дела шли таким образом, Ганнибал жил почти безбедно, будучи рядовым членом карфагенского сената. Он занял оппозиционную сторону в доме; и хотя он был автором многих полезных реформ, он часто кашлял и всегда был в меньшинстве. Не найдя сочувствия среди своих соотечественников, ратовавших за мир и спокойствие, он вступил в переговоры с Антиохом, чтобы выяснить, смогут ли они договориться о совместных беспорядках и тем самым ослабить римскую власть. Однако предательство шло со всех сторон: пока Ганнибал

вместе с Антиохом замышлял против Рима, некоторые карфагеняне вместе с Римом замышляли против Ганнибала, и еще одно нарушение доверия в другом квартале заставило его осознать свою опасность. Он решил бежать и, имея на побережье небольшую башню - или морскую резиденцию, - послал приказ подготовить корабль к отплытию и обеспечить ему причал. Весь день он ходил по улицам Карфагена, как будто ничего не произошло и не должно было произойти; римские послы постоянно шли по его следам, и он так настойчиво вел их весь день, что когда наступил вечер, они едва держались на ногах. Ганнибал, однако, приказал своему коню, который понесся с ним через всю страну к месту, где ждал корабль, и после трудного перехода, как по суше, так и по морю, он прибыл ко двору Антиоха.

Верный своей детской клятве, Ганнибал сделал все возможное, чтобы возбудить вражду против римлян, и попросил Антиоха одолжить ему мелочь в виде 10 000 человек, как если бы они были столькими жетонами, которые требовала военная игра. Однако Антиох, как мальчик, ревнующий к своим игрушкам, отказался отдать 10 000 человек, чьи жизни могли понадобиться ему самому в качестве игрушек; и он не заставил себя долго ждать, чтобы воспользоваться ими.

Ганнибал ведет послов
в довольно утомительный поход вокруг Карфагена.

Греки, будучи не в состоянии оценить ту независимость, которую они получили от рук Рима, послали приглашение Антиоха; ведь рабству, как нравственной болезни, свойственно искать избавления от существующей причины угнетения путем введения какой-нибудь более жестокой формы того же недуга.[\[55\]](#)

Как вмешательство чужаков обычно приводит к семейным ссорам, так и иностранное влияние на Грецию привело к тому, что люди постоянно были вовлечены в споры друг с другом. Часть населения горячо приветствовала Антиоха, а другая принимала его холодно; и царь, проникший в Фессалию, обладал достаточной проницательностью, чтобы понять, что ему лучше пройти значительную часть пути обратно.

Чтобы сузить предмет спора, он занял позицию на Фермопильском перевале и некоторое время сохранял преимущество над римлянами, когда Порций Катон, поднявшись на высоту, забежал с тыла и, нанеся решающий удар в спину противника, изменил всю картину

сражения. Антиох в ужасе бежал, не переставая оглядываться назад, пока не достиг Малой Азии, где сел и мрачно оглядел все, что произошло. В то время как он терпел поражения на суше, он слышал об обратном, или, скорее, о том же самом, что случилось с его флотом на море; и он честно отказался не только от своего дела, но и от Херсонеса, Лисимахии, Сестоса и Абидоса со всем их содержимым и не содержимым; последнее включало жителей.

Антиох, хотя и был покорен духом, не был побежден по форме; в Азию была отправлена большая армия под командованием двух консулов, Л. Корнелия Сципиона и К. Лелия. Л. С. Сципион, хотя и не имел никаких признанных заслуг, имел счастье быть братом знаменитого Сципиона Африканского, который и получил его место; но очевидно, что такой незаконный шаг к назначению часто заканчивается тяжелым разочарованием того или иного рода. Чтобы предотвратить дурные последствия этой вопиющей ошибки, прославленный Сципион отправился в качестве легата, чтобы противостоять последствиям общей неспособности своего брата в качестве генерала. У римлян было 20 000 человек, которые, прибыв в Азию, встретили 70 000 солдат Антиоха в Магнезии, где последние получили дозу, от которой так и не оправались. Мир был заключен на весьма унижительных условиях, но, какой бы горькой ни была чаша, предписанная Антиоху, воспоминания о Магнезии были настолько неприятны, что он был вынужден проглотить почти все, что после нее.

Рим продолжал свою систему предоставления независимости различным местам и народам, многие из которых, казалось, так мало ценили предлагаемые блага, что в некоторых случаях деньги предлагались и принимались в качестве цены за освобождение от предлагаемых преимуществ. Каппадокийцы были так встревожены перспективой своей новой свободы, что, не стесняясь признаться в своей неприязни к ней, послали 200 талантов римлянам, которые, несомненно, мысленно проникнувшись пресловутой подлостью "раба, который платит", спокойно прикарманили деньги.

Пока принципы независимости провозглашались на Востоке, римляне несли свои идеи освобождения на Север, где несколько племен были разрублены на части, чтобы они могли почувствовать интерес, который Рим снисходительно к ним. В некоторых местах старые жители были выкорчеваны, как старые деревья, а молодые ветви пересажены на другие почвы; большое количество лигурийских отростков было оторвано от своих родительских стеблей, чтобы заполнить пустующие земли в Самниуме. Многие места были основательно разрушены, а Кремона, среди прочих, подверглась такой жестокой игре, что была полностью разрушена, и причитания ее жителей воспринимались не более чем стоны старых скрипичных струн.

Не довольствуясь тем, что они стали хозяевами Италии и тиранами Греции, римляне стремились установить свое господство в Испании, чего отчасти удалось добиться благодаря вероломству одних жителей и трусости других. Некоторые из самых могущественных людей вступили в союз с Римом, и с ними поступили как с повстанцами или мятежниками, когда они осмелились восстать против иностранной власти, которая либо трусила, либо развращала их.

Покорение Испании было в основном осуществлено Порцием Катоном, который использовал довольно примечательный способ приведения страны к покорности; он склонил несколько мест к своего рода моральному самоубийству и, осудив их в своем собственном сознании, сделал так, чтобы они стали, так сказать, своими собственными палачами. Он разослал циркуляры в большое количество укрепленных городов Испании с указаниями не просматривать сообщения до определенного дня, и жители каждого города испытывали муки ожидания, опасаясь, что их гибель запечатана в письме, которое им не

разрешается открывать. В конце концов, когда настал день проникнуть в конверт, в котором была заключена тайна, оказалось, что каждый циркуляр содержит приказ сровнять с землей стены города, которому он был адресован, или, в случае неповиновения, применить к его жителям самое суровое наказание. Не имея возможности общаться друг с другом, власти сочли свой город единственным, который был обречен, и принялись тащить его за уши, пока он не превратился в кучу сухого мусора.

Когда беда свершилась, было уже слишком поздно обнаружить, что этого вовсе не следовало делать; и хотя в обычных случаях единство - это сила, единство, с которым испанцы действовали, разрушая свои собственные города, привело их в состояние полной слабости.

Некоторое время они жили в мире, хотя их дома были разрушены; но в год Города 572 (181 г. до н. э.) снова вспыхнула война. Однако испанцы были окончательно покорены только через четыре года после этого, хотя их постоянно убивали, избивали, разрубали на куски и расправлялись с ними другими способами, из которых их уменьшение, казалось бы, должно было вытекать как естественное следствие. Именно Тиб Семпроний Гракх - отец двух великих Гракхов, о которых нам предстоит рассказать далее, - заключил мир с несколькими испанскими племенами, которые были низвергнуты так низко, что вести себя иначе, чем мирно, было почти невозможно.

Римляне продолжали навязывать себя и свою систему разных частях Европы, и основали колонию в Аквилее, в Истрии, что заставило истринцев попытаться положить полный конец склонности Рима к колонизации. Началась война, в результате которой было потеряно три города и один король, после чего истринцы пришли к выводу, что с них хватит, и немедленно подчинились римской власти.

Ганнибал

просит критских жрецов стать его банкирами.

На некоторое время потеряв из виду прославленного Ганнибала, мы снова начинаем его искать и обнаруживаем, что он живет при дворе, который содержит некий Прусий, жадный и нуждающийся царь Вифинии. После договора, заключенного Антиохом с римлянами, Ганнибал бежал на Крит, где не смог долго оставаться; и хотя история умалчивает о причине этого, мы можем предположить, что он тайно вывез все свое богатство, хотя и притворялся, что оставил после себя огромное количество сокровищ. Предание гласит, что, раздобыв несколько глиняных кувшинов, он наполнил их свинцом и, насыпав сверху немного золота или серебра, отнес их в храм Дианы и попросил критских жрецов стать его банкирами, чтобы доверить им этот ценный вклад. Жрецы заверили его, что по возвращении все будет в порядке, и Ганнибал, предварительно упаковав все свое настоящее золото в полые внутренности некоторых статуй из меди, которые он притворился, что носит с собой, изображая поклонника искусств, убрался восвояси со всеми своими деньгами.

Продолжая переезжать с места на место, он истратил содержимое почти всех своих статуэток, кроме одной небольшой, так что его средства в буквальном смысле свелись к минимуму. В таком положении он оказался в Вифинии, где Прусий на короткое время предоставил ему комнату в доме, воспользовавшись этим визитом, чтобы сделать своего гостя полезным в войне, которая велась против Эвмена, царя Пергама. Ганнибал, однако, не смог убедить скупого Прусия пойти на расходы, чтобы вести военные действия в эффективном стиле; более того, не имея денег на ведение войны, невозможно было сделать это в кредит, поскольку никто не стал бы давать аванс под залог плохого государя. Римляне, считая Ганнибала опасным агрессором, каковым он и оказался, требовали, чтобы его отдали; но Прузий, не желая тратить на перевозку, намекнул, что тому, кому нужен Ганнибал, лучше прийти за ним. Предвидя свою участь, карфагенский полководец

попытался скрыться через один из семи тайных ходов, ведущих из его дома; но враги узнали об этом и были уверены, что застанут его дома, так как позаботились о том, чтобы преградить ему выход.

Перед тем как покончить с собой, Ганнибал произносит обычную аккуратную и уместную речь.

Хотя он обладал всем мужеством солдата, ему не хватало высшей стойкости, и он всегда носил с собой бутылочку с ядом. Почувствовав, что сбежать невозможно, он достал из кармана роковую пиалу и, взболтав ее, произнес одну из тех речей, которые классические историки обычно приписывают людям, готовым к самоубийству. "Я сделаю это, - сказал он - или, как говорят, сказал, потому что никто не мог его услышать, так как он был совершенно один, и никто не мог подслушать, иначе бутылку выхватили бы из его рук, - я избавлю римлян от ужаса, который так долго мучил их, поскольку они считают, что слишком долго ждать смерти изможденного старика". Здесь он, как можно предположить, сделал паузу и, еще раз взболтав бутылку, продолжил следующим образом: "Победа Фламиния над врагом, безоружным и преданным, не принесет много пользы его чести"; и, мысленно раз, два, три и прочь, несчастный Ганнибал, как можно предположить, поднес тошнотворный напиток к губам и с отчаянной энергией отхлебнул его.

При жизни Ганнибал, несомненно, демонстрировал доказательства величия, но в том, как он умер, проявилась его прискорбная малость. Исходя из восхитительного принципа "смотреть до конца", мы не можем согласиться с теми энтузиастами классики, которые считают Ганнибала одним из самых прославленных представителей человечества, поскольку он был более смелым и искусным в искусстве истребления своих собратьев, чем многие из его соперников. Его личные амбиции принесли несчастье как ему самому, так и другим странам, а его упорная ненависть к Риму не была оправдана его юношеской клятвой, за принесение которой он заслужил скорее розги, чем лавры. Первым публичным поступком в его жизни было клятвопреступление, когда он был слишком молод, чтобы понимать, о чем идет речь, а последним - отравление в возрасте шестидесяти двух лет, когда он был уже достаточно взрослым, чтобы понимать, что лучше. Он плохо начал, но еще хуже закончил, доказав, что, хотя и стремился властвовать над другими, не мог повелевать собой и почти во всех отношениях являлся меланхоличным образцом плохо регулируемого человечества.

Примерно через год после смерти Ганнибала в изгнании умер и Сципион Африканский. Этот великий человек, как было принято называть его, потому что он был большим губителем рода человеческого, предстал перед сенатом по обвинению в растрате. Случилось так, что дело было назначено к слушанию на годовщину какой-то выигранной им битвы, и он объявил этот день неподходящим для судебного разбирательства, а народ, всегда готовый найти предлог для праздника, немедленно с ним согласился. Его брат Луций был привлечен к тому же обвинению, на которое он ответил предъявлением своих счетов; но народный идол, схватив книги, заявил, что для народа нехорошо быть слишком разборчивым с теми, кто так хорошо ему служил, и разорвал весь финансовый отчет. Луций Сципион остался в Риме, а Африкан сбежал на виллу в Кампании, оставив брата на произвол судьбы с конфискацией всего его имущества. Невинность Луция была впоследствии установлена, и, хотя "деньги не возвращаются", как правило, гласит закон, ему удалось вернуть часть того, чего он был несправедливо лишен. Однако, прожив без своего дохода, он не успел вернуть себе средства для жизни в его пределах, как умер, с меланхоличным удовлетворением от того, что справедливость восторжествовала, когда было уже слишком поздно, чтобы принести ему хоть малейшую земную пользу.

Достоинства и недостатки Сципиона Африканского по-разному оценивались различными авторитетами; и хотя милосердно давать любому человеку преимущество сомнения, никто не будет благодарен за признание того, что его характер был сомнительным. Сципион Африканский был большим покровителем писем; но, похоже, он презирал цифры, если верить истории о его презрении к точности счетов. Цицерон красноречиво рассказывает о простых привычках Сципиона Африканского, который во время морского отдыха бросал камни в море и взбивал ими поверхность воды; но это невинное занятие не освобождает его от обвинения в том, что он делал "уток и селезней" из государственных денег, которое Катон пытался донести до него.

Говорят, что он был щедр к своим родственникам; но помогать им, после того как свободно помогал себе, возможно, было не более чем кумовством, прикрывавшимся домашней добродетелью. Говорят, что он продемонстрировал свое пренебрежение к богатству, отказавшись от своей доли наследства в пользу брата; но мало заслуги в том, что он пренебрег сравнительно скромным содержимым своего семейного кошелька, если он был беспринципен в то время, когда у него был общественный карман, в который он мог залезть.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[55] Это, по сути, гомеопатический принцип, примененный к политике; противопоставление подобного подобному, *similia similibus*.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ. НРАВЫ, МАНЕРЫ, ОБЫЧАИ, СОСТОЯНИЕ ДРАМАТУРГИИ И ЛИТЕРАТУРЫ У РИМЛЯН.

Обычно величественные люди заявляют, что страницы истории запятнаны кровью; но мы ограничимся чернилами, которые, возможно, в конце концов, обеспечивают достойный вид траура по деяниям, которые мы вынуждены записывать в хронику. Правда, история слишком часто использует войны в качестве основных фактов, а число погибших - в качестве цифр; но она склонна говорить довольно образно, оценивая тысячи и тысячи тех, кто, как говорят, пал с мечом в руках или был ужасно убит.

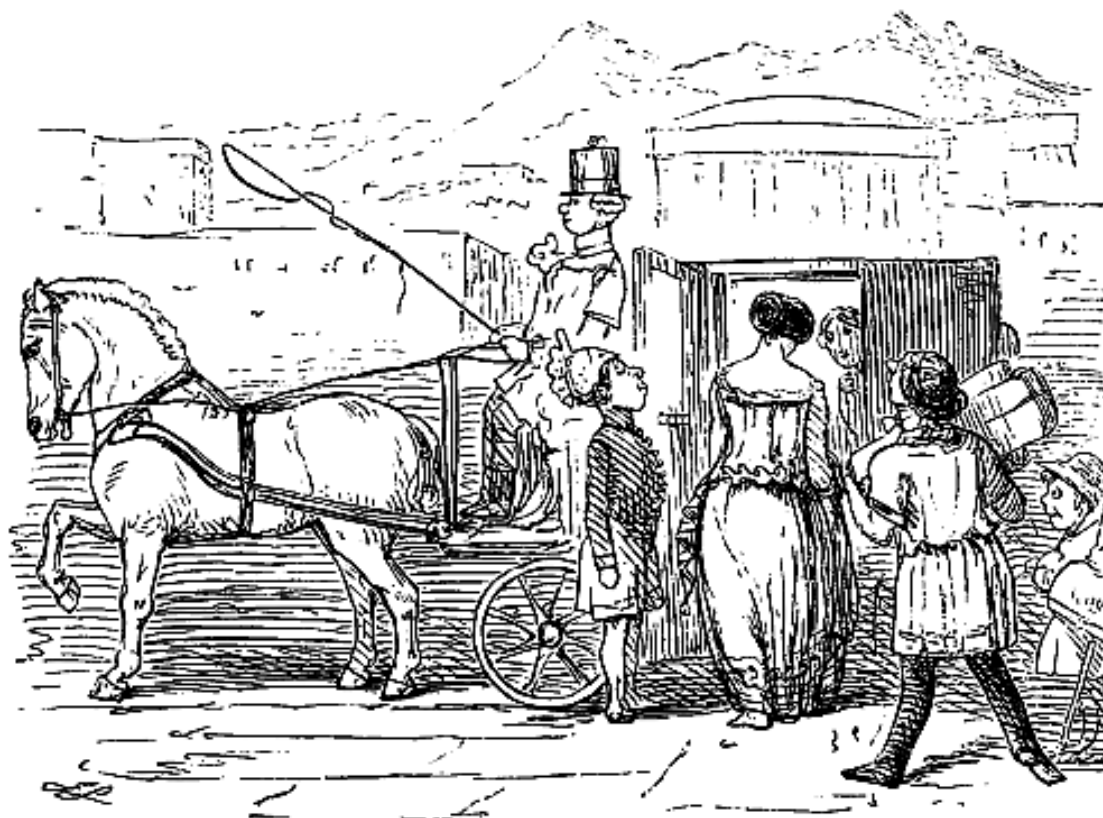
Оружие войны режет, однако, в обе стороны; и нация не может играть с острыми инструментами более безопасно, чем отдельный человек может предаваться такому опасному времяпрепровождению.

Состояние войны, в котором обычно пребывал Рим, способствовало развитию худших страстей людей; почти все пороки овладели ими. Постоянно воюя, они приобщились к убийствам и насилию, а практика грабежей приучила их к разбою. Военная хитрость, которая была самой сутью стратегии, приучила их считать хитрость добродетелью; по их мнению, был героем тот, кто встретил бы мечи и копья врага, но искал бы в яде трусливое убежище от "колючек и стрел" своей собственной совести. Богатство, захваченное силой, часто присваивалось обманом, а успешный вождь не задумывался о том, чтобы положить в собственный карман огромную сумму, заявляя, что неразумно ожидать от генерала частностей.[56] Немногие разбогатели, в то время как многие оказались в нищете. Высшие классы захватили все, не оставив ничего тем, кто находился ниже, и следствием этого стало состояние верхушечной тяжести, которое, существуя в социальной колонне, подвергает основание и капитал - но особенно последний - крайней опасности. Деньги были приобретены некоторыми, кто не знал их применения; злоупотребление ими было неизбежным результатом; ведь неправильное использование золота приводит к любым винам со стороны тех, кто им владеет.

Вместе с богатством других народов были завезены иностранные моды, и римская простота была вытеснена искусством и хитростью греческих мастеров. Удовольствия за столом были доведены до обжорства, и раб, который в качестве повара мог поставить перед своим хозяином приятный соус, часто оставался безнаказанным за дерзость.

Экстравагантность стала настолько преобладать среди римских женщин, что те из них, чей гардероб был аляповатого оттенка, были практически приговорены к окрашиванию, так как

трибун Аппий издал закон, запрещающий им носить платья ярких цветов. Тот же закон ограничивал их половиной унции золота, но это было излишне, так как экстравагантные люди тратили все, что у них было; кроме того, им запрещалось ездить в Риме или любом другом городе в повозке, запряженной двумя лошадьми, так как считалось, что с одной можно достаточно быстро проехать по дороге к разорению. Этот закон вызвал бурное волнение среди римских женщин, которые продемонстрировали силу женского влияния настолько эффективно, что через несколько лет закон был отменен.

Римская дама

"делает покупки".

Суровая необходимость исторической правды заставляет нас приписать тому, что называют более мягким полом, введение среди римлян некоторых пороков, настолько отвратительных, что они противоречат всем нашим представлениям о прекрасном. Одним из худших из этих пороков было празднование вакханалий, привнесенное из Этрурии; а недавние открытия^[57] в этой местности посвятили нас в тайну того, что обычно называют вакхическими мистериями. Мистификация жертв осуществлялась с помощью напитков, под воздействием которых они завершали свои празднества барабаном, подобным тому, что можно проследить на древних картинах; и вокруг каждого такого барабана вьется какая-то важная нить истории.

Подражание редко заслуживает уважения в любом случае; ведь даже достоинства теряют половину своей ценности, если они не оригинальны; но ничто не может быть более презрительным, чем люди, перенимающие дурные привычки из вторых рук. Такова, однако, была практика римлян, которые почти все свои беззакония заимствовали из Афин или других

городов и сознательно наложили на себя моральное пятно Греции. Жестокость, которая идет рука об руку с развратом, достигла такого позорного предела, что ее открыто практиковали те, кого народ с удовольствием почитал. Среди прочих примеров можно привести пример консула Л. Квинция Фламиния, который, расположившись лагерем в Галлии, случайно пировал с одним из своих униженных созданий, когда тот сетовал, что никогда не видел, как убивают гладиатора. В этот момент к нему зашел знатный боианец, чтобы попросить убежища, и Фламиний заметил, что, хотя он и не может угостить своего друга зрелищем умирающего гладиатора, он может удовлетворить свой аппетит к жестокости, показав ему умирающего галла. Не успело "существо" выразить готовность принять легкое лакомство взамен более сытной пищи, как Фламиний, выхватив меч, ударил несчастного Бояна по голове и пронзил его насквозь. Народ настолько огрубел от постоянных войн, что на это происшествие не обращали внимания до тех пор, пока через восемь лет после него Катон, цензор, не выдвинул против Фламиния это обвинение, а также множество других, более или менее весомых, и не изгнал его из сената.

Имя Катона Цензора, естественно, заставляет сделать несколько замечаний о характере этого древнего образца

"Прекрасный старый римский джентльмен всех старых времен".

Он был сыном уважаемого сабинского фермера и провел свои ранние годы в деревне, где ходил за плугом - мирным занятием, которое не оставляет ранних борозд на лбу, но оставляет множество на земле, которую оно одновременно улучшает и рвет. В семнадцать лет каждый римлянин по необходимости становился солдатом, и хотя в игре жизни фортуна бросала ему пику, он был вынужден выбрасывать ее из руки. Таков был жребий юного Марка Порция Приска; так его звали на самом деле, хотя впоследствии он получил титул Катона, или "знающего". Свои военные обязанности он выполнял с честью, хотя предпочитал выращивать любые другие семена, кроме семян раздора; он был более уместен в траншее, вырытой для сельдерея, чем в траншее, предназначенной для подрыва крепости.

Вернувшись с войны, он занял участок, примыкавший к тому, который занимал Дентат; считая этого человека образцовым фермером, Катон старался сделать свою собственную ферму образцовой. Он так основательно погрузился в свое аграрное занятие, что можно сказать, что он похоронил себя в своей земле. Он написал труд "Сельское хозяйство" (Agriculture,[\[58\]](#)), в который включил множество разнообразных сведений, от способа покупки поместья до искусства приготовления чизкейка, вяления бекона и вправления вывихнутой кости. Занимаясь своими делами, он находил досуг и для соседей; во всех их мелких спорах в местных трибуналах он имел привычку присутствовать при рассмотрении повесток за и против своих друзей. У него было слово совета или изречение на все случаи жизни, когда его совета просили или предлагали; и он всегда мог разрешить затруднения с помощью одной из своих мудрых пил. Кое-кто мог бы назвать его суетливым и заносчивым; но один молодой патриций по имени Валерий Флакк счел его заносчивым и достойным пересадки и уговорил отправиться в Рим, "как", говоря языком Плутарха, "растение, заслуживающее лучшей почвы". Здесь он "выдвинулся" на различные должности на государственной службе, и мы видим, как он последовательно поднялся на несколько очень высоких постов, где пример, который он подавал своим внешне добродетельным образом жизни, составлял достойный контраст с неприкрытыми пороками эпохи.

Таким был Катон в ранние годы своей жизни; но следует констатировать тот печальный факт, что, хотя лесть рисует только одну сторону каждой картины, нет ни одной, к которой правда

не была бы призвана добавить обратную. В юности Катон работал вместе со своими рабочими, ел с ними за одним столом и пил только воду; но в последующей жизни он вступил в неблаговидный брак и, предаваясь распутству за столом, мог время от времени оказываться под ним. В своей политической философии он был настолько утилитаристом, что смотрел на рабочего как на машину, от которой, когда она изнашивается, нужно как можно скорее избавиться. Своей моральной репутацией Катон Цензор во многом обязан тому, что он стал профессиональным моралистом. Хотя он был полезен как обличитель пороков своей эпохи, в том злобном и немилосердном духе, в котором он исполнял свои обязанности, не было ничего очень приятного. У него был острый аппетит на оскорбление или скандал, но если преступление или ошибка вызывали его ненависть, то добродетель и щедрость, казалось, вызывали у него не столько восхищение, сколько зависть. Если бы он жил в наше время, то, вероятно, был бы обычным доносчиком, строгим наблюдателем за всеми внешними проявлениями добродетели и скупщиком векселей; ведь о Катоне говорят, что он давал деньги под непомерные проценты тем, чья нужда или безрассудство заставляли их выполнять его условия.

Религия примерно в этот период опустилась на самое дно в руках хитрого священства, которое использовало влияние своего положения в собственных мирских целях. Объявлялось, что происходили чудеса; например, говорила корова, которая якобы "шептала низкие слова" на ухо священнику; говорили, что статуи плакали; к этим рассказам прислушивались те, кто верил, что их авгуры могут, если захотят, получить кровь из камня.

В литературе, хотя принято говорить о римских иероглифах как об оригинальной форме письма, Рим не придумал ничего нового, а доверился тому, что уже было известно, ибо он не только копировал пороки греков, но и брал листки из их книг в более буквальном смысле. У нее не было своих писателей, а ту литературную пищу, которой она располагала, поставляли те повара-переводчики, которые делают гашиш почти из всего, что попадает им в руки.

Предполагается, что самым ранним римским драматургом был некий Луций Андроник, который ранее был рабом и продолжал свои рабские наклонности, подневольно адаптируя греческие пьесы, вместо того чтобы смело попытаться создать оригинальную постановку. Как и многие современные переводчики, он сам был актером в своих пьесах; историк Ливий утверждает, что он потерял голос от того, как часто его одобряли зрители. Это утверждение, по-видимому, свидетельствует о том, что пышки не были неизвестны, когда римская драма находилась на самой ранней стадии своего развития; ведь вряд ли данное утверждение могло быть правдой, поскольку Цицерон^[59] сказал нам, что в пьесах Луция Андроника нет ничего достойного того, чтобы быть прочитанным или прослушанным дважды.

Величайшим комическим писателем того периода, к которому пришла наша история, был Марк Акций Плавт, о происхождении которого мало что известно; ведь римляне так мало уважали своих остроумцев и юмористов, что, пока они могли вызвать смех, было неважно, кто они, откуда взялись и что с ними стало. Интерес к жизни писателя возникал только после его смерти, так было и с Плавтом, который стал предметом большего количества выдумок, чем все его комедии. Предположения - автор половины истории и трех четвертей биографий, которыми располагает мир, - описывают Плавта как низкорослого парня, сделанного из самой обычной глины, слепленного одним из самых неловких подмастерьев природы в неправильный комок, чьи угловатые уродства составляли главные моменты его юмора. Заработав немного денег в качестве драматического актера, он, как говорят, занялся пекарским делом; некоторые утверждают, что он мог бы делать собственные слойки; но его лавка прогорела, а поскольку публика не хотела, он, конечно, не мог зарабатывать на хлеб. Затем он поступил в услужение к мельнику и мастеру-пекарю, где пытался, перемалывая

кукурузу, одновременно вращать ручку мельницы и честный пенни. Даже в пекарне он не мог забыть цветистые литературные тропы; следя за хлебом, он успел написать на разных булках не менее трех комедий. Из них он сделал достаточно, чтобы бросить печь, неспособную согреть его воображение, и, сняв жилье в Риме, возобновил жизнь драматурга.

То, чего Плавтусу, возможно, не хватало в оригинальности, он восполнил за счет промышленности: до наших дней сохранилось двадцать его пьес, а сам он, по некоторым данным, был автором ста произведений.

Мантию Плавта - если предположить, что драматург умер с плащом на спине, - можно сказать, что она перешла к Терентию Аферу, или Теренцию. Считается, что он родился в Карфагене и был рабом римского сенатора, поскольку его биографы, которые, кстати, сами были писателями, не рискнут предположить, что кто-то из их рода мог быть сыном господина. Теренций, однако, попал в то, что обычно называют лучшим обществом, которое оказало на литератора обычный эффект "лучшего общества"; оно отняло у него то, что никогда не могло компенсировать - его время; оно привело его к праздным и экстравагантным привычкам и, таким образом, привело его туда, где оно неизбежно оставит его, если только доберется до него, - к разорению. Его модные друзья дошли в своем покровительстве до того, что обложили налогом его репутацию, а также его средства, и даже претендовали на долю в заслугах его трудов, объявив лучшую их часть своей собственной, хотя и позволили Терентию приписать к ним свое имя.

Сципион Африканский, осужденный за мошенничество и растрату в предыдущей главе,^[60] имел наглость сказать или позволить сказать, что он написал часть пьес, о которых идет речь, или, по крайней мере, участвовал в создании некоторых шуток; но у нас нет ничего, чтобы поддержать это утверждение, кроме того факта, что он, возможно, мог сделать каламбур, поскольку он, как известно, обчистил общественный карман. Следующий анекдот, рассказанный его биографом, Донатом или Суетонием - поскольку ученые спорят и долго спотыкаются о двух стилях, - может дать некоторое представление о том, как относились к авторам в эпоху, о которой мы пишем. Закончив пьесу "Андрия", Теренций хотел получить лицензию на ее постановку и обратился к эдилам, которые направили его к Цецилию за мнением о рукописи. Критик, находившийся за ужином, попросил драматурга сесть на низкий табурет и прочитать свою пьесу, чтобы Сесилий мог одновременно проглотить свою еду и переварить новую комедию. Теренций успел прочесть всего несколько куплетов, как критик заявил, что не может продолжать эгоистично вкладывать хорошее в свои уста, в то время как столько хорошего исходит из уст его гостя. Его попросили отложить комедию до окончания ужина, на который он был приглашен; и, сделав это, пьеса была закончена за бокалом-другим вина, что усилило энтузиазм, с которым автор читал, а критик слушал. Оба были в восторге друг от друга. За лучшее знакомство пили, за успех комедии пили, за здоровье пили вместе, и, в конце концов, до конца вечера Цецилий и Теренций были пьяны как по отдельности, так и вместе.

Пьесы Теренция, хотя и греческого происхождения, были написаны по его собственной моде, а то небольшое, что он заимствовал, почти не имело значения для ценности его произведений. За одну из них, "Евнух", он получил не менее 8000 сестерций (около 64 фунтов стерлингов), что в те времена было самой большой суммой, которую когда-либо платили за пятиактную комедию. После нескольких лет успешной работы он отправился, по некоторым данным, в Грецию, как наши драматурги иногда отправляются в Булонь, чтобы собрать новый запас пьес для будущего перевода. Другие утверждают, что он отправился в Азию, прихватив с собой несколько переводов, и больше о нем не слышали: корабль затонул, возможно, под тяжестью его слишком тяжелых рукописей.

Теренций

читает свою пьесу Цецилию.

Среди писателей того времени нельзя не упомянуть Энния, калабрийца, который давал уроки греческого языка патрицианской молодежи в небольшом домике на Авентине. Его считают отцом латинской поэзии; но латинская поэзия мало выиграла бы от отеческой заботы того, чья преданность бутылке делала его собственную заботу о себе часто невозможной. Его произведения очень фрагментарны, и, более того, его привычка к распутству не позволила ему предпринять какие-либо продолжительные усилия. Он был благосклонным спутником нескольких патрициев, которые помогли ему разориться при жизни и поставили ему памятник после смерти; один из них (Сципион Африканский) предоставил поэту место в своей гробнице, так что покровитель мог буквально войти в потомство вместе с гениальным человеком.

Говоря о драме, представленной в Риме во времена Плавта и Теренция, мы можем упомянуть о том, что актеры носили маски, что придавало театральному представлению некоторые абсурдные и не очень интересные черты. Среди имущества обычного театра было несколько наборов масок, начиная с маски первого трагического старика, к которой для волос было прикреплено множество почтенной белой камвольной ткани, а щеки были такими же

меловыми, какими их могли сделать скорбь и слезы, достаточно сильные, чтобы смыть самый быстрый цвет. Маска второго трагического старика была менее бледной, чем у первого, так как не предполагалось, что он достиг этой универсальной привилегии старческого героизма - лика, измазанного бледным слоем белил. Маска трагического юноши или героя-юноши отличалась пышной шевелюрой, которая с самых ранних времен драмы и до наших дней, похоже, считается сценическим признаком благородного характера. Трагические маски для рабов имели несколько интересных разновидностей, включая острый нос, призванный свидетельствовать о многих ударах судьбы, впалые глаза, указывающие на печальный вид, и, иногда, длинные белые волосы, совершенно прямые, которые должны были передавать идею о том, что партия видела лучшие дни, хотя аналогия затруднительна, разве что вялость локонов может свидетельствовать о том, что благоприятный поворот был напрасно ожидаем. Маска трагической дамы обладала всеми признаками настоящей женщины в беде, которые и по сей день требуются на сцене, где длинные черные волосы, ужасно выпрямленные, являются эмблемой беспокойного ума, которому давно чужды кудри. Когда безумие, как и страдание, должно было быть представлено маской, волосы были неразделены в центре, но развевались в диком изобилии, как будто обладательница маски пережила многое, и как будто, что бы она ни пережила, ее волосы попали в середину.

Классическая маска первого комического старика была нарисована чрезмерно мягкой и благожелательной, чтобы указать на склонность к разбрасыванию кошельков среди бедняков и дарению своей дочери с несколькими миллионами сестерций молодому Луцию, которые были вероятными атрибутами ветерана греческой и латинской сцены. Была также маска раздражительного старика, которого изображали совершенно лысым, как будто он постоянно брал в голову что-то, что вырывало из нее все волосы. Маски комических молодых людей имели обычные черты сценического юмора: рыжие волосы, носы мопсов, широкие губы и поднятые брови, которые в наши дни поставляются из признанных источников драматического юмора - жженой пробки, жвачки и коробки с краской.

Мы могли бы перечислить длинный список различных масок, не внося никакого разнообразия, поскольку они были почти одинаковыми; но мы показали достаточно, чтобы доказать, что классический вкус, о котором так много кричат, не зная, о чем говорят, был очень мало, если вообще был, выше современного стандарта. Некоторые авторитеты^[61] утверждают, что маски не носили в самых ранних представлениях римской драмы; но некоторые из самых старых MS. Теренция содержат рисунки требуемых масок, так же как пьеса сегодняшнего дня содержит список костюмов персонажей. Поклонники классики могут быть огорчены и удивлены, узнав, что вкус, по восстановлению которого они так тоскуют, получал больше удовольствия от смертельных игр в цирке, чем от живых изображений людей и манер.

Легкая комедия

"Человек эпохи".

Историческая литература находилась в очень скромном состоянии, и в ней было много, а может быть, и все, что можно, - это многословность и мало точности, как в современном репортаже для газеты. Однако вряд ли справедливо строго судить авторов за труды, которые мы никогда не видели и вряд ли увидим; ведь они дошли до нас лишь в виде обрывков - результат различных порезов, которым они подверглись от рук Полибия и других критиков. По той же причине мы не можем добросовестно хвалить "Истоки" Катона, которые давно утрачены, и не желаем принимать "мнения прессы", которые слишком часто оказывались в распоряжении члена клики или покупателя надутого параграфа. Ораторское искусство всегда было и всегда будет важным, за исключением тех стран, которые настолько чрезмерно республиканские и свободные, что люди свободны для всех мыслимых и немыслимых целей, за исключением того, чтобы делать то, что им нравится, и говорить то, что они считают нужным. Римляне переняли искусство риторики у греков, но даже хорошая вещь становится неприятной, если ее заставляют делать там, где ее не просят; и когда афиняне послали в Рим трех ораторов, пропагандировавших свое искусство, иностранным агитаторам было приказано - очень правильно - покинуть город.

Как юристы, ранние римляне заслуживают высокой оценки, и они продемонстрировали свое благоразумие, сделав юриспруденцию неотъемлемой частью обычного обучения. Римская молодежь должна была выучить Двенадцать таблиц наизусть, или, скорее, назубок, что считалось достаточным, если в нее помещались все Двенадцать таблиц, о которых говорилось.

Медицинская наука не пользовалась большим авторитетом у первых римлян, а физика, с коммерческой точки зрения, была очень мало востребована, так что, если бы она попала на рынок, то была бы просто лекарством. Аристократические семьи, как правило, ожидали, что один из их рабов будет знать что-то о процессе лечения, как и о других искусствах или ремеслах; и хирургическая операция, как и садоводство или любая работа, связанная только с ручным трудом, часто доверялась рукам простого кабатчика. Физика была едва ли известна в Риме как отдельное занятие до 534 года (219 г. до н. э.), когда греческий врач Архагат открыл магазин с обширным ассортиментом и банями, расходы на которые ввергли бы его в горячую воду, если бы публика не пришла и не подарила ему свое помещение. Лавки врачей были местом отдыха для праздных людей, которые всегда являются самыми выгодными пациентами; ведь ни одна болезнь не доставляет столько хлопот, как та, когда нечего делать, а времени на это предостаточно. Римляне мало продвинулись в искусстве, хотя и демонстрировали свою любовь к нему, грабя сокровища других народов. По такому же принципу карманник, укравший носовой платок, может похвастаться тем, что его привлекла красота его рисунка; а плут, унесший набор серебряных ложек, может притвориться, что им движет желание покровительствовать их рисунку или мастерству исполнения. Рим, действительно, едва ли можно назвать пришедшим в искусство из Греции, но лишь привнесшим несколько изделий, на которых это искусство работало.

Долгое время на торговлю смотрели свысока как на унижительное занятие, но со времен Второй Пунической войны эквиты, полностью пренебрегая справедливостью, начали выдавать деньги под непомерные проценты. Хотя они не гнушались торговать ради выгоды, они были готовы прикарманить ростовщические доходы. Они также покупали кукурузу по низкой цене за границей и продавали ее по дорогой цене дома; они понимали и практиковали все уловки торговца, хотя и насмехались над ним и отвергали его положение. Работоторговлей в огромных масштабах занимались и представители высших классов, и даже Катон, как говорят, сам немного занимался этим, несмотря на жесткость своих взглядов и мнимую чистоту нравов. Принцип патрициев, похоже, заключался в том, что то же самое, что было бы предосудительным в малых масштабах, было оправдано, когда практиковалось на широкой основе - продавать немного было унижительно, но продавать много не было позором всех; и по паритету рассуждений они должны были считать, что далеко не одно и то же, быть повешенным за овцу или ягненка, только меньший хищник заслуживает какого бы то ни было наказания.

Грабеж значительно увеличил общественное богатство, но отдельные люди, за исключением тех немногих, кто приложил руку к карманам завоеванных народов, были удручающе бедны. Рабов привозили в Рим в таком количестве, что за них едва ли можно было выручить цену; а из Сардинии привозили столько рабов, которых постоянно выставляли на продажу, сбивали цену, скупали и оставляли на руках, что "Сарды на продажу!" превратилось в пословицу, обозначающую товар, не подлежащий продаже. Напрасно бедняги были готовы делать все, что за них просят, - никто не давал им цены. Греческие пленники стоили дороже, ведь многие из них были опытными людьми и становились воспитателями, учителями музыки или живописи в семьях своих покупателей. Среди заложников, привезенных в Рим, был историк Полибий, который так хорошо

зарабатывал на жизнь, давая уроки, что, хотя его привезли в Рим против его воли, он выпросил привилегию остаться там. Его "Всеобщая история" в сорока книгах была работой, которая должна была быть и была бы в библиотеке каждого джентльмена, если бы не тот прискорбный факт, что она была почти полностью утрачена: и мы можем судить о совершенстве всей работы, зная, что хотя то, что осталось от нее, очень хорошо, лучшая ее часть отсутствует.

ССЫЛКИ:

[56] П. Корнелий Сципион не дал лучшего ответа, чем этот, на обвинение в растрате суммы в 36 000 фунтов стерлингов.

[57] См. "Города и кладбища Этрурии" Денниса.

[58] De Re rustica.

[59] Brut., с. 18

[60] Глава xix., стр. 202.

[61] Diomedes, iii., p. 486, ed. Putsch.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ВОЙНЫ С ПЕРСЕЕМ. ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА. ОСАДА И РАЗРУШЕНИЕ КАРФАГЕНА И КОРИНФА.

Филипп Македонский время от времени вел войну с Римом; но плата за содержание войск настолько истощала его средства, что пустые карманы вынуждали его к пустому миру. Он согласился ограничить свое владычество определенным пространством; но, поскольку его амбиции не имели границ, он не хотел довольствоваться тем, что его территория имеет какие-либо пределы. Поэтому он воевал с фракийцами, которые отправили послов в Рим, чтобы показать его, так сказать, своему общему господину. Рим наказал его, приказав не выходить за пределы, и пригрозил, что если он будет уличен в выходе за пределы, то будет жестоко наказан. Филипп пробормотал что-то о поисках справедливости в другом месте - угроза будущей мести, характерная для тех, кто, будучи вовлеченным в спор, получил явно худший результат.

Однако перспективы дальнейших действий были достаточно отдаленными, чтобы побудить его попытаться договориться с помощью своего сына Деметрия. Последний получил образование в Риме и, конечно, хорошо знал римский характер. Он преуспел в своей миссии, но добился своего в менее приятном смысле, поскольку его существование было прекращено из-за предательства. Некие коварные люди разжигали чувство ревности между

ним и его старшим братом Персеем, который отравил разум Филиппа с таким роковым эффектом, что тот стал причиной отравления - не только психического, но и физического - своего сына Деметрия. Когда несчастный родитель обнаружил, что его обманули, ему стало так не по себе, что он совсем потерял рассудок и умер в возрасте трех лет, не выдержав тяжелого счета, который он сам себе предъявил на суде собственной совести.

Римляне приветствовали Персея как царя, но все их приветствия не могли сделать его правление процветающим. Он попытался укрепить свою власть браком с дочерью Антиоха Эпифана, так как Персей считал, что помощь, которую он получит от этого брака, сделает его более чем удобным для его врагов. Он отдал свою сестру за Прусия Вифинского, надеясь, что тот, женившись на представительнице этой семьи, почувствует себя причастным к ее интересам. Однако скупость погубила Персея, так как он не понимал, как правильно использовать кошелек, который он наполнял изо всех сил, а затем скупо держал его за веревочки. Он обещал платить своим союзникам, но их рвение в его деле угасло, когда они остались без своих субсидий.

Евмен из Пергама, в числе прочих охваченный паникой, отправился в Рим за советом, а по возвращении едва не погиб на шоссе от рук людей, которые напали на него в очень низком виде. Он проходил по узкой тропинке недалеко от Дельф, из чего следует, что он прошел пешком по крайней мере часть пути, когда какие-то люди, скрытые в скалах, бросили вниз несколько больших глыб гранита, которые хотя и не стали причиной его смерти, но приблизили его к ней на расстояние удара. Когда на него упало несколько огромных кусков, ему показалось, что все не так, и он прокручивал в голове эту ситуацию, когда обнаружил, что катится вниз по обрыву. Его подобрали почти безжизненным, но, несмотря на сильные ушибы, он остался жив; и хотя его почти разнесло на куски, через несколько дней он достаточно окреп, чтобы отправиться домой, в Азию, другой дорогой. Говорили, что Персей приложил руку к этому позорному делу; но он заявил, что даже если бы он желал смерти Эвмена, то не стал бы так отчаянно ее добиваться.

Это обстоятельство послужило толчком к вражде между Римом и Персеем, которого консул Павел Эмилий загнал в место под названием Пидна, где две армии сошлись так близко, что их конница была вынуждена наполовину войти в один и тот же поток воды. Один римский конь случайно пил, но, испугавшись собственной тени и не дав себе времени на размышление, которое показало бы ему причину тревоги, убежал в лагерь врага. Животное, хотя его и подстегивал лишь порыв, продолжило бегство; за римскими солдатами, бежавшими за ним во вражеский лагерь, быстро последовало еще столько же, что они, хотя и преследовали своего коня, начали атаковать пеших врагов.

Сражение началось при столь неблагоприятных обстоятельствах, что римский вождь Эмилий, считая все проигранным, заявил, что для него все едино, что с ним будет. Он продемонстрировал свое горе, разорвав халат, чтобы показать, как сильно он изрезан, и, нетерпеливо стуча ногой по земле, навсегда заклеил себя как человека, лишенного силы духа, в случае, когда требуется стойкость. Римская кавалерия начала успешно наступать, консул начал наступать; и, когда фортуна перевернулась, македонцы, по словам тех серьезных авторитетов, которые никогда не отступают, хотя всегда отступают, были, как обычно, разрезаны на куски. Персей бежал в Пеллу; но, не закрыв за собой ворота, он лишился всякой возможности спастись, если бы остался в этом месте, и поэтому отправился в Амфиполь. Там он попытался обратиться к жителям от своего имени, но пролил столько слез, что заглушил свой голос и захлебнулся. Он надеялся пробудить жителей, отправившись в страну с криком; но он погасил их энтузиазм потоком слез, когда они ожидали потока красноречия.

Перелетая с места на место, как загнанный заяц, он почувствовал, что игра окончена, и, отступив в Самофракию, отдал свою усталую голову под кров Кастора, в храме которого он спрятался. Он успел захватить с собой большой запас сокровищ, которые очень хотел сохранить, и нанял моряка, чтобы тот отвез его на Крит; но когда деньги были отправлены на борт, хитрый моряк из любопытства взвесил золото и тут же бросил якорь. Персей спустился на берег, чтобы сесть на корабль, и, понаблюдав за ним, понял, что тот справедливо, а точнее, несправедливо уплыл со всеми его сокровищами. Побродив по берегу, он почувствовал, что сел на мель, и, не имея ни жилья на ночь, ни возможности его получить, вернулся в уединенные покои храма. Имея жену и семью, которых нужно было обеспечивать, он бросился на помощь щедрому Эмилию, который дал ему пропитание, но нагрузил его цепями, чтобы он почувствовал всю тяжесть своих обязательств. Несчастливого Персея заставили пройти с триумфом перед машиной своего завоевателя; и хотя он просил не опускать его так низко, его еще больше опустили, жестоко заточив в подземную темницу. Говорят, что его товарищи по заключению предлагали ему меч, чтобы он закончил свои дни, но, взглянув на оружие, он очень правильно отказался довести свои страдания до конца, совершив глупый и нечестивый поступок. В конце концов он добрался до Альбы, где умер примерно через два года; его сын, Александр, занялся ремеслом токаря с похвальной целью заработать честный грош.

Паулюс Эмилий воспользовался обычной привилегией завоевателя, лишив побежденных всего, чем они владели; Македония была объявлена свободной, по обычаю, полностью передав ее под управление иностранных победителей.

Триумф Павла Эмилия был одним из самых великолепных зрелищ, которые когда-либо видели, и длился три дня, в течение которых продолжалась вечная ярмарка; ведь среди римлян "Никто, кроме храбрецов, не заслуживает ярмарки" - это правило соблюдалось буквально. В первый день проходила процессия с картинами, на которых в самых ярких красках были изображены подвиги Эмилия. Второй день был посвящен выносу трофеев и серебряных монет, а на третий, самый грандиозный день, шествовало золото, за которым следовали 120 быков, которые, кажется, не символизируют ничего, что относится к войне, кроме ее разбоя. После них шел несчастный Персей, обремененный оковами и имеющий при себе другие, гораздо более трогательные связи, в виде трех своих детей.

Слава о судьбе Персея распространилась среди земных царей, которые стекались, как овцы, или, скорее, ползли, как проклятые, чтобы выразить почтение римскому сенату. Персей прибыл с обритой головой, как бы показывая, что не только своей короной, но и волосами, и всем остальным он обязан Риму; на нем была изорванная одежда освобожденного раба, как бы доказывая, что у него нет ни одной тряпки на спине, а только то, чем он владел по воле своих хозяев.

Всех, кто проявлял хоть какое-то сочувствие делу Персея, жестоко преследовали, а несчастные родосцы были так напуганы предчувствием своей участи, что начали предвосхищать ее на самом деле, совершая побеги друг от друга и от себя. К тем немногим, кто остался, были применены самые тяжелые условия, что делало их собственное состояние еще более плачевным. Карфаген и Ахейская лига были единственными двумя державами, которые, казалось, могли встать на пути Рима, причем последняя считалась настолько презренной, что некоторые ахейцы, задержавшиеся в Италии, были спасены сарказмом Катона по поводу их слабости и дряхлости. "Нам остается только решить, - сказал он, - будут ли эти бедняги похоронены их собственными могильщиками или нашими"; жестокая любезность, которая, однако, имела гуманный результат, так как было решено, что они

должны быть свободны вернуться домой и отдать родным гробовщикам прибыль или убыток, связанный с их похоронами.

Карфагеняне уже несколько лет находились в мире с Римом, но им сильно досаждали некоторые из его союзников, особенно Массинисса, их сосед в Нумидии. Довольно неприятно подвергаться нападению, но еще больше провоцирует невозможность нанести ответный удар, что и произошло с Карфагеном, чьи руки были связаны узами, запрещавшими ей вступать в войну без разрешения Рима. В Рим было направлено обращение, а оттуда прислали послов, которым было велено выслушать карфагенян, но принять решение в пользу Массиниссы. Карфагену надоело позволять Риму держать в руках весы правосудия, так как, хотя весы могли быть истинными, на одну сторону всегда прикреплялась ложная гиря, которая давала ей огромный перевес.

Поэтому карфагеняне взяли за оружие против Массиниссы, который, несмотря на девяностолетний возраст, сражался с большой решимостью; вероятно, он чувствовал, что слишком стар, чтобы бежать, и что его единственный шанс - это решительная позиция, так хорошо подходящая для того времени жизни, когда прогресс несколько затруднен. Карфагеняне потерпели поражение, но еще не до конца, пока Рим не загорелся идеей разрушить их город. Катон был особенно склонен к этому замыслу, или, скорее, он преследовал его с непреклонным упорством, поскольку заканчивал каждую свою речь словами "*Delenda est Carthago*", которые можно свободно перевести как "Карфаген должен быть разбит". С чего бы ни начиналась его речь, он всегда заканчивал ее одними и теми же словами, и где бы он ни выступал - в сенате, на рынке или в собственном доме, - несмотря на то, что помещения могли быть разными, он всегда приходил к одному и тому же выводу. Он ходил как человек с одной мыслью, и его поведение было почти мономанией; если он встречал на улице друга и разговаривал на разные или безразличные темы, он прощался с ним привычными словами: "*Valete; delenda est Carthago*" - "До свидания, мы должны разбить Карфаген". Во время дебатов в Сенате он вытащил из кармана несколько фиг, которые продемонстрировал некоторым из своих братьев как "замечательно прекрасные". Когда плоды рассматривали, он заметил, что "собрал их в Африке", что "они крупные", что "есть еще много других, откуда они взялись", и, добавив одним словом: "*Delenda est Carthago*" - "Мы действительно должны разгромить Карфаген".

Рим согласился с Катоном, особенно когда он указал на то, что это место чрезвычайно богато; ведь римляне, когда нужно было что-то получить путем грабежа, были готовы к насилию. Консулы М. Манилий и Л. Марций Цензорин собрались с большими силами в Сицилии, куда явились послы из Карфагена, но единственным результатом переговоров стал приказ отправить 300 членов лучших карфагенских семей в качестве заложников. Затем римляне прошли в Утику, где карфагенские послы снова попытались вступить в переговоры, но в ответ они потребовали немедленно сдать все оружие и боеприпасы. В город были отправлены уполномоченные, чтобы проследить за выполнением приказа, который состоял в том, чтобы вынести 200 000 доспехов и 3000 катапульт.^[62] Карфагеняне, похоже, потеряли голову, когда так спокойно сложили оружие; но когда им сказали, что они должны оставить Карфаген и построить другой город в десяти милях от него, они с некоторым опозданием начали понимать, что пришло время защищаться.

Карфагенские послы перешли к обычному выражению страдания, вырывая волосы с корнем, вместо того чтобы попытаться набраться храбрости. Некоторые, уже облысевшие, катались в пыли; и лишь немногие, как здравомыслящие люди, отправились сообщить карфагенянам о гибели, которая грозила их городу.

Получение этой новости, по-видимому, лишило карфагян всего их природного разума, так как первым их шагом было жестокое обращение с посланниками. Затем была предпринята попытка спасти город, закрыв ворота; горожане вооружились камнями, решив поставить свою жизнь на кон от этих недружелюбных снарядов. Невозможно не уважать и не восхищаться героизмом, проявленным в сложнейших обстоятельствах; но, к сожалению, попытка оказалась бесполезной, поскольку все шансы были против карфагян. Гасдрубал, живший в изгнании, во главе 20 000 человек - несколько большая партия, чтобы оставаться в изгнании, - был послан принять командование и занял пост за городом. Жители, отдав врагу все свое обычное оружие, пополнили запасы боеприпасов, отдав в печь все свое золото и серебро; было очень трогательно видеть, как их сокровища приносятся в жертву ради этой патриотической цели. Женщины обрезали свои волосы, чтобы пустить их на изготовление арбалетов, а мужчины гордились тем, что натягивали как можно больше струн на лук. Они работали так энергично, что, как говорят, каждый день изготавливали до 500 копий, 140 пряжек и 300 мечей; но это утверждение, похоже, содержит столько вымысла, что нам трудно в него поверить.

Сопrotивление Карфагена было упорным, а уверенность Рима привела к некоторому бездействию со стороны последнего, что затянуло осаду, пока в дело не вступила новая жизнь, благодаря назначению молодого П. С. Сципиона, сына Павла Эмилия, на пост консула. Карфагяне также были побуждены к новым усилиям, и отряд из 300 человек пробрался через гавань с факелами в руках, чтобы сжечь несколько двигателей; но вода затушила их усилия, которые можно сравнить с попыткой поджечь Темзу; все, кто не утонул, были рады вернуться обратно. Предложение использовать пламя было неудачным для Карфагена, так как оно, казалось, заставило римлян загореться по-новому, и для достижения своей цели они прибегли к поджигательству. Войдя в стены, они подожгли несколько домов и, перенося огонь с улицы на улицу, придали своему делу отблеск, который не менее ненавистен, чем отблеск победы.

После того как почти все были убиты, 50 000 мужчин и женщин вышли с оливковыми ветвями навстречу завоевателю; 900 римских дезертиров все еще оставались в цитадели. Гасдрубал сдался, но его жена, которая была сильной женщиной, выступила с речью с крепостного вала и, поведя несколько минут своих бедных беспомощных детей вверх и вниз, бросила их перед собой и в конце концов сама бросилась в горящие руины. Предыдущие историки выражали свое восхищение этой неистовой женщиной за описанный нами акт убийства и самоубийства; но мы должны признаться в своей полной неспособности оценить героизм этого произведения жестокости и трусости, включающего в себя большое количество жестокой смелости, но полностью лишено моральной стойкости.

Карфаген был полностью разрушен, и Сципион, который был главным орудием его поджога, как говорят, проливал слезы над его тлеющим пеплом; но мы склонны приписать этот факт скорее тому, что дым попал ему в глаза, чем какому-либо чувству человечности. Даже те, кто отдает ему должное за чувствительность, обвиняют его в эгоизме, поскольку говорят, что он намекал на возможность того, что такая же судьба постигнет его собственную страну; и добавляют, что, думая о своем доме, он цитировал Гомера, предсказавшего гибель Трои устами Гектора.^[63] Римляне, овладев городом, сровняли с землей все, что уцелело от пламени; но сами они опустили еще ниже, чем сравнивали город с землей. Так пало место, которое поддерживало благородное соперничество с Римом и которое во многих отношениях превосходило своего гордого конкурента.

Величие Карфагена, несомненно, послужило причиной того ничтожного чувства, которое проявлял к нему Катон, не способный смириться с мыслью, что может существовать город,

соперничающий величиим с тем, в котором он жил. Стены, которые были тройными, делились на два этажа, верхний - для людей, нижний - для животных; в первом располагались казармы для солдат, а во втором - конюшни для слонов.

Однако главная слава этого места заключалась в его акведуках, которые тянулись длинной линией в семьдесят миль, и которыми жители имели больше оснований гордиться, чем даже еще более длинной линией предков. То, что место, почти полностью окруженное акведуками, было уничтожено огнем, - удивительный факт, хотя не исключено, что токари могли проявить небрежность и, если их попросили включить воду, выключить ее в пользу какого-нибудь более приятного занятия.

Трофеев оказалось не так много, как ожидалось, ибо все было испорчено причиненным несчастьем, и хотя золота было много, страшное количество бурных перемен так разбросало его, что осталось не так много, как могло бы быть. Сципион с чувством чести, которое, как гласит пословица, присуще ворам, обратился к местам, ранее разграбленным Карфагеном, с призывом вернуть свое имущество; жители Агригентума потребовали медный бык, который они когда-то использовали в качестве орудия пытки, хотя это изобретение было настолько позорным для человечества, что его изобретателям следовало бы постыдиться просить его обратно. Среди призов, полученных римлянами, была небольшая партия книг, в том числе небольшой труд по сельскому хозяйству Маго, который научил карфагенян обрабатывать землю, но не тому, как сохранить свою землю, так как они потеряли каждый фут ее.

Карфаген стал провинцией Рима под названием Африка, а Сципион, который впоследствии стал называть себя Африканом, одержал один из тех триумфов, которые на самом деле позорят объект, в честь которого они были задуманы. Часть "триумфа" заключалась в варварском бросании на съедение львам беглецов, попавших в его руки, а также в проведении игр, в которых смерть побежденного была главным развлечением для завоевателя.

Македония, стонавшая от навязанной ей Римом свободы, с радостью становилась рабом каждого, кто предлагал облегчить ей это несносное бремя. Таким образом, македонцы стали жертвами трех самозванцев подряд, которые, при всей их навязчивости, были менее неприятны, чем тяготы, налагаемые Римом в его образе освободителя на весь мир. Самозванцы - один из которых был беглым гладиатором - были в свою очередь покорены, и Македония была поглощена ненасытным аппетитом Рима к завоеваниям.

Из трех претендентов, о которых только что шла речь, единственным, кто смог удержать свои позиции - хотя, кстати, они никогда и не были его позицией - был молодой человек, объявивший себя Филиппом, сыном Персея. Юноша, несомненно, был очень похож на своего предполагаемого отца, и, основываясь на сходстве черт лица, он так смело заявил о своих притязаниях, что македонцы благосклонно отнеслись к этому. Они возложили на его голову свою корону, а царское имя, казалось, придало молодому авантюристу силу, так как он успешно напал на римлян под командованием консула Ювентия. Однако самозванец вскоре потерял контроль над собой, и его влияние на новых подданных сразу же закончилось. Они сбросили его с себя, и он был вынужден укрыться во дворе, где жил некий Байсас, мелкий фракийский князь, который выдал или, что более вероятно, продал беглеца, искавшего у него гостеприимства. Претендент, уведший за собой многих других, в конце концов, был уведен сам, и его заставили маршировать в качестве "страшного примера" на триумфе Метелла.

Примерно в это время ахейцы, заключившие союз, начали ссориться между собой; Спарта, как избалованный ребенок, хотела иметь свой собственный путь и дулась, как бы уединяясь в

углу, отдельно от остальных членов конфедерации. За советом обратились к Риму, и римские послы прибыли в Коринф; но они были настолько непопулярны, что во время посещения театра, куда они отправились, ожидая честной игры, были оскорблены и закиданы зрителями. Это вызвало раздражение римлян, и армия под командованием Муммия была отправлена на встречу с греческим полководцем Диеем, который был настолько уверен в победе, что соорудил места для женщин и детей, чтобы они могли увидеть его победу в битве. Он подготовил все в окрестностях Коринфа и, пользуясь привилегией храбрых, которые, как говорят, заслуживают справедливости, собрал вокруг места предполагаемого сражения большое количество женской красоты. Дамы были в полном ожидании, а Дигей - в полной уверенности, пока не появился Муммий и в считанные минуты не отправил Дигея в полет к Мегалополю. Здесь он вошел в свое жилище и, поджегши помещение, отпраздновал самым унылым образом поражение, которое пришло на смену намеченной победе.

Муммий, посчитав, что преследовать беглеца бесполезно, предпочел воспользоваться своим преимуществом и прибыл к воротам Коринфа, которые горожане оставили открытыми. Город был пустынен, и Муммий не только разграбил его дворцы, но и частные дома, и, заглянув в магазины, извлек оттуда несколько очень ценных вещей. Однако он так мало понимал и ценил искусство, что, отправляя в Рим ценные картины или скульптуры, говорил морякам, что если во время плавания им будет нанесен какой-либо ущерб, он заставит их выполнить предметы, точно такие же, как те, которые он им доверил. Среди картин был знаменитый "Вакх" Аристида, который был настолько совершенен, что считался одним из чудес света, и, отправляя его в качестве части груза диковинок, он заявил, что, если ему будет нанесен какой-либо ущерб, корабельный художник должен немедленно написать другой. Варварство разрушителей Коринфа было таково, что эта картина была спасена Полибием только из рук солдат, которые играли на ее лице и при каждом броске кости снимали часть ее цвета.

Сцены, разыгравшиеся во время разграбления Коринфа, были варварскими крайней степени и предполагали полное уничтожение того, что можно назвать одним из главных столпов цивилизации - или, во всяком случае, ее коринфской столицы. Многие римские солдаты, опьяненные успехом и чем-то еще, погибли в пламени, на которое город был обречен варварским приказом Муммия. Говорят, что когда пожар только начался, на улицах был замечен жидкий металл, что побудило захватчиков броситься вперед в надежде нажиться на столь странной металлической валюте. Однако те, кто протягивал руку к заманчивой эмиссии, вытекавшей из банков по обеим сторонам улицы, обнаруживали, что она представляет собой плавящуюся огненную массу, которой они страшно обжигали пальцы. При более тщательном изучении материал оказался сплавом прекрасных руд, которому с тех пор дали название "коринфская латунь".

старой вазы.

Вакхическая группа, с очень

Греция теперь лежала у ног Рима, который попирает не только своего павшего врага, но и все обязательства чести и морали. Население и богатства Коринфа были уничтожены - первое путем убийства, а второе - грабежа. Греция была образована в римскую провинцию под названием Ахайя, и Муммий, славясь, скорее, чем стыдясь своей доли в этом деле, взял себе фамилию Ахайкус. В качестве положительной черты этого периода можно привести возведение в Риме часов, что в некоторой степени противоречило времени; ведь полезные искусства были преданы забвению на фоне войны и грабежей. Часы состояли из бутылки с узким горлышком, наполненной водой, разделенной на двенадцать мер, чтобы отмечать часы; но только минутный наблюдатель мог определять минуты. Единственным способом определения времени в Риме до этого были солнечные часы, которые, конечно, были

бесполезны при отсутствии солнца, и те, кто был привязан к тени, не могли получить от них никакой помощи в своих вечерних приготовлениях.

Мы с некоторым удовлетворением отмечаем появление описанного нами прибора, ведь само по себе проявление желания замечать ход времени говорит о желании улучшить его использование. Применение бутылки для полезной цели также должно быть радостным симптомом, когда оно встречается среди тех, кто раньше смотрел на бутылку как на средство убийства времени, а не как на инструмент, позволяющий сделать его бег ощутимым.

ПЯТНАДЦАТЬ:

[62] Катапульта была инструментом для метания стрел на значительное расстояние. Стрелы назывались *Tormenta*, не из-за мучений, которые они причиняли, а от *torqueo* - крутить, потому что они были сделаны из скрученных волос, и, возможно, вид их был рассчитан на то, чтобы заставить врага повернуться.

[63]

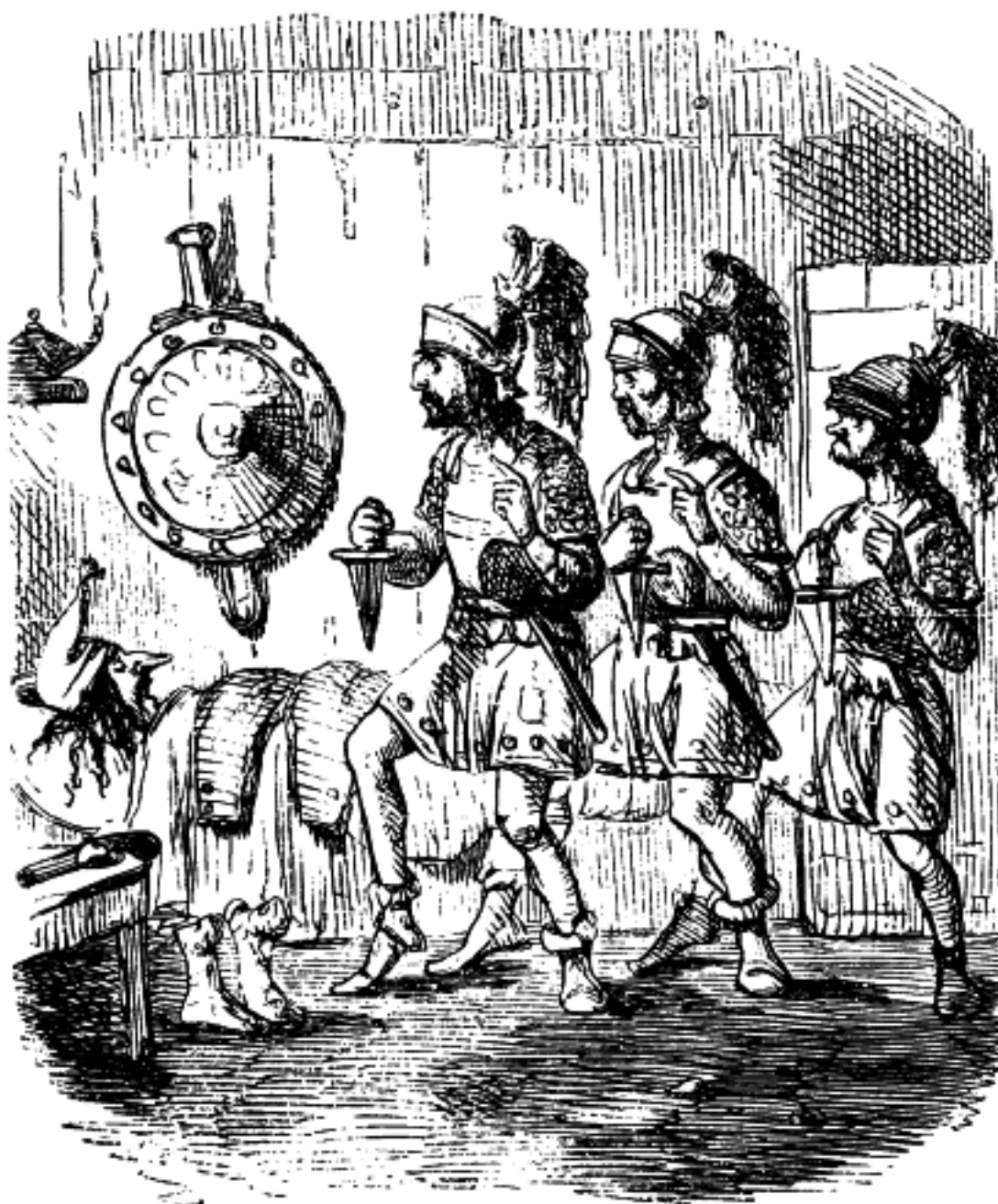
"Настанет день, когда падет сам Илиум,
вместе с Приамом и его копьеносцами" - *Илиада*, vi. 446.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ВОЙНЫ В ИСПАНИИ. ВИРИАТХ. РАЗРУШЕНИЕ НУМАНТИИ. ПОДНЕВОЛЬНАЯ ВОЙНА В СИЦИЛИИ. ЗАХВАТ ПЕРГАМА.

Война стала настолько привычной для римлян, что они никогда не чувствовали себя дома, если не сражались за границей, и меч был единственным предметом, который они брали в руки с настоящей серьезностью. От опьянения успехом, как и от других привычек, нелегко избавиться, и римляне стремились утолить свою жажду завоеваний в манере, полностью противоречащей трезвому рассудку. Их целью было завоевание Испании, и во исполнение этого замысла они жестоко казнили большое количество лузитанцев, сложивших оружие в ответ на обещание, что если они оставят поле битвы, то им будет позволено спокойно владеть полями мирного труда. В соответствии с этим обещанием они разделились на три части, а затем, как нас убедительно уверяют летописцы, были вероломно разрезаны на несколько тысяч кусков. Одним из немногих, кому удалось спастись, был Вириатус, сочетавший в себе качества волка и ягненка, так как, поработав нежным пастухом, он превратился в отчаянного разбойника. Отказавшись от честной пастушеской жизни, он перешел на более извилистые пути обычного вора; похоже, он постепенно завоевывал доверие своих соплеменников, пока они не сделали его генералом. Он провел свои ранние дни среди гор и был готов к взлетам и падениям жизни, которые ему пришлось пережить

впоследствии. Хищные свойства научили его нападать, а разбойничья практика, из-за которой ему приходилось часто уходить с дороги, познакомила его с искусством избегать врагов. Он появлялся внезапно из густых зарослей и, натворив немало бед, укрывался в углублении какой-нибудь скалы, на которую его спутники никогда бы не наткнулись. Хотя он начинал свою карьеру как бедный деревенский клоун, он натренировался совершать подвиги, достойные самого опытного Арлекина. Жизнь, которая для большинства людей является драмой, в его случае представляла собой ряд сцен в пантомиме. Он был здесь, там и везде, когда его не ждали, и тут же оказывался нигде, когда его преследовали противники. Его политика заключалась в том, чтобы сначала рассеять, а затем уничтожить; разделить врага на части и разрубить его на куски *по деталям*. Он столкнулся с Вителлием, римским претором, недалеко от места под названием Трибула, где последний попал в сильнейшее затруднение, будучи проведенным через кусты и заросли в засаду, где он потерял половину своей армии. Другая половина потеряла его, потому что он был убит мечом какого-то незнакомого человека, хотя, если бы он был известен, знакомство, скорее всего, было бы прервано таким же варварским способом.

Убийство

Вириатуса.

Некоторое время Вириат сбивал врага с толку хитростью и обращением, а точнее тем, что у него вообще не было адреса, так как он не имел постоянного места жительства, и поэтому найти его было очень трудно. В конце концов он провел сражение, в котором добился такого успеха, что был заключен мир, в котором он был признан другом и союзником Рима; но когда некому было спасти его от друзей, он был подло убит во сне лузитанскими убийцами, которых нанял римский генерал. Зачинщики этого варварского деяния отказались платить, когда кровавая работа была закончена, и убийцы, предъявив требование за свое преступление, можно сказать, образно перерезали себе горло, так как им грозило наказание за беззаконие, в котором они признали себя виновными. После смерти Вириафа лузитанцы, лишившись головы, оказались без мозгов, необходимых для самозащиты, и стали легкой добычей в руках К. Помпея. Этот человек был сыном музыканта, но вместо того, чтобы

следовать профессии своего отца, он стал предводителем воинственного отряда, и солдаты охотно играли на его руках или действовали в согласии с ним ради удовлетворения его личных амбиций. Он напал на Нумантию, но так неудачно, что был вынужден заключить мир; но вероломно заявив, что заключение мира означает начало войны, он возобновил военные действия при первой же удобной возможности. Впоследствии К. Хостилий Манцин начал атаку, но 10 000 его людей были убиты, а еще 20 000 заблокированы в овраге, и он не смог найти выход из положения без капитуляции. Нумантинцы отказывались вести с ним переговоры, пока молодой тибец Семпроний Гракх, которому они доверяли, не выступил вперед и не поклялся своей честью, что с Нумантией поступят справедливо. Сенат, однако, отверг это соглашение, и честь молодого Тиба осталась среди огромного количества невыполненных обещаний, которые донесла до нас история.

Римляне начали чувствовать, что никто, кроме лучшего человека, не сможет победить, и, соответственно, они искали лучшего человека, которого нашли в Сципионе Африканском, разрушителе Карфагена. Его послали против Нумантии, которую он окружил укреплениями, чтобы уморить жителей голодом, не пуская их внутрь, и он сделал все возможное, чтобы восстановить дисциплину в римской армии. Он закалил солдат, заставляя их таскать груз дров, - это был новый план обеспечения их жильем; он заставил их спать на земле, которую они жаловались на то, что она жесткая; и он не разрешил им иметь никакой другой кухонной утвари, кроме кастрюли, что вызвало негодование многих.

Нумантия стояла на возвышенной скале, и ее жители проявляли мужество, достойное их высокого положения. Река Дурий (ныне Дору) омывала ее ноги, по обе стороны были леса, а насыпи и рвы, которыми изобиловала долина перед городом, делали почти недоступной любую попытку подойти к нему спереди. Сципион Африканский вскоре понял безнадежность успеха при прямом нападении, поэтому он возвел вокруг места двойную крепость, чтобы предотвратить любую помощь в виде запасов провизии. Он затруднил судоходство по реке, перебросив через нее большие балки, пронизанные мечами, которые, вращаясь вместе с приливом, отрезали всякое сообщение по воде.

Несмотря на все принятые меры предосторожности, отряд из примерно полудюжины молодых людей, пробравшись сквозь заграждения - а заграждения были очень прочными, - сумел добраться до города Лутия. Глава отряда, держа в руках оливковую ветвь, умолял о помощи с таким эффектом, что лутийцы предложили ему руку помощи в его ужасной ситуации. Сципион, преследовавший его, не успел услышать о том, что лутийцы предложили помощь, как жестоко заявил, что у них не должно быть рук, и варварски приказал отрубить руки четыремстам горожанам.

Нумантинцы, оказавшись в полном окружении, не могли получить провизию, но, вынужденные в конце концов питаться кошками, они стали еще упорнее сопротивляться врагу. В конце концов они выпросили перемирие на три дня, которые они потратили на уничтожение своих жен и детей - героизм, который нелегко понять; ведь убивать тех, кто дорог, чтобы защитить их, - это способ страхования, о политике которого мы должны спорить. Мужчины были так удручены и так страшно изрублены своими и чужими мечами, что завоеватели, войдя в город, имели лишь остатки населения.

В соответствии с обычаями того времени Сципион Африканский Малый, чьи злодеяния, связанные с осадой Нумантии, навечно заклеили его имя позором, приступил к подготовке триумфа. Вместо того чтобы испытывать достойный стыд, он проявил неподобающую гордость за содеянное; а чтобы еще больше отождествить себя с ужасами осады, он взял себе имя Нумантин. Голод так основательно подействовал на него, что из тех

немногих граждан, которых удалось найти живыми, только пятьдесят были в достаточно хорошем состоянии, чтобы принять участие в шоу, устроенном в честь его бесчестной победы.

Пока Рим разминал руки, он, можно сказать, мучительно напрягался; и Сципион во время своего консульства, видя, что республика может превысить свои силы, стал возносить молитвы о ее безопасности. Рим, несомненно, находился в опасности, хотя и по другой причине, чем предполагалось; ведь свободное население сильно сократилось в результате войны, а пленники, или рабы по обстоятельствам, значительно умножились. В обязанности последних входило ухаживать за стадами, и они настолько считались частью поголовья, что их хозяева обращались с ними как с животными.

Система рабства, существовавшая в Риме, оказала столь сильное влияние на его судьбу и позволяет понять его нравы, что оковы, наложенные им на других, можно рассматривать как многочисленные звенья его истории. Поэтому мы прервем на мгновение цепь повествования и перейдем к краткому рассмотрению римской системы рабства и цепей, к которой, как мы надеемся, внимание читателя может быть приковано надолго.

Согласно строгой букве римского закона, хозяин мог обращаться или плохо обращаться со своим рабом как угодно - либо смертью, либо продажей, либо наказанием. Хотя раб не мог обладать никакой собственностью, он имел право брать все, что мог достать, но только как средство передачи этого своему хозяину. Рабы рассматривались как предмет торговли, поэтому их можно было закладывать или отдавать в залог - в этом случае они становились предметом меланхолического интереса.

Спрос на рабский труд в Риме был вызван ежегодным потреблением свободного населения на войне, по требованию которой многие, кто должен был остаться возделывать землю, отправлялись пахать океан. В результате образовался избыток рабов, привыкших к земледельческому труду любого рода и уже попавших под ярмо, достаточно огрубевших, чтобы выполнять работу волов. Основную массу рабов составляли пленные, взятые на войне, и в армии обычно присутствовали торговцы, которые в случае перенасыщения часто могли купить партию по дешевке; в лагере Лукулла их брали примерно за три шиллинга и три пенса наших денег - или за четыре драхмы. В Риме было принято продавать рабов с аукциона, и, как будто бедные несчастные и так не были достаточно низкими, их сбивали с молотка. У торговцев была привычка использовать те же уловки, чтобы скрыть недостатки раба, что и в наши дни, чтобы скрыть недостатки лошади, поэтому при покупке было принято требовать гарантию. Характер часто подвешивался на свитке на шее, а главная рекомендация заключалась в гарантии, что они не совершат ни самоубийства, ни кражи - не будут склонны к хищению ни себя, ни имущества своего хозяина. Стоимость рабов значительно варьировалась, и за некоторые любопытные образцы пленного человечества назначались причудливые цены. За дурака, как известно, давали 20 000 сестерций - около ста семидесяти фунтов стерлингов - сумма, которая, казалось бы, должна была показать, что глупость была дефицитом; но если вспомнить, сколько мудрости требуется от человека, чтобы сделать дурака, то можно считать, что мудрость, заключенная в предмете сделки, была редкой и дорогостоящей частью его. Литераторов часто выставляли на продажу, как скот, когда они оказывались рабами, и полезную скотину, а иногда и литературного льва можно было увидеть прикованным к загону на публичном рынке. У рабов не было отличительной одежды, и когда однажды было предложено выдать им ее, эта мера была отвергнута на том основании, что это может показать их численную силу, и что если они однажды увидят свою силу, получив ливрею, они могут попытаться отнять свою свободу. Было сочтено, что лучше держать их в неведении, одевая в мрачные цвета, а если их численность не будет

проявляться в особой одежде, то вряд ли они объединятся для устранения своих недовольств.

Однако в человеческой природе есть нечто упругое, что заставляет ее подниматься после того, как на нее наступили. Так было и с рабами, которые начали раздуваться от негодования, которое стало особенно бурным благодаря надутому и раздувающемуся красноречию некоего Евна, сирийца, который был членом их собственного тела. Этот человек в высшей степени владел ораторским искусством, а ничто так не стимулирует ветерок недовольства, как дыхание восторженного демагога. Он убедил рабов восстать и, проповедуя им доктрину равенства, заявил, что является не только их вождем, но и князем и правителем, что нередко случается с сторонниками самых нивелирующих теорий. Притворяясь, что обладает даром пророчества, он предсказал, что однажды станет королем; и богачи, надев на его голову на несколько часов имитацию короны, с насмешкой сказали ему, что он был королем один день или, по крайней мере, полдня, и что его предсказание, таким образом, подтвердилось. Однако рабы поверили в него и, взяв в руки пики, топоры, шести и секиры, сделали себя, а также свои орудия труда орудиями Эвна. Не менее 70 000 рабов признали своим главой человека, который учил их, что у них вообще не должно быть головы, и призывал их к безжалостной расправе над побежденными врагами, прививая при этом доктрины гуманности. Однако ярость, не сдерживаемая ничем, и месть без причины не принесли должного результата, и вскоре рабы под командованием Эвнуса были разбиты дисциплинированными войсками консула Рупилия. Он осадил Тауромениум, и рабы, оказавшись в полной изоляции, лишились возможности получать провизию. Их положение изо дня в день было настолько отчаянным и однообразным, что, не имея ничего, что можно было бы съесть, они доставляли историку лишь жалкую пищу. Проглотив последний кусок, жители не смогли утолить голод, заперев ворота, и Рупилий был впущен в город. Эвн скрылся в расщелине скалы, но, понадеявшись на дружелюбное убежище пещеры, обнаружил, что оно оказалось пустой насмешкой. Его бегство было обнаружено, и он был взят под стражу вместе со своим поваром, кондитером, дворецким и шутом, которые, за исключением последнего, должны быть, занимали синекуры в ограниченном заведении своего хозяина. Буффон, должно быть, работал больше всех, ведь стремление веселиться в условиях трудностей - одна из самых меланхолических задач, которые могут быть возложены на исповедующего юмор человека. Самого Евна перевели из подземного погреба в подземную камеру, где, как говорят, его сожрали крысы; но, к счастью, эта страшная история не получила достоверного подтверждения в руках истории.

Сервильная война еще не закончилась, когда Аттал, царь Пергама, умер, не оставив после себя никаких следов, ибо не было головы следующего царя, на которой покоилась бы корона Пергама. Возможно, к счастью, Аттал не оставил наследника, ведь если бы кто-то унаследовал его качества, а также титул, это привело бы к плачевным последствиям. Этот человек был настолько порочен, что было бы милосердно объявить его сумасшедшим, и мы, соответственно, причисляем его к лунатикам, хотя и считаем едва ли оправданным оправдывать его многочисленные преступления на одном лишь основании сумасшествия. Говорят, он настолько пристрастился к практике отравления своих родственников, что счел более дешевым выращивать собственные растения; он культивировал болиголов или ночную тень, как другие выращивали свою фабулу или цицерну, бобы и чикве. Смерть таилась в корне всего, что было в его саду, и вполне вероятно, что он отправил немало подарков с мнимыми грибами своим ничего не подозревающим сородичам. Он стал настолько одиозен, что, говорят, его бы убили, если бы он не умер слишком рано, чтобы убийцы успели закончить свои приготовления. Имея привычку при жизни выражать свою волю очень кратко, неудивительно, что после смерти он оставил завещание, настолько короткое, что в

нем четырьмя буквами было написано все, что он хотел. Его последнее завещание состояло из букв P. R. H. E.; предполагалось, что все его имущество будет представлено в этом небольшом наборе заглавных букв. Римляне, которых пытались посвятить в смысл этих инициалов, объявили, что они означают: *Populus Romanus hæres est*, Пусть римский народ будет наследником моего имущества. Расценив эти буквы как административные письма, римляне завладели всем имуществом Аттала; но завещание было оспорено ближайшим родственником, неким Аристоником, родным братом, чьи притязания на наследство, как члена линии завещателя, были задушены веревкой, которой несчастный претендент был жестоко задушен.

Арест Евна.

Пергам стал римской провинцией под названием Азия Пропер - вид присвоения, который ничем нельзя было оправдать.

Рим сейчас находился в положении человека, переросшего свои силы, или, скорее, взрослого, все еще носящего одежды младенчества. Его меры были приспособлены к общественному организму, который с тех пор распространился во все стороны, в то время как конституция, в которую он был облечен, не была распространена на новый рост; поэтому крайние точки Республики были сведены к всевозможным крайностям. Народ в целом стал настолько нищим, что его легко было подкупить, чтобы он стал орудием своего собственного дальнейшего унижения; он был готов не только продать себя за ничто, но и отдаться почти за все.

Трибунат, который изначально был чисто народным учреждением, изменил или, скорее, утратил свой характер. Вместо того чтобы стоять у входа в сенат, чтобы не допустить злоупотреблений, трибуны по закону К. Атиния стали членами этого аристократического органа *ex-officio*. Цель трибуната заключалась в том, чтобы обеспечить народу определенное число друзей, наделенных высокой властью; но в итоге народ захотел спастись от своих друзей - результат, который не редкость в древней и современной истории. Как из самого щедрого вина можно сделать самый горький уксус, так и из самого безвкусного демагога часто создается самый резкий деспот.

Власть трибунов стала настолько велика, и ею так злоупотребляли, что даже сенат стал ревновать к ней; был принят закон, по которому трибунство подчинялось знакам и предзнаменованиям. Их толковали авгуры, которые, разумеется, имели право читать в молниях и слышать в раскатах грома все, что им было угодно распространить.

Аристократия утратила свои исключительные привилегии, но они стали еще более неприемлемыми, поскольку распространились на большую площадь; теперь они распространялись на определенную часть плебеев, которые назывались *novi homines*, или выскочки. Они отличались от нобилей, или, короче говоря, нобилей, которые пользовались правом иметь изображения своих предков в воске; но этот *jus imaginum*, как его называли, давал лишь воображаемое достоинство. Не было никаких юридических привилегий, связанных с вышеописанным видом знати; но на тех людей, которые обладали восковыми изображениями своих отцов, смотрели как на людей, создающих в обществе весьма респектабельную фигуру.

Несмотря на свободу, которую республиканцы объявляют неотъемлемой частью республиканской формы правления, во времена Римского Содружества были приняты законы, ограничивающие свободу частных действий. По закону Орхия, принятому в год города 572 (181 г. до н. э.), число гостей, которые могли садиться за обед, было ограничено: в качестве еще одной иллюстрации республиканской свободы можно упомянуть, что развлекающийся был обязан держать двери открытыми, чтобы все, кто мог свободно и легко войти в его дом, могли убедиться, что закон соблюдается. Двадцать лет спустя закон Фанния предписывал, чтобы ни одно развлечение не стоило более ста ассов, или шести шиллингов и пяти пенсов, в праздничные дни и в дни праздников; в десять других дней в месяце трапеза не должна была превышать тридцати ассов, или одного и одиннадцати пенсов; но в обычных случаях семь пенсов были той цифрой, до которой даже самый богатый человек должен был ограничивать стоимость своего обеда. Закон вмешивался не только в счет расходов, но и в счет блюд; при консуле М. Скауресе с обеденного стола была исключена дормуза как изнуряющая роскошь. Овощи разрешались в любом количестве, а хлеб можно было есть по своему усмотрению или даже сверх него.

До такой нелепой степени римляне вмешивались в частные расходы друг друга, что когда Красс и Деметрий были цензорами. Деметрий были цензорами, они самым нелепым образом

пытались нанести ущерб популярности друг друга. Деметрий публично обвинил Красса в расточительности за то, что тот впал в траур после смерти любимой рыбы, а Красс в ответ заявил, что Деметрий потерял трех жен, не проявив признаков траура ни по одной из них.[64]

ПРИМЕЧАНИЕ:

[64] Макробий, Сатурналии, lib. ii., с. 1.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГРАКХИ И ИХ МАТЬ. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ТИБЕРИЯ И КАЯ ГРАКХОВ.

Народ, приученный жить в основном за счет чужих трофеев, должен постоянно портить себя для любого мирного занятия; а те, чьей главной опорой является меч, должны постоянно уничтожать пищу, которой они живут. Когда внешние средства исчерпаны, приходится обращаться к дому, и те, кто существовал за счет грабежа чужаков, не успевают лишиться внешних источников поддержки, как начинают грабить друг друга. Таков был порядок - или, скорее, беспорядок - в Риме, где богатство оказалось в руках немногих, а социальная структура, подобно зданию, слишком тяжелому в верхней части, находилась под угрозой обрушения. Существовали большие слои населения, уверенные в том, что они совершенно свободны; но, наслаждаясь свободой воздуха, они не находили в ней никакого элемента комфорта, когда у них не было ничего более существенного, чем воздух, чтобы жить. Лишенные каждого дюйма земли, они испытывали лишь метеоризм и не могли внушить людям мысль о том, что жизнь можно поддерживать, просто вдыхая воздух свободы. Им говорили, что они - владыки земли;[65], но эта насмешка над уважением просто оскорбляла пустоту их уст не менее пустым титулом. Плебеи были подобны нескольким шифрам без предварительной фигуры, и, хотя обладали всеми материалами для силы в своем огромном теле, были бессильны, пока для них не нашлась голова. В конце концов он появился в лице Тиба Семпрония Гракха, внука старшего Сципиона, а поскольку, как говорят, две головы лучше, чем одна, Тиб объединил с ним своего брата Кая в качестве руководителя великого плебейского движения.

Старшего Гракха воспитывала его мать Корнелия - одна из самых первых членов древнего и почетного ордена "синих чулок". Она следила за воспитанием своих детей и лично обучала их красноречию - искусству, к которому женский язык особенно способен. В ее доме жили одни из первых философов того времени, которые, как и многие современные философы, прониклись идеей, что способ проникнуть в юношеский ум - это вечно его будоражить. Таким образом, понимание юных Гракхов было тщательно просверлено, а сокровища науки попали в такое количество отверстий, что единственным страхом было опасение, как бы сокровища через какое-нибудь из многочисленных отверстий, через которые они попали в разум, снова не оказались выходе.

Мать Гракхов.

Тиб. уже завоевал определенную репутацию в Испании и возвращался домой, когда увидел, что этрурские поместья богачей обрабатываются чужеземными рабами в цепях, чьи узы не только несли на себе печать деградации, но и сковывали местную промышленность. Этих рабов размещали и держали вместе в местах, называемых Эргастула, которые в буквальном смысле были рабочими домами, а практически - тюрьмами. Говорят, что они были построены под землей в форме сводов; но, рассказывая об их конструкции, Колумелла, который является главным авторитетом в этом вопросе, допустил некоторое искажение.

Теперь мы должны вернуться к Тибу Гракху, который к этому времени вернулся в Рим и принял благородное решение исправить злоупотребления, хотя и знал, что неизбежным следствием этого будут громкие злоупотребления в свой адрес. Он видел, что аристократия завладела почти всей землей, не позволяя плебеям иметь в ней никакой доли, кроме лемеха, и даже этого им часто не хватало, поскольку вместо свободных земледельцев они нанимали рабов. Тиб. был сведущ в законах и вспомнил о существовании в книгах старого устава Лициния, который пришел в негодность и возобновление которого, по его мнению, могло бы вдохнуть новую жизнь в плебейское тело. Согласно этому закону, никому не разрешалось занимать более 500 югеров - около 330 английских акров - государственной земли; но состояние земли свидетельствовало о совершенно ином распределении общественного имущества.

Более бедные владельцы земли были вынуждены из-за нужды продавать ее более богатым, и Тиберий выступил с популярным, но едва ли честным предложением, чтобы те, кто купил, отдали тем, кто продал, - предложение, которое было воспринято массами как счастливое вдохновение патриота. Идея была достаточно проста, и если простота является элементом величия, то идея пока что была отличной; хотя, поскольку в ее основе лежит принцип, согласно которому после продажи всего, чем человек владеет, покупатель или владелец должен вернуть имущество первоначальному продавцу, проект не очень хорошо приспособлен для деловых целей. Однако это предложение позволило патриоту отправиться в страну с "криком", и хотя цель была достаточно похвальной, средства, которые предполагали вмешательство в средства богатых людей, не могли вызвать всеобщего одобрения. Правда, большая часть имущества была получена нечестным путем, а еще

больше находилось в незаконных количествах; но часть имущества была предметом регулярной продажи, и предложенная всеобщая конфискация была лишь прокрустовым лозунгом.

Разумеется, против этого плана выступили, и термин "эгоистичный аристократ" был либерально или нелиберально - к сожалению, иногда они слишком похожи в своем политическом смысле - применен к каждому, кто сделал все возможное, чтобы защитить то, что закон позволял ему годами считать своей собственностью. Однако здравый смысл стал настолько преобладать над , что предложение Тиба Гракха было несколько изменено, и распределение излишков земли было поручено постоянной комиссии из трех человек, которых называли триумвирами. Чтобы придать этой мере нечто похожее на последовательность, в ней предусматривалось, что земля, отобранная у прежних владельцев, не должна продаваться новыми; таким образом, соблюдалось некое единообразие в грабеже первых и ограничении вторых, так что принцип невозможности делать со своим собственным то, что нравится, утверждался в каждом случае. Несправедливость всей процедуры была настолько очевидна, несмотря на "популярность" схемы, что был введен пункт о компенсации тем, кто за свой счет построил дома на этом участке; но ничего не было присуждено тем, кто только построил на нем свои надежды на то, что им будет позволено продолжать спокойно владеть собственностью.

Партийные чувства, разумеется, были очень высоки, или, другими словами, разбирательство было крайне низким с обеих сторон. Тиб. Гракха народ превозносил как воплощение всего благородного, а патриции осуждали как воплощение всего презренного. С одной стороны, его приветствовали как патриота, а с другой - как мошеннического демагога; так что если все, что входило в одно ухо, выходило из другого, его голова должна была стать проезжей частью для всех видов средств оскорбления и лести. Сенат воспользовался самым жалким способом мести и сократил его официальное жалованье до полутора динариев, что в переводе на английские деньги составляет около шиллинга в день. Лишенный средств к существованию, Тиберий объявил о заговоре против своей жизни и, чтобы вызвать сочувствие публики, преждевременно объявил о своем трауре. Одев своих детей в черное, он водил их с собой из дома в дом, прося приютить их как сирот; но люди отказались поддаться на столь очевидную уловку. Однако против него были выдвинуты ложные обвинения, и сосед по дому выступил в сенате, заявив, что в то утро он видел, как у задней двери принесли диадему и алую мантию, что доказывало намерение Тиберия узурпировать царскую власть. Чтобы получить весомое официальное положение для своих реформ, Тиберий избрался народным трибуном, и, казалось бы, неизбежные последствия вступления в должность сразу же проявились в том, что он ввел измененную редакцию меры, за которую ранее ратовал.

Аристократическая партия пустила в ход все двигатели и все старые насосы, чтобы облить его проект холодной водой, и в конце концов убедила одного из его коллег, по имени Октавий, на котором играли так же легко, как на флейте октавы, выступить против него. Способ противодействия, к которому прибегнул Гракх, был скорее эффективным, чем конституционным, поскольку он призвал народ уволить своего коллегу - решение почти столь же справедливое, как если бы один судья настаивал на увольнении другого, который мог бы отказаться покорно объявить себя "того же мнения", что и его ученый брат. Однако, когда люди однажды уже честно отправляются в определенный или неопределенный путь, они редко задумываются том, насколько несправедливо может подействовать их поспешность. Настроившись сердцем на определенную меру, они отказались руководствоваться головой, но, не раздумывая, отбросили все препятствия, мешавшие исполнению их желаний.

Поскольку Октавий все еще занимал свой пост, Гракх уведомил его, что у него есть решение, и на следующий день он предложил сместить своего коллегу. Октавий, однако, ответил на предложенную резолюцию замечательным проявлением решимости со своей стороны и заявил, что должен оставаться на своем посту, несмотря на недружественные действия другого. Эти средства не помогли, Тиберий лично обратился к своему коллеге и указал ему на изящество добровольной отставки; но Октавий, который очень высоко ценил себя, полностью возражал против добровольного принципа. Затем Тиберий попытался уморить коллегу голодом, опечатав казну; но опечатывание не произвело на Октавия никакого впечатления, и он продолжал занимать свое официальное место, пока толпа не выдернула его из-под него, и он не упал на землю, между двумя табуретами - своим и своего беспринципного коллеги. На место свергнутого трибуна был избран клиент или креатура Гракхов, от которого избавились, нарушив одну из важнейших форм конституции - не что иное, как скамья, занимаемая одним из высших чиновников правительства. Октавия поспешно вывели среди толпы, которая толкала его во все стороны; но, когда дело дошло до толчка, Тиберий Гракх попытался протащить его через трудности. Усилия оказались почти напрасными, и Октавий был обязан жизнью верному рабу, который потерял глаз, провожая своего господина через опасности, которые его окружали. После такого проявления народного мнения ни один трибун не осмеливался иметь собственное мнение, а если и имел, то держал его при себе, предусмотрительно заботясь о своей личной безопасности.

Новый законопроект о распределении земель сразу же стал законом страны, а два Гракха - Тиб. и Кай - вместе с Аппием Клавдием, тестем первого, превратились в постоянный триумвират. Это стремление временных носителей власти поменять по своему желанию аренду на пожизненное владение было заметно во все века. Стабильность власти настолько желательна, что постоянный исполнительный орган кажется естественной потребностью; но гриб с таким же успехом может стремиться заменить собой дуб, корни которого глубоко вонзились в почву, как и простой вождь революции может надеяться, не имея никакой привязанности к нации, стать основателем династии.

Тиб. Гракх

проводит агитацию.

Тиб Гракх, в истинном духе патриота по профессии, предложил ограничить все полномочия, кроме своих собственных, которые он стремился сделать как можно более обширными. Когда срок его полномочий истек, он заявил, что безопасность республики требует его переизбрания, и, соответственно, заставил обратить на себя внимание избирателей как на единственного желательного кандидата. В день, предшествующий выборам, он провел всю вторую половину дня в купленном им трауре и, ведя за руку своих детей, выставил себя и их в качестве "несчастной семьи" на публичных улицах. Выборы уже начались, на следующий день, когда партия консерваторов заявила о своем несогласии с ними на основании незаконности. Процедура уже была открыта, когда Тиб Гракх отправился на агитацию, рассчитывая, что его агитация позволит ему достичь желаемого пункта с мокрым парусом и развевающимися цветами. Не довольствуясь тем, что он отправился один за избирателями,

он взял под руку одного из своих собственных мальчиков и привлек на свою сторону всех матерей, привнеся в свои предвыборные движения то, что можно назвать детской игрой. Во второй половине дня кандидат сомневался, идти ли ему лично на выборы, когда его друзья - некоторые из них, от которых он был бы рад спастись, - заверили его, что ему лучше пойти, поскольку опасности нет. Последовав их совету, он дошел до площади перед Капитолием, когда его охватила нерешительность, свойственная продрогшим людям, и, застыв на месте, он отказался идти дальше. Среди сенаторов шли дебаты, когда один из них, П. Сципион Назика, призвал собравшихся выйти к дверям и спасти республику, принеся в жертву Тиберия. Все собрание вскочило на ноги и костыли; некоторые из членов схватились за палки, другие выхватили дубины и объявили, что месть дубин должна обрушиться на Тиберия. В таком духе они выступили вперед и, разыскав Гракха, вскоре сбили раздор с толку одним из тех ударов, которые лишили его всех притязаний на корону, когда они впервые столкнулись с ним. Его брат, Кай Гракх, вступил в политические отношения со своим родственником, но, не отказавшись от должности, покинул свой пост, и удалился в небольшое загородное местечко, хотя и не отказался от своего места в триумвирате .

Меланхолический конец

Тиба Гракха.

Сципион Эмилиан возвращался из Испании в Рим, когда узнал о смерти своего шурина, и, процитировав строку из Гомера, сказал

"Так погибают все, кто совершает такие дела".

он заявил, что его родственника Тиба постигла такая судьба, как того требовали его предки. Сципион сразу же взял на себя руководство консерваторами или, скорее, разрушителями; ведь их консерватизм заключался лишь в желании сохранить все, что они получили несправедливо, в то время как их политика была направлена на разрушение всех уз взаимного интереса и доброй воли, которые только и могут надолго связать общество.

Сципион

Эмилиан готовится к выступлению после сытного ужина.

Плебейская партия стала столь же неразумной с одной стороны вопроса, как и патриции с другой; демагог К. Папирий Карбо, получивший место трибуна, предложил, чтобы народ имел право снова и снова избирать одного и того же человека на трибунскую должность, - предложение, направленное на то, чтобы сделать его собственное положение постоянным. Сципион Эмилиан всячески противился этому предложению; вернувшись однажды вечером домой, он не успел поужинать, как начал готовиться к речи, с которой собирался выступить на следующий день. Однако его нашли мертвым в своей постели; и хотя вероятность указывает на апоплексию как на причину, историки без особых доказательств вынесли К. П. Карбо вердикт об умышленном убийстве. Мы без колебаний оправдываем его в этом ужасном преступлении; но мы не можем сказать, что сможем позволить ему покинуть эти страницы без пятна на его характере. Приходится сожалеть, что у сената не хватило смелости начать расследование в тот момент, когда это произошло, и когда можно было установить только реальные факты; ведь такой ход избавил бы от значительных хлопот тех летописцев, которые всегда готовы изложить совершенно новые обстоятельства, чтобы заменить те, которые современное расследование не смогло нам предоставить.

Каю Семпронию Гракху с каждым днем все больше надоедала его жизнь на покое, и, будучи прекрасным оратором, он начал льстить себе, что его услуги могут принести пользу обществу. Говорят, что к этому его подтолкнул призрак брата, но есть основания полагать, что им двигал более благородный дух. Эта братская тень, как утверждается, являлась ему во сне; но дела, которыми он теперь занялся, были не из тех, из-за которых он мог позволить себе заснуть.

В республиках, где тот, кто сегодня является покорным слугой народа, завтра может стать его хозяином, на таланты смотрят с ревностью, и правящая власть, якобы использующая способный инструмент, на самом деле продвигает опасного конкурента. Так, когда глава нации сменяем, она неохотно нанимает лучших людей, чтобы они не оказались лучше самого главы и не стали претендовать на самый высокий пост.

Если форма правления монархическая, то правитель заинтересован в том, чтобы пользоваться самой лучшей помощью, которую он может получить; ведь будучи сам несменяемым, он становится неподвижным центром, к которому постоянно тяготеют слава и успехи его министров и слуг.

Именно из соображений избавления от опасного соперника республиканское правительство отправило Кая Гракха из Рима, где он мог быть всем, в Сардинию, где он почти неизбежно опустился бы до нуля. Он и сам опасался такого исхода и поэтому вернулся в Рим, оставив Сардинию без чьего-либо разрешения. Долг должен был удержать его за границей, но честолюбие заставило его вернуться домой; а в республике мало что может гарантировать верность того, кто, будучи сегодня слугой правительства, завтра может стать его хозяином. Оставив интересы своей страны на Сардинии, этот исповедуемый патриот приехал в Рим, чтобы позаботиться о своих собственных интересах, и пустил свои таланты в ход на политическом рынке. Он сразу же выставил свою кандидатуру на пост трибуна; и хотя он отказался от одной должности - Квестора в Сардинии, - его избрали на более важный пост, который можно назвать главной опорой народной свободы.

Хотя он, конечно, добивался и получил свой высокий пост на чисто общественных основаниях, он сразу же попытался использовать его для удовлетворения личной вражды. Первые две его меры были предложены с целью отомстить за смерть брата; он стремился придать новым законам ретроспективный эффект, чтобы удовлетворить свою личную вражду. Он представил закон о том, что человек, лишенный народом какой-либо должности, не может быть вновь назначен на государственную службу; но этот возвышенный патриот отозвал законопроект, чтобы угодить своей матери. Он проводил различные меры большей или меньшей ценности, и среди них был закон о создании зернохранилищ для снабжения бедных кукурузой по очень низкой цене; но хотя это могло быть очень привлекательным для покупателей и обеспечивало оживленный спрос, не похоже, что это было рассчитано на поощрение производителей и продавцов до такой степени, чтобы можно было всегда рассчитывать на предложение. Конечно, дефицит приходилось восполнять из карманов населения, и поэтому процесс сводился к получению одной рукой того, что было уплачено другой.

Привилегия покупать дешевую кукурузу не ограничивалась, как полагали некоторые^[66], только бедняками; каждый гражданин мог претендовать на свою долю, и даже Пизо, консул - хотя, возможно, он был одним из сильно сократившихся консулов - был достаточно дрянным, чтобы потребовать эту привилегию. Пизон был противником закона, и Гракх, увидев его среди толпы, получающей бушель дешевого зерна, насмехался над его непоследовательностью в использовании кукурузной меры, против которой он выступал.

Ответ Пизона был разумным и справедливым, ибо, сказал он, "хотя я сильно возражал против того, чтобы ты раздавал мою собственность, я думаю, что имею право попытаться получить свою долю в ней". Другой его указ передавал право предавать римского гражданина смерти самому народу - мера, несомненно, теоретически привлекательная, но практически неудобная. Наделить широкие слои населения привилегией выносить приговоры за самые тяжкие преступления - значит дать народу столько веревок, что вместо преступников очень часто приостанавливались бы дела.

Следующий Каий Гракх с большим рвением взялся за реформу законодательства; однако изменений требовал не столько сам закон, сколько те, кто его исполнял. Те, кто держал в руках весы правосудия, взвешивали только золото претендентов; а судьи были настолько беспристрастны, что не имели пристрастия ни к одной из сторон, но отдавали предпочтение той, которая была наиболее либеральна в подкупе. Многие из обвиняемых были виновны в вымогательстве, что было обычным делом для самих судей, и поэтому грубая разновидность чести, известная как честь среди воров, не была полностью изгнана с судейского места. Однако Кайус Гракх издал закон, в котором мы можем проследить происхождение этого славного института, известного под названием "двенадцать человек в ложе", столь дорогого для сердец, а иногда и для карманов англичан. Упомянутый закон предусматривал рассмотрение дел средним классом эквитов или рыцарей, которые, буквально говоря, были людьми, способными держать лошадь, и которые, по тому же принципу, который принят в наши дни в отношении содержателей повозок,^[67] считались уважаемыми.

Сенаторы имели обыкновение оправдывать всех преступников своего сословия и, оправдывая себя таким позорным образом, становились виновниками грубейшей коррупции; но эквиты часто не соблюдали справедливость и проявляли неоправданную снисходительность к преступникам своего сословия. Гракх стал народным кумиром, но у него никогда не было праздных часов, и он всегда был занят тем, что создавал себе репутацию, возводя постоянные полезные сооружения. Он знал, что общее занятие необходимо для общественного довольства, и считал, что пока он может держать руки толпы занятыми кирпичом и раствором, он в действительности укрепляет свою собственную власть. Такая политика давала в его распоряжение значительные средства, и он сплотил вокруг себя толпу подрядчиков и ремесленников, которые, если бы он не дал им возможность заняться чем-то более интересным, возможно, приобрели бы дурную привычку к политической агитации или прибегли бы ко всем видам революционных ухищрений.

Величайшей политической работой Кая была та, в которой он сделал меньше всего; и его законодательные успехи тонут в ничтожестве на фоне настоящего величия его масштабных неудач. Это была его попытка распространить право голоса на всех италийцев и других союзников; но Рим отказался помочь ему в осуществлении грандиозного замысла и решил приклепать к Италии те италийские кандалы, которыми Риму в будущем суждено будет обжечь пальцы. Кай Гракх был настолько популярен, что при его переизбрании народ, который из-за толпы не мог подойти к *Campus Martius*, голосовал за него с верхушек домов или недостроенных зданий; а многие приходили на выборы, взобравшись на соседний эшафот.

Тот, кто постоянно плывет по ветру, поднимаемому дыханием публичных аплодисментов, должен постоянно менять галсы, ибо нет более изменчивого воздуха, чем тот, который народ склонен давать себе сам. Каю Гракху вскоре суждено было убедиться в том, что среди бурь политической жизни высшая точка может быть безопасно занята никем иным, как политическим флюгером. В нем было слишком много жесткой непреклонности, чтобы поворачиваться с каждым порывом ветра; и вместо того, чтобы умиляться каждому порыву,

он просто испытывал отвращение к колебаниям, которые демонстрировал.

Необдуманный

поступок Кая Гракха.

Аристократическая партия, поняв это, решила победить его его же оружием; они подговорили М. Ливия Друза, его коллегу по трибунству, перебить его всевозможными авантюрами в борьбе за приз популярности. Когда Гракх предложил распределять землю среди бедняков за небольшую фиксированную плату, Друз в качестве поправки предложил, чтобы они получали ее вообще даром; а что касается кукурузы в общественных амбарах, то если Гракх говорил, что народ должен получать ее за полцены, Друз настаивал на своем праве получить плату за хлопоты, связанные с ее уходом. Народ, как водится, шел за тем, кто был наиболее щедр в своих обещаниях, а не за тем, кто был наиболее либерален в своих действиях. Тем временем Кая Гракха побудили отправиться в Африку, чтобы наметить место для нового города. Репортеры того времени, которые, несомненно, были на содержании его противников, распространяли всевозможные недоброжелательные истории, в которых

утверждалось, что предзнаменования были неблагоприятными, что флаги были сорваны или тротуар взорван, и что волки съели все флагштоки - это не так-то просто проглотить. По возвращении в Рим, где он отсутствовал всего семьдесят дней, он обнаружил, что Друз пользуется удивительной популярностью, а все носы задраны кверху, что побудило его распознать общее презрение на лицах многих своих старых приверженцев. Он в третий раз предложил себя в трибуны, но оказался в самом низу списка, и начался предвыборный скандал, когда один из официозных ликторов потерял, во-первых, свой *fascēs*, во-вторых, свой *securis*, для обеспечения которого он сделал все возможное, и, в конце концов, свою жизнь во время потасовки. Кайус Гракх, который в основном старался сохранить мир, знал, что его обвинят в его нарушении, и поэтому побежал так быстро, как только мог; но, вскарабкавшись на стену, чтобы попасть на другую улицу, он, к сожалению, вывихнул лодыжку. Друзья продолжали нести его, пока, движимые внезапным инстинктом самосохранения, не бросили знакомого, поддерживать которого было бы уже небезопасно, и бедный Кайус остался один с единственным слугой. Преследователи шли по пятам, и бывший трибун попросил верного слугу заколоть его, а тот слишком привык подчиняться приказам хозяина, чтобы колебаться. Проводив своего нанимателя, он обнаружил, что настолько не на своем месте в этом мире, что, извинившись за вольность, покончил с собой тем же кинжалом.

За голову Кая Гракха уже была назначена награда в золотой вес, когда некий Септимулций, подобрав ее, отнес домой и, прежде чем отнести властям, начинил свинцом. Консул Опимий взвесил ее и, воскликнув: "Благословите меня! Семь фунтов с половиной!", выложил в обмен на голову такое же количество драгоценного металла. Когда покупатель ушел, Опимий принялся на досуге изучать свою сделку. "Ну что ж!" - сказал он, - "не знаю, стоит ли она на вес золота, но предложение было моим, и я должен извлечь из него пользу". При ближайшем рассмотрении он обнаружил, что его обманули, и, хотя Кайус показался ему несколько свинцовым, он сразу же понял, что в этой позорной сделке участвовала не только природа.

Все друзья Гракха были брошены в тюрьму и убиты; но удивительно наблюдать, как сократился круг его знакомых, когда стало известно, что каждого из них ждет гибель. Те, кто был его приближенным, неожиданно открыли, что никогда не знали его, а другие, кто слишком часто бывал в его обществе, чтобы отречься от знакомства, заявили, что сильно ошибались в его характере. Несколько его радикальных единомышленников присоединились к аристократической партии, а его друга Карбо так жестоко высмеяли за то, что он перешел на другую сторону, что, испробовав обе стороны, он укрылся в самоубийстве как в единственном оставшемся для него варианте.

Рим был многим обязан Гракхам; но расплатился с ними обоими самым неудовлетворительным образом. Тиберий был оратором такой силы, что, чтобы его голос не был слишком громким, он брал с собой волынщика - платил ему из собственного кармана, - чтобы тот не слишком сильно подавал его, когда обращался к толпе. Тиберий Гракх был первым оратором, который привнес в искусство публичных выступлений грацию действия; он имел привычку перекатываться из стороны в сторону, что придавало ему большое влияние на аудиторию.

Кай Гракх был человеком действия, а не слова, и первым разделил расстояние на части по тысяче шагов, каждую из которых он называл милей, и это была одна из его действительно полезных мер. Он также был изобретателем вех и тех станций для неловких конников, которые позволили многим сесть на высокого коня, а иначе они были бы поставлены на свои скромные ноги.

Оба Гракха, несомненно, во многом обязаны обучению своей матери - если, по крайней мере, можно назвать успехом то, что закончилось насильственной смертью обоих. Корнелия, однако, слишком любила выставлять своих сыновей вундеркиндами; о ней рассказывают, что однажды, принимая в гостях кампанскую даму, которая пришла показать свои драгоценности, мать Гракхов, уединившись за детьми, воскликнула, когда они осторожно вошли в дом вместе со своей кормилицей: "Это мои драгоценности: что вы о них думаете?" Ее материнская чувствительность была столь безрадостной, что она никогда не говорила о своих сыновьях без слез, на которые сами младенцы всегда отвечали сочувственной, но неловкой мокротой. Ничто, однако, не может заглушить родительскую любовь; и для чувств любящей матери детство не имеет неприятных черт, хотя оно совсем другое для того, кто, если вообще приближается к нему, предпочитает смотреть на него в более сухом аспекте.

ССЫЛКИ:

[65] Плутарх, Тиб. Гракх.

[66] Плутарх подразумевает, что так и было; но Цицерон приводит анекдоты, показывающие, что дело обстояло иначе.

[67] Хорошо известны следующие вопрос и ответ, произнесенные в суде на современном процессе: "Адвокат.

Адвокат. "Что вы подразумеваете под словом "респектабельный"?"

Свидетель. "Он держит кабачок".

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ЮГУРТИНСКАЯ ВОЙНА. ВОЙНА С КИМВРАМИ И ТЕВТОНАМИ.

В то время как Рим совершал многочисленные завоевания, о которых уже говорилось, завоевание самого себя - самое важное из всех завоеваний - было совершенно упущено из виду, и он не смог одержать победу над собственными пороками. Хотя номинально она имела сформированный корпус правителей, на самом деле правящей силой были деньги; и их влияние настолько развращающе, что для свободы народа более губительно, когда им управляют с помощью золотого жезла, чем с помощью железного. Никакие соображения, кроме денежных, не имели веса, в судах царила коррупция, народ покупался сенатом, а сенат продавал народ. В армии существовала система бесстыдного грабежа со стороны командиров, а солдаты с жадностью следовали за своими предводителями.

После смерти Масиниссы Нумидией управлял его сын Миципса, который по завещанию передал свое царство в управление двум своим сыновьям, Гиempсалу и Адербалу, а также усыновленному им отроку, которого звали Югурта. Югурта был человеком прекрасных манер и благовоспитанного обращения, отличным наездником, первым поразившим льва^[68] в поле, и сам был львом, за которым охотились в обществе.

После смерти Миципса, когда три правителя сели на трон Нумидии, им показалось мало места, и Югурта нагло бросился на середину. Этим поступком два сына Миципса были практически отодвинуты в сторону, и Югурта решил, что монархия сосредоточена только в нем. Следующим его действием было предложение отменить акты последних пяти лет правления Миципса, заявив, что все они должны быть уничтожены, ссылаясь на дряхлость старика. Хиempсал с легким сарказмом согласился с этим предложением, заметив: "Тогда мы избавимся от тебя, поскольку твое усыновление было актом, совершенным в установленный срок". Попытка пошутить обернулась для Хиempсала серьезными последствиями, и Югурта приказал убить потенциального острослова во дворце.

После этого случая резкой практики со стороны Югурты Адербал начал дрожать в своих башмаках, опасаясь, что его заставят пойти по стопам брата. Этот страх был так близок к осуществлению, что Адербал обратился в бегство и добежал до Рима, чтобы попросить помощи; после чего в Нумидию была отправлена комиссия по расследованию, состоящая из десяти человек.

Передача какого-либо вопроса на рассмотрение комиссии всегда считалась равносильной тому, чтобы навсегда положить его на полку; и таким мог бы быть результат ссоры нумидийских принцев, если бы не тот факт, что Югурта решил спор по-своему, еще до того, как комиссары начали свое расследование. Когда они прибыли на место, куда их послали, то обнаружили, что одна из сторон мертва, а другая владеет всем, что пожелает. Югурта, разумеется, остался в живых, и когда послы по прибытии выразили свое удивление тем, что они обошлись без их услуг, он, предложив им кое-что за беспокойство, отправил их домой полностью и со стыдом удовлетворенными.

Однако искра чести не угасла в Риме; трибун К. Меммий, который не получил, да и не предлагал, ничего из золота Югурты, был добродетельно возмущен позорной жатвой, устроенной десятью комиссарами. Его агитация оказалась настолько успешной, что была объявлена война, и консул Л. Кальпурний Бестия вместе со своим легатом М. Эмилием Скауром были отправлены вторгнуться в Африку. Бестия сразу же заключил выгодную для себя сделку, заключив мир с Югуртой на определенных условиях, причем условия самого римского консула были самыми непомерными. Он и его легат Скаур приняли номинальную сдачу всех палаток, лошадей и слонов Югурты, но ему было позволено сохранить почти все свои холщовые будки и зверинец.

Когда трибун Меммий услышал о продажности послов и о деньгах, которые они нажили коррупционным путем на своих услугах за границей, он, чьи обязанности заставляли его оставаться дома, возмутился еще больше. Он обличал в оскорбительных выражениях злоупотребления, в которых они были виновны, и в конце концов добился того, что Югурта вызвали в сенат, чтобы он ответил за свои преступления, связанные со взяточничеством и коррупцией. Повестка была доставлена в Африку суровым и неподкупным Кассием, который отказался от любого предложения денег и настаивал на личной явке Югурты в назначенное время и место. Хитрый нумидиец прибыл с небольшой свитой и очень длинным кошельком, ибо знал, что при встрече с таким противником, как Рим, ему придется доставать не сталь из ножен, а золото из сокровищницы. Он разбрасывал кошельки во все стороны, и подкуп его был столь обширен, что преступники, принявшие его деньги, составляли сильное большинство над теми немногими, кто, не участвуя в преступлении, имел право вершить над ним суд. Меммий, не видевший золота Югурты, настаивал на том, чтобы он назвал имена тех, кто его получил; но раздались такие горячие и всеобщие крики "нет", что дальнейшие расспросы о том, кто был виновником, были бы совершенно излишни.

Единственным наказанием, которое сенат решился вынести Югурте, был приговор об изгнании; и вполне естественно, что бесчестные члены были рады поскорее отправить с дороги главного свидетеля их собственной порочности. Когда Югурта покидал Рим, он выразил свое отвращение к ее продажности в чувстве, которое, впрочем, было не слишком приятным для соучастника ее бесчестия. "О!" - воскликнул он с видом аффектированного ужаса, - "О! ты, продажный город; ты бы продал себя на погибель, если бы только мог найти покупателя!" В какой именно момент была произнесена эта фраза, кто ее слышал, и, если предположить, что при этом присутствовали репортеры, стали ли они ее записывать - историки не проявили никакого желания разбираться в этом.

После ухода единственного свидетеля расследование дел о взяточничестве продолжилось с большой активностью. Скаур, который был одним из главных преступников, попытался искупить свою вину, назначив себя членом комиссии и вынося как можно более суровые приговоры своим товарищам по преступлению.

Снова была объявлена война с Югуртой, ведь она была одним из самых плодотворных источников выгодной работы для власть имущих. Консул Спурий Постумий Альбин был отправлен с войском в Африку, но вскоре вернулся домой, как и его предшественники, с большим состоянием, которое, похоже, было той военной удачей, которая сопутствовала всем, кто отправлялся воевать против Нумидии. Он оставил армию под руководством своего брата Аулуса, который вместе со своими офицерами был легко подкуплен, чтобы принять любые условия, если они были денежного характера, которые Югурта предлагал им. Сенат, однако, отказался ратифицировать бесчестный мир, заключенный Аулузом, и таким образом, с помощью несколько нечестного процесса отречения от действий уполномоченного агента, Рим снова получил возможность сделать из нумидийского

государя еще одну собственность. Однако в конце концов дело было передано в надежные руки, и командовать армией был назначен Метелл (Q. С.). Его честность была намного выше любой взятки, которую мог предложить Югурта; и хотя многие считают, что каждый человек имеет свою цену, о Метелле можно сказать, что его моральный стандарт был слишком высок, чтобы к нему можно было применить какой-либо денежный стандарт.

С щедростью истинного гения Метелл выбрал в качестве своего легата человека, способного разделить с ним любую из почестей, которые могли быть получены в ходе предстоящих войн. Этим человеком был Кай Марий, который в ранней жизни был чернорабочим, но, работая лопатой, он был уверен, что в конце концов что-то изменится в его пользу. Он служил простым солдатом, но показал себя не простым человеком; шаг за шагом он поднялся до весьма уважаемого положения. Тщеславие, однако, было одной из его слабых сторон, и он попал в руки старого сирийского гадалки, который прибег к всевозможным уловкам, чтобы убедить его в том, что он предназначен для самых высоких почестей. Он рассказал о своих стремлениях Метеллу и намекнул на возможность получения консульства, но его начальник разразился громким смехом, который, вместо того чтобы избавить Мариа от самомнения, еще больше усугубил его. Он отправился в Рим и, произнеся ряд популярных речей, в которых обещал все народу, конечно же, заручился его поддержкой. Получив пост консула, он был отправлен завершать войну с Югуртой; но Метелл, сначала притворившись, что больше ничего делать не нужно, что он сам все уладил, передал свой пост Марию.

С Югуртой действительно уже был заключен мир, но Рим с присущим ему маловерием возобновил войну, которая в конце концов закончилась тем, что Югурта был взят в плен. Он был запряжен в колесницу Мариа - положение не менее возвышенное, чем быть привязанным к хвосту телеги, - и в таком положении подвергся безжалостному ливню грязи из рук трусливого населения. Будучи брошенным в сырую темницу, он, как нам рассказывают могильные историки, сохранил остроумие; войдя в свою тюрьму, он воскликнул: "Клянусь Геркулесом, какая холодная ванна!" - штрих юмора, который, как нам кажется, не отличается ни широтой, ни точностью, ни аккуратностью. Однако, если учесть влажность обстоятельств, в которых он оказался, нельзя удивляться, что попытка сухого юмора оказалась неудачной.

Не успела закончиться война с Югуртой, как Рим обнаружил, что ему угрожают мечи полудюжины разных врагов; и, не имея возможности разрезать себя на шесть частей, чтобы разделить силы, он, казалось, подвергался опасности такого разрезания от рук своих врагов. Было бы утомительным занятием распутывать чрезмерный клубок, в который запутались нити истории из-за изгибов тех многочисленных линий варваров, которые держались над Римом примерно в этот период. Кимбри, кельтская раса, вступили в союз с тевтонами, германцами, и бросились на Галлию, которая не смогла их отбросить. Они встретили консула М. Юния Силана, к которому обратились с просьбой выделить им страну; но так как эта скромная просьба не была удовлетворена, они набросились на Силана и устроили ему жестокую взбучку. В конце концов, консул К. Сервилий Кёпио предложил решить проблему и подошел к Роне, но кимбры разрубили на куски 80 000 солдат и 40 000 приверженцев лагеря; по крайней мере, если верить властям, которые всегда готовы перебить людей, но никогда не перебивают дела. Согласно тем же достоверным свидетельствам, Кёпио был рад бежать через Рону с горсткой людей, и термин "горстка" в данном случае не является ошибочным; поскольку, как утверждается, их было ровно десять, он мог бы легко пересчитать их по пальцам. Чтобы показать, что они не руководствовались корыстными мотивами, кимбры бросили в реку всю свою добычу; и, не удовлетворившись тем, что испортили врага, они продолжили портить имущество, захваченное в бою.

О репутации Рима мало что говорит тот факт, что опасности, которым он подвергался, казалось, гасили амбиции его граждан, и никто не проявлял стремления к опасным почестям консулата. Те представители аристократии, которые заявляли о своем праве на власть в те времена, когда можно было получить все, что угодно, теперь, когда появилась перспектива все потерять, уклонялись от ответственности за высокий пост. Плебей Марий был объявлен единственным человеком, подходящим для положения, и, вместо того чтобы просить консулата, его навязали ему еще до того, как он вернулся из Африки.

Его первой заботой было собрать армию, способную переносить усталость военной жизни, а не тех, кто годился лишь на то, чтобы поддерживать ее вульгарные атрибуты. Он набрал большое количество рабочих, проверил их на прочность, дав им в руки лопату, прежде чем доверить меч, подверг их всевозможным лишениям и даже посадил на урезанный паек - эксперимент, который отнюдь не был рациональным. Многие солдаты, которые при щедрой диете стали бы крепкими здоровыми мужчинами, превратились в скелеты, а многие новобранцы опустили настолько низко, что их уже нельзя было набрать. Те, кто был способен противостоять усталости, были достаточно выносливы, чтобы противостоять чему угодно; и, чтобы дать им преимущество длительного обучения, он отказался принимать бой до удобного случая. Он позволил тевтонцам пройти мимо его лагеря и, когда они это сделали, насмешливо спросил, нет ли у них посланий или посылок для Рима, поскольку они - тевтонцы - находятся на пути туда. Марий преследовал их до Акве Секстие - ныне Экс - и специально разбил свой лагерь в таком месте, чтобы воды нельзя было достать без боя за нее. Каждый солдат, спускавшийся к реке, должен был доставать меч, когда набирал воду, и, сражаясь одной рукой, защищаться, как мог, ведром в другой. Тевтонцы были полностью разбиты и бросились к своим повозкам, но все, кто остался в тылу, а также многие, кто влез в фургон, были разрублены на части.

Не успел Марий разделаться с тевтонцами, как услышал, что кимвры заполонили все равнины Ломбардии; и, отправившись навстречу им, он пригрозил "превратить их кости в белила для полей" - угроза, доказывающая, что практика удобрения костей является сельскохозяйственным процессом большой древности. Он расположил свою армию недалеко от Вероны, в месте, называемом Кампи Раудии, и обнаружил, что передовые ряды кимвров связаны цепями, - вероятно, для того, чтобы предотвратить их бегство и заставить их чувствовать себя обязанными противостоять врагу. Марий с большим тактом занял такое положение, что солнце попадало им в глаза, а ветер обдувал носы. Не в силах взглянуть в лицо опасности, они, подмигивая и чихая, были отправлены на погибель.

Марий отпраздновал успех дня великолепным триумфом и выставил среди трофеев кимврского царя такого гигантского роста, что, несмотря на его унижительное положение, все смотрели на него сверху.

В шестой раз консульский пост достался Марию, хотя и не без огромного подкупа со стороны победившего кандидата, который, одной рукой подкупая избирателей, другой воздвигал храм Добродетели и Чести. Теперь он настолько раздулся от тщеславия, что явился в сенат в своем триумфальном одеянии; но его приняли так холодно, что он притворился, будто забыл сменить платье, хотя его изумление было так же явно, как и его неприглядное одеяние. Он выгравировал на своей баклере изображение галла, вытаскивающего свой язык; аллегория довольно трудно понять, разве что приняв несколько вульгарное прочтение, что она символизирует тот факт, что после победы над Мариусом галл мог бы сразу же вытащить свой язык, так как у него не было бы шансов дать лизнуть римлянам.

Марий был настолько популярен, что его признали третьим основателем Рима; Ромул, Камилл и он сам, образно говоря, считались кирпичами, из которых был построен город.

Успех сделал Мариуса настолько высокомерным, что он совершил множество незаконных действий, заявив, что среди лязга военных мечей не слышно и не видно тихого движения меча правосудия. Его нездоровый аппетит к популярности в толпе заставил его вступить в позорный союз с беспринципным демагогом по имени Л. Аппулей Сатурнин, чьи действия соответствовали его обещаниям; но он всегда обещал одно, а выполнял другое. Он занял крайне либеральную сторону в политике и среди прочих либеральных мер предложил, чтобы каждый член сената связал себя клятвой поддержать некий очень либеральный закон об обращении с собственностью, отбирая ее у тех, у кого она есть, и отдавая тем, кто готов ее взять. Далее этот друг свободы предлагал, чтобы каждый сенатор, пытающийся осуществить свободную волю, платил тяжелое наказание. Один из представителей аристократической партии, рискнувший предложить поправку, был изгнан из сената ливнем ракет. Другой, предположив, что слышит гром - знак, при котором собрание должно было распаться, - сказал, что, вероятно, будет град с градинами из настоящего камня, если он выступит против проекта Сатурнина. Марий набрался смелости и заявил, что никогда не принесет унижительной клятвы; Метелл поддержал его решение; и весь сенат в один голос, который в итоге оказался *vox et praeterea nihil*, поклялся, что никогда не присягнет в том, чего осмелился потребовать от него народ. Несмотря на это энергичное предложение, у Мария не хватило храбрости противостоять народному шуму, и его мужество угасло еще до истечения пяти дней. Созвав специальное заседание сената, он заявил, что иногда лучше передумать, и что после первой мысли ему пришла в голову вторая, которую он предложил занести в протокол. В заключение он заявил, что его публично поносят за ту роль, которую он занял, и, поскольку народ, судя по всему, твердо намерен устроить свою забаву, противостоять ему бесполезно. Он заявил о своей привязанности к родной земле; и хотя он всегда держал ее в поле зрения, он возражал против того, чтобы ее бросали ему в лицо его же соотечественники. В заключение он предложил принести присягу, мысленно оговорив, что не будет ее соблюдать, - позорный компромисс между трусостью и совестью, который Сенат без колебаний принял. После этого среди членов сената стало так мало склонности к свободе, что Метелл Нумидикус был единственным, кто держался; и он, вместо того чтобы продолжать борьбу со злоупотреблениями, предпочел ускользнуть от них в добровольное изгнание.

Сатурнин не только в третий раз выставил свою кандидатуру на трибунство, но и попытался добиться консульства для некоего Сервилия Глауция; эти шумные демагоги, чтобы направить народ в его выборе, жестоко убили К. Меммия, который выступал в качестве кандидата от оппозиции.

Марий начал понимать, что связал себя с неблагоприятным окружением, и, обнаружив, что его популярность падает, отрекся от своих новых политических союзников так же внезапно, как и объединился с ними. Он отвез Сатурнина на Капитолий, где, оставшись без провизии, демагог наконец-то был вынужден сдаться. Сатурнин, Глауция и другие были преданы смерти по приказу Мария, который таким образом вернул себе доброе мнение народа, хотя на самом деле просто топтал ногами тех, кого он взял за руку, когда они были наверху. Восстановив свое расположение к народу, Марий удалился в частную жизнь, и было самое время сделать это, пока у него еще оставалась некоторая доля популярности, на которую можно было опереться.

Реформа законодательства и расширение избирательного права стали двумя главными вопросами дня; ведь трибуналы были судами несправедливости, а италики считали, что италику следует придавать столько же значения, сколько и римлянину. Политика сената

заклучалась в том, чтобы купить популярность почти любой ценой, и члены сената были готовы перебить друг друга самыми экстравагантными предложениями ради объекта своего неблагородного соперничества. Среди самых смелых претендентов был М. Ливий Друз, сын старого Друза, коллеги Гракха, который, похоже, унаследовал от отца склонность жертвовать всеми своими принципами, чтобы превратить их в политический капитал. Говорят, что молодой Друз был выдающимся человеком, потому что, будучи квестором в Азии, он отказался от должностных знаков отличия, предпочитая полагаться на свое личное поведение и, возможно, желая сэкономить на тех внешних деталях, которые иногда отнимают у государственного чиновника столько же средств, сколько приносят ему достоинства. Его избрали в трибуны, и в этом качестве он делал все возможное, чтобы уловить дыхание народных аплодисментов, которые часто омрачают блеск объекта, стремящегося отразить мимолетный пар.

Одно из главных предложений М. Ливия Друза заключалось в том, что судьи должны быть привлечены к суду за то, как они ведут судебные процессы над другими. Эта попытка подорвать независимость судебного порядка оказалась настолько губительной для отправления правосудия, что народ, который, в конце концов, должен быть убежден в правильности того, что есть, чтобы принять правильное направление, отверг это предложение, которое Друз намеревался использовать как средство ввести их в заблуждение и получить для себя - под ложными предлогами - небольшую дополнительную популярность. Им было указано, что судья, который чувствует, что каждый процесс, на котором он председательствует, является его собственным, и который будет постоянно разделен между спокойными требованиями справедливости, с одной стороны, и неразумным голосом общественного шума, с другой, будет чувствовать себя подверженным давлению, которое не позволит ему сохранить правильную позицию. Несмотря на неудачу в этом случае, Ливий Друз стал защитником движения и каждый вечер открывал свой дом, чтобы бесплатно давать политические советы всем, кто желал с ним посоветоваться. В один из вечеров он как раз занимался этим, когда его внезапно заколол нож сапожника; и хотя убийцу так и не нашли, предполагалось, что удар был нанесен по умыслу неких лиц, уговоривших сапожника рискнуть своим шилом в опасном деле. Поскольку римлянин никогда не может умереть, не сказав ни слова, Друз, конечно же, подготовил изящную речь по этому печальному поводу. Произнеся: "О, неблагодарная республика, ты никогда не теряла более преданного сына!", он уложил тогу в складки и, склонившись перед обстоятельствами - возможно, и перед зрителями, - грациозно удалился.

Друз заколот и

изящно умирает.

Лишившись поддержки Друза, италийцы были угнетены еще больше, чем прежде, а народ, который принято считать синонимом либеральной партии, стал яростно осуждать идею предоставления равенства прав всем классам римских подданных. Поэтому италийцы пришли к решению, что если Рим не должен существовать для них, то он не должен существовать вообще; но что они либо доведут город до основания, либо сами поднимутся из пыли, в которую их опустила несправедливость. Несколько италийских народов объединились в лигу, но никогда лига не заходила так далеко, как эта; некоторые из ее членов убили претора Сервилия Кепиона и его легата, которые присутствовали на собрании в надежде на примирение в театре Аскулум.

Следующим шагом италийцев было основание собственной республики под названием Италика; чтобы придать ей внушительный вид, она должна была иметь сенат в пятьсот человек - хотя в совещательном собрании численность является не столько элементом силы, сколько слабости. В нем должны были быть два ежегодных консула и не менее двенадцати преторов; возможно, создатели конституции руководствовались политикой, направленной на то, чтобы иметь много покровителей, которые могли бы привлечь приверженцев нового правительства. Первыми консулами были назначены Силон Попедий, марсианин, и К. Папий Мутил, самнит, которые с большой энергией выступили на поле боя, но мало чего добились

на первых порах; Силон пал в бою, а Мутил, чья армия была страшно изранена, добился некоторого успеха в Кампании.

Хотя итальянцы начали свои операции как закадычные друзья, по мере продвижения войны они значительно ослабили свою дружбу и заключили отдельные мирные договоры, благодаря которым Рим получил возможность разбираться с ними по частям, а не противостоять их объединенным усилиям. Самниты проявили прежнее упрямство и, как обычно, ждали, когда их разрубят на куски, прежде чем оставить надежду держаться вместе. Когда меч орудовал среди них уже три года, оставалась еще масса, достаточно значительная, чтобы побудить римлян предложить франкство всем, кто сложит оружие; и на это предложение самниты наконец неохотно согласились.

Получив большое количество новых граждан, Рим был озадачен тем, что с ними делать. Если бы они были распределены между тридцатью пятью племенами, старые члены были бы поглощены новыми, и поэтому последние были сформированы в шесть, восемь, пятнадцать отдельных органов. Таковы разногласия ученых докторов в этом вопросе, что мы не можем доверять одному из них, не дискредитируя два; поэтому мы придерживаемся более беспристрастного курса и не верим ни одному из них. Так велико расхождение авторитетов почти по всем пунктам, что ради истории мы можем только надеяться, что они не обращаются за фактами к тем же источникам, которые поставляли им цифры. Правда, обычно они утверждают, что имеют дело только с круглыми числами; и, возможно, если бы каждое используемое число было буквально круглым, оно представляло бы собой сумму того, что достоверно известно о предметах, о которых идет речь.

Однако неоспоримым фактом является то, что в те времена, к которым относится наша история, слабые государства становились добычей сильных, - сила побеждала право; и единственным способом, с помощью которого небольшое общество могло спастись от уничтожения одной державой, была продажа своей независимости другой. Те места, которые были неспособны практиковать благородное искусство самообороны, могли получить защиту от насилия с правой стороны, только подчиняясь грабежу с левой; и римляне, к которым обычно обращались за помощью, всегда обильно помогали себе за счет тех, кому требовалась их помощь.

В соответствии с внешней политикой Рима, послы всегда направлялись во все важные места, чтобы вмешиваться в ссоры между народами и их царями; и послы заботились, разжигая ссоры, чтобы не было недостатка в материалах для их дипломатии. Затраты на вмешательство тяжело ложились на тех, кому оно было даровано, но в конечном итоге оно помогло разрушить и сам Рим; ведь пренебрежение собственными делами - неизбежное следствие вмешательства в дела соседей. Целью этого вмешательства со стороны великой республики было дать другим государствам преимущества свободы. Однако нет более жалкого рабства, чем то, которое побуждает нацию принять иностранную, а не внутреннюю тиранию. Те, кто готов импортировать свою независимость из-за границы, никогда не увидят ее расцвета на родине; и нет более печального объекта - как доказали недавние события - чем пересаженное дерево свободы.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[68] Саллюст, Югуртинская война, с. vi.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

МИТРИДАТ, СУЛЛА, МАРИЙ, ЦИННА И ЧЕТРА.

Следуя порядку дат, мы приходим к Митридату, сыну старого Митридата Пятого, по имени Евпатор, который был быстрым союзником Рима; но его сын, который был гораздо быстрее в другом смысле, вскоре вступил в войну.

Рождение молодого Митридата, по словам Юстина, было[69] ознаменовано появлением чудесной кометы, что, вероятно, было пустой сказкой; но те, чьи глаза всегда устремлены на восходящее солнце, могут быть ослеплены всевозможными иллюзорными видениями.

Если комета и должна была принести Митридату благополучие, то груз, должно быть, был утерян по дороге, так как ни один из них не дошел до молодого царевича, чьи ранние годы прошли в горячке, ибо он находился в непрерывном поту, вызванном постоянным осознанием того, что его жизнь находится в опасности. Его бабушка, Лаодицея, убила пятерых своих детей, и тогда юный Митридат, опасаясь, что в семье может произойти детоубийство, прибег к детоубийству, как к альтернативе для борьбы со страшной болезнью, и, по словам Аппиана,[70] убил свою мать. Говорят, что его опекуны делали все возможное, чтобы избавиться от него, поощряя его во всевозможных опасных играх; что они давали ему оружие в качестве игрушек, и что одной из его игрушек был настоящий меч, которым ребенок мог случайно перерезать тонкую нить своего собственного существования.

Его также сажали на самых высоких лошадей, которых только можно было найти, что было верхом жестокости; но хотя животные часто пинали и сбрасывали юношу с седла, фортуна всегда решала бросок в его пользу. Вскоре он приобрел такое мастерство, что мог глубоко погрузиться в воду при самых страшных обстоятельствах; а когда его сажали на решительно настроенного джиббера, он всегда мог отступить от опасности. Хотя лошади, на которых ему давали ездить, были совершенно не сломлены, шея его оставалась целой; и в конце концов он стал таким превосходным наездником, что мог проезжать на лошади - по словам Полибия, 125 миль в день, - расстояние, на которое мы не готовы пойти вместе с древним историком. Молодой Митридат, несущийся на полном скаку несколько часов подряд, представляет взору захватывающую картину, но долг заставляет нас остановить его на повороте правды, ибо мы не можем позволить уклониться от важного исторического доверия.

Среди прочих его достижений говорят, что он мог метать копье на такое расстояние, что энтузиазм зрителей доходил до предела; но мы вынуждены добавить, что его сила в метании копья не была равна силе летописцев в метании секиры.

Его опекуны, не сумев убить его физической силой, попытались сделать это силой медицинской, постоянно давая ему ядовитые снадобья, которые, хотя и были крайне неприятны, он не был настолько любезен, чтобы отказаться от них, поскольку имел дурной вкус, чтобы проглотить их. Ему прописали курс куриного бидона, но он уже не был курицей и

научился нейтрализовать действие бидона с помощью мощного противоядия. Последнее так прекрасно справилось со своей задачей, что он мог без стеснения глотать мышьяк по драхме, а его внутренности стали полностью защищены от ядов, хотя исторических доказательств в пользу этого утверждения совершенно нет.

Чтобы закалить себя как внешне, так и внутренне, нам сообщают, что он лежал по ночам под открытым небом; но мы не верим, что он был закален ложью больше, чем те, кто это утверждает. В поисках ужина он полагался на погоню, и ему часто приходилось очень тяжело в поисках пищи, которую он иногда добывал в поединке с диким зверем, и тогда вставал вопрос, кого готовить - последнего или самого Митридата.

Возбуждение от встречи с каким-нибудь свирепым животным служило постоянным источником *пикантного соуса* к тому, что он принимал в пищу, который служил пищей не только для его храбрости, но и для аппетита. Он хорошо разбирался в физике, которой постоянно напивался от рук своих врагов, и, в соответствии с поговоркой *fas est ab hoste doceri*, он обратил дозировку на пользу, изучив силу противоядий. Он стал мастером языков и учил сам себя, так что, по сути, был сам себе хозяин и сам себе ученик. Его цель, по-видимому, заключалась в том, чтобы сэкономить хлопоты и расходы на дипломатических агентов, получив право разговаривать со всеми иностранными послами, и предотвратить возможность неправильного толкования вопросов через уста переводчика.

Те историки, которые на незначительных основаниях выстроили значительную картину, без колебаний добавляют к своим измышлениям еще одну историю, описывая Митридата как гиганта по росту и как юношу такого роста, что он мог бы перешагнуть через обычную лестницу.

Таковы были воспитание и занятия молодого человека, которого мы видим занимающим трон Понта и вмешивающимся в дела Каппадокии, которой он обязался поставлять царя из своей семьи, когда возникала вакансия. Рим также начал проявлять интерес к Каппадокии, и единственной стороной, не имевшей права голоса в этом деле, были каппадокийцы. С одной стороны, им предлагали свободу и республику на острие меча, а с другой - просили скрепить свою веру с монархией, которая в противном случае была бы прикована к ним клинками чужой армии. Каппадокийцы испытывали здоровый ужас перед республиканской свободой, особенно привнесенной из-за границы; поэтому Рим прислал им царя, которого принимали до тех пор, пока его трон не сверг Митридат - каппадокийцы должны были платить большой штраф при каждой смене правительства.

Царь, которого Митридат основательно достал, обратился в Рим, который собрал армию из трех частей; но римлян так ненавидели в Малой Азии, что они встречали всяческое сопротивление со стороны жителей. Аппий и Аквилин, возглавлявшие две дивизии, вскоре попали в руки Митридата, и говорят, что он наказал их скупость, всыпав им в глотки расплавленное золото; но это больше, чем кто-либо мог проглотить.

Римский сенат, раздраженный поражением, призвал Л. Корнелия Суллу - или Силлу, как его иногда называют, изменив первый слог, - принять командование армией. Семья хвасталась своей древностью, хотя одна семья должна быть такой же древней, как и другая, если бы можно было проследить родословную каждого человека; и настоящим чудом было бы найти человека, чьи предки имели начало, вместо обычного случая с бесконечной линией прародителей. Семья Корнелия Суллы претендовала на связь с семьей Корнелия Руфина, который в 540 году в Риме в честь Аполлона и в соответствии с указаниями сивиллиных книг, из которых он взял себе имя Сибилла, учредил "Ludi Apollinares". Это имя, согласно толкованию, которое дала ему семейная гордость, было преобразовано в Сулла; и таково

пустое бахвальство предков, что даже искажение охотно принимается за доказательство древней родословной. Отец Л. Корнелия Суллы не оставил своему сыну ничего - даже незапятнанного имени, но был в равной степени расточителен как в судьбе, так и в характере. Мальчик был умен и быстр, но его быстрота быстро переросла в быстроту. Не имея ни морали, ни средств, он снял дешевую квартиру, где развлекал низкую публику, и ни в его комнате, ни в его компании не было ничего, чему можно было бы позавидовать.

В ранней жизни он отличился как солдат в Югуртинской войне; впоследствии он получил должность претора, на которой завоевал расположение народа, введя в развлечения амфитеатра необыкновенный аттракцион из 100 настоящих львов.

Эти благородные животные были подарены мавританским царем, и поскольку Сулла мог бы пожелать, чтобы подарок отсутствовал, если бы на него взвалили расходы на содержание не менее сотни лесных монархов, даритель выделил группу мавров, которые должны были служить пищей для львов, выходя с ними на арену, когда того требовал случай.

Сулла вызвал ревность Мария во время Югуртинской войны, и тот, будучи уже семидесятилетним мужчиной, все еще лелеял свою старую вражду со всем упрямством заядлого ветерана. Он все еще стремился к лавру, хотя должен был думать только о кипарисе; одной ногой в могиле, а другой во главе армии он жаждал маршировать. Прихрамывая, он вошел в Кампус Мартиус, где проходили учения солдат, пристроился рядом с самыми молодыми и ковылял во время упражнений с напускным юродством. Его слабые движения вызывали смешанное чувство насмешки и отвращения у зрителей, вместо того чтобы дать ему командование, к которому он стремился. Не добившись ожидаемого эффекта, он прибегнул к помощи своего друга, трибуна П. Сульпиция, который осуществлял своего рода правление террором с помощью 3000 гладиаторов, которых всегда держал при себе. Эта грозная банда вооруженных грубиянов получила название Антисенат Сульпиция, который использовал их для проведения любой предложенной им меры, показывая острие меча тем, кто не видел смысла в его аргументах. Чтобы выиграть время, сенат назначал ряд праздников, или ферий, во время которых все дела приостанавливались для проведения общественных спортивных мероприятий, что часто позволяло властям вести собственную игру, откладывая любые меры, противоречащие их интересам. После короткого перерыва сенат назначил Суллу главнокомандующим, а антисенат - Мария; и не успел первый услышать эту новость, как он со всей своей армией двинулся на Рим. Наступило крайнее смятение, так как в Риме не ожидали никакой армии, не было никаких приготовлений к обороне; и хотя ворота были закрыты, они были почти так же безумны и неумняемы, как и перепуганные жители .

Марий обнаружен на

болотах в Минтурне.

Сулла и его солдаты предприняли слабую попытку запереть ворота, но преградить им вход было невозможно. Когда они проходили по улицам, на них из домов обрушился ливень кирпичей, которые, хотя и были очень разрушительными, не могли нанести такого вреда, как современный строительный раствор. Некоторые жители были вооружены рогатками, и время от времени из окна лука выпускали стрелу. Немедленно был отдан приказ поджечь кварталы, откуда исходило раздражение, и приказ был выполнен с той беспорядочной свирепостью, которую слишком часто проявляют разъяренные солдаты по отношению к безоружному населению. Гнев, возбужденный немногими, был выплеснут на многих, и войска с дикой готовностью выполнили самую унижительную работу, на которую их только можно было нанять, - убили своих беззащитных сограждан.

"Кто осмелится

убить Мария?"

Вожди или, скорее, невожди народа в этом жалком заговоре первыми обратились в бегство, а трибун П. Сульпиций, подавший пример применения грубой силы, проявил самую трусливую поспешность, убегая от нее, когда казалось, что он может стать одной из ее жертв. Марий направился в болота близ Минтурна, где увяз в грязи и покрыл свою репутацию целым рядом пятен, которые совершенно несмываемы. Когда те, кто преследовал его на протяжении всей жизни, обнаружили его в этом неблагородном убежище, его притащили в город и поселили на ближайшей станции. За его голову назначили цену, но, судя по всему, она была невелика, так как он не проявил особого ума в той роли, которую играл. Его седые волосы или, скорее, полная лысина все еще вызывали столько симпатии, что никто не проявлял желания стать его палачом, пока один из кимврских солдат не взялся за это неблагоприятное дело. Он подошел к ветерану с обнаженным мечом, но Марий забился в темный угол, и ему удалось напугать оруженосца, подав самый мрачный голос. Солдат, вообразивший себя в присутствии призрака, не смог набраться духу, и когда раздался стон, вопрошающий: "Кто осмелится убить Кая Мария?", потенциальный убийца, отбросив меч, бросился бежать, восклицая: "Во всяком случае, не я!". Солдат, конечно, преувеличил причину своих опасений и заявил, что глаза Мария показались ему двумя свечами, горящими в глазницах. Жители Минтурны занервничали не меньше, чем охваченный паникой солдат, и посадили Мария на корабль, который, проколесив несколько дней, бросил якорь или сел на мель в старом, покрытом прекрасной коркой порту Карфагена. Здесь он бродил по развалинам и прислонял свою больную голову к разбитым вискам. Римский губернатор Секстилий, не зная, что делать с таким неловким посетителем, послал гонца с просьбой "двигаться дальше", но изгнанник с достоинством заявил о своем праве отдыхать на сухом мусоре. "Скажи своему господину, - обратился он к дежурному, который

почтительно сообщил ему, что он должен "выйти из этого" в соответствии с приказом властей, - скажи своему господину, что ты видел Мариуса, сидящего на развалинах Карфагена". Эти сведения не были новыми, но, по-видимому, они были весьма поразительными, поскольку привели к тому, что Мариусу было разрешено остаться; поэтому мы оставим его там, пока продолжим нашу историю.

Приведя город к полному подчинению, Сулла решил не продолжать мстить беззащитным жителям; он был настолько уверен в эффективности своей работы, что согласился назначить на пост консула Л. Корнелия Цинну, сторонника Мария. Сулла отправился в Грецию, где блокировал Афины, жителей которых он ограбил в знак признания их ценности; он пощадил их жизни, чтобы показать, как он ценит их предков. Он выразил свое уважение к их искусству, лишив город его главных украшений, и сделал комплимент их образованности, украв их главные библиотеки.

Тем временем Цинна приступил к исполнению обязанностей консула в Риме, но истинность максимы о том, что две головы лучше, чем одна, была крайне сомнительна из-за постоянных разногласий между ним и его коллегой. Последним был Кн. Октавий, который выступал против всего, что рекомендовал первый; и в то время как один пытался провести свои меры грубой силой, другой стремился победить их вооруженным насилием. Цинна апеллировал к толпе, а Октавий уповал на армию; обе эти силы были главными движущими силами при республиканском правлении или злоупотреблении, и обе одинаково противны духу конституционного правления. Оружие такой республики могло бы иметь в качестве сторонников дубину и меч, а в центре - фигуру Свободы, избитой и истекающей кровью, изрезанной и израненной саблей, с кляпом во рту и в оковах. Октавий и меч в этот раз одержали верх, и Цинна, косолапый, был рад сломать свою дубину или перерубить свою палку, улетая из города .

Марий в руинах

Карфагена.

Сенат постановил, что он лишился должности консула, а Цинна, будучи хорошо принят в италийских городах, постановил, что сенат лишился своей власти. Таким образом, правительство было сведено к двум отрицаниям, которые не могли составить утверждение; и посреди теоретического совершенства республиканских форм существовала лишь сущность практической анархии. Жители Капитолия с мечом у горла избрали консула, которого, разумеется, исполнительная власть объявила своим свободным выбором; в то время как жители провинций громко, как только могли, протестовали против насилия, которое было совершено над всеми принципами закона и свободы. Цинна, завладевший большими суммами государственных денег, прибег к подкупам и обещаниям, чтобы добиться признания себя законным консулом, ведь обычно деспотия, действующая под именем свободы, одной рукой грабит народ, а другой развращает его.

Ветерана Мария, который, постелив постель на развалинах Карфагена, не слишком хотел там лежать, хотели принять в партию Цинны, и великого полководца эпохи приняли с энтузиазмом, принимая во внимание большой возраст полководца. Папирий Карбон и К. Серторий также выразили свою поддержку; но Кн. Помпей, находившийся с армией в Умбрии, ждал, какая сторона заплатит ему больше, и из тех, кто предложил бы больше, он был готов сделать это. Тем временем Марий высадился в Тоскане с несколькими друзьями; чтобы вызвать одобрение, он облачился в лохмотья, что, по сути, было одеждой нищего. Он так часто рассказывал о своих неудачах и так часто касался своей старой одежды, что эта тема стала совершенно немодной. Тряпье редко бывает привлекательным, но в данном случае оно успешно завоевало для своего владельца большую толпу последователей.

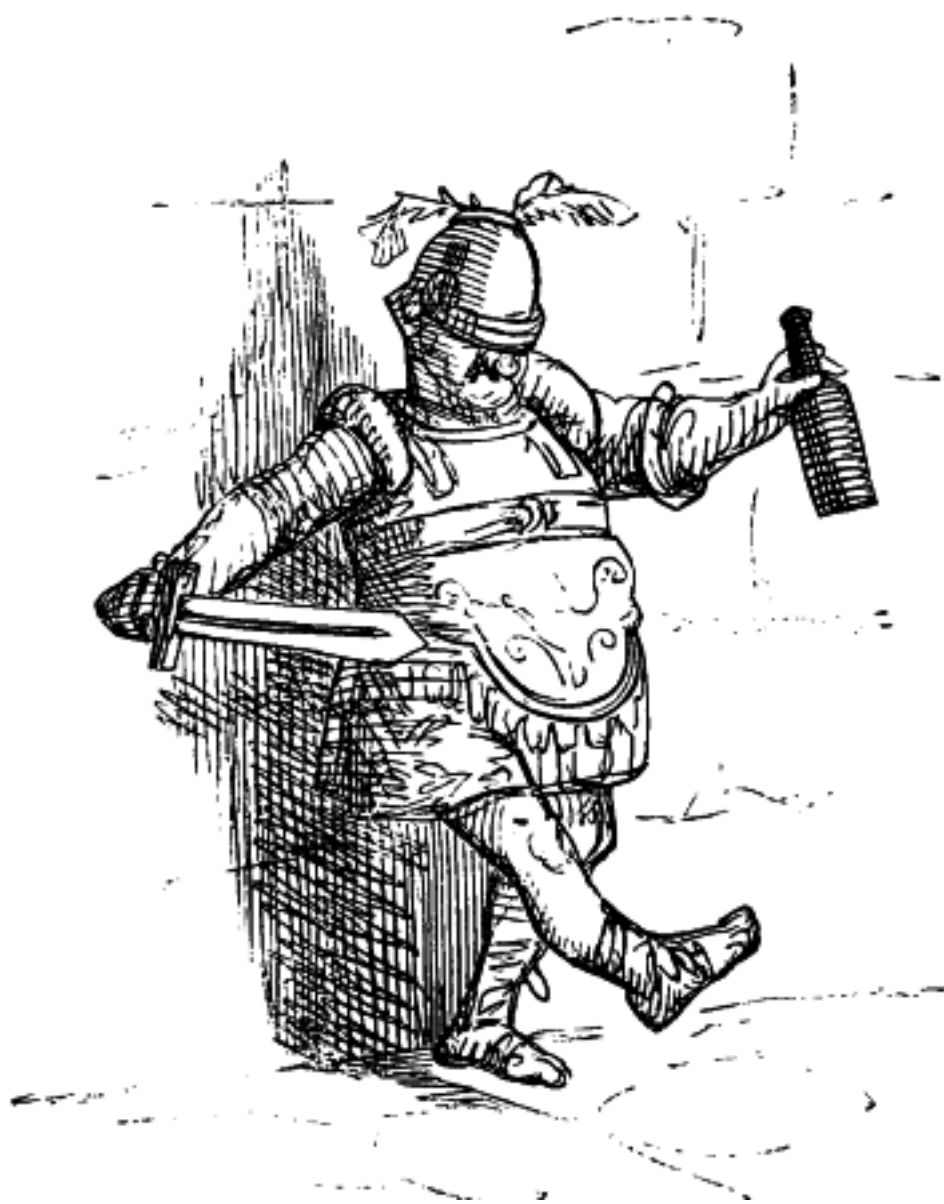
Кн. Помпей наконец-то согласился выступить на стороне сената, но этот союз был заинтересованным, так как он не стал бы выступать на стороне сената, если бы в его пользу не было заключено очень крупное денежное соглашение. Он встретил армию Цинны под стенами Рима, но оба войска были ослаблены болезнями. Каждая сторона старалась сделать все возможное, но солдаты с обеих сторон были так ужасно больны, что никто из них ни на минуту не мог успокоиться, и всем было гораздо лучше лежать в постели, чем сражаться. Буря произвела печальный хаос среди защитников Рима, а вспышка молнии, упавшая на проводника армии, стала причиной смерти Кн. Помпея. Ворота города были распахнуты, Цинна восстановлен в должности консула, и, несмотря на договоренность не проливать кровь, Марий натравил на беззащитных людей отряд рабов и наемников.

Под предлогом, что он будет действовать только по закону, этот кровожадный самозванец, объявив себя изгнанником, сделал вид, что не войдет в город, пока приговор не будет отменен, и с мечом у каждого горла потребовал выражения голоса народа. Решение едва ли нужно рассказывать, и Марий вошел в город, где, стоя за консульским креслом Цинны, сделал ряд диких гримас в адрес своих жертв. Среди них был и консул Октавий, который, успокоенный прорицателями и уверенный, что ему нечего бояться, смело отказался бежать, пока наемные убийцы не выполнили свою задачу, казнив несчастного офицера. Он встретил свою смерть, не покидая своего места, и скончался в объятиях своего офицерского кресла.

Овладев ситуацией, Марий сделал все возможное, чтобы освободить место, устроив беспорядочные убийства. Главы нации были не только заключены в тюрьму, но и вычеркнуты из жизни. Два цезаря были жестоко схвачены и убиты, а Марк Антоний - оратор значительного масштаба - спрятался в месте, которое стало известно Мариусу. Тиран был за ужином, когда услышал эту новость, и, словно решившись на ужасы, поднялся с места, желая стать свидетелем убийства, которое должно было произойти немедленно; но друзья успокоили его, заверив, что голову ему принесут.

Если верить летописцам, Марк Антоний был обязан своим обнаружением привередливости в выборе вина, которое перед ним ставили. Пока он находился в укрытии, его ежедневная порция доставалась из соседней таверны посыльным, имевшим привычку пробовать несколько бутылок, прежде чем остаться довольным. Это возбуждало любопытство хозяина, которому не терпелось узнать имя своего особенного клиента. Однажды посыльный выпил столько вина, что выложил всю правду, когда виноторговец вероломно выдал место, где скрывается Марк Антоний. К его жилищу послали солдат, но он был так красноречив из-за щедрого вина, что возбудил в стражниках дух великодушия. Возможно, его жизнь была бы пощажена, если бы трибун Анний не бросился наверх и сам не отрубил голову несчастному Антонию.

Несколько уважаемых людей самым бесцеремонным образом покончили с собой, чтобы избежать участи, которая была уготована им Цинной и еще большим грешником Марием. В. Лутаций Катул отправился в храм и, забившись в угол среди статуй богов, расположившись напротив Пана, погиб от дыма древесного угля. Мерула, пламя Юпитера, можно сказать, задохнулся или погасил свою собственную жизненную искру, так как, расположившись в портике Капитолия, он спокойно занялся приготовлениями к самоубийству и снял свой огненный колпак, в котором ему не полагалось истекать кровью. Достав из кармана хирургические инструменты, он сел, обдумывая свое дело, и, достав ланцет, показал, что он уже не в жилах, чтобы жить, а в жилах, чтобы умереть, так как он вскрыл артерию. Сам тиран в старости пристрастился к алкоголю и часто впадал в безумие, представляя, что командует армией против Митридата. В конце концов он довел себя до *трепетного бреда*, а от частого употребления сердечных напитков заразился постоянным дрожанием рук. Он умер после непродолжительной болезни, 15 января 86 года до н. э., так и не предавшись трезвым размышлениям, которые побудили бы его раскаяться в своих многочисленных преступлениях. Таков был конец человека, чьи недостатки иногда покрывали лаком лести, хотя в руках правды они могли получить только соответствующий слой чернения.

Мариус в старости.

ФУТБОЛ:

[69] Некоторые говорят, что Юст-ин в данном случае был Юст-аут, поскольку в указанное время комета не появлялась. См. Юстин, xxxvii. 2 и далее.

[70] "De rebus Mithridaticis".

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

СМЕРТЬ ЦИННЫ. ВОЗВРАЩЕНИЕ СУЛЛЫ В РИМ. В. ПАПИРИЙ КАРБО. ДИКТАТУРА СУЛЛЫ.

Теперь, когда свобода была установлена на республиканской основе благодаря расправе над всеми, кто хоть слово сказал против военного узурпатора Цинны, этот человек приступил к укреплению своей власти. Он выдвинул Л. Валерия Флакка в консулы, а те представители аристократии, которые желали свободы, могли свободно покинуть Рим, если им не нравилось жить под тираническим правительством. Открыто говорить на форуме или в судах было запрещено, и скудость дошедших до нас сообщений о событиях того времени не может вызывать удивления, если учесть, что репортерам не разрешалось давать отчет о реальных событиях.

Необходимо было развлечь массы так называемыми либеральными мерами, и в качестве избытка либеральности было предложено, чтобы каждый должник, выплатив одну четвертую часть своего долга, освобождался от всех дальнейших обязательств перед кредитором. Этот закон должен был стать популярным в стране, уже разоренной политическими волнениями и деспотизмом, к которому они часто приводят; а поскольку должники были самым многочисленным классом, то своего рода всеобщий закон о несостоятельности был встречен аплодисментами в обществе банкротов.

Сулла, который все еще находился в Греции, отказался от верности деспоту на родине, и на смену ему в командование армией был отправлен Л. Валерий Флакк. Флакк не пользовался популярностью среди солдат, а поскольку глава правительства подал пример отмены всех законов путем *государственного переворота*, вскоре нашелся подражатель в лице некоего Флавия Фимбрии, лейтенанта, который путем *переворота* избавился от своего несносного генерала. Избавившись таким образом от Флакка, Фимбрия назначил себя главным командиром; но, поскольку трусость и жестокость шли рука об руку, он покончил с собой, узнав, что Сулла собирается выступить против него. Солдаты Фимбрии с самым отвратительным безверием восстали против Суллы, который теперь был хозяином Азии. Он потребовал у покоренного народа 20 000 талантов, а так как у покоренных людей не было с собой такой крупной суммы, они были вынуждены одной рукой занимать ее под огромные проценты, чтобы другой выплачивать. Римские капиталисты ссужали деньги, а римские солдаты помогали им мечами, вытягивая из несчастных заемщиков разорительные проценты. Теперь Сулла готовился к походу на Рим, где Цинна вновь избрал себя консулом, вместе с неким Папирием Карбоном, политическим поджигателем, который действовал как бумага и уголь на пламя раздора. Намереваясь встретиться со своим соперником, они отправились с армией в Италию; но едва солдаты оказались на итальянской земле, как заявили о своем намерении остаться там. Цинна созвал их и попытался убедить идти вперед, но даже когда он отдал приказ, они не выступили по его приказу. От пассивного сопротивления они перешли к активному неповиновению и, объявив его тираном, которого давно пора прогнать, проткнули его мечами в нескольких местах.

После смерти Цинны законная власть начала поднимать свою смиренную голову, и Карбо был призван провести в Риме комицию; но в назначенный день, когда явка избирателей не

обещала удовлетворительного результата, авгуры объявили благоприятные обстоятельства неблагоприятными и распустили собрание.

К Сулле была отправлена депутация, чтобы попытаться договориться, но члены депортации были вынуждены вернуться, так и не договорившись ни о каких условиях. Сулла не стал сразу же отправляться в Италию, а поехал в Эвбею, в город Эдепсус, чтобы насладиться горячими ваннами, но не ограничился водой, а пристрастился к спиртным напиткам, которыми изобиловали окрестности. Он развлекался в обществе тех, о ком иногда говорят, что они живут своим умом, хотя на самом деле их существование обусловлено отсутствием ума у других. Однако Сулла компенсировал все свои недостатки еще большими недостатками тех, кто был против него.

Новыми консулами стали Л. Корнелий Сципион, весьма уважаемый человек, и К. Юлий Норбан, простое порождение Карбо. Против этих лидеров Сулла выступил из Греции в самом грубом здоровье и самом буйном расположении духа. Его карманы, однако, были так же легки, как и сердце; но это мало что значило, так как войска были так преданы ему, что не было ни одного офицера, не прикрепленного к нему; и, чтобы не затруднять себя жалованьем, они обязались собирать деньги между собой, если потребуется, для использования своего вождя.

Экспедиция высадилась в Брундизии, где жители приняли Суллу с расprostертыми объятиями, точнее, без всякого оружия, так как позволили ему занять это место без сопротивления. Пройдя через Калабрию и Апулию, он приблизился к лагерю Норбана в окрестностях Капуи и отправил послов для переговоров, но их обращение было отнюдь не любезным. Их оскорбляли всевозможными поношениями, и говорят, что в лицо им бросали гораздо больше, чем просто упреки. Когда Сулла узнал об их приеме или, скорее, отказе в лагере врага, он обрушился на него с такой силой, что все повалилось под его ногами.

Затем он обратил свое внимание на Л. Сципиона, чье войско перешло на сторону Суллы, в то время как Сципион и его сын сидели вместе, обсуждая общие дела в палатке полководца. Л. Сципион послал своего сына с указаниями для правой части, когда юноша вернулся и сказал, что из правой части не осталось ни одного человека, а когда сам Сципион пошел посмотреть на своих людей, то обнаружил, что не осталось ни одного, даже для вида, чтобы поставить караул у палатки своего командира. Он, конечно, предложил ряд сильных постановлений, поддержанных его сыном, о том, что все, кто присоединился к Сулле, являются врагами государства; но состояние, в котором он тогда находился, делало его обличения пустыми, если не смешными. Положение Суллы становилось все более тревожным для партии Карбо, который добился назначения себя консулом на 82 год до н. э. вместе с молодым К. Марием, который, будучи наследником своего отца, унаследовал большой запас злодеяний. Кн. Помпей уже направил свою поддержку Сулле, который принял его как очень перспективного молодого человека, ведь он пользовался популярностью и обладал большим имуществом. Молодой Помпей был настроен против старого Карбо, и первый так изводил последнего, что его нрав, всегда кислый, по своей вспыльчивости сравнивался с углекислотой.

Сулла взял молодого Мариа под руку и последовал за ним в местечко под названием Сакрипорт, где в результате сна - древние любили слушать советы с закрытыми глазами - было принято решение о нападении первого на второго. Сулла приказал своим солдатам идти вперед, но они были настолько утомлены, что заснули по дороге, и заставили своего предводителя задуматься, что же им могло присниться. Вместо того чтобы быть снаряженными в объятиях воина, они были растянуты в объятиях Сомна, и Сулла, хотя и не

хотел идти наперекор своему сну, понял, что глупо идти в бой с сомнамбулической армией. Поэтому он отдал приказ остановиться, и люди начали копать фундамент для лагеря, когда конница Мария подъехала с целью досадить им. Раздраженные поведением вражеской лошади, солдаты Суллы стали бить ее ногами и, даже занимаясь своей работой, отбили кирками несколько передовых солдат марианской армии. Это привело к общему сражению, в котором войска Суллы, забыв об усталости, преследовали врага до соседнего города Пренесты, ворота которого были закрыты с такой поспешностью, что все беглецы не успели войти, а самого Мария вместе с несколькими ближайшими прихлебателями, связавшими себя с его судьбой, перетянули на веревке через стену. Сулла утверждает, что убил 20 000 человек и взял 8000 пленных, а потерял только двадцать три; но поскольку он сам является авторитетом для этого утверждения,^[71] мы должны принимать в чисто фигуральном смысле многие его цифры.

Марианская партия, опасаясь, что успехи Суллы могут вызвать сопротивление деспотизму, все еще царившему в Риме, решила избавиться от главных политиков того времени, глав Национального собрания того периода. Современная практика могла бы заключаться в том, чтобы запереть место собрания и вооруженной силой помешать членам собрания войти внутрь, конечно же, убив их в случае упорства; но марианская политика заключалась в том, чтобы вызвать их в курию Хостилия и, застав их там, расправиться с теми, кто попытается выйти снова.

Это кровавое дело было поручено претору Л. Дамасиппу, и каждый видный политик, которого подозревали в наличии собственного независимого мнения, сразу же подвергался расправе. Этот шаг был объявлен необходимым для придания силы правительству и обеспечения единодушия нации путем перерезания горла всем, кто осмеливался придерживаться образа мыслей, противоположного правящей власти. К сожалению, некоторые из лучших и мудрейших людей того времени были слепы к достоинствам вождя республики; все они, включая К. Муция Сцевола, выдающегося юриста, были бесцеремонно принесены в жертву.

Весть об успехе Суллы при Сакрипорте вызвала панику среди тех, кто совмещал мясницкое дело с государственной деятельностью в Риме, и виновные пытались бежать, услышав, что враг приближается к городу. Сулла, оставив Лукреция Офелла караулить у ворот Пренесты, чтобы Марий не попытался проскользнуть, лично двинулся на столицу. Направив свои шаги к Коллинским воротам, он обнаружил там армию тех самых самнитов, которые были ранее разрезаны на столько частей и готовы были быть разрезаны еще на столько же, если бы потребовалось тревожное жертвоприношение. Их полководец Понтий Телесин скакал перед ними, умоляя их прийти и быть убитыми, видимо, в последний раз; и дукс имел достаточно влияния, чтобы побудить их броситься, как стадо гусей, на свою погибель. Победа Суллы была полной, а Понтий Телесин, которого враг упустил из виду в пылу сражения, восполнил это упущение в делах дня, скрывшись сам - по обычной трусливой манере героев древности.

Успех Суллы, похоже, привел лишь к смене тиранов, а его поведение доказало, что чудовищной жалобой Рима была череда бесчеловечных чудовищ, завладевших властью. Зверства, приписываемые Сулле, однако, настолько огромны, что почти граничат с бурлеском; и в преувеличениях удобно чувствовать основание для надежды, что в рассказе, представленном историками, многое может попасть под рубрику "Ошибки исключены".

Говорят, что 3000 врагов в Антенне просили его о милости, которую он оказал, но при условии, что они убьют своих соратников, что и было сделано с жестоким рвением. Когда эти 3000 потребовали в награду свое помилование, их, по словам Плутарха, переправили в Рим и

зарезали вместе с несколькими тысячами других людей, имевших несчастье расходиться во мнениях с главой республиканского правительства.

Это было настолько неудобно для глав семейств и других людей, которые каждый день или час могли быть перебиты, что в конце концов Сулле предложили для удобства сэкономить время, опубликовав короткий список, содержащий несколько имен тех, кого он не собирался приносить в жертву. В ответ он опубликовал очень длинный список тех, кем он собирался пожертвовать, и заявил, что это всего лишь первый номер серийного произведения, которое он не обязуется завершить течение какого-либо определенного периода. Поскольку любое авторское право может быть нарушено, работа Суллы стала предметом многочисленных подражаний; многие составляли собственные списки, содержащие неприятные для себя имена, так что ни один человек не мог пройти по улице, не имея возможности прочесть на стенах столицы свой собственный смертный приговор. Сулла во многих случаях предлагал вознаграждение за головы своих жертв, и его двери с утра до ночи были окружены криками "Мясник!" тех, кто требовал суммы, которые они заработали в качестве забойщиков. Убийства доходили до такой степени, что К. Катул доверительно спрашивал Суллу, намерен ли тот вообще щадить людей, ведь, похоже, ему нечем будет править, кроме самого себя, а такому человеку, скорее всего, будет очень трудно управлять.

Пока все это происходило в Риме, Марий был осажден в Пренесте, откуда пытался бежать через общую канализацию - способ обеспечить себе жизнь, далеко не самый достойный. Однако его заметили через железное отверстие, которое так растрогало его чувства, что он призвал своего раба прогнать его, но верный товарищ тут же забил его до смерти надежным и ржавым оружием.

Сулла, совершивший все описанные выше акты деспотизма и жестокости, не имел никаких законных полномочий и имел не больше прав на власть, чем самый жалкий подданный республики. Его правление было правлением террора, поддерживаемого мечами подлой солдатни. Из двух консулов Марий был уже мертв, а Карбо, взятый в плен, был приговорен к смерти, так что Карбо - чернота поведения которого оправдывала его титул угольщика - вскоре был превращен в пепел.

Сенат, урезанный убийством в угоду взглядам Суллы, избрал интеррексом Л. Валерия Флакка, который сразу же наделил Суллу правом делать все, что ему заблагорассудится, и так долго, как ему заблагорассудится; или, выражаясь официальной фразеологией, сделал его диктатором на неограниченный срок.

Получив назначение, Сулла первым делом наградил помогавших ему орудий труда: Л. Валерий Флакк был немедленно назначен хозяином коня, а военные убийцы, выступавшие в роли палачей при исполнении его планов, получили земельные наделы в неудобных тирану местах. Он добился определенной популярности, распространив избирательное право на 10 000 освобожденных рабов, которые сохранили достаточно рабского характера, чтобы голосовать так, как хотел их хозяин. Он попытался восстановить незаконно уничтоженный им законодательный орган и направил в него некоторое количество тех вредных отбросов, которые в мутных водах революции часто выбрасываются на поверхность общества.

Утвердив свое положение благодаря жестокости одной части народа и трусости другой, он принялся за дело реформатора; и хотя он причинил много вреда, нельзя отрицать и то малое благо, которое он совершил. Будучи деспотом по натуре, он, насколько мог, ограничил народный элемент в конституции, урезав власть трибунов; он увеличил правительственный патронаж, увеличив число понтификов и авгуров, чтобы иметь возможность назначать их на прибыльные, но бесполезные должности. Однако его изменения в уголовном кодексе были

действительно полезными, поскольку он сделал убийство, совершенное ядом или насилием, преступлением по закону; и действительно, необходимо было четко определить этот момент, поскольку военные убийства от рук исполнительной власти были настолько многочисленны, что возникали сомнения, будет ли впредь человеческая жизнь вообще защищена правительством. Многие старые законы были вновь приняты, хотя они никогда не отменялись; но узурпаторы власти так тщательно попирали все правовые формы, что невозможно было понять, какие из законов должны считаться обязательными для народа.

Сулла и его друзья хвастались, что благодаря его твердости Рим успокоился; но спокойствие вряд ли может быть желанным состоянием для того, чье спокойствие является результатом кляпа во рту, меча, подвешенного над головой, и цепей на всех частях тела. Покой, или, скорее, неподвижность, полученная таким образом, была не столько дорогой, сколько неудобной, поскольку была проведена массовая конфискация имущества всех, кто, как предполагалось, придерживался взглядов, отличных от правительственных. За беззакониями хозяина часто следует человек, и, следуя этому правилу, некий Хрисогон, один из креатур Суллы, убил Росция из Армении, чтобы получить возможность ограбить его. Имущество Росция было выставлено на аукцион, на который явилась нечистая на руку компания, чтобы запугать аукциониста и заставить его выполнить их мелкие заказы. Все ушло практически даром, и Хрисогон, как считается, получил почти все по смехотворно низкой цене.

Законы, принятые Суллой, хотя, возможно, и были достаточно простыми по своей сути, но в их применении была неясность, которая была крайне неудобной. Хотя они были обязательны в одно время, в одном месте, для одних людей, они не были обязательны в другое время, в другом месте, для других. Он установил правило, согласно которому никто не может быть избран консулом, пока не станет претором; впрочем, в отношении своих собственных приверженцев Сулла не был столь категоричен. Однако когда Л. Офелла, полководец из Пренесты, который никогда не был претором, выставил свою кандидатуру на пост консула, Сулла заявил, что с таким поведением мириться нельзя, и убил его в разгар утреннего голосования. Народ был весьма разгневан этим возмущением, когда Сулла, проходя среди группы с мечом в руке, "потребовал тишины для рассказа анекдота".^[72] Вокруг него собрался круг, с трепетом ожидая, что он скажет, и тогда деспот продолжил следующим образом: "Один рабочий, - сказал он, - работал за плугом, когда ему стали досажать насекомые, из-за чего он остановился и стал отгонять их, вытирая пыль со своей куртки. Обнаружив себя раздраженным во второй раз, он снял куртку и бросил ее в огонь. Теперь я советую тем, кого я дважды победил, не обязывать меня пробовать огонь". Народ, знавший кое-что о грозящем Сулле пожаре, боялся его со всем ужасом обожженного ребенка, и он был оставлен продолжать свою карьеру бесконтрольных злодеяний.

Человек, обладающий жестокостью зверя, как правило, имеет и другие низменные аппетиты, свойственные животным низшего порядка; в характере Суллы было столько же сладострастия, сколько и тирана. К жажде крови он добавил аппетит обжоры, и, накопив огромные богатства путем убийств и грабежей, он жаждал возможности потратить нажитые средства в праздности и разврате. Он созвал народ на форум и, походив некоторое время взад-вперед, спрашивая, не осмелится ли кто-нибудь выдвинуть против него обвинение, сложил с себя диктаторские полномочия. Некоторые превозносят это отречение как доказательство великодушия и бескорыстия, но, если говорить в двух словах, он занимался человекоубийством как ремеслом и, нажив огромное состояние, отошел от дел. Получив всю прибыль, которую могла принести его беспринципная карьера, он оставил другим трудную работу по поддержанию результатов своей политики. Он удалился в Путеолы, где проводил

большую часть времени в компании актеров и стал близким соратником одного или двух популярных комедиантов низкого пошиба. В трезвые минуты, которых было очень мало в течение последней части его жизни, он написал свои мемуары и работал над ними до нескольких дней своей смерти, которая случилась в 78 году до н. э., когда ему исполнилось шестьдесят лет. Редко кто из людей, достигших трех десятков лет, оставлял неудовлетворенными столько десятков. Его жестокость была настолько велика, что он с удовольствием заковывал пленников в кандалы, а затем проливал их кровь, из-за чего о нем говорили, что он любил калечить не меньше, чем гладить. Он так мало ценил старые связи, что когда один из его знакомых напомнил ему о тех временах, когда они жили в одном доме: Сулла заплатил 2000 сестерций за подвал, а его бывший друг - 3000 за первый этаж, Диктатор не стал щадить жизнь своего товарища, но грубо заметил, что эта история, будь то верхняя или нижняя, была старой и давно потеряла свой интерес. Говорят, что к дому Суллы были пристроены подземелья или погреба, чтобы всегда иметь под рукой запас человеческих существ для случайных жертвоприношений. Способ его смерти сделал его объектом, столь же отталкивающим, как и его образ жизни; его распущенность привела к болезни, которая развилась в порождение паразитов в его коже; можно сказать, что перед смертью он был почти изъеден тленом. По его собственному желанию его тело было сожжено; как будто он думал, что огонь может в какой-то мере очистить его память. Дамы из знати облили погребальную груду духами,[\[73\]](#) но было уже слишком поздно, чтобы привести его в надлежащий вид. Многочисленные сопровождающие несли всевозможные специи; кроме обычных булавоносцев, было несколько офицеров, нагруженных корицей. Того факта, что на погребальной груди такого чудовища возносили благовония, достаточно, чтобы умилиться любому, кто прочтет столь унижительное для человечества заявление.

Похоронная

груда Суллы.

Внешне Сулла был отнюдь не привлекателен: в его глазах было много зеленого, в волосах - много рыжего, а на лице - много пурпура. Его лицо, как и характер, было усеяно пятнами; те, кто обвинял его в стремлении к пурпуру, говорили, что это можно прочесть в его взгляде, так как щеки у него были синие, и он сам, как и его поступки, имел очень темный цвет лица. Он был груб в своих манерах и не ценил никаких деликатесов, кроме столовых яств. Несмотря на неприятные черты личности и характера Суллы, он был женат пять раз, поскольку развод стал настолько легким, что мужчина всегда мог выгнать свою старую жену, когда хотел новую.

ССЫЛКИ:

[71] Цитируется Плутархом в Sulla, с. 28.

[72] См. рассказ Аппиана, с. 102.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

РЕАКЦИЯ ПРОТИВ ПОЛИТИКИ СУЛЛЫ. ЗАСЛУГИ К. СЕРТОРИЯ. МЕТЕЛЛУС. КН. ПОМПЕЙ. ЭНЕРГИЧНЫЕ ШАГИ СПАРТАКА. РАЗДРАЖЕННЫЙ ПИРАТ.

Сезар и Помпей очень похожи друг на друга, особенно Помпей.

Тиранические действия Суллы задушили, но не погасили пламя свободы, и каждая несправедливость была лишь топливом для тлеющего костра. После смерти Суллы население состояло только из тех, кого нищенствовала алчная солдатня, и военных отчаянных, выполнявших работу тирана; меланхоличное сочетание жертвы и жертвы. Консулами были М. Эмилий Лепид и К. Лутаций Катул; первый обогатился благодаря связи с партией диктатора, но, когда прилив переменился, он повернул вместе с ним, надеясь, что это снова приведет его к удаче. Катул же придерживался политики Суллы, и, опасаясь, что два консула поссорятся, в результате чего зрители будут ограблены, сенат заставил консулов поклясться, что они не будут брать в руки оружие друг против друга. Клятва была легко принята и не менее легко нарушена республиканскими вождями, которые вступили в жестокое столкновение у самых ворот Рима; Лепид, получив худшее, бежал в Сардинию, где, положив начало своим планам на будущее, положил и себя, и умер довольно неожиданно.

Некоторые из законов Суллы были настолько явно несправедливы, что не могли быть оправданы даже его сторонниками; многие из них были отменены при разных консулах. В кн. Помпей, который был горячим приверженцем диктатора, испытывал гораздо более теплые чувства к самому себе, и он добивался расположения народа, обещая многие реформы, которые предполагали компромисс с его прежними принципами. На самом деле республика была забавой беспринципных людей, которые всеми уловками и преступлениями пытались встать во главе ее. Они не заботились об интересах общества, а думали только о своих собственных; так часто бывает, когда главная власть в государстве открыта для любого, кто сделает за нее самую высокую ставку. Помпей вышел на рынок со своими способностями, когда тирания нуждалась в орудиях; но, видя, что теперь востребованы демагоги, он попытался извлечь выгоду из народных принципов. Другие пустились в то же плавание, меняя курс под влиянием общественного мнения и не имея иного руля, кроме собственной выгоды. Одним из них был Л. Лициний Лукулл, человек с чрезмерным богатством, которое он использовал, или, скорее, злоупотреблял, в чрезмерной роскоши. Он использовал искусство для того, чтобы противостоять природе, и, помимо прочих расточительных действий, попытался превратить часть моря в частный пруд для разведения рыбы. Он попытался сделать это в своей зимней резиденции под Неаполем, где, прорубив в скалах отверстие в залив, он держал на своей территории постоянный запас свежей рыбы в резервуаре с соленой водой. Однако его вкусы не ограничивались удовольствиями за обеденным столом; ведь он не только изучал право и держал под рукой Двенадцать таблиц,

но и собрал библиотеку столь обширную, что она содержала массу информации, далеко не доступной пониманию ее владельца.

М. Лициний Красс был еще одним кандидатом на власть, которой он добивался скорее с помощью своего богатства, чем талантов; ведь денег у него было гораздо больше, чем ума, и Красс часто проявлял признаки грубого невежества.

Почти единственным прославленным человеком того времени был К. Юлий Сезар, который мог приложить руку, независимо от того, что в ней было, к чему угодно. Он был так же готов к работе пером, как и мечом, но последний был не острее его языка, а его ум был настолько емким и эластичным, что мог с одинаковой легкостью приспособиться к малым и большим вещам. Маленький предмет часто теряется на просторах великого интеллекта, а уменьшенное понимание не может дать простора для восприятия грандиозной идеи; но в самонастраивающемся уме Сезара нашлось место и для одного, и для другого, и для обоих сразу. Он был автором без ревности, ученым без педантизма и политиком без шарлатанства.

Эти и другие знаменитые люди процветали в Риме в это время; но Помпей, который от природы любил пышность, обладал искусством концентрировать на себе лучи, отраженные от блестящих личностей, которые его окружали, так что в любое время было трудно отличить его от других выдающихся людей того времени.

При жизни Суллы К. Серторий служил, вернее, командовал, в Испании, где занимал пост претора, и занимался тем, что поддерживал интересы своей партии - партии Мария - путем убийства всех, кто им противостоял. Его целью было объединение испанцев и римлян в один народ, но для примирения разногласий он предавал мечу тех, кто, после того как он подвергал их мнения испытанию, оказывался несогласным с ним. Сулла отправил армию под командованием К. Анния, чтобы напасть на Сертория в Испании, когда Серторий, рассматривая К. Анния как простого заместителя, с которым может иметь дело заместитель с его стороны, отправил Юлия Салинатора навстречу посланнику. Результат доказал, что претор поступил мудро, действуя по своему усмотрению, а не поддавшись внезапному порыву храбрости; ведь Салинатор, которого он послал вместо себя, был убит, когда, будучи доверенным лицом, слишком близко подошел к врагу.

Серторий, отправивший Салинатора в качестве своего рода пробника, не ожидая, что тому придется испытать на себе смертельный удар, понял, что его собственный успех маловероятен, и бежал в Африку. В Мавритании, не имея собственной ссоры, он вмешивался в чужие ссоры; так, на мавританскую корону претендовали два человека, и он поддерживал одного из них, а для того, чтобы держать руку на пульсе, залез в карман другого. В результате его вмешательство принесло ему огромные доходы, и он решил уйти в частную жизнь, а услышанный им рассказ о Канарских островах побудил его свить свое гнездо в этом благоприятном месте.

Однако лузитанцы, ограбленные римлянами, принадлежавшими к партии Суллы, имея смутное представление о том, что вор должен ловить вора, обратились к Серторию с просьбой защитить их от врагов. Договор был заключен после некоторой задержки в определении условий; тогда Серторий принялся за работу с таким рвением, что вскоре сражался сразу с четырьмя римскими генералами, и, что еще более примечательно, ему это удавалось с большим успехом. Его способ ведения войны заключался в том, что он перебегал от одного укрепления к другому с такой скоростью, что его враги никогда не знали, где он находится, пока он не настигал их самым неожиданным образом. Если они начинали

маршировать, говорит Плутарх, он был у них на пятках, если они замирали, он был у них за спиной, а если они захватывали город, он обращал это в свою пользу, перехватывая все их конвои. Против его оружия у врагов не было других средств, кроме собственных ног, ведь бегство было их единственной защитой.

Не довольствуясь сражениями с испанцами, он занялся регулированием их гражданских внутренних дел и попытался перевести испанские нравы на римский лад. Его целью было установить в Испании римскую республику, но трудно изготовить иностранную вещь из местных материалов. Он назначил 300 человек в сенат; и хотя большинство из них были испанцами, он взял столько проскрибированных римлян, сколько смог найти, в надежде, что они послужат своего рода римским цементом, чтобы все держалось вместе. Он основал школу - классическую академию, где преподавали латынь и греческий, а ученики носили туники по римской моде.

Серторий был всеобщим любимцем всех классов, кроме школьного; у него был любимый олененок, который следовал за ним повсюду, куда бы он ни пошел, и лесть объявила, что олененок был послан ему богами в знак благосклонности.

Фортуна, казалось, благоволила ему во всем, за что бы он ни брался; даже К. Метелл с большой армией не смог произвести никакого эффекта - неудачу приписали возрасту и слабоумию этого прославленного ветерана. К Серторию присоединился Перперна, который, исходя из численности приведенного им войска, рассчитывал разделить командование; но таково было влияние успеха, что люди Перперны отреклись от своего собственного лидера и настояли на том, чтобы Серторий был их генералом.

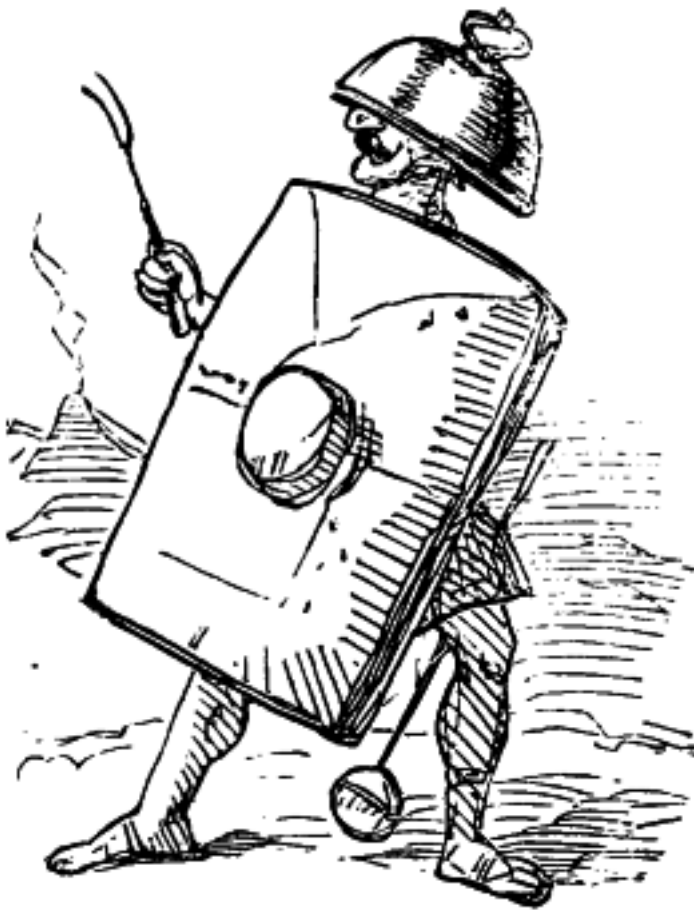
молодые друзья.

Серторий и его

Постоянное поступление неблагоприятных известий в Рим в конце концов побудило Помпея воскликнуть: "Так не пойдет; я должен сам пойти и уладить дело", ибо самомнение Помпея побудило его думать, что он легко победит Сертория. Последний осаждал Лауро, современную Лирию, к которой первый подошел с целью ее освобождения. Недалеко от стен находился холм, которым было важно завладеть, и обе стороны пытались овладеть им; но Серторий, устремив свой взор на вершину, первым взобрался на нее. Помпей, проявив непомерное тщеславие, заявил, что намерен немедленно сместить его, и отправил в город послание, в котором просил жителей расположиться на стенах, чтобы они могли увидеть, как ловко он распорядится их врагом. Серторий, услышав хвастовство, с улыбкой заметил, что "полководец должен смотреть не только вперед, но и назад" - замечание, на которое Помпей, не видевший в то время за собой, впоследствии часто оглядывался. На самом деле у Сертория был очень значительный резерв, с помощью которого он удерживал осаждающих, пока сжигал жителей, к полному изумлению Помпея, который, хотя и находился достаточно близко к пламени, чтобы греть руки, не мог вмешаться, не обжигая пальцев.

Тем не менее, Помпею не терпелось помериться мечами с Серторием; операция, которая, хотя и кажется показательной для сближения, всегда должна держать солдата на расстоянии вытянутой руки, по крайней мере, от его антагониста. Желая получить всю возможную славу, Помпей, услышав, что Метелл приближается с подмогой, решил ускорить сражение и начал его довольно поздно после полудня, хотя и знал, что может оказаться в неведении относительно его исхода. Серторий и Помпей выдвинулись каждый во главе своей дивизии, но по какой-то случайности не встретились, и каждый из них вернулся к основной части своей армии с убеждением, что одержал победу. При возобновлении конфликта генералы встретились, армии столкнулись лбами, и Помпей, ошеломленный ударом и не имея никого, кто мог бы посоветовать ему, что делать, обратился в бегство, чтобы убедиться в собственной безопасности.

Хотя враги казались непобедимыми, Серторий не был в безопасности от друзей, так как был убит на званом обеде, устроенном для него Перперной. Не успели убрать скатерть, как к Серторию *ворвалась* необычная группа убийц, которая набросилась на него и убила. Испанцы так уважали его, что, как говорят, его смерть неожиданно ввела в моду умирать, и многие покончили с собой на его похоронах, чтобы взять Сертория за образец. Перперна сразу же объявил себя главнокомандующим, но он оказался совершенно непригодным для этой должности, и в первом же бою был разрублен на куски вместе со всей своей армией. Были ли они буквально разрублены на куски, вызывает у нас сомнения, хотя этот рассказ спокойно принимается более серьезными историками; но если учесть количество разрубаний и повторений одних и тех же сторон - примером чему служит случай с самнитами, - в который нас постоянно призывают верить, вера кажется нам довольно трудной.

Вооруженный раб

Пока все это происходило в Испании, в Италии и ее окрестностях полным ходом шла работа с рабами. Некоторые из самых способных из них обучались в гладиаторских школах, чтобы развлекаться в цирке; но это надругательство над человечностью принесло много страданий тем, кто был его причиной. Рабы упражнялись в обращении со всеми видами оружия, а гуманность снижалась тем, что их нанимали для представлений в общественных местах. Будучи искусными в обращении с мечом, они стали подумывать о том, чтобы орудовать им против своих угнетателей, вместо того чтобы испытывать его друг на друге, и около семидесяти из них сбежали под предводительством одного фракийца по имени Спартак. Не имея оружия, они разграбили поварские лавки, где захватили вертела для копий, шампуры для кинжалов, разделочные ножи для мечей, кастрюли для щитов, а также ложечки для общих целей. Затем они вошли в мастерские плотников и захватили инструменты рабочих, многие из которых прятали орудия своего труда; но если пила показывала свои зубья, она тут же была захвачена. Их отряд, хотя поначалу и небольшой, увеличился за счет всех беглых должников района; ведь примечательно, что те, кто должен частным образом больше, чем может заплатить, часто оказываются в первых рядах тех, кто громче всех говорит о том, что они должны общественным интересам. Они заняли позицию на горе Везувий - подходящее место для разгрома - и, разросшись до 10 000 человек, обрушились, подобно разрушительному потоку лавы, на многие соседние города, которые быстро превратились в пепел. Спартак продвинулся до подножия Альп, но его последователи намеревались вернуться в Рим, чтобы разграбить его и добавить его содержимое к своему багажу. За ним был послан М. Лициний Красс; взяв на себя обязательство догнать его, он столкнулся с ним в Лукании. Рабы сражались как львы, вернее, со свирепостью зверей, с которыми их учили бороться, и в некоторых случаях одерживали победу.

Красс послал Муммия сдерживать армию, но тот получил особые указания не сражаться, поскольку цель республиканского генерала - присвоить себе всю славу, независимо от интересов своей страны. Муммий, однако, испытывал те же чувства и желал завоевать репутацию, невзирая на приказы своего начальника; он знал, что военный успех в условиях нестабильности исполнительной власти, пусть и нерегулярный, будет принят народом на веру и, возможно, станет для него ступенькой к верховной власти. Его люди, не руководствующиеся теми же личными мотивами, что и он сам, видели недостаточность своих сил и, охваченные паникой, бежали, не переставая вынимать мечи из ножен. Спартак задумал пройти в Сицилию и отправился в Регий, где договорился с пиратами о поставке кораблей; но те, притворившись друзьями, так и не дали ему ни одного корабля, хотя он заплатил пиратам цену небольшого флота.

Спартак оказался блокирован в Регии, и Красс, вырыв вокруг траншею, решил предотвратить всякий выход из этого места; но ни Красс, ни его траншея оказались недостаточно глубокими, чтобы выполнить задуманное, так как Спартак засыпал часть рва и прошел по нему. Красс, опасаясь, что его дело проиграно, послал в Рим за помощью Помпея, который, гордясь своими предыдущими победами и мысленно восклицая: "Я единственный мужчина; они всегда вынуждены посылать за мной", отправился навстречу Спартаку. Не успел Красс послать за помощью, как оправился от паники и послал сказать, что помощь ему не нужна; но он просчитался в отсутствии войска, потому что, когда появилось войско Спартака, Крассу было нелегко с ним бороться. Однако последние, слишком уверовав в успех, решили использовать шанс нанести или получить решающий удар, несмотря на опасения своего предводителя.

Спартак.

Спартак начал день с того, что послал за своей лошадью и убил ее, к полному изумлению зрителей и глубокому недоумению несчастного животного. "Если я выиграю этот день, - сказал он, - у меня будет много лучших лошадей; но если я проиграю его, бедное создание будет бесполезно для меня в моей очень скромной жизни или в моем более вероятном уходе из нее". Таков был его единственный способ оправдаться за поступок, на который не мог спокойно смотреть ни один человек, жалеющий о страданиях лошадиного животного. В день битвы Спартак был вскоре ранен, но, упав на колени, продолжал сражаться в этой неудобной позе. В конце концов, будучи побежденным, он пал вместе с 40 000 своих людей, которые, по словам властей, были отправлены на уничтожение; но, хотя нет никаких колебаний в том, чтобы сказать, куда они отправились, вопрос, откуда они пришли, является тем, на который серьезные историки не обратили внимания. Утверждается, что из 40 000 человек, найденных мертвыми на поле боя, только двое стояли спиной к врагу; но мы подозреваем, что если бы у побежденных было время повернуться, то в таком же положении оказались бы и многие другие.

Красс двинулся к Риму, ожидая, что его примут с энтузиазмом; но Помпей, встретивший и уничтоживший 3000 фракийцев, отправил домой письмо, в котором заявлял, что "то, что сделал Красс, - все это хорошо, но он (Помпей) действительно положил конец войне своим актом решительной резни". Зная, какое значение придает военная республика кровопролитному поступку, он рассчитывал на должность консула. Его он получил в союзе со своим соперником Крассом, который выложил себя и немалую сумму денег на покупку популярности у толпы. Он давал народу кукурузу за бесценок и приглашал на званые обеды по 10 000 человек за раз; но его расточительность лишь доказывает масштабы его грабежа, ведь в общественные уста не могло попасть ничего, кроме того, что в той или иной форме было извлечено из общественного кармана. Помпей, напротив, исповедовал смирение, которое, возможно, было лучше в двойном смысле: оно было дешевле и, возможно, несколько эффективнее, чем показная расточительность. Он вел свою собственную лошадь в процессии, чтобы показать, что он был простым *равным*, наравне с другими гражданами. Когда его консульство подошло к концу, он удалился в частный сектор, где жил как принц - стиль, который, кажется, очень нравится тем, кто проповедует доктрину совершенного равенства.

Столь активному участнику государственных дел невозможно было оставаться в полном бездействии, а тревожное распространение пиратства вскоре дало ему возможность по-настоящему отличиться. Пираты становились бичом для Рима, но Рим вполне заслуживал этого, поскольку именно его несправедливость вызвала к жизни этих опасных врагов человечества. В первую очередь они состояли из людей, разоренных римскими поборами, которые уходили в горы и на море, где можно наиболее ярко ощутить истинное волнение взлетов и падений жизни. Со временем к ним присоединились некогда богатые и знатные люди, некоторые из которых, продав жен и семьи, которые они больше не могли содержать, стали бороздить океан как единственное поле для деятельности. Таким образом, пиратство стало обычным делом человека, так же как в более цивилизованные времена оно стало обычной частью книжного бизнеса. Города грабили, уводили скот, а жителей отправляли в плен. Богатых людей часто похищали на дорогах, и ничто, кроме солидного выкупа, не могло обеспечить им свободу.

Пиратов часто урезонивали, но так и не искоренили; поэтому трибун А. Габиний предложил Помпею совершать экстраординарные поступки с экстраординарными полномочиями. Он должен был получить верховное командование на три года, в течение которых он должен был иметь все, о чем его попросят, и приказывать всем или всему, что ему потребуется. Он прекрасно справлялся со своими обязанностями, а с пиратами расправился с таким успехом, что вскоре вытеснил их из всех мест их обитания с совершенно удивительной скоростью.

Хотя чрезвычайные полномочия были предоставлены ему на три года, он имел еще более чрезвычайную власть над собой, что добровольно отказался от них, когда цель, ради которой они были ему доверены, была достигнута. Все было сделано за три месяца, в течение которых он взял несколько городов, ни один из которых не оставил себе, хотя один из них, в Киликии, под названием Соли, он сделал единственное исключение, дав ему название Помпейополис. Жители Соли говорили на смешанном диалекте азиатского и греческого языков, что вызвало такую путаницу в речи, что в результате получилось много путаной чепухи; говорят, что слово солецизм, применяемое к неточности речи, происходит от названия места, о котором идет речь.

То, что римляне должны были враждебно относиться к пиратству, несколько не согласуется с принципом или, скорее, отсутствием принципа, по которому они действовали, ведь они

пиратствовали почти во всем. Их литература была просто пиратством греков; и, согласно некоторым авторитетам, римляне пиратствовали даже у самих пиратов, поскольку первые, как говорят, выкрали у вторых идею системы Зодиака.

Пираты вели свою незаконную торговлю с таким успехом, что их флот насчитывал более 1000 галер, многие из которых были великолепно позолочены - этот факт в глазах многих закрывал глаза на беззаконие средств, с помощью которых было приобретено такое богатство. Говорят, что в бесчинствах этих незаконных грабителей сквозило веселье; когда среди пленников они захватывали римлянина высокого ранга, то вежливо просили его уйти в море, потому что "поработить одного из владык земли было делом, в котором они и помыслить не могли быть виновны". Юный Юлий Цезарь, попавший в их руки еще мальчиком во время своего путешествия на Родос, похоже, встретил их более чем наполовину в их юмористических выпадах. Они запросили за него двадцать талантов, когда он предложил им пятьдесят; и даже тогда он так мало хотел покинуть их, что оставался тридцать восемь дней после того, как заплатил деньги и получил право на квитанцию. Во время своего пребывания среди них он писал сатирические стихи об их варварском образе жизни и отбивался от их мечей еще более острым оружием насмешек. Пиратов забавляли выпады их пленника, который доносил до них всю прямоthu правды в остроте эпиграммы. Им было очень жаль расставаться с ним, когда пришли деньги за его выкуп; но у них была причина еще больше пожалеть, когда они встретили его снова; ведь когда он это сделал, то только для того, чтобы схватить их и отвести в Пергам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

ТРЕТЬЯ МИТРИДАТОВА ВОЙНА. НИЗЛОЖЕНИЕ И СМЕРТЬ МИТРИДАТА.

Пока Помпей был занят наказанием пиратов, Риму было чего опасаться с другой стороны: Митридат повсюду выискивал рекрутов, чтобы расправиться с Содружеством. Он был очень богат и имел армию в 150 000 человек, ведь военное дело, к несчастью, относится к тем, где никогда не бывает недостатка в руках, готовых вести войну, если можно рассчитывать на их вознаграждение.

Вифиния была одним из первых объектов нападения Митридата, которому противостоял консул М. Котта; но это место было сожжено дотла, и пепел бедного Котты был найден в состоянии терракоты среди руин. Лукулл, коллега Котты, был послан в Азию с большой армией, которая напала на Митридата с таким эффектом, что царь спас свою жизнь только тем, что вытряхнул из карманов все деньги, которые у него были, и стал метаться среди враждебных солдат. Наемники, сражаясь друг с другом за свободное серебро, забыли позаботиться о государе. Митридат бежал к своему зятю Тиграну, который, назвав в честь себя метрополию Тиграноцерттой, утвердился в качестве царя Армении. Лукулл переправился через Тигр и потребовал выдать Митридата; но Тигран, глядя на своего почтенного, но решительного тестя, передал легата для ответа старому господину. Понтийский царь ответил просьбой, чтобы враги пришли и взяли его, что римляне и собирались сделать, когда Митридат и Тигран решили, что безопаснее бежать, спасая свои жизни; Тигран бесславно снял с головы корону и положил ее в карман, чтобы его не узнали.

Казна Тиграноцеры с излишками в два миллиона стерлингов попала в руки римлян, которые захватили добычу и стали настолько независимыми благодаря своему временному богатству, что критиковали, одобряли, нарушали или не подчинялись, когда и почему им было угодно, приказам своего генерала.

Митридат, воспользовавшись таким положением дел, собрал многочисленную армию и обрушился на римские гарнизоны, где только мог. Однажды он приблизился к врагу на расстояние броска, и так как они бросали камни, то получил один из них в колено, а стрела, попавшая в глаз, сразу же открыла его во всей красе. Вскоре он оправился от ран и был готов к нападению на К. Триария, когда римский солдат, переодетый в туземца, притворился, что шепчет что-то на ухо Митридату, одновременно нанося ему недружелюбный удар по ребрам скрытым оружием. Царь был настолько не готов к ране, что сразу же потерял сознание, а его войска были так заняты его поимкой, что забыли поймать врагов, которым удалось сбежать, хотя в противном случае их можно было бы легко схватить. Митридат, придя в себя, выразил свой гнев по поводу беспечности своих офицеров и, несмотря на рану и возраст, попытался бы преследовать врага, несмотря на трудности. На следующее утро он возобновил атаку на Триарий и разрубил на куски 7000 человек; операция, однако, кажется слишком обширной даже для ножниц судьбы, и мы не можем не считать ее, таким образом, чистой выдумкой более серьезных историков.

Теперь Помпей был послан сменить Лукулла на посту командующего; эта мера стала вдвойне необходимой, поскольку Лукулл не только не справился с ролью лидера, но и его солдаты ежедневно отказывались следовать за ним. Когда его войска приблизились на небольшое расстояние к Митридату, они, казалось, были более склонны вступить с ним в дружеские, чем во враждебные отношения, так как многие из них присоединились к его войскам. Вскоре после прибытия Помпея на берега Евфрата ночью произошла битва. Близко зашедшая луна удлинила отражение, отбрасываемое римскими войсками, и солдаты Митридата, приняв отражение за вещество, начали энергично сражаться с простыми тенями. Каждый снаряд, брошенный, казалось бы, в самую гущу римлян, был так же безрезультатен, как и промах, и солдаты Митридата, считая врага неуязвимым, в панике бежали. Сам царь доблестно сражался во главе своей телохранителей, в числе которых была и его собственная жена, которая в мужском обличье учинила страшный хаос римским солдатам. Несмотря на мощную помощь этой сильной и умелой женщины, Митридат был вынужден бежать, хотя и принял все меры, чтобы возобновить войну при первой же благоприятной возможности. Эта возможность, похоже, так и не представилась, а если и представилась, то была упущена из-за вероломства и трусости его сына Фарнака, который убедил солдат, что его отец - старый дурак, раз решил воевать с римлянами. Несколько главных офицеров придерживались той же точки зрения и присоединились к заговору с целью низложения царя, чтобы поставить Фарнака вместо него.

Однажды утром Митридат лежал в постели, но, разбуженный громкими криками под окном, услышал слова: "Фарнак - царь!" и послал узнать, что означают такие крики. Ответ был неудовлетворительным, и тогда ветеран, сев на своего возницу, произнес речь верхом, которую никто не слушал. Сын приказал схватить его, и тогда старик, дав шпоры своему коню, галопом поскакал вверх по холму, что для человека на закате жизни, который и так быстро спускался с холма, было смелым и опасным экспериментом. С возвышенности, на которую он поднялся, он увидел глубину своего падения; ведь он был свидетелем коронации своего сына Фарнака под крики армии. Бедный старик был так поражен этим зрелищем, что достал из складок своего платья смертельное снадобье, которое, предвидя тревожное самопожертвование, всегда носил с собой. Он уже собирался снять смесь, когда две его

дочери, стоявшие рядом с ним, попросили разрешения выпить смертельный отвар. Некоторое время он колебался, но в конце концов был тронут их немым умоляющим взглядом, обращенным к роковой жидкости. Разделив содержимое бутылки на три части, он дал по дозе каждой из своих дочерей, оставив одну дозу для себя, и по сигналу старого господина обе молодые дамы проглотили тошнотворное средство, о котором они так усердно просили.

Митридат, его
необдуманный поступок.

Яд сразу же подействовал на женщин, но их отец почувствовал лишь неприятный вкус, но не смертельный результат, на который он рассчитывал. Хотя его было слишком много для двоих, но недостаточно для троих, и бедный старик передвигался в состоянии тошноты, не сопряженной с опасностью. Если раньше ему надоедало существование, то теперь оно надоело ему окончательно, и, обратившись к верному слуге, стоявшему рядом, он попросил немедленно избавить его от страданий. Верный парень, идя на компромисс между моралью и долгом, отвел глаза и протянул острие меча, когда Митридат, быстро подойдя к цели, обрушил его на протянутое оружие.

Так закончилась Митридатова война, а также и сам Митридат; и его трусливый сын Фарнак отправился в союз с Помпеем, признавая в духе смирения и раболепия перед Римом, что он держит свое царство только по воле сената.

Митридат.

Характер Митридата был нарисован столькими разными очертаниями, что его портрет, сделанный историками, представляет собой мазок, в котором трудно распознать истинные черты. К этой задаче прибегало так много искусных художников, что мы не решаемся предоставить Митридата на повторное рисование нашими руками; мы также не желаем использовать карандаш, как это делали некоторые, для придания дополнительной черноты. Некоторые из тех, кто взял в руки эскиз, набросали тени десятифунтовой кистью, другие покрыли его несколькими слоями и слоями лака, для того, чтобы затушевать недостатки его характера. Все готовы признать, что он был способным правителем; но он не обладал той идеальной прямоотой и прямоотой, которые придают правителю наиболее желанные качества. Он владел двадцатью пятью разными языками, и поэтому ему часто удавалось переговорить с теми, с кем он, возможно, не смог бы прийти к взаимопониманию, если бы его разговор был менее разносторонним. Он обладал гигантским ростом, что заставляло тех, кто находился под его властью, смотреть на него свысока. Несмотря на чрезмерный рост, он

вовсе не был нескладным, а его хорошо вылепленная рама представляла собой идеальную картину.

Его пристрастие к изящным искусствам проявлялось в жадности, с которой он захватывал самые лучшие творения человеческого гения, которые, в свою очередь, похищались у него другими любителями, чье покровительство таланту проявлялось в том, с какой пылкостью они присваивали себе результаты его трудов. В Синопе, одном из его городов, была найдена астрономическая сфера, которая, похоже, показывает, что наука о звездах входила в круг его знаний. В одной из его крепостей была обнаружена статуя самого себя высотой не менее двенадцати футов из чистого золота, что доказывает не только то значение, которое он придавал себе, но и показывает, насколько полностью он был окутан драгоценным металлом.

Ему приписывали многие домашние добродетели, потому что, хотя он был жесток с одной половиной своих многочисленных жен, к другой он относился с внимательной нежностью. Он вызывал ужас у своих врагов, но пользовался любовью слуг; и хотя его ненавидели в поле, он был любим на кухне. По словам Патеркула, Митридат был человеком, о котором трудно говорить и еще труднее ничего не сказать.^[74] Тот же авторитет приписывает ему величие ума на протяжении всей его жизни; но когда, задумав покончить с собой, он уговорил раба предать его смерти, то проявил - если использовать противоречивое выражение - огромную душевную слабость.

ПРИМЕЧАНИЕ:

^[74] Митридат, понтифик Рекс, *vir neque silendus, neque dicendus sine curâ*. Vell. Paterc., lib. ii., c. 18.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ. ВСТУПЛЕНИЕ ЦИЦЕРОНА. СЕЗАР, ПОМПЕЙ, КРАСС И ДР.

Республика без республиканцев - это, возможно, исключительное положение вещей; но как древняя, так и современная история доказывает, что существование республики не противоречит отсутствию всего того, ради чего обычно желают такую форму правления. Сейчас уже точно установлено, что у народа нет больших врагов для свободы, чем он сам; и что всеобщее избирательное право - самый надежный инструмент для достижения целей деспота. Равенство, в республиканском смысле, кажется, подразумевает состояние, в котором все одинаково унижены; и народ, кажется, никогда не бывает таким рабским, как тогда, когда он свободен выбирать своего правителя.

Римляне в течение некоторого времени имели привычку отдавать себя в руки целой череды тиранов и рыцарей, которые добивались популярности за счет демонстрации самых худших качеств. Один завоевывал общественное мнение своей дерзостью вора, другой становился избранником народа благодаря своим кровавым успехам оптового убийцы. К несчастью для так называемого либерального дела, самые вульгарные качества часто привлекают наибольшую долю аплодисментов; и те, кому наиболее свободно доверяют доверие народа, почти всегда наиболее беспринципны в его предательстве.

Рим опустился до самого низкого состояния, а общество под властью республики стало настолько распущенным, что его распад можно было рассматривать как естественное следствие. Среди вельмож того времени была некая масса жестокости и разврата под именем Сергий Катилина. Он хвастался длинной родословной, но гораздо более короткая родословная, связанная с любым обычным деревом, больше соответствовала бы его заслугам. Растратив все собственные деньги, он потратил столько, сколько смог, чужих, влезая в долги как можно глубже. Чтобы выполнить некоторые из своих старых обязательств в достаточной мере, чтобы заключить новые, он убил своего брата и еще нескольких своих родственников, и, по сути, оправдал мнение, сложившееся о нем из-за его происхождения, убив своих родственников. Получив должность пропретора в Африке, он продолжил свою карьеру частного мошенника, занявшись массовым грабежом. Он использовал свой пост для вымогательства, и единственным доказательством его требовательности были поборы, которым он подвергал всех, кто находился под его властью.

По возвращении в Рим он надеялся, что в должности консула, к которой он стремился, у него будет более широкий простор для его бесчестия; он создал партию разорившихся транжир, единственным шансом которых было поддержать его как кандидата на власть. Этим отчаявшимся людям нечего было терять и нечего приобретать: все, что они теряли, было их собственностью, а все, что они приобретали, было собственностью других. Катилин привлек к себе симпатии этих авантюристов, пообещав разделить между ними все официальное жалование; он сплотил вокруг себя значительное число сторонников, предложив "миллиону" возможность поживиться тем, что им не принадлежит. Он утверждал, что сможет облегчить положение всех классов сразу, освободив бедных от бремени, а богатых - от имущества. Отбросы населения легко возбуждались, и даже некоторые из номинальных дворян были достаточно подлы, чтобы присоединиться к заговору против своего собственного порядка. Целью заговора было массовое убийство всего сената, но план был сорван из-за предательства, которое почти всегда можно найти среди людей, объединившихся для плохой цели. Некий Курий был вынужден удовлетворить любопытство женщины по имени Фульвия, в которую он был влюблен; секрет, достигнув женских ушей, долетел до кончика женского языка, и тогда тайна вытекла наружу так же естественно, как вода, нашедшая свой уровень.

Цицерону, который был конкурентом Катилина в борьбе за консульство, вскоре стало известно об этом, и он решил попытаться разговорить заговор, сделав его предметом нескольких взрывов возмущенного красноречия.

В связи с появлением на исторической сцене такой выдающейся личности, как Цицерон, нам следует выступить в роли цицерона, чтобы представить его. Этот знаменитый персонаж родился 3 января в год Города 647 в Арпинуме, где его отец сидел еще до того, как будущий оратор смог встать. Его дед был человеком, заслуживающим определенного внимания, как материального, так и морального; он обладал некоторым имуществом и пользовался авторитетом в вопросах местной политики. У него было два сына, старший из которых, Марк, был отцом знаменитого Марка Туллия, от которого в семье остался неизгладимый след,

который время вряд ли сотрет. Получив начальное образование в родных местах, он был отправлен в Рим, где изучал греческий язык; пламя ораторского искусства впервые зажглось в его сознании благодаря соприкосновению с греческим поэтическим огнем. Как только он надел тогу, его увлекли мужественные занятия, и он был отдан под опеку Муция Сцеволы, авгура, который предвещал своему ученику исключительно хорошие результаты. Юный Цицерон вскоре проявил склонность к поэзии, отчего его голова постоянно шла кругом от стихов, и уже в раннем возрасте он стал довольно сильным в цифрах. В установленном возрасте он вступил в армию, ибо законы его страны требовали, чтобы при вступлении в жизнь он подвергался риску быть отправленным из нее. Он присутствовал на Марсианской войне, при взятии лагеря самнитов; но, расположившись в палатке на другом участке поля, он почти не видел битвы. По окончании войны он посвятил себя литературным занятиям и написал труд *De Inventione*, который, в соответствии с максимой о том, что необходимость - мать изобретения, несомненно, возник из потребностей автора.

Фульвия.

Далее он изучал искусство рассуждения под руководством Диодора, который поселился под крышей Цицерона, так что последний, вероятно, нашел или, скорее, предоставил жилье, в то время как стоик "поддерживал" логику, что, несомненно, было разумной платой за предоставленное ему жилье. На двадцать шестом году жизни Цицерон стал регулярно выступать в качестве оратора, и вскоре общественный голос подтвердил его репутацию.

После непрерывных выступлений в течение почти двух лет он счел необходимым перевести дух в отставку; он отправился в Афины и на Родос, где культивировал более сдержанный стиль ораторского искусства, избавившись от неприятной избыточности действий и избегая того движения рук, которое, конечно, является общим недостатком молодого адвоката.

По возвращении в Рим, после двухлетнего отсутствия, он с большим успехом выступал в судебных инстанциях и вел дела наравне с популярными лидерами Коттой и Гортензием. Все трое ученых братьев были успешными кандидатами на должности консулов и квесторов, в последнем из которых Цицерон был отправлен в Сицилию. Там его главным занятием стало обеспечение столицы пшеницей и выращивание больших урожаев кукурузы, что способствовало росту его популярности. Во время своего квесторства он посетил Сиракузы и обнаружил гробницу Архимеда, которая основательно заросла кустарником, представляя собой достойный памятник тому, кто при жизни ступал по тернистым тропам науки. Цицерон покинул остров с приятной мыслью, что весь Рим огласился похвалами в адрес его правления; но, высадившись в Путеолах, он был несказанно удивлен, встретив друга, который спросил его, "где он был и какие последние новости в городе?". Цицерон, сразу поняв, что пропасть из виду - одно и то же, решил отныне держать себя в поле зрения общественности, чтобы она не закрыла глаза на его заслуги.

Вскоре после этого периода своей истории он столкнулся с заговорщиком Катилиной, которого осудил перед собравшимся сенатом в оратории, сохранившейся до наших дней благодаря остроте своих язвительных рассуждений. Каждое предложение пахло аттической солью, а каждое слово - перцем для виновного Катилина. Последний попытался ответить, но сенаторов одновременно охватил один из тех видов кашля, которые, подобно гриппу, распространяются по невольной аудитории. Маска была сорвана, и Катилин предстал во всей своей зверской красе. Он бежал из Рима, но Цицерон продолжал демонстрировать, что, хотя его враждебность была лишь разговорами, она была самой действенной; он произносил речь за речью, и каждое предложение содержало приговор "виновен" против Катилина. Все заговорщики, оставшиеся в Риме, были схвачены и задушены палачом, который, когда они взывали к жалости, резко пресекал их речи.

Цицерон обличает

Катилина.

Заговор, хотя и был в значительной степени подавлен, не был полностью угашен; Катилин сделал все возможное, чтобы сохранить его, собрав армию в Этрурии. Там ему должен был противостоять консул К. Антоний; но тот сослался на болезнь и заявил, что сильная головная боль не позволит ему встретить шум войны, а охриплость, которая, по его словам, схватила его за горло, лишила его возможности, как он утверждал, отдавать приказы на поле боя. Однако его войска были так настроены на действия, что, едва услышав о том, что их генерал - инвалид, они потребовали признать его назначение недействительным и приступили к делу под командованием его легата, М. Петрея. В Пистории произошла ожесточенная битва, и обе стороны сражались как львы, хотя сказать, что он дрался как тигр, было бы более уместно по отношению к одному из представителей рода Катилина. Никто не бежал, если верить рассказам, но 3000 заговорщиков упали с мечами в руках, образовав совершенную гору убитых; и, чтобы увенчать все это, их лидер, как утверждает, сформировал вершину этой пирамиды из трупов. Те из заговорщиков, кто не был убит мечом, задохнулись под грудями своих товарищей, и сам заговор был фактически задушен.

Спасший свою страну Цицерон покинул свой пост - поступок, прямо противоположный тому, которого придерживаются современные государственные деятели, иногда оставляющие службу своей стране, когда она оказывается в опасности. Он получил благодарность сената, его приветствовали как *Pater Patriæ*, отца своей страны, и надели на него гражданскую корону - головной убор из дубовых листьев; этот материал был подходящим образцом той популярности, которая с такой фатальной легкостью исчезает и развеивается по ветру.

Непостоянство общественной благосклонности быстро проявилось в случае с Цицероном; было предложено отозвать Помпея из Азии, чтобы восстановить конституцию; это одно из неудобств республики, что хотя конституция, как говорят, всегда самая лучшая в мире, она всегда нуждается в череде восстановительных мер. Помпей высадился в Брундизии, где распустил всю свою армию, чтобы продемонстрировать свою привязанность к республиканской простоте - термин, который часто применяют неправильно; ведь простота республиканцев заключается главным образом в их способности к навязыванию.

Хотя Помпей прибыл в Рим без своих солдат, он позаботился о том, чтобы показать свою благодарность за предстоящие услуги, заставив каждого из них получить из

государственной казны сумму, равную примерно сорока пяти фунтам стерлингов. Часть своих доходов он направил на строительство храма, якобы в честь Минервы, но на самом деле посвященного ему самому, так как на нем был начертан отчет о его победах.

Тщетно добиваясь поддержки сената, он оставил аристократическую партию и бросился к народу, который принял его с распростертыми объятиями; но объятия, открытые для кандидата на популярность, часто так же открыты, чтобы позволить ему упасть со своего места.

Поскольку Помпею суждено потерять жизнь до конца этой главы, следует немного рассказать о его рождении, чтобы читатель мог оценить потерю по достоинству.

Помпей Кней родился 30 сентября 106 года до н. э., на несколько месяцев позже Цицерона, и впервые вздохнул примерно в то же время, когда Югурта испустил последний дух, в римской тюрьме. Семья Помпея принадлежала к плебсу, а один из его предков, можно сказать, жил воздухом, поскольку по профессии был флейтистом. Его отец, Помпей Страбон, проникся аристократическими идеями и участвовал в Марсианской войне; но, похоже, он презрел лавры славы ради более прибыльной отрасли грабежа. Его богатство было значительным, и после его смерти его сына обвинили в участии в незаконно нажитом имуществе, когда молодой Помпей, зная о коррупции в трибуналах, женился на дочери судьи, чтобы добиться решения в свою пользу.

Оправдание последовало само собой; ведь когда государственные чиновники погрязли во всех видах эгоизма и деградации, проступок судьи в отношении тестя был сравнительно мелким. Старший Помпей нечестным путем пришел к большому состоянию, выйдя из низкого положения; сын же стремился скрыть в изобилии своих средств подлость своего происхождения. Он стал гордым и заносчивым, проявляя склонность к аристократизму, которая часто одушевляет людей с высокими талантами и низким происхождением; они часто умиляются ничтожности номинально великих, вместо того чтобы показать, что истинное величие может существовать среди так называемых маленьких. Его главной или, скорее, мелкой целью было самовозвеличивание, и именно своим неблагородным попыткам возвыситься он обязан тем низким местом, которое он занимает во мнении беспристрастного историка.

Вскоре после возвращения из Азии в Рим он отпраздновал триумф, который имел все признаки вульгарной пышки; перед ним несли длинные списки его достижений, за которыми следовало несколько повозок с товарами, продуктами большого грабежа. Видя, что Катон и другие противятся его политическим замыслам, он решил создать свою собственную партию; и К. И. Цезарь, видя нужды Помпея, решил обратить их в свою пользу. Он сделал предложения, к которым прислушались другие, и добился примирения между Помпеем и Крассом, которые, встретившись, могли в нескольких смыслах способствовать успеху планов Цезаря. Эти три человека вступили в своеобразный политический союз, который обычно называют Первым триумvirатом.

Сезар стал консулом в 694 году до н. э. (59 г. до н. э.), когда партия сената, желая сдержать его, прибегла к всевозможным подкупам, чтобы добиться избрания Бибула в качестве своего коллеги. Этот человек был простым ничтожеством, с удивительным недостатком головы, и мелкие умники того времени привыкли датировать свои записи "в консульство Юлия и Сезара", а не в консульство Сезара и Бибула.

Примечательно, что деспотизм всегда ищет свои инструменты среди тех, кого он наметил в качестве своих жертв; и нет таких инструментов, которые были бы готовы положить конец

народной свободе, как сам народ. Политика тирана заключается в том, чтобы уничтожить любую власть, кроме своей собственной; а уничтожение законной власти всегда благоприятно для тех, кто играет в беспринципные амбиции. Сезар начал с того, что льстил народу за счет сената; он постановил, что отчеты о заседаниях последнего должны публиковаться под названием *Acta Diurna*, что можно считать истоком наших журналов палаты общин и ежедневных газет. Второй мерой был своего рода Закон о несостоятельности, предназначенный для фермеров, получавших государственные доходы, которые, стремясь получить контракт, предлагали больше, чем могли заплатить за привилегию собирать налоги. Третьим его великим проектом был аграрный закон, в соответствии с которым любой нищий гражданин, который мог показать по крайней мере трех детей - настоящих или заимствованных по случаю, установить было трудно - имел право на получение земельного надела в Кампании. Эта премия за неразумные браки вызвала такую бурную демонстрацию отцовства, что земли в Кампании стало не хватать, и пришлось купить несколько тысяч акров, чтобы расширить поле для деятельности Сезара. Бибул воспротивился этой мере; но его сопротивление, хотя и было в данный момент активным, в конце концов оказалось праздным; с отвращением к неудаче он затворился в своем доме до конца года, и все говорили, что он был полностью закрыт своим более могущественным коллегой.

Теперь Цезарь как никогда желал заключить тесный союз с Помпеем, и, чтобы сблизить их, первый отдал свою дочь в жены второму, хотя тот был вынужден отдать свою старую жену Муцию, чтобы освободить место для новой, а дама Юлия была вынуждена разорвать помолвку с предполагаемым мужем. Чтобы создать сильную семейную партию для управления страной, сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Л. Кальпурния Пизона, который благодаря частному влиянию был назначен консулом на следующий год вместе с А. Габинном.

Обычно уходящий в отставку консул получал провинцию на один год; но Сезар, обработав все главные государственные ведомства своими собственными инструментами, путем грубого нарушения конституции добился длительной аренды своей власти. Богатые провинции Цизальпийская Галлия и Иллирий были выделены ему на пять лет; затем сенат добавил Трансальпийскую Галлию, поскольку увидел, что народ настолько подпал под его влияние, что либо дал бы ему все, что он просил, либо он взял бы все, что хотел, не спрашивая об этом.

Среди представителей аристократии этой вырождающейся эпохи Римской республики был некий Клодий, чье имя, как и он сам, представляет собой искажение имени Клавдий, поскольку он принадлежал к роду Клавдиев. Этот неблагоприятный распутник приобрел дурную славу во время праздника *Бона Деа*, обряды которого отмечались первого мая; церемония, проводившаяся исключительно женщинами, несомненно, носила самый запутанный и утомительный характер. Клодий, переодевшись в женское платье, прошел незамеченным среди шума множества языков, пока женское любопытство не уличило его в заигрывании с женой Сезара, в доме которой проходил праздник. Клодия привлекли к суду за это преступление, и он послал к Цицерону своего помощника с инструкциями, чтобы оратор доказал свое *алиби*. Вместо того чтобы следовать современному профессиональному курсу и пойти на любую ложь, какой бы грубой она ни была, ради клиента, Цицерон поспешил впасть в противоположную крайность и, возмущенно отбросив свою записку, не только бросился в свидетельскую ложу, чтобы дать показания против обвиняемого, но и взорвал свою позицию взрывным красноречием. Несмотря на этот замечательный пример честности, в коллегии адвокатов было так много коррупции, что Клодий подкупил судью,

бросив на весы правосудия сумму золота, которая изменила баланс в его пользу. Клодий угрожает мстью и обещает приклеиться к Цицерону на всю жизнь за то, что тот отбросил его и отказался поддержать в такой важный момент.

джентльмен, бросает свое резюме.

Цицерон, как

Цезарь, которого больше всего интересовал предмет тяжбы, не испытывал особого беспокойства, так как, разведясь с женой, он продолжал дружить с Клодием. Последний стал кандидатом в трибуны, но, будучи лишенным права на это из-за своего высокого происхождения, он был принят в ту семью, к которой его лучше всего приспособила природа - очень низкую. Заключив сделку с консулами, он заручился их поддержкой, пообещав, что если они помогут ему получить трибунство, то он поможет им получить богатую провинцию по окончании года их правления. Позорная сделка была завершена: грабители расплачивались друг с другом за счет общественного благосостояния.

Клодий немедленно начал использовать свою государственную власть для удовлетворения своих личных чувств; он добился принятия закона с единственной целью - уничтожить Цицерона. Оратор обратился за защитой к триумвирату, но Помпей уехал из города, Красс вспомнил старую обиду, а Цезарь встал на сторону своего друга Клодия. Цицерон, не дожидаясь суда, покинул город под причитания всех добрых людей, которые составили траурную компанию, скорее избранную, чем многочисленную. После его отъезда был вынесен приговор о лишении его свободы; его дом на Палатине и две виллы были снесены до основания, а все остальное имущество было пущено с молотка на публичном аукционе.

Успешно удовлетворив одну из своих личных неприязней, Клодий начал искать другие жертвы, против которых он мог бы применить власть, доверенную ему "народом". Вспомнив, что когда-то он сам был в руках пиратов и что Птолемей, царь Кипра, отказался его спасти, он издал закон о том, что Птолемей должен быть немедленно низложен; и, чтобы убить двух

несчастливых зайцев одним выстрелом, он избавился от Катона, послав его завладеть Кипром как римской провинцией. Птолемей, вместо того чтобы встретить это дело с духом, встретил его дозой лауданума и настолько забылся, что стал искать в самоубийстве забвения своих горестей.

Цицерон провел свое изгнание в сетованиях на судьбу; и хотя по профессии он был торговцем философией, у него не было запасов для собственного использования, когда требовалось утешение. Он посылал жене плаксивые письма, а его подпись была так омочена слезами, что он оставил пятно на своем имени из-за своей нечеловеческой слабости.

Когда Клодий перестал быть консулом, часть инкуба, подавлявшего дыхание свободы, была снята, и голос народа осмелился заявить о себе, требуя отозвать Цицерона. Оратор вернулся с триумфом; в знак благодарности он поддержал любую меру, предложенную кем-либо из тех, кто оказал влияние на его возвращение домой. Его заступничества требовали и охотно давали в поддержку многих позорных действий его друзей; он взял на себя защиту Габиния, который вел систему вымогательств в Сирии.

Рим теперь полностью находился в руках амбициозной партии, которая с помощью вооруженных наемников распоряжалась жизнями, свободами и даже мнениями граждан. Помпей и Красс, по наущению Сезара, во второй раз выставили свою кандидатуру на пост консула, и, когда кандидат от оппозиции, Л. Домиций, выступил вперед, его слуга был зарублен солдатами у него на глазах, в качестве намека тем, кто осмелится придерживаться мнения, противоречащего существующей власти. Кандидат, увидев, как раскололся череп его домочадца, опасался столь же решительной расправы над своими избирателями и удалился в частную жизнь, оставив исполнительную власть переизбираться без всякой попытки оппозиции. Временные полномочия каждого члена триумvirата были, путем предательства и насилия, продлены на пять лет; а Катон, рискнувший высказать мнение, что этот шаг не вполне соответствует конституции или закону, был бесцеремонно брошен в тюрьму. Право во всех случаях полностью подчинялось силе, а конкуренты за власть держали на службе вооруженных грубиянов, столкновения которых друг с другом часто носили самый отчаянный характер. В одном из таких столкновений между дружинами Хлодия и наемниками Милона первый был убит, что послужило поводом для суда над вторым. Цицерон был привлечен для защиты обвиняемого; но Помпей, ненавидевший Милона, позаботился окружить его вооруженной силой, которая так запугала Цицерона, что у него язык прилип к губам, когда он сам должен был придержать своего клиента. Оратор не мог сказать ни слова в свою защиту, вернее, в защиту Милона; и поскольку ни одно предложение не было сказано в его пользу, приговор был вынесен против него. Он отправился в изгнание в Марсель, а Цицерон с запоздалым рвением написал защиту, когда суд закончился. Он послал копию Милону, который назвал ее превосходной в своем роде, но немного запоздалой; и добавил, обращаясь к Цицерону: "Если бы ты только доставил ее вовремя, ты бы избавил меня от дилеммы, в которую я попал".

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

СВЕРЖЕНИЕ КРАССА. ПОРАЖЕНИЕ ПОМПЕЯ. ДИКТАТУРА И СМЕРТЬ СЕЗАРА. КОНЕЦ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Действия Сезара в Галлии достаточно известны, чтобы мы могли отнестись к ним с некоторым презрением, опустив даже главы часто повторяемых рассказов из нашей истории. Хотя его оружие было за границей, его взор был у себя дома, и он с ревнивым интересом следил за делами Рима. Его единомышленники, Помпей и Красс, поссорились, а первый рассорился с Цезарем, так что между триумвиратом возникли разногласия, хотя все трое были одинаковы в своих беспринципных замыслах в отношении государства.

Красс был занят в своей провинции Сирия, накладывая руки на все ценное, пока кто-то не наложил руки на него, несмотря на его ничтожество. Его схватка с парфянами была коротким отрезком в его жизни, который привел его к смерти, так как предательство побудило его погрузиться в пучину месопотамских пустынь. Там он столкнулся с армией, которая пыталась навести ужас на римлян криками, ревом, ударами в барабаны и всевозможными пустозвонными ухищрениями. Парфяне, искусные в обращении с луком, выпустили такой ливень стрел, что ярость заглянула во многие глаза, а на многих губах появился колчан. Красс начал терять сознание и впал в некую истерику, крайне несовместимую с историческим достоинством. Враг, однако, попытался прибегнуть к другой уловке и сделал вид, что убегает; но когда его преследовали, он внезапно развернулся и галопом поскакал на римлян по песчаному холму, подняв при этом столько пыли, что последние были вынуждены слизывать ее, так как их рты были полны ею. В таком положении они были атакованы стрелами, которые, попав им в ноги, пригвоздили многих из них к земле; а руки, пронзенные таким же образом до груди, не могли ни летать, ни защищаться.^[75] Лошади еще могли бы атаковать, но когда бедняги добрались до парфянских пик, они были вынуждены остановиться довольно неожиданно. Разбив конницу на куски, Красс и часть его пехотинцев отступили на песчаный холм в поисках безопасности; но вскоре они убедились, что зря возлагали надежды на такой фундамент. Сам Красс спрятал голову в песок и никого не хотел видеть, но в конце концов его уговорили вступить в переговоры с парфянским полководцем. В ходе переговоров возникло небольшое недопонимание, когда некоторые из присутствующих начали толкать друг друга, сначала руками, потом сжатыми кулаками, а в конце концов и оружием. В конце концов Октавий, сопровождавший Красса, выхватил меч и убил одного из конюхов, а затем кто-то другой убил Октавия; после того как убийство было справедливо или несправедливо совершено, Красс сам вскоре от него избавился. Царь парфян приказал наполнить голову Красса золотом, так как при жизни он посвятил все свои силы накоплению этого металла.

После смерти Красса триумвират сократился до дуумвирата, и между Помпеем и Сезаром возникла ревность; но поскольку народ, похоже, считал, что две головы в лоб лучше, чем одна, у которой все по-своему, противоборствующие тираны были оставлены обществом для ведения собственных сражений. Великим призом, за который они теперь боролись, была

армия, которая слишком часто подвергается унижению, когда ее рассматривают как верное средство сокрушения всего, что имеет форму закона и свободы.

Сезар, конечно, добился привязанности своих солдат, ведь он разделял их опасности; но у тщеславного выскочки Помпея не было больше прав на армию, чем он мог установить, развратив ее. Сезар держал их на привязи, а Помпей надеялся соединить их с собой теми золотыми узами, которые никогда не прикрепляются к сердцу, хотя и служат своего рода временной привязкой к карману. Сезар стоял на берегу Рубикона, разделявшего его провинцию Галлию и Италию, и, глядя на гладь реки, вскоре погрузился в собственные размышления. Он знал, что пересекать реку с армией запрещено законом, но, оглядевшись по обе стороны и почувствовав, что его положение таково: тонуть или плыть, он решился, и один из его легионов последовал за ним. Рубикон был перейден, и Помпей, услышав о приближении Сезара, был охвачен такой паникой, не успев получить ни одного реального удара, что сразу же покинул город. Он так спешил, что даже не последовал своей природной склонности и ушел, не ограбив казну. Тиран так часто ассоциируется в одном лице с трусом, что бесславное отступление Помпея было естественным продолжением его предыдущего деспотизма; ведь то, что выдается за смелость действий, может быть продиктовано страхами плута, а не мужеством героя.

Сезар прибыл в Рим, который освободился от присутствия одного тирана, чтобы принять другого; и народ, конечно, заслужил все, что получил, или, скорее, все, что потерял; ведь он наделил деспота многими знаками популярности. Когда ему нужны были деньги, он распахивал двери казначейства, как вор; а когда ему противостояли во имя закона, он рубил все, что вызывало возражения, как мясник .

"Quid times? Cæsarem vehis".

Затем Цезарь отправился в Испанию, но только для того, чтобы быть отозванным с поста диктатора, на который его незаконно выдвинул один из его креатур, претор Лепид. Установив диктатуру за одиннадцать дней, в течение которых он изложил закон по некоторым очень важным вопросам, в том числе о должниках и кредиторах, Сезар оставил свои законодательные занятия и пустился в погоню за Помпеем. Последний направился в Грецию, где первый испытывал большие неудобства, пытаясь управлять передвижениями своей армии. Лишь часть его войск переправилась по воде, и он был настолько нетерпелив из-за неприбытия остальных, что отправился за ними, переодевшись в море на борту небольшой рыбацкой лодки. Ветер был крайне встречным и гнал судно назад с силой, грозившей разбить его, к величайшему ужасу хозяина, когда Сезар, сидевший на корме, напустил на себя суровый вид и воскликнул: "*Quid times? Cæsarem vehis*". "Чего ты боишься? Вы везете Сезара в качестве пассажира". В этот момент судно накренилось, и пятки Сезара внезапно оказались на уровне, на котором за мгновение до этого была видна его голова. Моряк уже собирался потребовать дальнейших объяснений и успел произнести "*Quid?*", как

волна полностью смыла его, и он так и пролежал до конца плавания. Судно отогнали назад, а Сезар, промокший насквозь и в отчаянии, сидел, сжимая попеременно то руки, то тогу.

Вскоре после возвращения в лагерь Антоний привел к нему армию, но провизии было так мало, что солдатам пришлось жить на коре, что доказывает, что незадачливые "псы войны" подвергались самой жестокой нужде. Однако они продолжали жить, не покоряясь, и, похоже, кора делала их еще более резвыми, чем обычно, потому что они бросали часть ее во вражеский лагерь и заявляли, что будут жить на траве; они не собирались складывать мечи, пока оставалось хоть одно лезвие.

Потерпев небольшое поражение, Цезарь расположился в Фарсалии, где его могли заблокировать и уморить голодом, если бы Помпей не подговорил его напасть. Сезар был в восторге от этой неосторожности, плоды которой быстро сказались: армия Помпея была полностью разгромлена, а сам Помпей, отступив в свою палатку, буквально заболел от отвратительного результата своего предприятия. "От того, как мои солдаты повернулись спиной, - воскликнул Помпей своему близкому другу, - у меня прямо живот свело"; и только на следующий день он достаточно оправился, чтобы отправиться через Лесбос в Египет. Там его ждало несчастье: молодой царь Птолемей, вместо того чтобы принять изгнанника с гостеприимством, посоветовал предать его смерти в качестве небольшого комплимента Сезару. Навстречу ему был послан Септимий, римлянин, служивший при Помпее, с указанием нанести удар в спину; не успел жертва почувствовать удар, как, по обычаю того времени, разложил складки своего одеяния по лицу, чтобы, хотя его и убили с позором, он мог очень изящно уйти из жизни. Его жена, Корнелия, ставшая свидетелем этой сцены, уплыла так быстро, как только могла, от этого меланхоличного зрелища, оставив лишь старого слугу по имени Филипп, который должен был не только провести похороны, но и сыграть все роли, которые требовались для этого представления. Он, по сути, и был организатором всей этой печальной церемонии и присутствовал на ней в качестве единственного скорбящего.

По прибытии Сезара в Египет его приветствовали, вложив ему в руку голову Помпея; но тот с отвращением отвернулся и сразу же отбросил свою прежнюю враждебность.

Задержавшись из-за встречных ветров в Александрии, Сезар вступил в спор между Клеопатрой и ее старшим братом Птолемеем, когда молодая женщина, полагаясь на свои способности к очарованию, заставила принести себя, спрятанную в матрасе, [\[76\]](#) в присутствие римского генерала. Выбравшись из-под кровати, она так убедительно просила его о помощи, что он начал войну из-за нее с ее братом, который конце концов упал в воду; таким образом, утонул он сам и все его враги. Клеопатра воцарилась в Египте, и Сезар был настолько поработан ее чарами, что пробыл в гостях девять месяцев; он бы и не оторвался, если бы не известие о том, что Фарнак, сын Митридата, пытается вернуть утраченные владения своего отца. Спеша в Понт, он высматривал врага, выхватывал меч, наносил один решающий удар и в памятных словах "*Veni, vidi, vici*" подавал пример лаконичного стиля, которому с тех пор не последовал ни один автор военных депеш.

К этому времени в Риме начались беспорядки, и, чтобы исправить положение, Сезар был вынужден отправиться в столицу. Битва при Фарсалии вызвала такой энтузиазм - народ всегда готов лизать руку, которая, кажется, способна нанести ему удар, - что Сезар был избран диктатором на один год, консулом на пять и трибуном на всю свою жизнь.

Дело в том, что Рим настолько устал от постоянных состязаний за власть, к которым неизбежно приводит республиканская форма правления, что народ жаждал постоянного

главы и с готовностью принял первого, кого предложили. Считалось, что лучше быть рабами одного деспотичного авантюриста, чем жертвами полудюжины; и даже абсолютизм был предпочтен республиканской системе, из-за которой страна так долго подвергалась ранениям от рук тех, кто пытался вырвать ее друг у друга, не будучи в состоянии управлять ею.

После недолгого пребывания в Риме, во время которого он демонстрировал свою власть, внося различные произвольные изменения в законы и конституцию - ведь в республике принято отдавать весь народ на волю одного человека, - Цезарь отправился в Африку, чтобы подавить там противостоящую ему партию. Он выступил в поход на Утику, которой управлял Катон, который в то время, когда должен был готовиться к бою, стоял на церемонии и вежливо настаивал на том, что Сципион должен принять командование, как человек самого высокого ранга. Сципион, не претендовавший на первенство в поле, заявил, что притворное почтение к его званию - сущая чепуха и что Катон должен занять подобающее ему место. Однако губернатор продолжал настаивать, и Сципион вышел на бой, но, похоже, не убил никого, кроме себя, в то время как Джуба и легат Петрей, два других храбреца с той же стороны, перебили друг друга.

Катон, дрожа за судьбу Утики, созвал собрание сената, который единогласно решил бежать, а правитель отправился домой ужинать. Вернувшись в свои покои, он позвал свой меч, которого нигде не было; он был так раздражен, что жестоко ударил домашних, вернувшихся без пропавшего оружия. В конце концов выяснилось, что "один из молодых господ достал его"; меч принес Катону его старший сын, и он спокойно положил его на ночь под подушку старого господина. Катон лег в постель и заснул, читая один из диалогов Платона. Проснувшись рассвете, он поднялся и, методично закончив чтение диалога, который начал читать ночью, провел рукой по телу. Его помощники бросились к нему и зашили рану; но не успели они отвернуться, как - если верить авторитетам, а мы, признаться, не всегда можем верить - Катон либо распустил многочисленные швы на своем боку, либо снова проткнул себя насквозь и, с комплиментом в устах о совершенстве рассуждений Платона, скончался.

На момент смерти Катону было всего восемь с половиной лет, и поэтому, хотя по природе он был слишком молод, чтобы умереть, он был достаточно взрослым, чтобы знать, что лучше не убивать себя. Более серьезные историки сообщают нам, что "он умер смертью героя и философа"; но, будучи не в состоянии оценить героизм бегства от несчастья, вместо того чтобы встретить его, или философию отказа терпеть то, что нельзя вылечить, мы должны просить, чтобы нам позволили отличаться от серьезных писателей, которые обычно рассматривают самоубийство как предмет для уважения и восхищения. Конечно, Сезар был глубоко потрясен, услышав о смерти Катона, но в те времена такое потрясение было обычным делом, и не было ничего необычного в том, что Сезар стал оплакивать человека, чью смерть он давно предчувствовал.

Победоносный полководец вернулся в Рим, где он мог получить в аренду почти неограниченную власть на любой срок. Он был назначен диктатором на десять лет; и вместо того, чтобы следовать обычной практике тирании, которая злоупотребляет величайшей властью для удовлетворения самой мелкой злобы, Сезар не только не делал никаких запретов, но и объявил всеобщую амнистию. Он отпраздновал четыре триумфа и устроил череду банкетов, ибо знал, что нет более предвещающего ропота, чем тот, что исходит от пустого желудка.

Получив верховную власть, он во многих случаях обращал ее на пользу; среди прочих полезных постановлений он ввел очень ценную реформу римского календаря. Это было

улучшение не только на день, но и на все времена, и имя его автора сохранилось в каждом веке и в каждой цивилизованной стране, в каждом альманахе.

Эти и подобные им полезные занятия были нарушены восстанием в Испании, возглавляемым двумя сыновьями Помпея, Кнеем и Секстом, с которыми он столкнулся в субботу, 17 марта 45 года до н. э., на поле Мунда. Сражение, хотя в конечном итоге и стало решающим, поначалу было сомнительным, поскольку войска Цезаря начали отступать, а их упадок духа так его удручил, что, когда они побежали, он едва не разделался с самим собой, просто силой симпатии. Однако последним усилием ему удалось остановить беглецов и спросить их, не сошли ли они с ума, раз проявляют такое бегство. Его призыв увенчался успехом, и, придя в себя, они бросились на врага. Кней добрался до берега и уже садился на корабль, когда веревка зацепила его за ногу, и он остался привязанным за ногу в самом опасном положении. Попытавшись в течение некоторого времени самостоятельно освободиться от троса, что оказалось совершенно невозможным, он позвал одного из своих товарищей, который попытался перерезать веревку и при этом ранил Кнея. Несчастный попытался бежать, но его преследовали на расстоянии дюйма от жизни, и, естественно, у него не было ни одной лишней ноги; лишившись одной из ног, он, конечно, печально захромал. Он выбрался на берег и только успел отдать ногу в руки врача, как его настиг и убил враг. Его брату Сексту удалось спастись, и он, потеряв надежду на правление, занялся разбойничьим промыслом, который не сильно отличается от правления во времена военного деспотизма.

По возвращении Сезара в Рим его встретили с еще большим поклонением, хотя его победа была одержана над самими римлянами, которые, попустительствуя собственной деградации, стали полностью достойны всех тех актов тирании, жертвами которых они стали. Успех, однако, - это идол, которому поклоняется толпа, пусть объект поклонения будет добрым или злым; и только когда последний сталкивается с падением, которое рано или поздно должно стать его неизбежной судьбой, *Vox Dei* действительно находит отклик в *Vox Populi*.

Однако мы должны с осторожностью относиться к рассказам о ликованиях, которые описываются как сопровождающие диктатуру того, кто настолько полностью подчинил себе свою страну, что убийство или изгнание без суда и следствия стало неременной участью каждого, кто осмелился бы выразить хоть малейшее неодобрение любой из его мер. Нет ничего проще, чем назвать себя "отцом своей страны" и воспользоваться древней привилегией отцовства, лишив жизни тех своих детей, которые могли восстать против его родительской власти. Легко было объявить пятидесятидневный день благодарения и добиться его внешнего соблюдения, когда мгновенная смерть от рук наемника могла стать уделом любого, кто выражал сомнение в том, что ему есть за что быть благодарным. Статуи узурпатора были установлены во всех храмах, но это не было проверкой истинной популярности; ведь если бы вооруженная банда ворвалась в наш дом, силой завладела всем его содержимым, ограбила нас и потратила часть вырученных денег на установку бюста главы бандитов в наших главных апартаментах, это не было бы доказательством того, что он был нашим любимцем. Он провозгласил себя пожизненным императором - поступок не менее дерзкий, чем поступок грабителя, который, ворвавшись в наше помещение, называет себя хозяином собственности. Он объявил свою персону священной - слабое утешение для тирана, который знает, что существует проклятие, которое в конце концов должно обрушиться на всю несправедливость и беззаконие. Он захватил половину магистратур как свою частную собственность, которую должен был раздать сам; а другую половину он фактически захватил, претендуя на выдвижение кандидатов. Фактически он был верховным и единственным хозяином Республики, причем без единого из условий, которые абсолютно

необходимы для постоянства власти. Его узурпация не опиралась ни на закон, ни на мораль, ни на справедливость, ни на разум, ни даже на самую пустую из всех насмешек - целесообразность. Первый же голос общественности, когда он получил свободу слова, должен был ошеломить его криком негодования; а первое же движение народной руки, освободившейся от своего благородного паралича, должно было отбросить его от власти.

Некоторые сторонники жалкого и беспринципного заблуждения, что цель оправдывает средства, указывали на некоторые полезные деяния Сезара в качестве оправдания его узурпации; но то, что добро никогда не может быть результатом зла, показала судьба, которая вскоре постигла диктатора. Его целью, очевидно, была монархия; его сторонник, Антоний, увенчал статую Сезара короной; два трибуна, увидев диадему и поняв, что ее собираются примерить, приказали снять ее снова. Диктатор республики был так оскорблен этим надругательством над символами монархии, что уже собирался предать трибунов смерти, как вдруг ему подсказали, что за это сойдет и ссылка, и он отправил их в изгнание.

Одно из многочисленных наказаний беззакония состоит в том, что его примеру могут следовать в противовес ему самому; и тот, кто использует беззаконие и насилие для достижения своих целей, может обнаружить, что они способствуют достижению его собственных целей, причем в том смысле, которого он не ожидал. Чувства, которые, соприкасаясь с открытым воздухом свободы, образуют полезное дыхание общественного мнения, никогда не могут быть задушены и сдержаны, не порождая дурных и опасных испарений заговора. Этот вредный яд быстро образуется среди поработанного народа, и в конце концов происходит взрыв, который снимает груз угнетения и очищает политическую атмосферу.

Заговор против жизни Сезара формировался уже некоторое время, и группа из шестидесяти человек, возглавляемая Брутом и Кассием, решила его погубить. Диктатор постоянно нацеливался на корону, которую он, возможно, носил бы достойно и безопасно, если бы стремился получить ее честным путем; ведь народ настолько устал от чередования фарса и трагедии республики, что необходимость какой-то постоянной власти, основанной на законе, была признана всеми. Однако он пытался достичь своей цели хитростью плута, дерзостью вора и бесчеловечностью мясника.

Когда государь действительно нужен, можно многое сделать для кандидата, на стороне которого обстоятельства, подкрепленные благоразумием, честью и способностями; но та корона не стоит и часа покупки, которая захвачена силой, мошенничеством и жестокостью. Последней уловкой Сезара, пытавшегося превратить свою узурпацию в право, был предлог, что, согласно Сивиллиным книгам, парфян не может покорить никто, кроме царя, поэтому необходимо сделать его таковым. Сенат должен был собраться для рассмотрения этого вопроса 15 марта в курии Помпея, где сейчас находится дворец Массими.

Профессиональные авгуры уже начали пророчествовать, опираясь на те тени, которые предшествуют грядущим событиям; Сезар был так надут от самодовольства, а народ так долго был его ничтожными рабами, что он почти научился верить, что мир никогда не сбросит атом, попавший на его вершину. Говорят, в день, предшествовавший встрече, его жена увидела неблагоприятный сон; но Цезарь улыбнулся ее предостережениям и сказал, что ее ночной кошмар исходит из какого-то нелепого кобыльего гнезда. Сезар спустился к дому собраний, беседуя рука об руку с консулом Децимом Брутом. Увидев в толпе авгура, который велел ему остерегаться мартовских ид, Цезарь с улыбкой заметил: "Вот они, а вот и я", на что прорицатель ответил: "Подожди, пока они уйдут, и тогда где будешь ты?".

Тайна заговора, доселе хорошо хранившаяся, теперь стала сочиться во все стороны; почти каждый, кого встречал Сезар, совал ему в руку бумагу или шептал на ухо, но он ничего не читал и не слушал.

При его появлении сенаторы встали; когда он занял свое место, заговорщики столпились вокруг него, пока один из них, Метелл Цимбер, не подошел к нему довольно навязчиво, с просьбой. Сезар слегка подтолкнул его, чтобы тот держался на расстоянии, и Цимбер, словно желая поймать себя, ухватился за тогу диктатора, что было условленным сигналом. Каска тут же ударил его ножом в шею, Кассий ответил ударом в ребра, а Брут поднял руку с кинжалом, когда Цезарь, воскликнув: "*Et tu, Brute!*" - "И ты! Ты, Brute!" - зашатался у подножия статуи Помпея, чтобы, умирая, изобразить сцену.

Республика была фактически, если не номинально, прекращена, хотя убийцы Сезара еще вели слабую борьбу, бегая по улицам и провозглашая, что они убили царя, но не получали за это никаких похвал. Антоний, напротив, произвел огромную сенсацию, продемонстрировав ту же тогу, в которой упал Сезар, и просунув десять пальцев через вдвое большее количество отверстий, которые, как он заявил, были сделаны кинжалами убийц. Не удовлетворившись гардеробом Цезаря, Антоний присвоил деньги покойного; и пока вдова, убитая горем, лежала, уткнувшись лицом в руки, друг ее покойного мужа уносил все, что попадалось ему под руку. Антоний был одновременно хватким и расточительным, отдавая одной рукой то, что выхватывал другой, и покупая за бесценок то, за что не имел возможности заплатить.

Его соперником в борьбе за верховную власть был Октавий, сын дочери сестры Цезаря, который, не имея иных полномочий, кроме как быть племянником своего дяди, имел наглость претендовать на абсолютное господство над великим, но разбитым духом народом. У этого человека не было ни характера, ни мужества; и хотя он боялся оставаться в темноте, он еще больше боялся света, так как чувствовал, что на его собственные действия не стоит смотреть. Его трусость оказала на него обычное воздействие, сделав его жестоким; и хотя ничто, кроме его имени, не делало его любимцем армии, он предал солдат позору, обратив оружие против своих сограждан. Постоянно используя имя своего дяди, он сумел увлечь народ, который искал только постоянства в своих институтах; и в конце концов Антоний был покорен, скорее благодаря своей собственной слабости как сладострастника, чем силе своего противника, империя перешла в руки Октавия. Ему был присвоен пожизненный титул императора, и он сохранил его до самой смерти - это обстоятельство следует отнести на счет убеждения, доведенного до народного сознания, что постоянная смена главы государства является источником постоянной опасности для мира и счастья всего общества.

Конец Юлия Цезаря.

ССЫЛКИ:

[75] Те, кто сомневается в точности этого описания, могут обратиться к "Жизни Красса" Плутарха.

[76] Эта история о матрасе, хотя и рассказанная с серьезностью, несколько сомнительна и вряд ли стоит той соломы, которая в ней задействована.

ЛОНДОН: БРЭДБЕРИ И ЭВАНС, ПЕЧАТНИКИ, УАЙТФРАЙЕРС